

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Гай Юлий Орловский

Фантастика

Длинные Руки — буриграф

Я миноюл городские ворота,
сердце спечет в нетерпении,
и вот падуто бескрайним соленым
морем, великолепные парусники
теснятся у порога, сотни
грузчиков таскают товары
с кораблей на склады.

Конские копыта конец-то
загрохотали по темным
сводам! Пес взб
на палубу первым
корабль раска
появляется из

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки

Ричард Длинные Руки — воин Господа

Ричард Длинные Руки — паладин Господа

Ричард Длинные Руки — сеньор

Ричард де Амальфи

Ричард Длинные Руки —
властелин трех замков

Ричард Длинные Руки — виконт

Ричард Длинные Руки — барон

Ричард Длинные Руки — ярл

Ричард Длинные Руки — граф

Ричард Длинные Руки —
бургграф

Баллады
о Ричарде. Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФицФорд
Длинные Руки —
буриграф

ЭКСМО
Москва, 2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 **Орловский Г. Ю.**
Ричард Длинные Руки — бургграф: Фантастический роман / Г. Ю. Орловский. — М.: Эксмо, 2006. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-18130-X

Я миновал городские ворота, сердце стучит в нетерпении, и вот пахнуло бескрайним соленым морем, великолепные парусники теснятся у причала, сотни грузчиков таскают товары с кораблей на склады.

Конские копыта наконец-то загрохотали по толстым сходням! Пес взбежал на палубу первым, корабль слегка покачивается на волнах, но Пес держится так же уверенно, как и на земле.

Даже... еще увереннее!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18130-X

© Орловский Г. Ю., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Часть 1

Глава 1

Раньше мне казалось, что короны носят только короли. Ну, еще принцы и принцессы. Но вот с удивлением обнаружил, что вообще-то и я имею право на целых три: баронскую, виконтью и графскую. Разница между ними в том, что в короне барона на венце или по краю обода шесть жемчужин, расположенных на равном расстоянии одна от другой, в короне виконта — шестнадцать шариков, а в графской — восемь, но зато между штырьками у графьей гравер должен расположить золотые листья клубники.

То, что на моей короне, мало похоже на клубнику, но и я, если честно, не силен в гербарии. Какие листья узнаю, то лавровые, в моем супе их всегда столько, что просто не знаю, за какое животное меня принимают.

Но сейчас какие там короны, ветер треплет волосы, мифриловый шлем закреплен у седла, доспехи в седельном мешке. Зайчик идет ровным красивым галопом, он может и намного быстрее, но я скромный, не в моих интересах привлекать внимание. А если совсем уж в лоб, то не хочу раскрывать козыри первым встречным-поперечным.

Пес то убегает далеко вперед, то отстает, то рыскает по сторонам, однако всегда отыскивает нас безошибочно. Да и слух у этого чуда: с какого бы конца света ни позвать — примчится.

Итак, я ко всему прочему еще и граф. Граф Валленштейн, наследник герцога Готфрида Валленштейна, правителя герцогства Брабант. Хорошо это или плохо, задумываться было некогда. Барахтался, чтобы выжить да по возможности выполнить заодно просьбу умирающего собрата, убитого в спину рыцаря. Наверное, рыцаря, судя по его одежде и благородному облику.

Но сейчас я граф, а это, как ни удивительно для не совсем умных, обязывает. Беда в том, что всю жизнь удавливал от обязанностей и сейчас вовсе не горю жаждой взвалить их на свой плечи. Ну хоть какие-то, даже минимальнейшие. Мне бы права и только права, я человек с нормальной психикой: на обязанности — серп и молот, а вот права подай все и немедленно. А то еще что-нить могу потребовать, а нет — устрою им оранжевую, тюльпановую, картофельную. С битьем стекол и переворачиванием по всей улице... гм... экипажей.

Насколько помню, герои Отечественной войны Радевский и Ермолов отказались от предложенных им графских и княжеских титулов, они, дескать, и без этой мишуры родовиты. Однако это исключение, а так титулы обычно принимают с жадностью, целуют дону руку с кольцом, титулами бахвалятся, титулы передают потомству, причем — всегда по мужской линии, а если та пресекается, то передают по другим линиям родства, нередко самым причудливым. При этом все понимают и одобряют необходимость сохранить старинную и прославленную подвигами фамилию. В исключительных случаях идут даже на прямое усыновление, если не удается отыскать хотя бы завалащего родственника в двадцатом колене.

Если не ошибаюсь, в России тоже было подобное с умирающими старинными родами, но передавался не титул, а только титулованная фамилия. А я вот попал под интересную раздачу, отныне уже Валленштейн... Не знаю, передал бы мне герцог Готфрид этот титул, если бы уже знал о своем малолетнем сыне, но что сделано, то

сделано, и свинством с его стороны было бы переигрывать ситуацию! Да и мне самому попробовать вернуть титул герцогу взад — смертельно оскорбить как его самого, так и всю его семью.

Сердце болезненно сжалось: обидел я нежно-колючую леди Дженнифер... Скачу через камни и поваленные деревья, а перед глазами ее бледное лицо с трагически расширенными глазами. Уже несколько часов стараюсь настроить себя на беспечный лад: все закончилось, все благополучно, я вывернулся целым и даже кое-что прихватил, но все равно гадко, словно обидел ребенка...

Холод, жестокий и внезапный, пронзил коротко и резко, будто я на всем скаку напоролся на стену из ледяных копий. Не раздумывая, я свалился с коня, на ходу хватаясь за рукоять меча и за молот.

Над головой пронеслась темная птица, снова ударило холодом, дико заржал Зайчик. Я сильно ударился плечом, перекатился вниз по склону. Голова чуть не взорвалась, когда разом задействовал все добавочные возможности, а также тепловое и запаховое зрение.

На вершине ближайшего бархана шагах не больше чем в тридцати поднялся багровый человек, таким вижу в термозрении, в руках хрустальная чаша с дымком над сдвинутой крышкой.

— Сдохни, — прохрипел я.

Рука моя из последних сил метнула молот. Я упал лицом вниз, приступ тошноты вывернул желудок, но в голове чуть посветлело.

Молот унесся, исчез, пропал, а потом больно врезал рукоятью по плечу и бухнулся на песок. Я поднял с трудом, такой тяжелый, поднялся. На вершине холма Пес обнюхивает осколки разбитой чаши. Опаленная невидимым пожаром земляная вершинка голая, как колено, Зайчик жалобно ржет и выворачивает шею, глаза испуганные, дикие. Кожа его, всегда идеально гладкая и блестящая, как черная эпоксидная смола, сейчас дымится на боку, там язва шириной в две ладони.

Я бросился сперва к Бобику, там следы сапог большого размера, осколки хрустяля и медный ободок. Теперь вспомнил, что слышал изумленно-яростный и одновременно горестный вскрик, который все больше кажется знакомым.

— Адальберт! — вырвалось у меня.

Пес завилял хвостом и посмотрел с ожиданием и готовностью броситься за этим Адальбертом. Я покачал головой, подозвал Зайчика и возложил ладони на его подрагивающий от боли бок.

Новый приступ холода пронзил тело, Зайчик дернулся, жалобно заржал, но тут же утих и посмотрел на меня с великим удивлением и благодарностью.

Чудовищная рана на глазах затягивается, я ухватился за седло, пережидая дурноту и слабость. Когда открыли глаза, Пес уже мчится ко мне с виноватым выражением на морде.

— Он же колдун, — сказал я ему хрипло, — чего ты хочешь? Мало ли что косил под великого воина... Я вон тоже рыцарем прикидываюсь. А ты — собакой...

Зайчик тихо посопел над ухом, напоминая, что он тоже прикидывается, а какой из него конь, даже подумать такое противно...

Я сел прямо на землю, рана на боку Зайчика затянулась, края блестящей кожи сошлись, никаких следов, никаких шрамов. Пес носится кругами и обнюхивает все следы, а я торопливо вытащил из сумки хлеб и мясо, жадно поел, восстанавливая силы.

— Это у кого-то обед не еда, а время дня, — объяснил я. — А у нас, царей природы, обед тогда, когда возжелаем.

Пес посмотрел с сомнением: тогда почему не едим с утра до ночи? Зайчик тепло посопел над ухом, я не глядя, погладил по вытянутой, как у интеллигента, морде. Сильно же эта сволочь его ранила. Если учесть, что лезвия простых мечей отпрыгивают от шкуры Зайчика, как от резины, то Адальберт ударил чем-то очень... опасным.

Тошнота ушла, как только я вернулся к нормальному

зрению, но еще с полчаса посидел, задействовав чувство опасности, собираясь с силами. Адальберт жив, но убрался с великой поспешностью. Молот ранил его или сильно ушиб, а главное, разбил колдовскую чашу. Адальберт, похоже, не чистый колдун, чтоб одними заклятиями и мановением рук, для колдовства ему надо что-то материальное из арсенала магов.

Если так, повторной атаки сейчас не будет. Рассчитывал уничтожить меня внезапным ударом и преуспел бы, спасло обостренное чувство опасности, которым наградили предки Валленштейнов...

— Зайчик, — прошептал я, — ты как, мой жеребеночек?.. Надо ехать дальше.

Через полчаса быстрой езды высокая цепь холмов отодвинулась. Далеко впереди на вершине горы заблистал в прямых солнечных лучах рыцарский замок.

И почти сразу вспыхнули красным на солнце черепичные крыши расположенного под горой города. Зайчик ржанул, а любопытный Пес ринулся вперед. Я ругнулся: еду в сторону города по бездорожью, а рядом тянется настоящая широкая и хорошо протоптанная дорога. По ней в город движется плотная цепь из телег и подвод, идут вереницы навьюченных лошадей, ослов, верблюдов. Ветер донес свежий запах зелени, пахнуло молоком, сыром, свежим творогом, медом. В огромных корзинах везут живую птицу. Вообще-то на рынок с рассветом приезжают, а не среди дня, проспали торговцы. Или торговля идет так бойко, что спешно довозят, дабы не терять прибыль.

Даже на расстоянии всеми фибрами ощутил аромат простой деревенской жизни, что вносит свежую струю в суетливый и загаженный город.

В стороне от дороги, как примета этого края, пологие песчаные барханы. Их немного, да и те, похоже, оседают под напором жесткой травы, что ухитряется приживаться и на песке, запуская невероятно длинные корни в самые недра земли в поисках влаги. А еще как примета —

древние развалины, за которыми возвышаются стены нового города.

Руины наполовину засыпаны песком цвета расплавленного золота. Целое море из скал и могильников, но, если присмотреться, скалы оказываются остатками то ли древних башен, то ли крепостных стен чудовищной толщины.

Полузасыпанное песком, смотрит в небо слепыми глазами каменное изваяние женщины размером ненамного меньше, чем статуя Свободы. Даже дорога пугливо делает крюк, чтобы не приближаться слишком близко. Вся целиком высечена из серого гранита, самого прочного камня. Время испещрило вмятинами и выбоинами, обращенное к небу лицо почти плоское: ветры и бури сгладили острые черты почти до полного исчезновения, но чудится, что все равно пристально и настороженно следит за космосом.

Зайчик идет споро, но не слишком, он неотличим от добротного боевого коня, только крупнее и массивнее, а Пес просто пес, разве что неимоверно огромный, но сразу видно, что дурак: носится за птичками, высунув, язык, будто сможет догнать, таких собак обычно не боятся даже взрослые.

Я выехал на эту главную дорогу, у ближайшего возницы поинтересовался:

— Это и есть портовый город?

Он оглянулся, кивнул нехотя.

— Да, ваша милость.

— Моря не видно...

— Оно там, с той стороны, — ответил он все с той же неохотой. — Город в бухте...

— А-а-а, понятно. Кстати, как зовется город?

Он посмотрел на меня с некоторым недоумением:

— Как и назывался раньше...

— А как раньше?

— Да как и теперь, — ответил он туповато. Подумал и разъяснил: — Тараксон, как же ишшо?

— Спасибо, — ответил я, ибо благородный человек вежлив даже с собакой, не только с простолюдином.

Зайчик прибавил ходу, мы понеслись вдоль телег, вдыхая ароматы деревенской жизни. Городские ворота приближаются охотно, створки распахнуты. У входа рядом со стражниками два горожанина в небогатой одежде, но с цепями на груди и другими знаками отличия приближения к власти.

Глава 2

Телеги с товаром быстро оглядывают, взимают пошлину, но некоторых, к моему удивлению, пропустили беспощадно. Я подивился, уплатил мелкую монету за топтание земли города и безопасность в его стенах, поинтересовался у местного аналога таможенной службы:

— А не проезжал ли через эти врата совсем недавно мой старый друг... он такой рослый, волосы и борода чернее ночи... И вообще у него такая борода, что он весь борода, только нос торчит да глаза блестят...

Горожанин ответил невозмутимо:

— Не помню что-то.

Я сунул ему серебряную монету.

— А как сейчас память?

Он ответил живо:

— Просветление, клянусь богом, это чудо какое-то!..

Только что въехал через эти врата. Если поторопитесь, то догоните, если он поехал прямо, а не свернул...

— В чем он одет? — спросил я.

— Да во что-то белое, — ответил таможенник с пренебрежением, — будто купец какой, хотя сложение у него бойца, да и ухватки... А на лбу такой стальной обруч...

— Спасибо, — сказал я, — пойду догонять.

Получив монету неофициально, он не стал брать плату за Пса, все равно те деньги пойдут не ему, а мы проехали под арку ворот.

Обруч на лбу — характерная примета Адальберта, так

что таможенник не соврал ради монетки. А в таком большом и шумном, даже чересчур шумном, на мой взгляд, городе затеряться нетрудно. А потом ударить в спину.

У одного из горожан, выглядевшего умнее остальных, осведомился:

— Уважаемый... а как поживает господин Тартарен?

Он опасливо посмотрел на Бобика, но тот сел перед ним и смотрит с ожиданием: будут ли с ним играть. Горожанин наморщил лоб, подвигал бровями, взгляд был сперва задумчив, затем стал совсем озадаченным.

— Гм... а он должен здесь проживать?

— Обязательно, — заверил я.

Он снова впал в задумчивость, наконец со вздохом развел руками.

— Сожалею. Я знаю всех знатных господ, но названного вами господина нет в числе жителей.

— Как нет? — ответил я. — Должен быть! Без Тартарена нет и Тараксона.

Он покачал головой:

— Судя по вашим словам, это довольно известный человек, а я перебрал уже и всех простолюдинов и слуг. Увы, господина Тартарена нет, очень сожалею.

Я почувствовал себя обманутым.

— Тараксон есть, а Тартарена нет?.. Да кому этот Тараксон нужен без Тартарена? Он и держался только на Тартарене... Не удивлюсь, если в один день вдруг исчезнет...

Горожанин побледнел, торопливо сплюнул через плечо, перекрестился и сделал еще несколько жестов, отгоняющих демонов, богов, чужих богов и божков, эльфов, банши и прочих фей.

— Что вы такое говорите? Вас даже слушать страшно!

Я пожал плечами:

— Мне всегда казалось, что одно без другого быть не может. Есть вещи настолько взаимосвязанные... К примеру, если бы вдруг не стало Гамлета, то кому на фиг нужна эта Дания?..

Он остался, озадаченно глядя нам вслед, а я осторожно поехал по людной улице по направлению к центру. Бобик шел рядом, понимая, что пугать народ не стоит, это не гуси на берегу озера. Какой-то слишком торговый город: лавочки гостеприимно распахнули двери чуть ли не в каждом доме. Представляю, что творится в центре или на том месте, где рыночная площадь. Двери трактирсов тоже распахнуты, оттуда вопли, песни, музыка, на крыльце подгулявшие вызывающе разглядывают прохожих, выискивая, с кем бы подраться.

Я миновал не больше десятка домов, а мимо проплыли уже два заведения с красными фонарями. И в профессии женщин, что хохочут и строят глазки прохожим, можно не сомневаться.

Слегка озадаченный и заинтригованный, я возвышался в седле, на лице рассеянно-благожелательная улыбка, я самый мирный человек на свете, только иногда подпускаю на лицо суворости, когда слишком уж пристают с предложениями что-то купить или, наоборот, продать: коня, собаку, седло, одежду, меч... что за торговый город!

Тепловое или запаховое зрение я должен, как говорится, включать нехилым волевым усилием, зато чувство опасности бдит на автомате, Адальберта вблизи не замечено, с явной неприязнью на меня никто не смотрит. Можно бы расслабиться, но я из такого времени, где постоянно говорят о расслаблении, но расслабиться никому не удается при сумасшедшем темпе. Здесь темп просто сонный, но мне себя уже не переделать...

Возле одного из домов трое или четверо дюжих мужчин, здорово подвыпивших, остановили женщину, прижали к стене и с пьяным гоготом пытались задрать ей платье. Она отбивалась с неожиданной силой, одному кулаком расквасила нос. Тот с дикой руганью ударил ее ладонью по лицу. Голова женщины мотнулась в сторону, в сторонке кто-то предостерегающе закричал, что позо-

вет стражу. Женщина устояла, только из ноздрей потекли тонкие красные струйки.

Бобик зарычал и с надеждой посмотрел на меня. Зайчик тоже остановился, будто и его раздирают противоречивые чувства. Обязанность рыцаря — защищать всех слабых и беззащитных, особенно женщин и детей. Это вроде бы аксиома, но в то же время на свете столько беззащитных, что всех не наспасаешься. Будешь спасать без сна и отдыха, пока сам от голода и недосыпа не откинешь копыта. Эта мудрость позволяет нам терпеть трамвайных хамов, отворачиваться от наглецов, оскорбляющих женщин на улице, обходить стороной драку, где трое бьют одного.

Вздохнув, я повернул коня в их сторону, сказал негромко:

— Бобик, сидеть!.. А вы, герои, оставьте женщину в покое.

Ударивший женщину вскинул голову, крепкий такой братан, самая древняя и вечная порода. Узкие глазки под нависающим лбом неандертальца сумели как-то выпучиться.

— Эй, благородный... а тебе не все равно?

«Вообще-то все равно», — ответил я мысленно, но вслух из меня что-то сказали:

— Ты меня слышал. Потому повторять не стану.

Он смотрел оценивающе, на лице пропустило недоумение. Оглянулся на дружков, их четверо, я один. И хотя бывают случаи, когда один побивает десятерых, но это если колдун или огр, а я не выгляжу ни тем, ни другим. Но все-таки он недаром вожак, такие стремятся к победе, а не к драке, сказал властно, чуть повысив голос:

— Вот что, рыцарь. Ты ведь рыцарь? Езжай дальше.

Второй, ухмыляясь, грубо схватил женщину за волосы. Не меняя выражения лица, я выхватил меч. Блеснуло лезвие, отрубленная кисть повисла на женских волосах, а бандит тупо уставился на обрубок, откуда сразу в три струи брызнул темно-красный поток.

— Последнее предупреждение, — произнес я тем же голосом, хотя сердце уже колотится, а страх холодит кожу в ожидании неприятностей. — Дальше буду снимать головы.

Браток заорал, стал хватать обрубок другой рукой, остальные ошалело смотрели то на меня, то на калеку. Тот наконец повернулся и побежал по улице, задевая стены. Женщина в испуге тряхнула головой, рука отцепилась и упала на землю.

Оставшиеся братки заворчали, но начали отступать, не сводя с меня взглядов. Один прорычал:

— Ты дурак... Не знаешь, с кем связываешься...

— Знаю, — ответил я.

Браток вытаращил глаза.

— Знаешь? А ты... кто?

— Человек, — ответил я. — А ты — говно.

Он отступил еще, злобная улыбка заиграла на губах, и все так же, не сводя с меня горящих злобой глаз, прорычал:

— Ты дурак, чужестранец. И тебе конец. Это мы здесь хозяева.

Он кивнул своим, все разом повернулись и бросились прочь. Женщина вскинула голову, я только сейчас рассмотрел ее лицо: покрытое ровным загаром, темные, как спелый терн, глаза, такие же темные и широкие брови, почти сросшиеся на переносице, недлинные черные смолистые волосы. Она смотрела с испугом и надеждой, я кивнул, молча объясняя, что все конечно.

Она сказала торопливо:

— Спасибо, добрый господин!.. Вы очень великолепны.

Я отмахнулся:

— Пустяки.

— Но не для нас, — сказала она. — Пусть Господь воздаст вам, ибо не в моих силах отблагодарить вас.

Я перекрестился и сказал громко:

— Возможно, это Господь и надоумил меня проехать именно этой дорогой и в этот час, чтобы моей рукой покарать злодеев?

Среди собравшихся зевак пронесся легкий заинтересованный говорок. Я свистнул Бобику, по обе стороны поплыли дома, улица послушно ведет в направлении порта. За спиной народ оживленно обсуждал случившееся, но я выехал на другую улицу, здесь другой люд, хотя все те же лавки, распахнутые двери кабаков, таверн, а также заведений с красными фонарями... Что-то, на мой взгляд, их слишком много. Да и не должны вот так в центральной части. Обычно эти дома прячутся на окраине. А так как это портовый город, то все должны быть там, в порту, или рядом.

Навстречу посреди улицы идут двое стражников. Громко топают, даже нарочито громко, как мне показалось. Перед ними расступаются. Оба рослые, в неплохих доспехах: один в добротной коже, а второй, что постарше, и вовсе в железном панцире и металлических налокотниках и наколенниках.

Завидев меня, остановились, хотя я вроде бы еду спокойно и тихо, никого не задевая. Хотя, понятно, есть на что посмотреть: мои совсем не средневековые размеры неизменно привлекают внимание не меньше, чем мой Зайчик. Да и на Бобика обычно смотрят со страхом и опаской.

Старший внимательно посмотрел на Бобика, потом на меня. Вскинул повелительно руку, я послушно, но словно бы по своей воле, так восхотелось, остановил коня.

— Что случилось? — поинтересовался я. — Я не заплатил в воротах за проезд?

Старший покачал головой, я обратил внимание, что его напарник смотрит на меня со смесью трусости и наглости.

— Думаю, заплатили, — ответил он с рассчитанной

ленцой, словно делая одолжение. — Иначе бы вас не пустили. У нас с такими разговор короток...

— Да? — поинтересовался я. — Это как же?

Он ухмыльнулся и ответил с явным удовольствием:

— Постановление городского совета гласит: всякий, не уплативший пошлину, будь он сам герцог, не должен быть пропущен через городские врата. А если кто попробует войти силой, того связать и доставить в тюрьму.

Вокруг нас уже останавливался народ. На стражей, как и на меня, посматривали с боязливым ожиданием.

— Круто, — ответил я, но если ожидают от меня взрыва благородного возмущения, то жестоко просчитались, я вообще-то за соблюдение законов. Особенно тех, которые мне соблюдать ничего не стоит. — Что ж, демократия в действии. Ну ладно, а ко мне какие претензии?

Старший снова смерил недружелюбным взглядом мою рослую фигуру на очень рослом коне.

— У нас мирный город, — сказал он громко. — Здесь сразу вешают воров и разбойников...

Я прервал резко:

— Мерзавец! Думай, что говоришь! Иначе я снесу твою дурную башку, и городской совет меня тут же оправдает!

Он несколько смешался, но не отступил, сказал с тем же вызовом:

— Я хочу сказать вашей милости, что у нас все по закону. И если вы вздумаете размахивать мечом по праву благородного, то увидите, что для городского суда нет разницы... кто перед ним стоит. Только это я и хотел сказать.

Я посверкал глазами, пораздувал ноздри, пусть все видят, что я с великим трудом удержался от вспышки гнева, а стражи тоже люди и не хотят кровавой рубки, во время которой даже не успеют позвать на помощь. Народ переговаривается, уже видны разочарованные лица. Всем хочется звона мечей и брызгающей крови, эти пустячки вносят приятное разнообразие в вообще-то скуч-

ную жизнь, но по моему виду понятно: благородному рыцарю просто лень переругиваться с простолюдинами.

Зайчик, ощущив толчок коленом, двинулся вперед, Бобик чинно держится рядом, я с высоты седла стараюсь взирать бесстрастно и малость надменно, все-таки благородного человека безошибочно угадывают уже по его великолепному коню, а благородный и выглядеть должен соответственно.

Из распахнутой двери вылетел кубарем мужик в разорванной одежке. Следом выглянули двое крепышей, отряхнули ладони и одежду, разом повернулись и пропали в ярко освещенном зале, откуда крики, смех, вопли, ругань, песни и топот пляшущих.

Зайчик переступил через распостертое, тот поднялся и, не отряхиваясь, с диким ревом бросился обратно. Я покачал головой, что за город, что за город, куда церковь смотрит, с утра столько пьяных, а вдоль улицы выстроились женщины легкого поведения...

Глава 3

Громыхая железом, из-за угла вышли трое стражей. Когда женщине нужна была помочь, их не найти, а сейчас так и снуют, за мной следят, что ли? Впереди рослый и явно третий мужик, лицо в шрамах, но уже успело обрюзгнуть на сытых харчах, расположено и обрело нездоровую бледность сильно пьющего человека. Грудь и спину защищает стальная кираса, да еще широкие стальные наручники укрывают от кисти до локтей, штаны кожаные, сапоги с металлическими подковками, пояс широк с неизмеримо огромной пряжкой в виде небольшого щита. Судя по выдавленным знакам, это не просто пряжка, а еще и знак различия. Или должности.

Он остановился посреди улицы, загораживая дорогу, двое тут же остановились у него за спиной, а потом чуть разошлись в стороны. Старший смотрел на меня хмуро и недоброжелательно, стараясь усмотреть во мне только

что сбежавшего из тюрьмы мошенника, растлителя и душителя.

— Я начальник городской милиции Саклер, — сообщил он сиплым пропитым голосом. — Что-то я вас раньше не видел. Вы в город надолго?

— Подумаю, — ответил я надменно.

— А из каких краев?

— Дальних, — ответил я с некоторым раздражением. — А в чем дело?

— Интересуемся, — ответил Саклер вроде бы смиренно, но я уловил не свойственную простолюдинам дерзость во взоре и неуступчивость в голосе. — У нас город мирный, у нас строго бдят, чтобы все тихо...

— Хороший у вас город, — сказал я с одобрением с высоты седла. — Но я при чем?

— У вас, ваша милость, боевой конь, бойцовский пес и оружие, какое поискать...

— И что?

— Люди с таким оружием всегда ищут, как бы им кого...

— Ты не дурак, — сообщил я ему, — понимаешь людскую породу. В каком полку служил? Впрочем, теперь неважно, кому ты служил... Важно, что у меня здесь нет противников, а дерусь я с людьми не ниже званием, чем у меня самого. Так что не трусь, я не побеспокою городские власти.

Он выпрямился, даже попытался посмотреть вот так с земли на всадника свысока.

— Милиция не трусит, ваша милость, — ответил он дерзко, — как я уже сказал, мы здесь не смотрим, кто благородный, а кто нет.

— И это наполняет тебя счастьем? — спросил я с интересом. — Выискиваешь, как бы плюнуть под ноги благородному?.. Ладно, посторонись, невежа. А будешь хамить, никакие городские власти не спасут твою голову.

Он поколебался, на карте его репутация начальника милиции, да и народ на улице, а также из окон следят за

каждым его движением и ловят каждое слово, однако правда и то, что городские власти станут спорить с благородным лордом из-за чего-то стоящего, но никак не из-за простого стражника. Пусть даже начальника городской стражи. Нет, милиции... а это что-то для меня новое.

С большой неохотой отойдя в сторону, он каждым жестом показывал, что подчиняется только закону, но никак не какому-то чужаку на коне. Я пустил коня прямо, народ оживленно переговаривается, Саклер сказал уже почти в спину:

— Езжайте, ваша милость. Но мы будем присматривать за каждым вашим шагом.

Я с угрозой повернулся в седле:

— Что-о?

— У нас мирный город, — повторил он дерзко, — а с оружием ходит только городская стража.

Я ответил не оборачиваясь:

— Любезный... дурак, если хочешь разоружить, то попытайся. Думаю, то, что от тебя, дурака, останется, можно будет сложить в детское ведерко.

Зайчик пофыркивал и мотал гривой, Пес перебегает с одной стороны улицы на другую, нюхает, но ничего не метит. Вот здесь ты и попался, сказал я ему, какой же кобель пропустит угол дома или дерево, чтобы не обрызгать? А ты только запахами интересуешься. Даже всякую дрянь не подбираешь, какая же ты собака? Не Шерлок Холмс я, и то засек...

Я оглянулся, угрозы — всегда неприятно, даже тревожно, пусть даже сперва от такой швали, как те пьяные бандиты, а потом от стражи. Пусть даже пустые угрозы. Все-таки, каким боком ни поверни, я таким не по зубам. Но все равно тревожно.

Зайчик, повинуясь едва заметному нажиму колена, бодро пошел рысью по непривычно широкой улице в сторону, где из-за домов выглядывает лес мачт.

Мимо проплывает дом с распахнутыми настежь дверь-

ми, изнутри яркий свет, веселые песни, запахи вина и по-та. Я в непонимании уставился на человека у дверей, профессия угадывается с первого взгляда: вышибала. В любом трактире находятся гуляки, которых приходится вы-проводаживать силой, и не всегда есть смысл бежать за городской стражей. Тем более что посетители обычно не любят представителей власти и предпочитают, чтобы конфликты разрешались без них.

Так вот этот вышибала, крупный и уродливый, как абсолютное большинство вышибал, все-таки слишком крупный и уродливый, чтобы быть... человеком.

Тролля я не сразу признал только потому, что тот одет в добротную куртку, шитую явно по его фигуре. На нем широкие штаны, достаточно просторные, чтобы скрыть кривые ноги, и огромные башмаки.

Стоит неподвижно, тролли так могут часами, у них другой метаболизм, из-за чего при всей чудовищной силе они часто проигрывают более проворным человекам. Но, правда, пьяные люди двигаются едва ли быстрее троллей, так что усмирять их и выбрасывать на улицу троллю ничего не стоит.

Я придержал Зайчика, а Пес тут же подошел к троллю и оглянулся на меня с немым вопросом в глазах: можно? Я вздохнул и покачал головой. А вдруг этот тролль уже отошел от оппозиции и служит правоохранительным структурам?

На меня засмотрелись двое горожан, один проследил за моим взглядом и спросил с интересом:

— Что-то не так? Вы издалека, благородный сэр?
— Очень, — пробормотал я. — У нас такого не водится.

Он кивнул с довольным видом.

— Да и здесь это на грани нарушения закона. Пока они только у нас, в Тарасконе. В других городах троллей, понятно, нет. А здесь это диковинка. На них взглянуть приезжают из других мест... Дивятся, что мы их приспособили для работы.

Он ухмыльнулся, второй откровенно заржал, я закончил фразу первого:

— И тоже оставляют свои денежки в этих злачных местах?

Горожанин продолжал ухмыляться, но уголки рта опустились, улыбка превратилась в оскал.

— Мы стали богаче, — сказал он хмуро, — намного богаче, чем были когда-то. Теперь бы собрать все накопленное и уехать в какой-нибудь другой городок, чистый и добропорядочный.

В голосе звучала неподдельная тоска, я спросил с любопытством:

— А кто мешает?

— Не кто, а что, — буркнул он.

— Что мешает? Вы ведь не танцор?

Он угрюмо смолчал, объяснил за него приятель:

— Это затягивает. Как и деньги, что перепадают без особых усилий, так и все это... Доступные женщины на каждом углу, возможность напиться до чертиков и не быть выставленным у позорного столба на городской площади... свобода от посещения церкви... а еще то, что здесь запрет церкви на азартные игры не действует. Вернее, никто еще не отменял, но никто и не соблюдает.

Я спросил:

— Городские власти получают большой налог с домов, где азартные игры?

Он посмотрел с уважением:

— Вы сразу смотрите в корень.

— Экономика, — пробормотал я. — Слово сказала экономика. Может быть, слишком рано... И впервые ее слово оказалось громче, чем у слабеющих понятий чести, совести, благородства, верности... Гм, что-то я заговорил, как Аркадий Аркадиевич. Заболел, наверное.

Зайчик пошел дальше, навстречу мощно и волнующе пахнуло огромностью моря. Вынеслась стая худых чаек с их непомерно острыми крыльями и красноутиными лапами, но как-то сообразили, что рыба на сушке не водит-

ся, поспешно сделали крутой поворот, запрокидываясь в нашу сторону узкими и плотно поджатыми к пузу лапами, умчались обратно.

Набережная показалась чересчур узкой, тесной и заставленной всякого рода товаром. В то же время народ снует в обе стороны, как деловитые муравьи, звонко выкрикивают приглашение обновить обувь чистильщики сапог, радушно зазывают в распахнутые двери таверн привратники, соленый морской воздух странно и волнующе смешиается с ароматами жареного мяса, хлебных лепешек, печеної рыбы.

Выделяются красными фонарями дома, где через перила свешиваются, зазывая народ, пышные женщины с ярко разрисованными лицами. Платья и без того широкие, как колокола, а стоя вот так на высоком крыльце, демонстрируют проходящим внизу мужчинам, что для изобретения трусов время еще не пришло.

Корабли, на мой взгляд, даже больше похожи на современные, чем на причудливой формы галеоны, на которых бороздили волны Колумб, Магеллан и всякие васькодагамы: продолговатые, пузатые и вместительные, потому что корабли предназначены для перевозки грузов, будь это люди, кони или мешки с золотым песком. Все со спущенными парусами, из-за чего кажутся мертвыми, хотя у некоторых на палубах появляются люди.

Здесь другой мир: множество складов, цепочки сгорбленных грузчиков несут в открытые ворота мешки с товаром, тюки, рулоны ковров. Прохладнее настолько, что я зябко передернул плечами: даже конские копыта то и дело ступают по лужам или грязи.

Ко мне сразу начали присматриваться босяки, по-прошайки, одинокие женщины с бесстыдно подколотыми к поясу подолами. Так оголяется часть ноги, но при порывах ветра, а с моря дует часто, их юбки взмывают вверх, оголяя загорелые ноги, а то и белые задницы. Все это, правда, лишь на короткое мгновение, но действует очень дразнящее, признаю. Я сделал неприступное лицо

и надменно смотрю вперед, брови сдвинуты, а челюсти сжаты так, чтобы все видели злобно играющие желваки.

Зайчик обогнал несколько возов, лошади тупо и покорно тянут доверху груженные телеги, возчики сидят сонные и нахохленные. Копыта застучали по дошатому настилу, корабли приближаются, словно сами плывут навстречу. Сердце мое стучит чаще, плечи приподнялись, давая легким ухватить больше морского воздуха. Корабли просмоленные и просоленные, коричневые борта потемнели, словно кожа под жарким южным солнцем, на верхушках мачт разноцветные флаги, большая часть представляет такие королевства, герцогства и княжества, о каких я никогда не слышал... Мир велик, велик...

Стоит отчалить от берега, и никаких тебе Адальбертов. А если вдруг ступит на ту же палубу... что ж, здесь океанские лайнеры не водятся, чтобы месяц прожить и всех не увидеть.

Я поторчал на месте, но билетной кассы не видать, решился пустить коня по сходням на ближайший корабль, где на палубе с винным бурдюком в обнимку веселятся двое матросов. Они не поднялись, но пить прекратили и уставились с интересом и некоторым испугом.

— Вольно, — сказал я. — Я не из налоговой. И не гербалиф, не бойтесь.

— А собачка у вас... — произнес один нерешительно.

— Это не собачка, — объяснил я, — это просто кошечка. Она тоже приветствует вместе со мной и конем вас, труженики морей. Альбатросы...

Один наконец оторвал взгляд от Бобика.

— И вас, ваша милость. Что скажете?

— Восхотелось побывать за океаном, — ответил я. — А то все «Юг, Юг», но сколько ни двигаюсь в эту сторону, все время оказывается, что еще не совсем Юг, а настоящий Юг дальше.

Матрос кивнул:

— Да, настоящий — за океаном.

— Когда отплываете? — спросил я и добавил: — Об оплате договоримся. Я не бедный, а когда вожжа под хвост попала, то... сами понимаете.

Они переглянулись в самом деле понимающие: мол, либо убил кого знатного на дуэли, либо король застал в спальне своей жены или даже хуже — любовницы, в этих случаях еще какая вожжа под хвост попадет.

— Договариваться надо с капитаном, — ответил один матрос.

— А где он?

— На берегу, — ответил он завистливо. — Со всей командой.

— А вас, значит, оставил сторожить, чтобы ничего не сперли? Да, народ здесь на ходу подметки рвет. Корабль надо оставлять на самых лучших! Капитан поступил правильно.

На их кислых мордах возникло сомнение, а вдруг они в самом деле... не самые худшие, раз благородный человек так считает, снова старший сказал:

— Капитан в трактире «Зеленый Бог».

— Спасибо, — поблагодарил я.

Когда я поворачивался, старший, словно сжалившись, добавил в спину:

— Только мы никогда не плавали на ту сторону. И не поплывем. Наши рейсы всегда вдоль побережья. От Чернавы до Нефелима, через Колпи, иногда заворачиваем в Яргу забрать там груз шкур, но дальше Навинбурга еще не заплывали. А через океан... боже упаси.

Я ощутил сильнейшую досаду, но ответил вежливо:

— Спасибо, что предупредил. А те капитаны, что ходят через океан, они где альбатросничают на суше?

Он задумался на миг, двинул плечами.

— Яргард в трактире «Храм Ключа». Это далековато, но если уж вожжа трет, ваша милость, то идти придется. Других капитанов сейчас нет в порту. Совсем.

— Как нет? — спросил я, посмотрев на лес матч.

— Которые плавают через океан, — пояснил он. —

А это все корабли таких, как и мы. Вдоль берега, вдоль берега...

Я повернул коня. Пес, обследовав корабль от носа и до кормы, разочарованно примчался следом. В глазах обида и недоумение: а как же обещанный Юг?

— Облом, — ответил я раздраженно. — Но мы не сдадимся, Бобик.

Он помахал хвостом, подпрыгнул и лизнул руку.

Глава 4

На выходе из порта десятка два моряков сцепились в драке. Я заранее начал подавать Зайчика к стене дома, проскользнем, но с ближайших кораблей по сходням сбегают еще жаждущие схватки, на ходу наматывают на кулаки ремни с медными пряжками, куча растет, от ругани и надсадного хаканья воздух потяжелел и уплотнился.

Бобик посматривал на меня вопросительно, я предостерегающе поднял палец. Это не наша война, мы просто идем мимо. Он посмотрел с тем же вопросом, я покачал головой.

— Из-за баб, — пояснил глупой собачке. — Из-за чего еще настоящим мужчинам драться?

Он ощерил клыки, мол, а мы разве не настоящие? Я ощутил затруднение, постарался вывернуться:

— Бобик, а мы вообще такая круть, что пусть бабы из-за нас дерутся.

Он повернул голову и с интересом смотрел, как тяжелые кулаки со смачным хряском впечатываются в противников, везде одно и то же, везде из-за баб, из-за чего же могут еще сражаться с такой яростью настоящие мужчины, а здесь они явно настоящие: здоровенные, мускулистые, обветренные и просоленные, с грубыми лицами, хриплыми голосами, у каждого в ухе по серьге, у кого золотая, у кого даже с бриллиантом или рубином, рубашки распахнуты, руки и грудь в замысловатых татуировках, донельзя непристойных.

Из драки почти под копыта Зайчика выпал окровавленный и в лохмотьях рубахи крепкий, хоть уже и немолодой мужик. Удар ему был нанесен явно мощный: потерпевший пролетел по воздуху и грохнулся спиной о неровную булыжную мостовую. Я удержался от желания проехать над ним, вместо этого, поддавшись христианскому человеколюбию, это я-то, нагнулся и протянул ему руку.

Он ухватился, хватка железная, я дернул, чувствуя, что поднимаю глыбу железа. Моряк поднялся, высокий и жилистый, солнце блестит на выбритой как у скинхеда голове, кровь на скуле, на губах, стекает по щеке и капает с подбородка на голую грудь.

Закинув голову и тяжело дыша, он некоторое время всматривался в мое лицо.

— Ты... — прохрипел он, — с «Гермогаста»? А почему на коне?

— Я не моряк, — ответил я искренне.

— Так чего же ты...

— Здесь?.. Да просто пришел посмотреть на порт. Я задумал перебраться через океан, вот и подыскиваю корабль...

Он присвистнул, оглянулся в нерешительности на драку, с обеих сторон уже сбегается народ с дубинками и ножами в руках.

— Вообще-то и без меня обойдутся... У тебя угостить вином найдется?

— Найдется, — заверил я. — Но ты сам выбирай место. Только пристойное.

Он смерил меня недоверчивым взглядом.

— Никак благородный?.. Впрочем, все равно. Я по-видал и баронов, что убегали с такой прытью, что нанимались к нам матросами... Пойдем, я знаю такое место.

— Не сомневаюсь, — откликнулся я.

Он потрогал скулу, поморщился.

— Гад, чем это он меня... Меня зовут Грегор.

— Ричард... Ричард Длинные Руки.

— Иди за мной, Ричард.

Я пустил коня за ним следом, потянулись таверны и трактиры. Из распахнутых дверей смех, песни, запахи вина и мяса, затем приблизились такие же распахнутые двери, навстречу те же запахи вина и мяса, но я сразу ощутил, что тут малость опрятнее, публика чуть чище, а девицы не такие уж и потасканные, не как половые тряпки.

Я спрыгнул на землю, набросил повод на какой-то крюк в стене. Это чистая символика: моего коня никакой крюк не удержит, сказал Бобику громко:

— Оставайся и сторожи!.. Если кто вздумает коня украдь... ну, сам знаешь, что надо делать.

Бобик оскалил зубы и помахал хвостом, да, знает, но в глазах я видел сожаление, все-таки интереснее со мной в таверну, где много мяса, сладких костей, да и вообще лучше лежать, положив морду на мои сапоги, чем перебраниваться с Зайчиком.

Грегор опасливо посмотрел на здоровенного Пса.

— Где вы только такого... У варваров купили?

— Нет, — ответил я. — С теми еще не сталкивался.

Он вздохнул:

— А мне пришлось. Но только в драке... А говорят, у них такие диковинки!

В таверне он громко свистнул, еще с порога привлекая внимание, хозяин тут же взмахом дланi отправил к нам парня. Едва мы сели за стол, перед нами опустились два кубка и кувшин с вином. Грегор довольно крякнул.

— Здесь мои привычки знают, — заметил он. — Сперва промочить горло, а еда пусть жарится...

— Именно жарится?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— А что, жрете сырое?

— Да нет, но...

— Еда, — сказал он безапелляционно, — это жареное мясо. Все остальное — труха.

Он наполнил оба кубка, мы сдвинули их над столом, он выпил в несколько жадных глотков, не отрываясь.

Крякнул, посмотрел на меня чуть повеселевшими глазами.

— Так, говоришь, желаешь отправиться на Юг? Чрез океан?

— Точно, — подтвердил я.

— Зачем?

— Да так... Мир посмотреть, себя показать. Разве на меня не стоит посмотреть?

Он хмыкнул:

— Ну-ну, вообще-то стоит. Не много найдется благородных, что в одиночку бродят в опасных местах, а опаснее порта разве что Зачарованный Лес да еще Гиблое Болото за Бобровой Падью. Вино здесь хорошее, заметил? Уверен, что хватит заплатить?

Я с самым небрежным видом вытащил из кармана и швырнул на стол пару золотых монет. Его глаза чуть блеснули, но лицо оставалось таким же насмешливо-спокойным.

— Папины денежки прогуливаешь?.. Ну-ну, не свертай глазами, мне все равно, где ты их взял... Даже если родную тетушку задушил. Чем вы их там душите, подушками? Может быть, она как раз стервой была и никак сана умирать не желала... ха-ха!

Он налил снова, со стороны кухни почти бегом прибежал с большим подносом парнишка и ловко переставил на стол тарелки с мелко нарезанным жареным мясом и горячей парующей кашей. Грегор быстро и жадно ел, разбитые в кровь губы работают исправно, не давая хозяину выронить ни крошки.

Он перехватил мой взгляд, поморщился:

— Ладно, не жалей. Я им больше рожи расквасил!..

Запомнят.

— Хоть стоящие девки? — поинтересовался я.

Он удивился:

— Девки?

— Ну да, — сказал я. — А что же еще...

— Одурел, — сказал он убежденно. — Как есть одурел.

— Разве не из-за них?

Он пожал плечами:

— Да чего из-за них драться?

Я спросил несколько ошарашено:

— А из-за чего?

Он смотрел с насмешкой:

— Эх ты, благородный... Для вас так и не из-за чего больше? Только из-за баб? А вот у нас, моряков, бывают и другие интересы. Повыше. Поблагороднее.

Я спросил с невольной жадностью:

— Какие? В смысле, из-за чего дрались?

— Из-за стоянки, — ответил он.

— Стоянки? — переспросил я. — Какой стоянки?

Он кивнул в сторону открытой двери.

— Видел корабли у пристани?

— Да, конечно...

— А сколько на рейде?

Я ответил, начиная смутно догадываться:

— Втрое больше.

— То-то. Приходится ждать, пока разгружаются! Занимаем очередь, представляешь дурость? А тут этот «Наследник Королей» пытался влезть без очереди. Сволочь, заявил, что это мы влезли! Но Бог видит правду, и он это доказал, когда мы встретились в кабаке «Золотой Петух», там все разнесли, а потом выдали им на улице!..

Я посмотрел поверх его головы в распахнутые двери. На фоне закатного неба мутно проступает частокол мачт, отсюда настолько густой, что кажется вообще лесом, что под злым ветром потерял все листья.

— Гм, — сказал я, — признаюсь, уже стыдно. Такое подумать! Нет, не перевелись еще настоящие мужчины...

— Не перевелись, — подтвердил он с гордостью. — Ишь, за баб... Да их везде как грязи.

— Да, — поддакнул я, — вам есть за что драться!

— Есть, — согласился он. — Ишь, гады, раньше нас хотели пролезть! Да за это вообще в приличных местах убивают.

— У человека всегда должно быть нечто более высокое, — произнес я торжественно, — чем бабы.

Мы со звоном сдвинули кубки, очень довольные взаимопониманием. Грегор снова выпил быстро и жадно, наливать новый не стал, принялся за сдобный пирог.

— А порт, честно говоря, все же маловат, — заметил я. — Но это на мой взгляд сухопутной крысы.

Он пожал плечами:

— Был даже великоват... лет десять тому. А потом на острове Зеленые Скалы отыскали алмазы, а на побережье Серых Холмов нашли железо прямо в болотах. Из него выплавляют и куют такие мечи! Стоит раз заточить... да, это мечи! Ну и вообще все, что выковать из такого, никогда не ржавеет и не портится... Но с острова одна дорога, если догадываешься, морем. Да и Серые Холмы со всех сторон в горах и болотах, там один путь — тоже морем. А здесь и бухточка удобная, и старая дорога выводит на перекрестье всех путей... в любое королевство.

Он снова запил вином, я слушал внимательно. Все понятно и даже знакомо, вот так в одночасье на пустом месте возникали и разрастались города в годы золотой лихорадки, так же в древности возникли все города-гиганты на побережье.

— А потом пошло, — добавил он, — кроме слитков железа и алмазов, начали возить и прочее... все, что дешевле морем, чем в обход горными тропами. Так что эта просторная бухточка очень быстро стала тесной... Оп, вот и самый знаменитый капитан явился!

С улицы вошел и остановился на пороге широкий краснолицый мужчина с короткими волосами, отчего бычья шея видна во всей красе. Плечи широки, ворот расстегнут до пояса, обнажая могучую волосатую грудь. За ним двое крепких матросов закрывают его спину, как верные телохранители.

— Яргард, — проговорил тихонько Грегор, в голосе слышалась нотка восторга. — Только он, говорят, побывал в Зеленом Море.

— Не врут? — спросил я на всякий случай, все равно про Зеленое Море слыша впервые. — А то моряки заливать умеют...

— Откуда же привез те дивные креветки? После них даже у древних старцев восстанавливается их молодая сила! Мог бы разбогатеть и осесть...

Для капитана быстро освободили небольшой стол, тщательно вытерли, даже табуретки обмахнули чистыми тряпками. Он деловито сел, я проследил за ним и спросил Грегора:

— Как с ним поговорить?

Он пожал плечами:

— Сам решай. Ничем помочь не могу, я перед ним малость виноват, подойти не рискну...

Я оставил на столе еще одну монету, поднялся, на меня сразу же обратили внимание из-за соседних столов, вот уж не думал, что выгляжу угрожающе.

Глава 5

Капитан не поднимал головы, пока я не приблизился, а когда вскинул взгляд, я ощутил некоторый трепет, как будто взглянула сама смерть. Тут же взгляд капитана смягчился, не видя противника или даже врага.

— Можно к вам? — спросил я дружелюбно.

Капитан промолчал, продолжая разглядывать меня пристально и без дружелюбия. Один из матросов уточнил:

— Куда?

— За стол, — объяснил я любезно.

— Зачем? — спросил тот же матрос, ибо капитан не соизволил снизойти до разговора с неудостоеннымходить под парусами.

Вместо подробного объяснения зачем и почему, я сказал:

— Дальше плачу я.

Капитан промолчал и на этот раз, но и матрос умолк, только посматривал то на меня, то на капитана.

Глаза капитана, чуть прищуренные и словно бы с ленцой, прощупывали меня острым взглядом.

— За ваш счет? — проговорил он с той же ленцой. — Ваша милость, мы не голодаем. А когда пьем, то самое лучшее.

— Закажу лучшее, — пообещал я.

— Нас много, — добавил он.

— Угощаю всех, — уточнил я.

За столом хитро заулыбались, что-то чуют, капитан тоже улыбнулся, как акула при виде молодого тунца, жирного и глупого, сказал небрежно:

— А здесь почти все — моя команда.

Сердце мое дрогнуло, вдруг да не хватит моего золота, но сказал как можно небрежнее:

— Да какая ерунда! Не все ли равно, одного угощать или сотню?.. Для благородного человека как-то нет разницы...

Моряки замолчали, такой ответ явно слышат впервые. Капитан некоторое время изучал меня так же внимательно, наконец кивнул:

— Садитесь, ваша милость. Когда предлагают что-то бесплатно, надо быть настороже, в сладком червячке чаще всего стальной крючок. Но мы, предупреждаю, из тех, кто заглатывает такие крючки... и выплевывает, съедая червячка.

Матрос добавил хмуро:

— А иногда... и самого рыбака.

Второй моряк, высокий и настолько жилистый, как будто с него содрали всю кожу, обнажив мышцы, чем-то напоминает муляж из анатомии, тем более что весь какой-то красный, будто докрасна обожженный на солнце или слепленный из красной глины. Он присматривался ко мне испытующее поверх пивной кружки, но помалкивал.

Капитан наконец кивнул на него:

— Это мой боцман, Иварт. А этот, говорливый, Сенешаль. Не сенешаль, а Сенешаль, хотя говорят, что и настоящий сенешаль приложил к его появлению на свет руку. И не только руку.

Я ответил вежливо:

— Счастлив встретить таких людей.

Капитан усмехнулся:

— А я уж как счастливы мы, что родились такими!

Сенешаль коротко ухмыльнулся:

— Родились?

— Стали, — поправил себя капитан с ясным удовольствием. — Стали.. Так за что вы готовы платить так щедро?

— Просто за разговор, — сообщил я легко. — Дело в том, что я прибыл издалека. Не хочу хвастаться, но всего пару недель тому назад я был еще на Перевале...

Моряки переглянулись, боцман кивнул, как будто я подтвердил какие-то его догадки, а капитан спросил с недоверием:

— Это что же... с той стороны?

— С той, — подтвердил я.

— Там, говорят...

Он не закончил, я мягко прервал, ибо если я плачу, то я и расспрашиваю, а не меня:

— Главное, чего там нет, так это моря. Кораблей там отродясь не видели. И я не видел. Вот сегодня впервые... А уж про загадочный Юг, который вы своими глазами видели, у нас только слухи! Вот и восхотелось мне побывать на той стороне океана. Но в порту первое разочарование: почти все каботажники плавают только вдоль берегов, а открытого моря побаиваются.

Первый матрос, который Сенешаль, хохотнул:

— Побаиваются? Не то слово.

— Дрожмя дрожат, — добавил Иварт. — Они даже смотреть боятся в сторону открытой воды.

— Почему? — спросил я.

Он хмыкнул:

— Когда плаваешь, не выпуская из вида берег, не

страшно даже плотникам. А открытое море... В большом море есть еще и свои моря, поменьше. Где с горячей водой, где с холодной, а где и вовсе...

Он перехватил строгий взгляд капитана, поперхнулся, а второй сказал поспешно:

— Да-да, каботажники — это не моряки. Это так. Поджатохвостые.

— Вот-вот, — согласился я. — Поджатохвостые. А про вас говорят с почтительным страхом и уважением. Только вы, сказали они, умеете переплыть океан.

В глазах капитана промелькнуло глубокое удовлетворение, как мы, мужчины, легко ловимся на лесть, чуть напыжился и сказал с той скромностью, что паче гордыни:

— Ну почему же... Еще Кучырь ходит... И даже Седьмой...

— Уже не ходит, — поправил боцман. — После того как вернулся чудом на половинке своей посудины. И без мачт... Если бы ветер не пригнал... Из всей команды Седьмого осталось трое.

Капитан кивнул:

— Да, не ходит, а жаль. Да и Кучырь поговаривал, что пора бросать эту игру с морским дьяволом. Ладно, мы в самом деле ходим на Юг. И что дальше?

Я сказал просто:

— Хочу туда.

За столом воцарилась тишина, матросы смотрели вытаращенными глазами. Сенешаль попытался что-то сказать, но боцман, повысив голос, рыкнул мощно:

— А почему нет? Если благородный господин хочет, почему он должен себе отказывать? Если у него, конечно, есть чем заплатить.

— Есть, — ответил я как можно небрежнее, играя богатырского наследника, который уже дорвался до папиного сундука. — С этим проблем не будет.

В наступившем молчании капитан в задумчивости

барабанил пальцами по краю стола, звук был такой, будто стучали камешками.

— Вы где остановились?

Я сдвинул плечами.

— Нигде. Я намеревался сразу на корабль....

Они переглянулись снова, все то же нечто неуловимое скользнуло между ними, словно мгновенно обменялись целым каскадом слов и мыслей, сжав их неведомым архиватором. Капитан проговорил наконец с непривычной для человека его наружности деликатностью:

— Благородный сэр... нам, конечно, приятно, что вы платите за такое дорогое вино и весь ужин, но... как бы это сказать помягче, благородных лордов так часто бьют по голове... и хотя у вас шлемы, но что-то в черепушке перебалтывается, верно? Вы что же, всерьез решили, что вот так можно прийти в порт, заплатить за проезд и сразу же отплывете?

— Нет, — признался я. — Сперва приведу коня и свою собаку.

Они снова переглянулись, в глазах капитана я увидел даже восхищение такой наивной наглостью.

— Ах да, еще коня и собаку! А почему не стадо коров?

— Думаю, — ответил я в тон, — коровы и за океаном — коровы. А такого коня и такой собаки не найти. Впрочем, как и такого корабля, как у вас.

Он вздохнул:

— А где поселиетесь?

— Не знаю, — ответил я честно. — Я же сказал, что въехал в город и сразу — в порт. Знатоки указали на этот кабак.

Матросы уже смеялись откровенно, капитан качал головой:

— Неужто за Перевалом все такие... Иварт, а не переселиться ли нам туда? Будем щипать их, как гусей. Состояние нагребем, сами лордами станем...

Иварт прогудел зычно:

— Дык неинтересно без моря.

Капитан сокрушенно покачал головой.

— И то верно. Какая жизнь без моря? Ладно, благородный сэр. Найдите место, где остановитесь, и сообщите нам. А мы перед отплытием на Юг пришлем гонца.

Боцман гоготнул:

— Если не забудем.

Сенешаль тоже загоготал, наблюдая за моим лицом. Я поднялся, высыпал на стол горсть золотых монет.

— Гуляйте, угощайте команду. Как только устроюсь, сразу собщу. Как долго собираетесь протирать штаны на берегу?

Сенешаль суетливо сгреб золотые монеты в пригоршни, растопыренными локтями укрывая от взоров гуляк за другими столами. Капитан, даже не взглянув на золото, сказал задумчиво:

— Считайте, вам повезло. Мы уже все закончили, а товар на корабль как раз грузят. Дней через десять поставим паруса и выйдем в море.

— Десять дней, — вырвалось у меня. — Что-то я ползу к этому Югу, как черепаха.

Они улыбались, у всех свое восприятие времени. Кому-то покажется, что двигаюсь чересчур быстро.

Бобик сидит на заднице, как министр в ложе на премьере «Псковитянки» и заинтересованно наблюдает, как двое покалеченных с тихим воем отползают от Зайчика. За обоими тянется широкий кровавый след. Народ переговаривается, слышатся смешки.

Я раздвинул толпу, Зайчик приветственно заржал. Я погладил его по носу, приготовился запрыгнуть, сзади кто-то крикнул:

— Ваша милость, это ваш конь?

— Ты же видишь, — ответил я и прыгнул в седло.

За спиной захочотали, кто-то сказал громко:

— Эти двое тоже говорили, что это ихний. А он одному плечо вырвал, другому ноги перебил...

Я сказал Бобику с укоризной:

— А ты не мог отогнать заранее? Преступления нужно предотвращать, как говорят правозащитники, а не калечить тех, кто совершил по некоему затмению... как скажут психиатры. А то все друг друга перебьют.

Он хитро оскалился, забегал то справа, то слева. Зайчик тоже скалил огромные зубы, как сговорились. Зайчик подпрыгивал, как-то ухитрялся даже звучно хлопать ушами, хотя вроде бы они стоят торчком, но все равно, несмотря на все попытки меня развеселить, я чувствовал себя хреново, будто помахали перед мордой морковкой и тут же спрятали.

Хотя, конечно, это сам охамел, пора бы забыть о временах, когда купил билет и сразу отплыл, поехал или улетел. Здесь все совершается неторопливо, обстоятельно. Даже покрой одежды не меняется столетиями, я имею в виду женской одежды, что вообще невероятно.

Мальчишки всюду глазели на моего огромного коня и на Бобика. Самые смелые ухитрялись притронуться к его блестящему крупу.

Я поинтересовался медленно:

— А скажите, всезнающие... где здесь гостиница, чтобы остановился доблестнейший из рыцарей, уверенный и осиянный... это я о себе, как вы уже поняли?

Они захихикали, откликаясь на шутливый тон, один сказал торопливо, стараясь опередить менее расторопных:

— Прямо и на следующем повороте через два квартала постоянный двор дядюшки Коркеля!.. У него самая лучшая...

Второй выкрикнул:

— Нет, лучше у господина Цорюрга!

— У хозяина Грабеуса, — крикнул третий. — У него сам король останавливался!

— Это было сто лет назад, — возразил первый, — тогда дядюшки Коркеля еще не было!

— Ну и что?

— А то!

С этим словами он заехал дружку в ухо. Завязалась драка, я поехал, бросив им серебряную монету. Драка вспыхнула еще яростнее, я ведь не сказал, кого одарил так щедро.

Глава 6

Гостиница дядюшки Коркеля выглядит добротной и просторной, но все они построены так одинаково, как будто у всех единый обязательный для всех поэтажный план. Я уже привычно бросил повод мальчишке во дво-ре, а хозяину велел показать свободные номера.

Он поморщился, когда прежде меня в комнату вошел Бобик и хозяйски осмотрелся, но смолчал. Все-таки собаки не воруют простины, не бьют посуду и не будят сре-ди ночи других жильцов пьяными драками или веселыми песнями. Вообще-то это Бобику он должен был предос-тавить лучшие номера, а мне лишь в том случае, если за мое поведение поручится Бобик.

— Терпимо, — провозгласил я. — Изволю взять этот номер.

— На какой срок? — спросил хозяин.

— На десять дней, — ответил я.

— Это хорошо, — сказал хозяин. — Хорошо, когда благородные постояльцы... да. И не на день-два. Чем пла-тить будете, ваша милость?

— Чем скажешь, — ответил я беспечно, — хоть сереб-ром, хоть золотом.

Он окинул взглядом мою потрепанную одежду, по-косился на Бобика, что лег посреди комнаты и высунул язык.

— Конь у вас знатный, ваша милость... И собачка еще та... боюсь и подумать, кого она мне напоминает. Но у нас правило, денежки вперед...

— Тю на тебя! — удивился я. — А вдруг твоя гостини-ца сегодня сгорит, и все мои деньги пропадут?

Он вздрогнул, перекрестился:

— Господи, такие страсти на ночь!.. С чего ей гореть, год назад прогнали последнего огневика. А с огнем у нас строго. Но с другой стороны, откуда мне знать, что вы не изволите тайно удалиться через три дня, забыв в благородной рассеянности заплатить? Для вас это пустяк, а для меня — убыток!

Я провозгласил надменно:

— Я заплачу. Порукой — мое слово!

Он помялся, возразил нерешительно:

— Но, ваша милость, вас никто не знает...

Я вытащил из мешка щит, хозяин терпеливо смотрел, как я примостили его возле постели, а у изголовья поставил меч.

— Видишь?

— Вижу, — ответил он с почтительным поклоном. — Красивый щит. И очень мудрая, так сказать, простите, отважная символика. Эти орлы, львы в гербе...

— Ты не на гербариев смотри, — прервал я. — Это рыцарский щит! А слово рыцаря разве не крепче стали? Если я нарушу слово, разве не буду покрыть бесчестьем?

Он вздохнул, развел руками:

— Ваша милость, мы живем в другом мире. У нас говорят: стыд глаза не выест, а брань на вороте не виснет. Потому у нас обязательны расписки, договоры... И чтоб все было расписано до мелочи! А то вдруг не так можно истолковать... ну, чтобы деньги не отдать или не расплатиться вовремя. А то и вовсе... Словом, расписочка-то нужна, у нас без этого никак...

Я покачал головой:

— Вот так бежишь из коммерческого мира в рыцарский, а тот настигает... Ладно, сколько с меня? На, держи. А этот золотой сверху, чтобы за конем следили и даже баловали. У него бывают причуды, но это же благородный конь, а какой благородный человек без причуд? Конь — тоже человек. Зато никаких драк с посетителями, не орет похабные песни, не поджигает гостиницу... Как и Пес. Только и надо, что хороший овес и душистое

сено, перемешанное с гвоздями, старыми подковами и разным железным хламом. Словом, философ.

Он вскинул брови, долго всматривался в меня:

— Э-э... Гвозди и подковы — это и есть причуды?

— Да, — ответил я. — А так он смирный. Даже вина ему не обязательно таскать. И девок в стойло можно не водить.

Он почесал в затылке:

— Ну, поломанных и стертых подков у нас полно. Если это все, то ваш конь будет доволен.

Вот оно, будущее этого мира, мелькнула мысль. Если для рыцаря культом является верность сюзерену, честь и доблесть, то для этого будущего олигарха главное — культ нахивы и набитого кошелька.

Кланяется почтительно, но улавливаю в его манерах ту будущую вольность, что зреет и проявится очень скоро. Лет через двести-триста, если по всему обществу, но ростки вот они, здесь. Смотрит этот росток будущего устройства общества на меня с затаенной усмешкой и презрением к моим рыцарским идеалам. Уж он-то знает, что все покупается и продается, что люди чести — дураки, что если можно украсть и не попасться, то украдь нужно обязательно, главное — результат!

Устроившись в комнате, я свистнул Бобику и спустился в нижний зал, оттуда вкусно тянет ароматом жареного мяса.

В нижнем зале весело и шумно. Это дома мы просто едим, а в общественных местах обязательно пирами, даже если просто едим. В зале народ гораздо ярче и пестрее, чем в гостиницах, в которых я побывал. Сказывается портовость города, сюда ведут не только караванные тропы, но и морские. Вон в тех крепких мужчинах сразу угадываются моряки, от них так и веет океанскими ветрами, просоленностью и даже некой парусностью.

Еду и вино принесли сразу, приятно удивил выбор, у дядюшки Коркеля хорошие поставщики. Я поужинал с

великим аппетитом, еще с большим азартом хрустело костями под столом. Я отправлял туда сперва обглоданные кости, потом сунул Бобику половинку жареного гуся.

После короткого хруста он высунулся с таким видом, будто собирался попросить подать ему и кувшин вина.

— Нет уж, — сказал я наставительно, — казаки в походе не пьют.

Он удивился, в каком это мы походе, мы же всего лишь в квесте, я оправдываться не стал, расплатился щедро, мы же с тобой благородные, мода давать чаевые пошла от нас, идиотов, которые ленились высчитывать и всегда давали больше: мол, этот народ все равно скоро все вернет в виде податей.

Бобик предложил идти спать, поели-то как хорошо, я объяснил, что на ночь наедаться вредно, а раз уж нахрались, то надо хотя бы выйти подышать свежим воздухом.

— Я с тобой, — сказал Бобик.

— Куда уж без тебя, — ответил я, и он побежал к выходу довольный, что обошел противного коня, с которым всегда соперничает за мое внимание.

В небе яркая россыпь звезд, всяких разных, до сих пор не помню их расположение. По мне так поменяй их все местами, я не замечу, что значит — цивилизованный. Это дикари назубок знали место всех-всех, придумывали красивые названия как каждой в отдельности, так и созвездиям, хотя никакие это не созвездия, мало ли что самая отдаленная звезда для наблюдателя с Земли выглядит аккурат между двумя близкими.

Дикарям можно было смотреть на небо, а при цивилизации больше нужно смотреть под ноги: не вступишь ли в отходы этой самой цивилизации. При моем зрении мне пылающие факелы только мешают, слепят, как внезапный свет фар встречной машины, я двигался неспешно, присматриваясь и стараясь понять, что же делает этот город таким непохожим на все другие, что встречались ранее.

Большинство людей решает проблемы по мере их наступления... на горло. Потому я решил не ломать голову, как найти Адальберта. Сам найдется, я буду настороже. Да и вряд ли затеет что-то на улицах города...

Как будто перепрыгнул пару эпох и сразу вошел в девятнадцатый, а то и в двадцатый век, разве что здесь уцелела атрибутика Средневековья, но все отношения, раскованность, стремление любой ценой оттянуться, побалдеть, расслабиться — это уже из будущих эпох. Как и отношение к интимным штучкам и делишкам. Здесь, как вижу, профессия шлюх не относится к разряду греховных. Даже с виду добропорядочные горожанки держатся так, что любой задери юбку — не станет особенно возмущаться и звать стражу.

Гм, интересно, а есть ли здесь церковь? Что-то не заметил, все-таки церковь в любом городе — на самом видном месте. И обычно это самое высокое здание, самое красивое, ведь с языческих времен бытует мнение, что в церкви живет сам Бог. И хотя это в капищах и храмах жили боги, но во-первых и церкви нередко именуют по-старому храмами, во-вторых, и христианство немало позаимствовало от язычества.

Факелы отбрасывают резкие угольно-черные тени, а куда их свет не достигает, там все ровно и серо, как на черно-белой фотографии. Именно там пробираются всякие, кому нужно проскользнуть незамеченным: то ли шпионы соседних королей, то ли загулявшие мужья. Я делал вид, что не вижу, а они бросали осторожно-трусливые взгляды не столько на мой меч и кинжал у пояса, сколько на чинно вышагивающего рядом Бобика, похожего на небольшую лошадку.

Проскользнула парочка, мужчина заботливо укрывал плащом женщину от посторонних взоров, явно жену знатного сановника, сбежавшую на часок поразвлечься с молодым красавцем, возле кабака пьяная драка, кого-то выволокли за шиворот и пинают ногами. У стены одного из домов устроилась целая компания, посреди бурдюк с

вином и четыре оголенных меча, все запоздавшие прохожие поспешно прижимаются к стенам и стараются прокользнуть как можно тише и незаметнее.

Я тут же намерился пройти прямо через них, ненавижу, когда какая-то пьяная или тупая тварь стоит посреди тротуара, загораживая дорогу, затем напомнил себе, что я просто еду на Юг, мне тут все по фигу, мне скоро на корабль, нечего в чужой быт со своим свиным рылом и... все-таки пошел прямо.

Они обалдели, когда я ступил в середину, поддел носком сапога бурдюк и, натужившись, отшвырнул по дальше, ухитрившись шпорой пропороть кожаный бок. Темная струя сразу же хлынула, как из вертящейся шутихи, а я сказал наставительно:

— Приличные люди не загораживают дорогу. Если кто-то из вас считает себя неприличным, пусть возьмет меч.

Они и так собирались расхватать мечи, но мое приглашение почему-то их охладило. Мы с Бобиком постояли с минуту, нагнетая напряжение, потом я повернулся и медленно пошел по улице, во всю мощь задействовав затылочное, так сказать, зрение. Из-за этого картинки скачут и накладываются одна на другую, мозг не успевает координировать и составлять общую панораму, чтобы получался обзор спереди и сзади, я ощущал короткий приступ тошноты и тут же погасил вальдшнепы глаза, как иногда называю за то, что у вальдшнепа, как известно всякому, глаза на затылке.

Собственно, это я сам недавно узнал, как и то, какими двенадцатью способами разделать тушу вепря, чтобы не стыдно показать работу самому королю.

Судя по увиденному, в этом городе рыцарство уже сдает позиции. Во всяком случае, пока не встретил ни одного рыцаря. Конечно, среди прохожих попадаются люди благородного звания, но я их просто угадываю, а так не выпячивают доспехи, не звякают шпорами, не скачут посреди улицы, заставляя простой народ шарахаться к стенам.

Возможно, этот быстро растущий город уже имеет больше прав, чем могучие феодалы, когда-то позволившие селиться вокруг своего замка всяким там мастеровым и торговцам. Теперь эти мастеровые и торговцы, создавшие целые цеха, сами нанимают городскую стражу, сами решают, какие стены возвести вокруг города и на какую высоту, а также сами вооружают войско для охраны города или же нанимают на стороне дешевле.

Естественно, законы в таких городах соблюдаются строго, не в пример феодальной вольнице: безопасность торговли, оружейных и прочих мастерских, приносивших доход, гарантируется, а неподкупная, насколько это возможно, стража зорко бдит, чтобы в охраняемом ими городе не было даже намека на пьяные драки, грабежи, дебоши, стычки с применением оружия.

На меня потому и смотрели с подозрением, старший из стражников не зря предупредил, что будь я хоть сам герцог, но драки здесь запрещены; а если вздумаю буйнить, поджигать дома и лишать кого-то жизни, то не посмотрят на мое благородство, а сразу дубиной по башке и в подземелье на цепь. Что вообще-то, как демократу, мне должно понравиться. Правда, я феодал, потому я как бы в некотором раздвоении чувств, как будто интеллигент, прости, Господи, за грубое слово...

Предостерегающий холодок прошел по телу, хотя ночь нежна, воздух густой и теплый, как свежесдоенное молоко, а все встречные мужчины в расстегнутых рубахах, а женщины с оголенными по плечи руками и в платьях с глубоким вырезом. Я настороженно посматривал по сторонам, вновь запустил, переборов мгновенную дурноту, тепловое и ночное зрение на полную мощь, однако явного недружелюбия не ощутил, разве что два-три раза по мне скользнули прощупывающей мыслью: а не удастся ли поживиться чем-нить с этого здоровяка?

Наконец я догадался взглянуть наверх, вдруг кто наблюдает за мной с крыши, и почти сразу увидел, как исчезают звезды.

Глава 7

Звезды гаснут, гаснут, словно по небу двигается черный ледник. Душа трепыхнулась, рухнула в пропасть... и воспрянула, когда увидел, как за некой гранью звезды вспыхивают снова. То, что застилает звезды, огромное, как туча, но куда страшнее, если бы звезды исчезли в самом деле.

Я всматривался до треска в висках, существо обрело наконец очертания, что-то подобно скат-гнусу, гнусной такой рыбе, заряженной электричеством. Странная тварь медленно плывет по небу, почти не двигая крыльями, то есть отростками на краях туловища.

Я ожидал, когда пройдет и удалится к морю, однако тварь неуловимо быстро развернулась, я даже не успел заметить, и поплыла обратно. Вернее, не обратно, а как-то по линии незримого треугольника.

Мимо прошел прилично одетый горожанин, немолодой, степенный, похожий на старшину ремесленников, я поинтересовался наигранно бодро:

— Вы не подскажете, что это за птица?

Он посмотрел на меня, потом в небо.

— Где?

— Да вон же!

Он долго всматривался, наконец покачал головой.

— Да нет там ничего. Это я вблизи плохо стал видеть, но вдали — ого!

Холод прокатывался по моему телу. Я заставил себя сказать как можно беспечнее:

— Ах да... Это облачко... фантазия разыгралась!

Он сочувствуяще покачал головой.

— Это все от молодости. Я тоже раньше в облаках какие только дворцы не видел! А сейчас смотрю под ноги, вдруг кто кошель обронил?

Захохотав, ушел, а я отодвинулся в тень и прикидывал, что если тварь заряжена, как говорится магией, а то и целиком из магии, то наверняка увидит меня даже в личине исчезника. А если увидела, то и передаст, если у нее

такая возможность есть, кому нужно... Если, конечно, я уже заинтересовал кого-то здесь.

Из желающих мне зла не так уж и много в этих землях, разве что Адальберт, неизвестно куда уползший зализывать раны, да еще король этих земель, с которым я так неосторожно поссорился, защищая свою «сестру»...

Но вряд ли я настолько значимая величина, чтобы ради меня выслать такое чудище. Здесь что-то покрупнее, глобальнее, геополитичнее, трансконтинентальное...

Знать бы еще, должна ли эта тварь вернуться к хозяину или же работает по принципу беспилотного корректировщика. Если дело во мне, то сюда уже стягиваются какие-то темные структуры.

— Бобик, — сказал я, — подышал свежим воздухом?

Бобик широко зевнул, показав огромную пышущую жаром красную пасть.

— Вот-вот, — согласился я. — Возвращаемся.

В других городах уже давно ночь, свет погашен, а люди спят, набираясь сил для нового трудового дня, а здесь не только свет в окнах, но даже на улицах разожжены костры, на верталах жарят коровы туши. Музыка не умолкает, народ оттягивается, яркие языки огня подстегивают восторженно-дикарское веселье, в пляс пошли уже не только бродячие актеры, но и весьма добропорядочные с виду мужчины и женщины.

Я бросил пару монет, взял деревянный прут с обжигающе горячими ломтиками мяса, вкусно, прослойки из лука придают необходимый привкус, к тому же эти шашлыки на виду у всех по всем правилам сбрызгивают кислым вином, чтобы не подгорели и не ссохлись. Все прекрасно, народ здесь счастлив и веселится напропалую, как будто завтра уже конец света.

Дважды из толпы выскакивала какая-нибудь особенная отчаянная молодая женщина или уже совсем охмельевшая и, ухватив меня за руку, пыталась утащить танце-

вать, я отнекивался, и она, ухватив кого-нибудь из моих соседей, исчезала в вихре танца.

Дожевав мясо, неплохое, замечу еще раз, запил дешевым вином урожая этого года, в нем своя прелесть, бросил остальное Бобику. И вино, и мясо, и танцующие женщины — все прекрасно, но холодок пробегает по коже, как только вспомню эту черную птицу-ската размежом с целый квартал... «Церебальд, — вдруг вспомнил я, — это же Церебальд. Его появление предвещает великие потрясения».

Песни и веселые вопли мы услышали еще за два дома до постоянного двора. Двери распахнуты еще шире, в нижнем зале играют и пляшут приглашенные музыканты, служанки сбиваются с ног, разнося вина, эль и еду, воздух пропитан дразнящими запахами.

Бобик посмотрел вопросительно, я сказал укоряюще:
— Сколько в тебя влезает? Мы же спать идем!

Он вздохнул и побежал к дверям нашей комнаты. Мол, смотри, я помню, куда нас поселили.

— Молодец, — сказал я и, открыв дверь, впустил его, а сам, стоя на пороге, задействовал все виды зрения, все чувства. Пришлось держаться за косяк, комната кружится, как китайский зонтик в руках шаловливой девочки. Странно и дико видеть самого себя, размытого и в разных местах, уже поблекшего, но еще можно разобрать, что это я только-только осмотрел комнату и сейчас пойду ужинать...

Бобик порыскал по комнате и, тяжело вздохнув, грехнулся костями на пол.

— Мин нет, — согласился я и, перешагнув через него, прошелся по комнате, запер дверь на засов и подпер еще и поленом. Для удобства на полу для упора прибита небольшая железная пластина с выступом, сервис на высоте. — Но ты все равно бди.

Бобик вяло подвигал хвостом и закрыл глаза. Ноги гудят от усталости, но нервное возбуждение не дает рухнуть на постель. Итак, я прибыл в так называемый пле-

бейский город. Так называемый, потому что именно так называли в Средние века города, где власть от сеньоров переходила к выборным городским властям.

В плебейских городах сословие торговцев развивается как нигде быстро. Землями владеет только старая знать, а купцы крутятся без земли, у них только деньги, которые вкладывают в недвижимость. Церковь то и дело пытается раздавить их как класс, резко запрещая ростовщичество. Еще Христос учинил погром в храме, переворачивая столы ростовщиков, а потом избил их и выгнал, тем самым учинив первый в мире еврейский погром... Нет, конечно, еврейские погромы были и до него, были всегда, где евреи — там и погромы, но это был первый погром со стороны еще не оформленвшегося христианства, так что Христос оказался еще и первым антисемитом-христианином.

Правда, я привык жить по рыночным законам и могу трезво сказать, что церковь запрещает ростовщичество в первую очередь потому, что сама владеет огромными земельными угодьями и доход получает с них, но это будет неправда: в романтическое время Средневековья даже купцы нередко пренебрегали выгодой, а уж рыцарство и церковь — подавно. Исключения составляют немногие трезвые и прагматичные дельцы, которые и развивали эти плебейские города. Монстры для того времени и нормальные бизнесмены для моего прошлого времени: по трупам пройдут к своей насквозь материалистичной цели, пренебрегая всеми условностями церкви и рыцарства.

Бобик приоткрыл глаз, я все не ложусь, вздохнул и прикрыл лапой морду. Я разложил на лавке все доспехи и все оружие, что привез с собой: облачиться в полный доспех и появиться на улицах города... буду выглядеть, ну, пусть не то чтобы несовременно, но все-таки как чужак.

— Как чужак, — сказал вслух. Те горожане, которых встречал, хорошо одетые, многие даже пышно одеты, но

железо только на городской страже. — Гм, слишком большой скачок...

Но все-таки народ здесь одевается щегольски. Дворяне, купцы и богатые торговцы, что при таком раскладе являются знатными и уважаемыми гражданами, носят золотые украшения, еще лучше — что-нить редкое, старинное, что ценится выше золота.

Подумав, я вытащил браслеты Арианта. Не помню даже, чтобы служили мне, как доспехи, разве что в самом начале, а как украшения — глупо, у меня нормальная ориентация, только путаюсь, в какой стороне Юг и Север, а уж про зюйд-зюйд-вест у нас вообще только чукчи знают.

Прохладный металл приятно охладил кожу. Я нацепил одни на бицепсы, с удовлетворением отметив, что от моей неспокойной жизни они увеличились в размерах, а эти вот на запястья...

На бицепсах еще так-сяк, а на запястьях слишком уж по-женски, и хотя вроде бы выполняют некую боевую функцию, ну так ими вроде бы можно отбивать удары кинжала или даже меча... хотя не представляю, как это возможно. Дело даже не в ловкости, а тяжелый меч просто переломит руку...

Я крутил толстый браслет так и этак, украшений никаких, только непонятные знаки, то ли буквы незнакомого языка, то ли пиктограммы. В какой-то момент под пальцами вроде бы что-то сдвинулось, я насторожился, начал мять и двигать браслет по руке, поворачивая его то одной стороной, то другой...

Щелчок, браслет вдруг стремительно раздвинулся, рука от кисти и до локтя оказалась в стальной трубе, плотно охватывающей плоть до самого локтя.

Замерев, я смотрел тупо, потом решился потрогать браслет на бицепсе. Мять и щупать пришлось долго, наконец сумел в нужном месте расположить пальцы: щелкнуло, вниз побежали, наползая друг на друга, стальные колечки, еще один щелчок, и обе трубы соединились.

Я осторожно подвигал рукой, с локтем все в порядке, не обнажается, там все время блестит металл, надежно закрыто, рука моя защищена более чем надежно.

Скосив глаза, усмотрел зияющий раструб над верхней частью браслета. И сюда выдвинулись кольца! Я бессильно выругался, ну почему я такой идиот, поспешно вытащил из мешка кирасу, влез в нее, кольцо с моего бицепса само дотянулось до стальной дыры, из которой торчит моя рука, и перекрыла ее так надежно, что в этом рыцарском доспехе могу пройти по дну реки, рубашка останется сухой.

Идиот, толкалось в черепе горячее и злое, пока я проделывал все эти манипуляции, все время упрощая их, с браслетами на правой руке, ну самый настоящий идиотище...

Когда раздвинулись и полностью укрыли руку от кисти и до плеча, я увидел себя в прекрасном рыцарском доспехе, настоящем рыцарском, и выругался с таким стыдом и злостью, что Бобик открыл один глаз и посмотрел с явной укоризной.

Ну почему я не сообразил это раньше, когда такой доспех был так нужен в турнирных схватках или в боях? А здесь его не надеть, чтобы не вызывать недоброжелательного внимания...

Походив по комнате, я снял кирасу, стальные трубы кое-как сложил в браслеты, лег и долго старался заснуть, но сердце колотится часто и мощно, кровь ходит горячими волнами по телу.

Идиот, столько путешествовал, храня доспех Арианта в седельном мешке, сражался в простых, потому что доспехи Арианта и не доспехи вовсе с рыцарской точки зрения...

Завтра с утра надо поупражняться, чтобы браслеты на бицепсах и запястьях раскрывались при одном касании. И чтобы укрывающая руку сталь сливалась с кирасой в единое целое моментально, а не после случайного нажатия.

Помню, попадал впросак всякий раз с новой упаковкой молока, кофе или рыбы, неважно, всякий раз открывал с великими трудностями и не с того конца...

Надо еще присмотреться и к поясу, который захватил из сокровищниц леди Элинор. Недаром занимал такое почетное место, хотя с виду пояс как пояс, в том смысле, что нет изобилия золотых блях или драгоценных камней. Только ювелирность исполнения шепотом кричит о невероятной древности, когда существовали иные технологии...

Сон пришел незаметно, первую половину ночи я где-то скакал и летал, а потом произошло то, на что надеялся: не зря же на ужин ел жареное мясо, только от специй, что разжигают огонь в крови, воздержался. Все дело в том, что Санегерийя, как гласят старые источники, приходит во сне к одиноким мужчинам, а ее визиты заканчиваются поллюциями. Визиты всегда короткие, я еще в той старой жизни пытался растянуть это удовольствие, но получалось весьма плохо, в смысле, удавалось растянуть разве что на пару секунд дольше. Пусть даже на пять, но если дольше, то она вообще исчезала, оставив чувство разочарования...

На эту ночь я планировал совместить несовместимое: и потрахаться наскоро, и выудить какую-то ценную информацию за этот ничтожный период времени. Потому важно, что и как пожру на ночь: если лягу усталым и голодным, вообще не придет, а если нажрусь жареного мяса со специями, то эякуляция произойдет еще до того, как она подойдет вплотную, чарующе покачивая мощной грудью.

— Саня... — выдохнул я, чувствуя в теле приятное томление.

Она вынырнула из тумана, что принял форму крепостной стены, пошла ко мне жарким мягким телом, улыбчивая и покорная, отвечающая всем моим желаниям. Даже грудь тут же раздалась в размерах и приподнялась, от-

вечая моим запросам, а соски вздулись и вытянулись, ставши похожими на ягоды «пальчикового» винограда.

— Погоди, — сказал я торопливо, — ты так редко ста-ла приходить... Что-то случилось?

— Я прихожу, — ответила она чарующим голосом и подошла вплотную, — но ты утром уже не помнишь.

— Да, — ответил я, — по следам, гм, вижу, что посе-щала... Какие-то помехи?

— Помехи, — подтвердила она. — Еще не знаю, как их обойти. Если получится, смогу показать тебе наш мир... вы его называете демонским...

Она прижалась, я обхватил крепко-крепко, чувствуя под пальцами и всем телом сладкую податливую плоть, созданную только для чувственных утех, по мне прошла сладостная судорога, тело содрогнулось, в ушах послы-шался тихий довольный смех Санегерийи, пришла не зря, затем я ощущил, что вцепился в подушку, повернул-ся на другой бок и заснул снова.

Глава 8

Утренняя свежесть заставила поежиться, со стороны моря так вообще тянет взбадривающим холодком. Я при-нююхался, добавилась тонкая струйка ароматов свежеза-соленой рыбы, но воздух оттуда идет чистый и свежий, это здесь уже все ароматы цивилизации: от кухни прет вонь подгоревшего масла, там на огромной сковороде жарится дешевая рыба, несет несвежим бельем работни-ков кухни...

Стадо овец, мелко-мелко перебирая точеными ко-пытцами, тесной отарой вливается в распахнутые воро-та, а там, сбившись в кучу, застывает, только время от времени разрывая воздух резкими гортанными криками. Чабан побежал со всех ног на кухню спрашивать, куда их и сколько, на крыльце спустился хозяин двора, еще сон-ный, халат на груди распахнут, видна заросль густых кур-чавых волос, уже наполовину седых.

Я спустился с Бобиком в нижний зал, хорошо позавтракали, удивительно вкусно и дешево, прекрасная гостиница, а готовят все, что закажешь, только бы заплатил.

Мелькнула мысль наведаться в порт, но наверняка буду выглядеть глупо: сказали же, что корабль отправится только через десять дней, значит, нечего дразнить тамошних воров приличной одеждой дворянина. Мне вообще-то сказали, что корабль отправится не «только через десять дней», а «всего лишь через десять дней», мол, чтобы я проникся, как мне повезло. Я старался проникнуться, но как-то получалось плохо.

Бобика после завтрака оставил сторожить комнату, он тут же лег на мое ложе, скотина, и задремал, донельзя довольный. Я переоделся, стараясь выглядеть как можно более похожим на простого хотя и зажиточного горожанина.

Распахнул двери на улицу, в лицо ударили рокот... нет, еще не моря, а шум бурной жизни города: продают и покупают прямо во дворе гостиницы, отчаянно торгаются, а дальше народ заглядывает во все лавки, жизнь кипит, как будто не утро, а начало великой распродажи по скидкам, что продлятся только один день.

Заглянул к Зайчику, тот спит стоя, либо прикинулся, что спит, с ним никогда не угадаешь: спит или нет, всякий раз неподвижней каменной статуи, затем вышел из гостиницы, прошел два дома и остановился в удивлении. На доме широкая медная пластинка, оказывается, здесь живет и принимает великий маг Бибгеус. Я с минуту смотрел, стараясь понять, что это означает, но так ничего и не придумав, отправился дальше. Лавки, уличные лотки, крохотный рынок на перекрестке и снова домик с такой же медной табличкой: маг Гренер, тоже великий.

Я пошел, оглядываясь и удивляясь. В христианском мире это немыслимо, но в этом городе, как мне уже объяснили с восторгом, свобода, а я уже знаю, что при первых же проблесках свободы всякая дрянь вылезает из подворотен и быстро-быстро обирает лохов. Потом эта

же дрянь пробирается во власть. К счастью, здесь еще должна быть сильна аристократия, а цеховые организации только создаются, но власть сеньоров, судя по всему, не просто ослаблена, а даже заметно ослаблена...

Возможно, сами сеньоры и потворствуют черно-книжникам, а церковь здесь потеряла несокрушимые позиции, которые у нее там, по ту сторону Перевала, пока еще незыблемы и непререкаемы.

С другой стороны, разве это маги, что вот так живут в городе и принимают народ? Маги должны обитать высоко в горах, недоступные для простых людей, на дальних островах или в жутких заколдованных лесах, но уж никак не в простых, хоть и богатых домах.

Из мясной лавки вышла женщина с большой плетеной корзиной. Я бы не обратил внимания, женщина как женщина, но один из мужчин с той стороны улицы запустил в нее яблоком. Оно попало в плечо, женщина вскрикнула, и тут же еще двое таких же поддатых с довольно гоготом начали швырять сперва огрызки яблок, а потом и вовсе нагибались и хватали из-под ног камни.

Я вскипел, если бы бросали в мужчину, то и хрен с ним, чувство справедливости почти молчит, а женщину как-то тянет защитить, срабатывает чувство, что все женщины — наши, то есть мои, всех их я вообще-то могу, потому руки прочь от моих женщин, грязные твари...

Как-то сам по себе я развернулся, еще пара шагов — и оказался между женской и бросающими камни. Двое оторопели и остановились, третий по инерции бросил камень, тот ударился мне в плечо и отскочил, как от тугой резины. Я обрадованно потащил из ножен меч, на меня совершенно нападение, я всего лишь защищаюсь.

Все трое тоже все поняли и, топча друг друга, ринулись прочь. Я повернулся к женщине. Она, выронив корзину, с бледным лицом и закусенной губой держалась обеими руками за живот. Лавочники пугливо выглядывают из своих нор, на меня все смотрят настороженно, с опаской.

Я вложил меч в ножны, женщина подняла голову, я узнал все ту же, со сросшимися бровями. Поколебавшись, я поднял с земли корзину.

— Живете далеко?

Она помотала головой:

— Нет, во-он там мой дом...

— Я донесу корзину, — сказал я великолодушно. — Вижу, вам досталось.

Она взглянула с испугом, но я с корзиной в руке двинулся в указанном направлении, еще не разобрав, какой из домов ее, а женщина, чуть прихрамывая, пошла следом.

— Не везет вам, — заметил я.

— Да уж, — послышался за спиной ее прерывающийся голос.

— Уже второй раз, — сказал я, — а день только начался. И это в таком веселом городе! Даже очень веселом. Или это лично вас здесь не любят?

Она долго молчала, а когда я оглянулся, в ее темных глазах блестали недоверие и настороженность. Не выдержав моего взгляда, ответила сумрачно:

— Как вам сказать... Сейчас не любят, как вы говорите, меня. До этого так же не любили других...

Что-то в ее голосе заставило спросить:

— А где они сейчас?

Она ответила ровным голосом:

— Двое уехали из города, все бросив... одного убили.

Еще один переехал... в другую часть города.

Мимо нас проплыл ряд домов, впереди на значительном расстоянии за буйным садом выглядывает красная черепичная крыша огромного двухэтажного дома из белого кирпича, на крыше флюгер в виде петушка. Плодовые деревья теснятся перед домом, как стражи, справа и слева сад тянутся и тянутся: немного запущенный, даже заброшенный, но ветки гнутся под тяжестью яблок и груш. Я услышал треск и увидел, как опустилась до са-

мой земли обвешанная плодами ветка, а на стволе осталась белая рана.

Женщина, к моему удивлению, шла к этому дому.

— Прекрасный дом, — сказал я с почтением. — Вы там убираете?

Она качнула головой:

— Нет.

— Живете у родни?

— Да нет же...

Я удивился еще больше.

— Неужто ваш?

Она кивнула:

— Да.

— А сад?

Она вздохнула:

— И сад мой.

— Прекрасный сад, — сказал я с чувством. — Даже то, что он вот так... художественно запущен... в смысле, это красиво, когда все деревья не выстраиваются, как подданные короля на смотре, а просто живут своей жизнью. В таком саду уютнее, душа отдыхает.

Она посмотрела с удивлением, но смолчала. Забор высокий и добротный, а ворота массивные, как будто ведут в крепость. Женщина отворила калитку, я подал ей корзину.

Она чуть пригнулась под ее тяжестью, в низком вырезе платья блеснули ослепительно белым круглые полуширия молочного цвета. Я невольно бросил туда взгляด, эта женщина, по моим меркам уже чуть ли не старуха, сохранила молодость и красоту, а когда румянец вспыхнул на загорелых щеках, выглядит просто юной девушкой с ее ярким блеском глаз, зубов, с полными губами цвета спелой черешни.

Перехватив мой пристальный и довольно откровенный взгляд, она почему-то смущилась, опустила голову, от чего румянец разгорелся еще ярче и переполз и на щеку, а розовые уши запылали огнем, как факелы.

Я отвел взгляд, непристойно так разглядывать замужнюю женщину. Она из тех женщин, в присутствии которых чувствуешь себя мужчиной, в домах таких женщин всегда чистота и порядок, они умеют окружить самца заботой и лаской...

— Может быть, — сказала она нерешительно, как-то по-своему истолковав мое молчание, — зайдете?.. У меня почти готов обед, есть хорошее вино. С моей стороны это хоть и не совсем... правильно, но вы были так добры ко мне! Вчера и сегодня...

Я кивнул:

— С удовольствием. Я в самом деле не прочь перекусить. Вроде бы позавтракал, но здесь такой воздух с моря, что уже снова готов ублажать желудок.

Она придержала калитку, я пригнулся и втиснулся во двор. За спиной звонко щелкнуло, впереди уложенная неровными булыжниками дорожка к дому, по обе стороны кусты роз, что превратились снова в терновник, из которого их когда-то вывели, а за кустами огромный сад из яблонь, груш, абрикосов, слив, дальше вообще сплошная стена деревьев, спелые плоды блестят на солнце округлыми боками.

Я снова взял корзину и пошел за женщиной, успев прощупать ее в тепловом и запаховом, но женщина как женщина, в расцвете лет, гормональное развитие на высоте, пахнет свежестью, тепловой фон равномерно распределен по всему телу, разве что в верхней части туловища багровости больше, но это говорит всего лишь о том, где больше крови, а ни о какой-то ведмечести.

— За этим садом сразу море, — сказала она, не обрачиваясь. — Но там пустой и каменистый берег.

— Все равно схожу посмотреть, — ответил я. — Я так долго к нему шел!

Она чуть покосилась на меня через плечо. Глаза удивленные, спросила с недоумением:

— К морю?

— Да.

— Да что в нем хорошего?

— Кому как, — ответил я. — Есть же влюбленные в море?

Она зябко передернула плечами:

— Не знаю. Я так его ненавижу.

— Почему?

— У меня отец и мать утонули в бурю.

— Сочувствую.

Она снова оглянулась, смягчила тон:

— Весь наш город превратился в... сплошное развлече-
ние. Люди перестали работать, только развлекаются.
Потому и дивлюсь, чтоб одинокому молодому сеньору да
не найти себе развлечений в самом городе?

Я хотел было уточнить, что разве нет других развлечений, поинтереснее, но подумал, что лукавлю. Во все времена главными остаются базовые радости: выпить и потрахаться, потрахаться и выпить. И не так уж важно, трахаешься в пещере или на компьютерном столе.

— Вообще-то верно, — согласился я. — Но с этим у-
спеется.

— Да и море не убежит...

Дорожка подвела к крыльцу дома, там с одной стороны кусты роз вообще потонули под мощными зарослями чертополоха, с другой стороны — рассохшаяся бочка под водостоком с крыши, обручи проржавели и свалились, вода выбежала в щели. Женщина посмотрела на меня виновато, почти умоляюще.

— Руки не доходят...

— Да-да, — согласился я, — сад просто неимовер-
ный... Так и кажется, что тянется до края света.

Она поднялась на крыльце. Я гадал, что же случи-
лось, что одна в таком огромном хозяйстве. Не говоря
уже о саде, сам дом содержать — это не меньше трех слуг
надо, да и тем не придется сидеть сложа руки.

В доме, на удивление, чисто, в первой же комнате
светло, большой стол с тщательно выскоубленной по-
верхностью, чистые шторы на окнах.

Она слабо улыбнулась:

— Я сейчас соберу на стол.

— Да, если не слишком побеспокою...

Наверху на лестнице послышались звонкие детские голоса. Я поднял голову. По ступенькам сбегают двое мальчишеч, такие же черноволосые и со сросшимися густыми бровями, фамильная черта. Увидев незнакомца рядом с мамой, замерли, глядя на меня испуганными черными, как спелая смородина, глазами.

— Мои старшенькие, — сказала женщина тепло, — Ганс и Фриц: А меня, кстати, зовут Амелия...

— Рад слышать, госпожа Амелия. Старшенькие, это значит, что есть еще?

— Есть, — ответила она почему-то грустно. — Аделька и Слул. Они еще совсем маленькие. Гансу и Фрицу одиннадцать и десять, а тем пять и три.

— Счастливая у вас семья, — сказал я дежурную фразу, улыбнулся детям, повернулся...

...и язык прилип к гортани. На дальней стене в простой раме портрет мужчины средних лет. Рисовал явно не придворный художник, а кто-то из начинающих гениев: смело, остро, без мелких деталей и вытююливания, потому портрет выглядит почти живым, хотя это всего лишь набросок с хорошо прорисованным лицом, а плечи и грудь лишь намечены небрежными штрихами.

Холодок продолжал растекаться по моему телу. Этого человека я уже встречал, да не просто видел... Да, это крупное лицо с холодными и жестокими глазами, тогда, помню, на меня пахнуло могильным холодом... И сейчас — как будто я на миг потерял одежду, стоя на холоде.

Госпожа Амелия проследила за моим взглядом. На лицо ее легла печаль.

— Это мой муж.

— Гм... — пробормотал я, не зная, что сказать, — прекрасный портрет... Очень талантливо передано. Уверен, что и сходство тоже...

Она кивнула:

- Да. Все говорят, что как вылитый.
- Художник живет в городе?
- Нет, уехал в столицу. Пригласили ко двору. Кто-то из знатных увидел его работы.
- Понятно, столица всегда забирает самых талантливых. А муж... дома?

Я отводил взгляд, спрашивать такое очень уж не по себе, знаю же, где я его оставил, утыканного стрелами, а женщина, словно ощущив недосказанное, посмотрела тревожно и вопрошающе.

- Нет... он уехал пять месяцев назад.
- И...
- Не вернулся, — договорила она с трудом. — До сих пор не вернулся.

— Да, — ответил я, — да...

Она спросила быстро:

— Что «да»?

Я сказал неуклюже:

— Времена неспокойные. Мало кому удается уложиться в те сроки, какие наметил. Что-то да задерживает...

Она сказала тоскующее:

— На этот раз он задержался... слишком.

Глава 9

На стол опустилась миска с высокими краями, пахнет вкусно, я зачерпнул деревянной ложкой, горячий суп приятно обжег рот и прокатился в глотку. Желудок наконец затих и занялся своим делом. Я хлебал суп, прикусывал свежим хлебом, на столе появилось и мясо, а когда мясо, это еще не крайняя бедность, хотя и богатством здесь не пахнет. Скорее разрушением, как в умирающей дворянской усадьбе.

— Чем занимается муж?

— Торговыми делами, — ответила она не задумываясь.

— Купец?

— Нет, — сказала она в некотором затруднении, — он мне долго объяснял, но я не все поняла. У них очень сложно, в торговых делах много людей: одни перевозят товары, другие продают, третья хранят на складах, четвертые ищут выгодные сделки... Он как раз искал, потому все время в отъездах.

Я пробормотал:

— А с виду... гм... человек семейный, домашний.

Она ожила, глаза засияли.

— Да, он очень семейный! Всегда с таким удовольствием возвращался. И всегда говорил, что нет на свете места лучше, чем родной дом и родная семья. В последний раз обещал, что как только завершит эту сделку, то осядет и будет заниматься только садом. А то насадить насадил, а за ним уход тоже нужен...

— Да, — согласился я, — ужас, как все запущено.

После супа был каплун с салатом, налив тущеный и великолепный пирог с черникой. Я в самом деле ощутил голод, хотя намеревался после сытного завтрака лишь пощипать, как принято у аристократов, чуточку одного, чуточку другого, а все прочее, дескать, уносите слугам, но разохотился так, что сожрал все, даже тонкие косточки молодого каплуги схрумал, как пес, оставив только заостренные осколки не крупнее спички.

Она счастливо хлопотала у стола, очень довольная, что может кормить мужчину, это первейшая женская обязанность — накормить, хорошо накормить, я допил чай из душистых трав и прямо посмотрел на хозяйку.

— Счастлив тот, кому удалось уговорить вас выйти за него замуж. Мне кажется, такой дом мог выстроить только счастливый человек...

— Не знаю, — ответила она со вздохом. — Иногда он выглядел очень счастливым. Но не всегда... Он очень любил это место. Я сперва не понимала, смеялась над его прихотью поселиться у моря. Для нас, уроженцев степи, здесь не совсем... уютно.

— А потом?

Она вздохнула:

— Потом я ощутила нечто... Здесь свое очарование, совсем не то, что в наших степных просторах. Видите наш сад? Там больше тысячи деревьев, я даже не знаю, сколько на самом деле... но если в степи разнообразия лучше не искать, то здесь чуть ли не каждое дерево дает свои плоды. Не такие, как на соседнем. Правда...

— Что?

Она вздохнула снова:

— Я бы все оставила и поселилась в другом городе, тихом и спокойном, если бы могла... Мне никогда не нравилось, когда море так близко. Но муж обожает, если море рядом.

Я отводил взгляд, язык не поворачивается брякнуть, что муж не вернется. Оттуда не возвращаются.

— Госпожа Амелия...

Она поспешино кивнула:

— Можно просто Амелия, ваша милость.

— Хорошо, — согласился я, — просто Амелия... Мой корабль будет готов к отплытию не раньше, чем через неделю. Все это время придется торчать в этом, как вы говорите, очаровательном городе. В гостинице готовят не плохо, но там слишком шумно. Я не люблю вскакивать среди ночи от того, что под окнами очередная драка. Дрались бы молча, а то... Словом, у вас мне понравилось. Я предпочел бы остановиться в таком тихом доме. И еще мне чудится, вы даже готовите намного лучше, чем в гостинице. В цене, думаю, сойдемся...

В подтверждение я бросил на стол пару золотых монет. Ее глаза округлились, на блестящие желтые кружки смотрела неотрывно. Я сохранял вид толстого и богатого, наконец она сказала с неуверенностью:

— Не знаю, удобно ли это...

— Вы просто сдаете комнату, — сказал я. — У вас их достаточно. Я плачу за чистую комнату, постель с чистыми простынями и хорошую домашнюю еду. Разве не ос-

становятся знатные люди у своих друзей, предпочитая их общество гостиничному люду?

Она в нерешительности кивнула:

— Да, но знатные у знатных...

Я прервал:

— Знатные останавливаются не у знатных, а там, где удобнее. Обычно у знатных условия лучше, потому их и предпочитают. Но у меня в этом городе друзей нет, даже знакомых нет. Зато вижу, что у вас чисто, уютно, а обед очень хорош. Все, без возражений! Я занимаю у вас лучшую комнату. Ну, которая для гостей. Кстати, возьмите еще пару монет. Купите на рынке лучших продуктов.

Она возразила:

— Ваша милость, здесь слишком много!..

Я отмахнулся:

— Ну что вы все спорите? Женщина должна быть мягкой и пушистой.

Она упрямо покачала головой:

— Я куплю из тех денег, что вы уже дали. А эти заберите. Даже знатные люди в золоте всегда нуждаются.

— Только не я, — светло ответил я и улыбнулся, я ведь в самом деле богат, хотя никогда об этом не задумывался. — Я как раз не нуждаюсь.

— Почему? — спросила она в удивлении.

Я пожал плечами:

— Человек без амбиций. Не набираю армий, не строю поместий и замков, не держу богатых любовниц. Все, что мне надо, это чистая комната, чистая постель и хорошая еда... о чем мы уже договорились! Вы пока приберите мою комнату, а я пройдусь по городу.

Я был уже у двери, когда она сказала мне в спину:

— Сеньор...

Голос звучал странно, я оглянулся, она смотрела мне в глаза с немой надеждой и ожиданием.

— Сеньор... вы очень добры к нам.

Похоже, хотела сказать что-то другое, но смогла только вот так, я отмахнулся:

— Да пустяки.

Она не сводила с меня напряженного взгляда:

— Сеньор...

— Да?

— Почему вы так добры к нам?

Я улыбнулся как можно беспечнее:

— Долг рыцаря — защищать женщин.

Ее веки не дрогнули, продолжала рассматривать меня пристально и настороженно.

— Когда благородные рыцари произносят слово «женщины», подразумевают благородных дам. Просто-людинки для них... не совсем женщины, которых обязана защищать. А вы защитили меня уже второй раз.

Я поморщился, никому не нравится, когда замечают то, что хочешь скрыть, ответил с графской небрежностью:

— А почему благородному рыцарю не защитить оди-нокую женщину? Особенно если подворачивается повод дать оплеуху не просто так, а за правое дело?

Она произнесла медленно, как мне почудилось, все же с некоторым разочарованием:

— Так это просто совпадение?

— Конечно, — заверил я. — Через неделю я буду да-леко-далеко от этого города. А единственными спутни-ками будут вечно пьяные моряки и рыба за бортом ко-рабля... Говорят, еще там морские дивы с вот такой гру-дью и рыбьими хвостами.

Я улыбнулся ей снисходительно-покровительствен-но, она в ответ улыбнулась тоже, мягко и по-женски, у нее хоть и нет хвоста, но вот грудь на месте, морские ди-вы позавидуют.

— Как скажете, сеньор...

Уже возле дверей я повернулся и хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Еще со мной будут два моих верных спутника. Она вскинула брови.

— Для них тоже приготовить комнаты?

Я покачал головой.

— Не стоит, пожалуй. Один предпочтет спать у моей постели, вот такие у него причуды, а второй и вовсе предпочитает конюшню, где хорошо и вкусно пахнет сеном.

Она поняла, заулыбалась. Я кивнул и вышел, на крыльце задержался, давая глазам привыкнуть к яркому солнцу, что бьет прямо в лицо.

Из левой стороны сада донесся быстро приближающийся конский топот. Судя по грохоту копыт, сюда мчится целый отряд, я насторожился, сделал шаг назад, упервшись спиной в дверь. За деревьями замелькали всадники, их человек десять, нещадно топчут кусты малины и смородины, прут напрямик, уверенные, наглые.

Мне показалось, что скачут так уже не первый раз, вон поломанные не сегодня кусты, я велел себе не трусить, спустился с последней ступеньки на землю. Умнее бы отступить с дороги, но злое чувство заставило обнажить меч и выйти навстречу.

Передний всадник очень уж не понравился: могучий мужик с квадратным рассерженным лицом, отсутствие шеи, голова сидит прямо на плечах, руки толстые и мускулистые. Взмыленные кони храпят и роняют грязно-желтую пену с удила.

Передний придержал коня, я играл обнаженным мечом, пуская ему солнечные зайчики в глаза. Он прищурился, рявкнул зло:

— Ты кто такой?

— Тот, — ответил я, — кто здесь по приглашению хозяйки. А кто вы, что вторглись в частные владения?

Он фыркнул, оглядел меня с высоты седла, как никчёмную букашку.

— Ты понимаешь, что бормочешь? Нас девять человек!

— Да хоть тысяча, — ответил я. — Это частное владение. Разве закон не запрещает вторгаться?

За спиной начали похаживать и рассматривать меня с тем интересом, как в другое время и в другом месте

рассматривали Дон Кихота на его Росинанте и с тазиком на голове. Вожак прорычал раздраженно:

— Я — Вильд, старший сын самого Бриклайта! И потому езжу там, где изволю!

— Вот как? — поинтересовался я. — Ты так езишь и через земли членов городской управы? Или только через земли беспомощной женщины?

Он побагровел, глаза метнули молнии, но спутники умолкли, посматривали на меня чуть ли не с сочувствием. Я поиграл мечом снова.

— Знаете что, — сказал я. — Не будем нагнетать... Скажем, я вас предупредил. Сейчас отпускаю даже без штрафа. Но в следующий раз, если поедете вот так, я сумею...

Один из-за спины босса сказал почти благожелательно:

— Парень, закон занимается важными делами. А с такой мелочью мы управимся и сами.

— Хорошо, — ответил я уступчиво и сошел в сторонку с тропки. — Думаю, я тоже сумею управиться... помо-гая закону, понятно.

Оба расхохотались, как удачной шутке, уже собирались унестись, настегивая коней, но Вильд придержал коня и сказал люто:

— Смотри, чужак! Ты мне очень не нравишься. Я могу тебе просто свернуть шею.

— Убрать меч? — спросил я. — Уберу. А ты слезай, посмотрим. Я обещаю переломать тебе только руки и ноги. Я добнее.

Он поколебался, хоть он и на коне, но видно же, что я почти на голову выше, сухого жилистого мяса на мне больше. И хотя он привык ломиться сквозь препятствия, как лось через кусты, но не дурак, сообразил, что дам хороший отпор. В другой раз бы и рискнул выместить на мне всю злость, но только не на глазах своих людей, а то вдруг в самом деле окажется бит.

Он процедил наконец:

— Ты чересчур... дурак. Мы будем ездить, где и ездим. Но тебя в другой раз предупреждать не стану.

— Я вас тоже предупредил, — сказал я мирно. — Езжайте. И передайте всем, что отныне сад закрыт для посторонних.

Они унеслись, в ту сторону, в какую и направлялись, а я смотрю им вслед, меч все еще в руке, но во рту горечь и запоздалое раскаяние. Ну какого хрена задрался еще и с этим? Видно же, что этот Вильд, как он назывался, — подлый человек. Не столько даже подлый, это я так, перегнул, но не привыкший отступать, а я заставил отступить перед лицом его команды. И хотя с дороги ушел вроде бы я, дал им проехать, но бросил ему вызов, даже предложил схватку, а он... отказался, чего простить мне уже не сможет.

Такие вот приходят на новые земли, убегая от несправедливости баронов, быстро обустраиваются на новом месте, споры с такими же переселенцами решают кулаками да дубинками, до убийства доходит редко, но постепенно одни богатеют и набирают мощь, другие остаются на том же уровне, а третьи нишают, разоряются. Этому Вильду... нет, его отцу Бриклайту, о котором он сказал с такой гордостью, удалось с землей, домом, скотом и хозяйством, сам уверовал в свою непогрешимость и непобедимость, вот теперь и сынок ломится, не обращая внимания на препятствия.

Ни на те, которые ломать надо, ни на те, которые ломать... нехорошо.

Глава 10

Первые поселенцы спускались к морю через могучий лес, упирающийся вершинами в небо, потом протоптали тропку. На дома рубили лес, понятно, с краю, тем самым отвоевывая пространство. Прошло два поколения, и уже на месте леса, спускавшегося прямо к воде, — поля с гречкой, рожью и пшеницей, овсом.

На диво хорошо прижились сады: ветки гнутся и трещат под тяжестью краснощеких яблок, медовых груш, слив размером почти с кулак. Прижились абрикосы и персики, апельсины, их охотно скупали оптом и развозили в другие города и земли королевства.

Я вновь окинул взглядом огромный сад, захвативший огромное пространство от леса и до полоски воды, полюбовался широкой аллеей... когда-то широкой, а сейчас с двух сторон теснят хищные заросли малины, ее корни умеют взламывать даже самую утоптанную землю.

Между деревьями вымахала крапива, чересчур быстро разрастается сирень, терновник. Как и везде, культурные деревья отступают под натиском тех, которые прижились среди них, а сирень и малина так и остались дикими, да вон еще крыжовник победно захватывает пространство, не позволяя в своих колючих зарослях пробиться даже чертополоху.

И все-таки сад все еще дает богатейший урожай. Пусть не тот, что при живом хозяине, но все равно для Амелии, как видно, хватает собранного, чтобы содержать дом, покупать одежду и обувь.

Сад остался далеко за спиной, я медленно брел вдоль домов, неспешно погружаясь в атмосферу города. Во всех книгах и фильмах о Средневековье, что прошли через мои руки, везде узкие улочки, на которых не разъедутся две телеги, а меня как раз поражает и умиляет, что большинство горожан не просто держат коров, коз, свиней и пернатую живность, но работают на полях и огородах за стенами города. Более того, в самих городах обычно располагаются обширные поля и луга, где пасется скот, так что любой город агромаден, если судить о нем по периметру городской стены.

Правда, этот Тараксон как раз бурно застраивается. И пусть простенькими одноэтажными домиками, но эти домики теснят луга в центре города, новые поселенцы активно включаются в бурную городскую жизнь... Во главе города встали явно очень активные сволочи, но я и

раньше знал, что мафия более эффективна в управлении, чем чиновники.

На ближайшем перекрестке бродячие артисты устроили представление: жонглеры бросают в воздух сразу по три-четыре дубинки, народ ахает и хлопает в ладоши непрерывному сверкающему в воздухе ожерелью. Музыканты остервенело дуют в трубы и бьют в жестяные тарелки, а очень вызывающе одетая женщина зажигает в искрометном танце.

Я полюбовался малость: в самом деле ей нравится вот так показывать длинные красивые ноги, в то время как остальные женщины вынуждены прятать их под юбками до земли, нравится сверкать улыбкой и обнаженными до плеч руками, что с церковной точки зрения тоже недопустимо, как и трясти гривой черных как смоль волос: волосы женщины должны быть укрыты платком, а без него женщина считается распущенной и порочной.

А вот ей ничуть не в лом, что распущенная и порочная, даже хвастается этим в танце, выставляя вызывающе то грудь, то плечи, вихляя бедрами и оттопыривая задницу.

Не успела стихнуть за спиной музыка, как начала перекрывать другая: на другом перекрестке такая же группа, только здесь пляшут уже две женщины, еще раскованнее, еще эротичнее, можно сказать, хотя такого слова еще нет, а музыканты вообще озверели: дудят, звенят, звякают, приплясывают сами, и вот уже в толпе притопывают задними конечностями, пока ловкие ребята срезают у них кошельки...

Дальше я встречал еще группы жонглеров, фокусников, метателей ножей, двери питейных заведений распахнуты, чувство всеобщего веселья начало захлестывать и меня, уже начал улыбаться в ответ на заигрывание красоток на улице, не все же из них профессионалки, есть и любительницы, мясо и здесь жарят прямо на улице: где на верталах, где на огромных сковородах, мальчишки бе-

гают по улице с кувшинами колодезной воды, сгибаются под бурдюками вина.

Город начинает нравиться... нет, не то слово, он понравился сразу. Даже та стычка с уличными хулиганами не слишком испортила впечатление. Вот эта раскованность, свобода — это что-то. Да и вообще здорово, когда народ веселится, а не ходит угрюмый в заботах, где бы добыть кусок хлеба на пропитание.

И если бы не ощущение, что Адальберт тоже здесь, что взамен волшебной чаши он в здешних лавках в состоянии отыскать что-то и поопаснее...

Очень часто попадаются лавки, торгующие древними вещами. Все их принято считать волшебными, колдовскими. Я начал присматриваться, наткнулся на человека, что загородил дорогу и стоит, как столб, задрав голову кверху.

Я собрался отпихнуть, но он, не глядя на меня, сказал с благоговейным испугом:

— Этого еще не хватало!

С запада быстро наползает угольно-черная туча, под ней прогибается и опускается глуповато-синее небо, как будто по тонкому льду мчится огромный вездеход, спеша успеть перескочить на другой берег. Даже на таком расстоянии видно, что туча именно мчится, несетя, а не наползает величаво и медлительно. Чувствуется, что в ее недрах сотни тонн ледяной воды, да какое там сотни — миллионы! — и непонятно как все это держится там, но понятно, что непрочная ткань прорвется и вся масса воды с грохотом и шумом обрушится на беззащитный город.

— Прячьте товар! — прокричал кто-то. — Закрывайте окна и двери, а то побьет все...

Другой голос проорал возмущенно:

— Куда городской совет смотрит?

Мне послышалось нашенское «За что я плачу налоги?», но народ поспешно утаскивал разложенные товары с улицы в дома. На залитую солнцем улицу пала черная

тень и понеслась, прыгая по домам, погашая блеск окон и зачерняя белые стены.

Кто-то схватил ослика под уздцы и потащил его вдоль по улице подальше от моря. Я все понимал, видел, как однажды такая же туча обрушила океан ревущей воды, мгновенно затопила улицы и нижние этажи домов, с таким же торжествующим ревом понеслась бурными грязными потоками вниз, утащила вместе с мусором несколько небрежно припаркованных... гм, телег и благополучно утопила их в море.

Местные сочувствовали приезжим, те всегда страдают больше всего, но в сочувствии проклевывалась некая гордость за свой неистовый ливень, за дикую грозу, за ослепляющие удары молний и жуткий грохот, от которого трясеется и подрагивает земля, как испуганный молодой конь.

Двое-трое из наиболее солидных горожан сутились нешибко, часто останавливались и посматривали на тучу, один наконец сказал с мрачным удовлетворением:

— Успели...

— Думаешь, не сразу увидели? — спросил второй.

— Да... По-умному надо бы стороной пустить... А то вдруг да выронит воду.

Второй покачал головой.

— А вдруг совет хотел показать, насколько он силен?

Мол, через весь город, и ни одной капли!

Первый хохотнул:

— Скорее, этот Бриклайт забавляется. Хотелось посмотреть, как народ засуетится.

— Ну, он же серьезный человек! А это какое-то мальчишество...

— Знаете ли, для кого-то просто веселье — посмотреть, как весь город пугается...

Он заметил, что я прислушиваюсь, улыбнулся, человек с улыбкой нравится всем, потому выгоднее улыбаться, чем хмуриться.

— Впервые такое видите?

- Впервые, — признался я.
- То-то...
- Такая мощь!
- У нас еще не то увидите, — заверил он.

Туча остановилась над городом, задевая брюхом верхушки башен. От нее пахнуло холодом океанских глубин, я ощущал миллионы тонн воды, содрогнулся, представив, как вся эта масса рухнет на такие непрочные домики.

- А разве такое возможно?

Горожане, не отвечая, с беспокойством смотрели на тучу, а та опустилась еще ниже, потемнело, в недрах грозно вспыхивает багровым, затем сдвинулась и медленно поплыла дальше.

Оба с облегчением перевели дух, один сказал с неудовольствием:

- Я не знаю, зачем он это делает!
- Показывает силу...
- Но это уже слишком. Мне это не нравится.
- Мне тоже, — признался второй, — но эта сила служит городу. Так что наши деньги потрачены не зря. Такой ливень переломал бы половину лавок и перепортил бы товар.

Я кашлянул, спросил льстиво:

- Вы сказали Бриклайт... Это местный маг?

Они переглянулись, первый сказал с видом полного превосходства:

— Берите выше. Это заместитель главы городского совета.

- Это он... тучу?

Горожанин расхохотался, засмеялся второй. Я виновато развел руками, все понятно, главе городского совета подчинены и все местные маги.

- А Вильд, — сказал я, — он тоже в городском совете?

Они переглянулись, первый поморщился:

— Думаю, господину Вильду это и не нужно. Он и так полный хозяин почти трети города. Здесь полно гос-

тиниц и постоянных дворов, как и просто трактиров... в каждом теперь по комнате, где наготове продажные женщины...

Он говорил осуждающе, но глазки заблестели, второй тоже сказал голосом оскорбленного достоинства:

— К сожалению, в этих тавернах можно попробовать запретные по всей стране снадобья... Не знаю, почему король не запретит это все...

— Я бы запретил, — сказал первый. — Мы что, а вот дети...

— Да-да, — подхватил второй, — именно ради них нужно хотя бы ограничить...

Они откланялись, я тоже поклонился, и оба удалились, чинно беседуя. Мне показалось, что направились как раз к одному из таких трактиров, где и женщины вполне доступные, и всякие там запретные травки.

Я перевел дух. Мага такой моши еще не встречал, чтобы тучу над городом, не проронив ни капли. Наверняка образовалась сама по себе, но маг перехватил на подходе, сумел удержать в ней воду, а там за городом пусть делает что хочет...

В руках жонглеров снова замелькали разноцветные дубинки, зазвучала музыка, а я пошел вдоль лавок, с понятной жадностью заглядывая в те, где написано «Магия». Конечно, почти все здесь, что продаётся как волшебное — обычные безделушки, но раз уж их добыли из руин старых городов, за ними цепляется титул магических.

По городам и даже по королевствам то и дело прокатывается слух про очередного крестьянина, что прямо на огороде выкопал древнюю вещь, исполняющую любые желания. Он начал хотеть сперва всех соседских баб, ну это понятно, все мы такие, это дело у нас на первом месте, потом восхотел богатства и тут же получил, затем расхрабрился до того, что стал королем. Или вон тот, что тоже случайно отыскал магическую штуку, она ему тоже натаскала и драгоценных алмазов, и золотых слитков и

сундуки с золотыми монетами, а потом он восхотел стать кем-то таким, что сам не сумел справиться, и сгинул в одночасье, и волшебная штука не спасет, если не знаешь, откуда ждать удара в спину...

При таких рассказах у всех глаза горят, слюни текут, каждый уже примеряет, что он сделает и как поступит, чтобы по-умному распорядиться магической мощью. Уж он-то глупостей не наделает, а будет пользоваться неспешно, скрытно, а всех баб и сундуки с золотом получит тайно, так что никто и не догадается, что с помощью магии... А потом и королем станет без спешки, а медленно и осмотрительно...

Уже вечер, но распахнуты двери не только трактиров и борделей, но и всякого рода торговых лавок. Я перешел из одной в другую, в одной засмотрелся на пару старинных с виду книг, спросил у хозяина:

— Неужели эти книги никто не хочет купить?

Он ухмыльнулся:

— Как не хотят? Многие хотят. Но одних отпугивает цена, других... гм, недостаточная квалификация, так сказать. А вы интересуетесь? Вам я продам недорого, ибо, судя по платью, вы человек умный и благородный.

Я кивнул:

— Да, я само совершенство. Добавь еще и щедрый, чтобы я постеснялся торговаться.

Он покачал головой, в глазах укоризна.

— Да разве я посмею сомневаться в вашей щедрости?

— Что в книгах? — спросил я.

Он посмотрел с недоумением.

— Ваша милость... купите, узнаете.

Я удивился:

— А ты не знаешь?

— Нет, — ответил он, и я видел по его лицу, что не врет.

— А как же продаешь?

Он всмотрелся внимательнее.

— Э-э, ваша милость, издалека вы прибыли, если не

знаете таких простых вещей. Кто же рискнет открывать такие книги... если не готов? Я простой купец, с магией незнаком. Ну разве что с самой простой. Я не рискну открывать такие книги ни за какие сокровища!

Книги выглядят безобидными толстыми фолиантами, не слишком древними. Даже переплеты не из латуни или меди, а из простого дерева, из-за чего и возникло старое выражение «прочесть от доски до доски». Но я вспомнил жутковатые рассказы о сборниках заклятий, на которые маги накладывали особые защитные чары. Несведущий, начав произносить вслух любое из заклинаний, превращался в жабу или же попросту умирал мучительной смертью. Некоторые книги вообще нельзя раскрывать, иначе сразу смерть, порой причудливая, а иные для вида прикрыты слабенькими заклятиями, а когда обрадованный маг их снимет и начинает разбирать тайнопись прежнего владельца, тут его и настигает настоящая кара...

Хозяин лавки следил за мной понимающими глазами.

— Вижу, — произнес он, — вы поняли.

— Понял, — вздохнул я. — И хотя не побоюсь открыть такую книгу, я же благородный человек, а нам нельзя быть трусами... но я же неграмотный, как и надлежит благородному. Так что ладно... А что это у тебя там на полке?

Он повернулся, проследив за мои взглядом.

— Эта?

— Нет, левее.

— Эта?

— Нет, — повторил я. — Ты ее задвинул вон за ту стопку. От кого-то прячешь?

Он с неохотой вытащил томик.

— Его мне сегодня принесли. Я еще не успел посмотреть и оценить.

Глава 11

На ладони книга показалась непривычно легкой, я же помню вес книжных фолиантов. То же самое, что поднимашь колоду из плотного дерева. Переплет обтянут кожей, если это кожа, а страницы... гм, явно не бумага, не бумага. Я слышал, что она бывает еще какая-то веленевая, тряпичная, глянцевая, но это больше похожа на пергамент, хотя и не пергамент, как и не папирус. Китайские книги древности вроде бы писали или переписывали на страницы из шелка, но это и не шелк...

Волосы зашевелились от странного узнавания, что-то ближе к синтетике, но выше, современнее, технологочнее, однако же само понятие книги устаревало в мое время, пошел переход на электронные носители, а здесь настоящие книги, массивные и неуклюжие, как будто в продвинутом мире кто-то начал на сверхсовременном оборудовании изготавливать лапти, коромысла, деревянные ложки и хомуты.

Хозяин следил за мной с интересом.

— Уже встречали такие?

— Нет...

— А я уж подумал... У вас такое лицо!

Я пробормотал:

— Да просто не понимаю, почему такой шум вокруг этих книг. Подумаешь, книги! Вот мечи бы отыскали какие волшебные...

В его лице что-то неуловимо изменилось, вроде бы и улыбается по-прежнему профессионально открыто и честно, но смотрит как на богатого дурака.

Выйдя из книжной лавки обратил внимание на то, что можно заметить, только выйдя именно из книжной.

Пьяных гуляк на улице, как будто весь город упился до положения риз. Одни по двое-трое, другие разгуливают в обнимку и орут непристойные песни, трети ищут приключений в одиночку. В одном месте драка, в другом явно дворяне сражаются на мечах, но как-то лениво и напоказ, кровью не кончится, а за такими даже наблю-

дать неинтересно. Помирятся и пойдут в ближайший трактир праздновать примирение и вечную дружбу.

Задорно цокая подковами, то и дело проносятся извозчики, пассажиры, как водится, пьяные, платят щедро. Молодежь разгуливает большими ватагами, орут веселые песни, свистят и безобразничают, нагло и задиристо поглядывают по сторонам, с кем бы подраться, но так, чтобы вдесятером на одного... Ну это знакомо, шпана и в Тараконе — шпана.

Время от времени ко мне начинали приглядываться сомнительного вида мужички. Дважды даже подкрадывались сзади, но я замедлял шаг и опускал ладонь на эфес меча, шаги тут же начинали удаляться. Надеюсь, походка у меня по-прежнему трезвая, а чего с такими связываться, когда полно вдребадан пьяных.

Мелькнула мысль, что стоило бы купить книгу, но сам себя взял за горло и напомнил, что я еще не разобрался с теми заклинаниями, которые вычитал у мага Уэстфорда, откуда у меня столько жадности: гребу и гребу, пора бы уже сесть и понять, что нагреб. А то нечаянно и гранату можно загрести...

— А вдруг там всего лишь кулинарные рецепты, — сказал себе в утешение. — Все может быть. Кулинарные чаще всего издаются в роскошных фолиантах.

Вступая в разговоры на рынке, узнал, что в Тараконе не случайно идут такие интенсивные раскопки. Вернее, не в самом Тараконе, а малость восточнее, где располагался прежний город. По нему не шарахнуло во время последней Великой Войны Магов никаким оружием только потому, что в самом начале военных действий огромная волна пришла из океана и накрыла все прибрежные города вместе с его обитателями. А отхлынула только тогда, когда война уже закончилась...

Но если другие города и крупные поселения на континенте выжигались на сотни футов в глубину, то здесь бомбить вроде было нечего и некого, так что уцелело все, что ниже фундамента. Правда, большинство пришло в

негодность: что-то от воды, что-то от времени, но раскопщики отыскивают все еще очень-очень много странных вещей, которые за глаза принято именовать магическими.

Закатное солнце блистає торжественно и страшно, на него больно смотреть. Крыши горят кипящим золотом. Искрится и сверкает все, что из металла, даже самое тусклое начинает сыпать колючими искрами. Огромное солнце повергает в прах пышность земных королей несказанным величием, а затем вот так, выказав звездную мощь, превращается на моих глазах в плоский малиновый диск и медленно опускается за городскую стену.

Небо все еще грозно сияло, но на город опустилась полутьма, нежная и трепетная, в такой трудно вообразить зловещих летучих мышей, а только крохотных эльфов и сильфид.

Я все еще переходил из лавки в лавку, рассматривал, старательно задействовал все свои мыслительные способности, но я не академик, к мышлению не привык, оно у меня рвано-хаотическое: понимаю кусочками и тут же перепрыгиваю на другое. Ни на чем сосредоточиться надолго не могу, и если сразу не врубаюсь, то мозг буксует, как «жигуль» в снегопад, и требует переключиться на что-то попроще.

Там, где я слишком долго рылся в находках, вызывая глухое раздражение хозяев лавки, приходилось покупать какую-нибудь безделушку. Набил ими карманы, истратив почти все золото. У ближайшего ювелира продал горсть бриллиантов, остальные камешки оставил зашифтыми в седле. Но если траты пойдут такими темпами, придется идти с «копалкой» на охоту...

На город опустилась светлая лунная ночь, но внизу светло от факелов и светильников перед дверью каждого дома, не говоря уже о кострах на перекрестках и площадях.

Огляделвшись, я остановил одного из горожан, пока-
завшегося немолодым и степенным.

— Подскажите приезжему, здесь вообще-то церковь
есть?

Он вскинул брови:

— Церковь?

— Ну да, церковь, храм, костел, кирха...

Он хмыкнул:

— Впервые вижу человека, которому срочно понадо-
билась церковь. Похвально, похвально... Это совсем
близко! Видите квартал? Вот прямо и прямо...

Я поблагодарил, раскланялся, зачем-то сказал, что
церковь вообще-то мне на хрен не нужна, но это же
обычно самое красивое здание в городе, а мне как приез-
жу...

Горожанин понимающе оскалился, на церковь в са-
мом деле лучше смотреть снаружи, это красиво, а внутрь
заходить лучше совсем в другие дома, их здесь много, и
женщины там обслуживают с азартом и удовольствием...

Мы снова раскланялись, мы же мужчины, я отпра-
вился в указанном направлении. Этот квартал зачем-то
обнесли глухой стеной, а в воротах — целая группа стра-
жей. Правда, не профи, сразу видно дежурных из мест-
ного ополчения. Ребята крепкие, а оружие хоть и разно-
мастное, но в таких вот местах, где нужен и дальний удар
копьем, и режущий мечом, и завершающий удар топо-
ра — это все выглядит продуманно и вполне профессио-
нально.

К моему удивлению, меня ни о чем не спросили,
только окинули очень внимательными взглядами. Види-
мо, здесь защищаются от кого-то определенного. Напри-
мер, от парней из квартала справа или квартала слева.
Как известно, самые гадкие люди на свете — соседи, а
самые лучшие живут на другом конце континента, с теми
никогда никаких споров.

Дома выстроены в иной манере, но не сказал бы, что
другим народом или другой расой. А как если бы отдель-

но поселились католики среди православных или бретонцы среди фламандцев. Крохотные и почти незаметные отличия, а так же тесные улочки, между домами протянуты веревки, вода с плохо отжатого белья капает на головы прохожим. Крыши высокие, даже стрельчатые, по углам каждого дома настоящая водосточная труба, зев направлен в бочку. Видимо, дожевую воду предписано собирать из соображений пожарной, вернее, противопожарной безопасности.

На перекрестках статуи, встретился даже небольшой скверик. По ту сторону разглядел небольшое скромное здание, присмотрелся, не веря глазам, ахнул и ускорил шаг.

Церковь, настоящая церковь, но до чего же крохотная, не церковь, а по виду больше смахивает на часовню.

Дверь жутко заскрипела, я вошел в полутемную комнату, от аналоя в мою сторону с некоторым испугом повернулся невысокий плотный человек в темной сутане.

— Здравствуйте, святой отец, — сказал я поспешно. — Я приезжий. Вот поспешил к вам со всех задних ног, дабы услышать слово напутствия.

Он с тяжелым вздохом шагнул навстречу, лицо усталое, под глазами повисли мешки.

— Приезжий?

— Да, святой отец.

— Тогда понятно... Я отец Шкред, сын мой.

— Отец Шкред, — сказал я, — я всего лишь проехал через город, и душа моя уязвлена стала. Что с церковью? В таком городе должна видеться издалека! Почему выстроили такую... крохотульку?

Он ответил грустно:

— Строили первые поселенцы.

— И что?

— Их было сорок человек, — объяснил он. — Им вполне хватало.

Его глаза цепко и настороженно всматривались в меня, такого непривычного прихожанина, на определен-

ном этапе в церковь начинают ходить не рыцари, а убогие старушки, нищие и юродивые.

Чтобы ему не мешать, я бросил взгляд на своды и стены. Да, для сорока еще как хватало. Даже больше чем. Строили с расчетом, чтобы хватило и детям. Может быть, даже внукам, хотя тем уже будет тесновато. Но вряд ли могли тогда предположить, что народу нахлынет масса... хотя и предположив такое, вряд ли стали бы строить Кельнский собор. В конце концов, большой и красивый храм должен строить большой город. Сам строить, а не прожирать накопления предыдущего поколения.

Помещение церкви — просто одна четырехугольная комната. В дальнем углу отгороженная кабинка для исповедальни, в стенах справа и слева неглубокие ниши. В них каменные фигуры святых: один с воздетым над головой крестом, у второго крест в опущенной руке, и держит его так, словно встречает врага направленным в его сторону острием меча.

— Сын мой, — произнес отец Шкред наконец с неизвестной осторожностью, — твоя душа уязвлена видом церкви или... города?

— А что с городом? — удивился я. — Город цветет и пахнет!

— Чем пахнет? — спросил он грустно. — Гнилью и запустением душ. Но это замечается не сразу.

— Запустение? — переспросил я. — Да жизнь бьет ключом! И не всегда — по голове.

— Да, — согласился он, — такая жизнь бьет по душе.

— Но души вы спасаете?

Священник развел руками.

— Что я могу сделать? Даже души спасать в таком городе... почти непосильно. Я делаю что могу, но человек слаб, а против таких мощных соблазнов, что поселились в городе, устоять трудно. Когда-то это был чистый спокойный город, а сейчас на каждой улице по две-три пивных, на каждом углу — притон, дьявольский вертеп с продажными девками! Когда все начиналось, там тешি-

ли плоть моряки, которые в дальних походах истосковались по женщинам, а теперь туда преспокойно ходят и добродорядочные горожане! Некоторые уже и не очень-то таятся. Ни от церкви, ни от жен.

Он видел по моему лицу, что меня это волнует мало, есть дома терпимости — ну и пусть, что тут такого, я и не то видал. Лицо патера побледнело, в глазах отчаяние и безмолвная мольба.

Я вспомнил о красивом рыцарском замке на скале.

— А что благородный сэр Дюренгард, если я правильно расслышал его имя на рынке? Столь известный как в славных битвах, так и великими добродетелями?

Священник покачал головой:

— А что ему? Денег к нему течет все больше. Он даже не догадывается, что уже во всем отстранен от управления городом. По большей части он либо в столице, либо в походах. Сами горожане в целом довольны: город по достатку быстро обогнал все соседние, у нас простой горожанин одет богаче, чем вельможа у соседей.

Я кивнул:

— А отцы города, этот ваш совет, естественно, самые богатые люди города?

— Да, — ответил он печально, — они и были ими, когда создавался городской совет. А теперь намного богаче, это естественно.

— Понятно, — согласился и я, — как такое не понять. Деньги — это власть, а власть — это деньги. Еще большие. Кстати, в порту проститутки на каждом углу, тоже понятно. Но я заметил, что ночью начинают выходить и на улицы самого города...

— Ночью? — переспросил он горько. — Да уже с вечера выходят! Если раньше Бриклайту с трудом удавалось открыть первый притон, не мог набрать туда женщин, то теперь отбою нет! Сами приходят, а те, кому не удается попасть в сам дом... туда уже отбирают самых лучших, представляете?... промышляют на свой страх и риск на улицах, в подворотнях...

— А горожане?

— Даже те, кто морщит нос, — ответил патер с горечью, — не хотят ничего менять. Их души опутал золотыми сетями дьявол. А Совет города убеждает, что главное в жизни человека — иметь золото в кошельке. Будет золото — будут и все блага. Да только забыли...

— Что? — спросил я.

Он взглянул на меня с укором:

— Что помимо благ земных существуют еще и небесные...

— А, — сказал я, — ну да, ну да, как я забыл!

Он вздохнул, в глазах укоризна стала заметнее.

— Духовные блага не купить... но незрелые души этого еще не понимают. Человек рождается несмышленым, быстро старается насладиться всем, что видит, и обычно не успевает достигнуть полного понимания истинных ценностей... увы, жизнь человеческая коротка.

— Коротка, — согласился я и покосился на кинжал на своем поясе. — Да мы ее еще и укорачиваем всеми способами. В городском совете заправляют старейшины цеховиков?

— Уже нет.

— А кто?

— С цеховиков началось, — объяснил он, — но город растет еще и за счет порта, морских перевозок. Так что торговцы сперва только присутствовали, а теперь их две трети.

— Торговцы, — сказал я, — тогда понятно...

Он насторожился:

— Что-то о них знает?

— Да только о нормах прибыли, — уклончиво ответил я. — Что-то из классиков. За какой процент прибыли пойдут на какое преступление, есть точный расчет... основанный на опыте более развитых... или более прогнивших стран, это с какой точки посмотреть. А кто во главе?

Он сказал так же невесело:

— Бриклайт.

— Бриклайт? — повторил я. — Только и всего?.. Ни сэр, ни лорд, ни фон, а просто Бриклайт?

Он грустно усмехнулся:

— Да. Просто Бриклайт. И никто не знает, откуда он пришел. Не местный в смысле. Он как раз из тех, кто и не ремесленник, и не торговец, а...

— Посредник, — подсказал я, видя, как священник мучительно подыскивает слово. — Потом их назовут дилерами или брокерами, не знаю как точнее, но он ничего не производит, а только что-то для кого-то находит?

— Верно, — сказал священник с благодарностью, но посмотрел на меня настороженно. — Вы очень хорошо разбираетесь в таких вопросах. Откуда вы?

— Издалека, — ответил я. — Но я не враг. Более того, я — паладин.

Он посмотрел с таким недоверием, что я поспешил добавить:

— Я из отряда особого назначения. Паладины тоже бывают разные. Есть для парадов, есть для красивых битв и красивой гибели, а есть для особых дел.

— Каких? — спросил он настороженно.

— Особых, — сказал я с ударением. — Я подчиняюсь напрямую Главному Инквизитору. Да и то не совсем так уж... У меня тоже свобода воли, что меня самого больше пугает, чем радует. Все-таки лучше, когда виноват начальник, он же всегда дурак, а мы всегда умные... О деталях моей работы умолчу, могу лишь заверить, что все мои действия — на благо церкви. В целом, если не цепляться к мелочам.

Даже, добавил про себя, если церковь об этом не подозревает. А ей все на благо. Не даром же в Библии или где-то еще сказано, что все, что делает Господь, он делает на пользу. То ли ему, то ли человеку, то ли инопланетянам, не помню, но это не так уж и важно.

Он перекрестился.

— Я простой священник, мне высшие тайны церкви недоступны.

— Что принадлежит лично Бриклайту? — спросил я. — Вот уж не поверю, что он всего лишь бескорыстно управляет городским советом! Пусть и с поста заместителя главы городского совета! А что сам глава, кстати?

— Спился, — ответил отец Шкред горько. — Достойный был человек, но... слабый. Плоть крепка, дух слаб. Гордится тем, что пьет много и почти не пьянеет, почти не выходит из борделей...

— Ну да, — сказал я понимающе, — плоть крепка... Вот и старается. Не он один попал на такой крючок. А если еще виагры ему подарить... Ладно, с ним ясно. А Бриклайт — торговец, тоже понятно. Легче слепить снежную бабу в аду, чем среди торгащей встретить идеалиста.

Священник сказал с невольным уважением в голосе:

— Вы очень хорошо видите... ситуацию. Откуда вы, сказали?

— Я не сказал, — ответил я с улыбкой. — А скажу, не поверите. Так что лучше сами подскажите, чем он владеет. Возможно, это прояснит ситуацию.

Священник почему-то задумался, развел руками.

— Я больше занимаюсь душами, а не мирскими делами... но я многое знаю о своих прихожанах, однако о Бриклайте — почти ничего. Знаю только, что из ростовщиков он — самый крупный. Еще ему принадлежат два-три дома на центральной улице, один магазин ювелирных вещей, но у других гораздо больше имущества. У него четверо сыновей, старший, Вильд, владеет двенадцатью домами, где мужчин обслуживают продажные женщины, а также большим участком земли южнее от города... второй, его зовут Рунтир, владеет лавками, где торгуют призовым шелком и другими тканями, третий, Джордж, управляет солевым промыслом...

Я пробормотал:

— Было у него три сына: двое умный, а третий... тоже не дурак. Вижу, охватили они паучьими лапами весь город. Что делать, это и есть торжество демократии над высшим сословием.

— Четыре, — заметил он.

— Что четыре?

— У Бриклайта четыре сына, — сообщил он невесело, — один другого... да, один другого. Это надежная стена, за которой Бриклайт может обделывать свои дела так, что никто и возразить не осмелится. Четвертый сын, Тегер, самый порочный и растленный. Ему шестнадцать лет, но он уже обошел всех продажных женщин в городе, соблазняет и развращает немногих оставшихся добродетельных женщин...

— Ну еще бы, — согласился я. — В этом возрасте гормоны из ушей прут... Спасибо, отец Шкред!

— Не за что, — ответил он уныло.

— Есть за что, — заверил я. — Информация — ценный товар.

Глава 12

Возвращаться среди ночи как-то неловко, хотя гостиница оплаченная, можно бы и туда, но уже тянет в особняк, однако там одинокая женщина с четырьмя детьми, разбужу, испугаю, а то и подумает невесть что.

У жиценького костра, разведенного по ту сторону стены, сидит в донельзя рваной одежде тощий мужчина, рядом с ним вздрагивает женщина, обхватив себя за плечи. Трое детей спят прямо на земле, четвертый, самый маленький, хнычет у нее на коленях, просит есть.

Я обронил, проходя мимо:

— Покормили бы ребенка.

Мужчина смолчал, женщина отвесила сиплым, словно после долгого плача голосом:

— Мы погорельцы... Корову тролли сожрали, дом сгорел... Еле детей вынесли...

Я остановился, женщина схватила ребенка и принялась укачивать, мужчина оцепенело смотрит в огонь. Короткая ночь кончится, дети проснутся и все захотят есть, а родители впервые не знают, что делать...

Пальцы нашупали монету, я бросил ее на землю перед женщиной и пошел через мост, луна заливает мир тем странным светом, когда идешь как будто по другой планете: все знакомо и в то же время выглядит как будто видишь впервые. Мост явно сохранился с древнейших времен: каменный, но не угремо массивный, а как будто из кружев, выгнут не слишком, словно на него не действуют законы гравитации, но и не прямой: нет необходимости.

В воде отражается подрагивающая луна, абсолютно плоская, колышется, как тряпка на флагштоке...

Впереди у перил что-то шелохнулось, юноша в небедной одежде аккуратно перелезает через перила на ту сторону. Перелезает с осторожностью, обеими руками поддерживает тяжелый камень, привязанный к веревке. Другой конец, понятно, захлестнут петлей на шее.

Он нервно оглянулся на мое приближение, я сказал торопливо:

— Нет-нет, я вам не помешаю! Я уважаю мнение и выбор любого человека. Усомниться, что вы делаете то, что нужно, значило бы оскорбить вас, человека, без сомнения, умного и начитанного...

Он хмуро покосился на меня:

— Почему...

— Начитанного? — переспросил я. — Это же очевидно! С жизнью кончают обычно умные и очень умные люди, а дураки... они как скот. А скот даже не понимает, что жизнь можно оборвать и самому. Потому я вам слова не скажу, ибо все, что вы делаете, делаете осознанно и по своей воле. Никто в городе не сможет подсказать вам, как поступить правильно, это вы сами знаете лучше всех...

Он кивнул, перенес и вторую ногу через перила. Я сказал просительно:

— Кстати... у вас не найдется пары монет? Вам они все равно там не понадобятся.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом, по-

том, с трудом поддерживая камень одной рукой, другой пошарил по карманам.

— Есть, — ответил он глухим голосом. — Вот, возьмите. Вы правы, там мне они ни к чему.

На ладони у него блестела целая горка монет. Я замахал руками.

— Нет-нет, вы меня не так поняли! Я не для себя, мне стыдно было бы взять... а вот там — видите костер? — это совсем близко, погорельцы. У них тролли соожрали скот, а дом сгорел, как и все посевы. Все, что у них есть, это их драная одежда. Прошу вас, отдайте эти деньги им, для них это будет спасение!

Он протянул мне ладонь с монетками.

— Возьмите и отдайте.

Я отчаянно замотал головой:

— А вдруг вы подумаете, что я взял себе? Мне будет так стыдно, так стыдно!.. И уже не смогу перед вами оправдаться. Ну прошу вас... Отдайте им эти монеты, они вон близко, а потом возвращайтесь! Я посторожу, чтобы камень не тронули.

Он то ли вздохнул, то ли выругался, снял петлю с шеи и, оставив камень на прежнем месте, быстро перелез обратно. Проходя мимо, облил меня взглядом, полным презрения, а я смотрел ему вслед и гадал, что будет дальше.

На мосту постоять пришлось с полчаса. Думаю, что мог бы стоять там и до утра, веревка с камнем осталась невостребованной. Как некоторые чудаки не понимают, что заботиться можно не только о себе, любимом?

До утра я бродил по базару, — а здесь весь город — базар, — как скучающий дворянин, что мается дурью, выискивая какую-нибудь причудливую хрень для себя или своей любовницы. А по сути я и есть он самый, скучающий, надо ждать больше недели, а чем заняться — умá не приложу.

С важным видом проходили повара и кухари, показывали пальцами на кучки моркови, лука, на мясо и рыбку, а следовавшие за ними слуги проворно укладывали

товар в корзины. Лавочники угодливо кланялись постоянным покупателям, старались переманить друг у друга, сбивали цены. Тут же отовариваются и простые домохозяйки, эти дольше копаются, старательнее торгуются, берут меньше, но все-таки и они уходят с полными корзинами.

С другого перекрестка доносится гортанное блеянье овец. Там гуртовщики распределяют оптом и в розницу целое стадо. Продают настолько дешево, что никто даже не спрашивает, почему дешево, все понятно, торопливо раскупают и угоняют проходными дворами. Тут же шныряют и те, кто слишком плотно прижимается к покупателю, создавая давку, а тот, пока отстраняется, не замечает, что кошелек исчез вместе с давкой.

Стража, проходя по базару из конца в конец, громко топает и стучит окованными железом рукоятями пик в каменную брускатку. Мол, мы здесь, если надо, кричите. Отцы города, дескать, заботятся о вашей безопасности. Заодно посмотрите, куда идут ваши денежки, собираемые на налоги, это мы — ваши защитники.

На них оглядываются зло и недовольно, никто не любит ни самой власти, ни ее представителей, хотя при малейшей неприятности бросаются к тем же стражам за помощью, что не мешает за глаза костерить их на все корки.

Луна очень медленно движется над серебряными крышами, воздух свежеет, я долго не поднимал голову, пока серебряные вершины домов не стали золотыми настолько, что в нещадном блеске потонули окрестные постройки.

Солнце еще не поднялось из-за темной крепостной стены, но зубцы победно горят в красно-желтом огне. Я чувствовал себя настолько переполненным впечатлениями, что они вот-вот начнут выплескиваться из ушей, пора возвращаться.

В дверях одной лавочки стоит, позевывая, человек в длинном халате и широкополой шляпе с высокой острой

конечной тульей. За ленту заправлено длинное цветное перо не то павлина, не то гигантского петуха.

— Не желаете ли узнать свою судьбу? — поинтересовался он лениво.

— Кто не желает, — ответил я, — да только если бы ее можно было предсказывать...

Он усмехнулся:

— Что, не сбывается? А если вам будет предсказано, что, если пойдете по вон тому мосту, упадете в воду и утонете... вы все равно пойдете? То-то. А потом еще говорите, что не сбылось. Надо было идти на мост, проверить...

Я посмотрел с интересом, чувствуется, человек образованный, речь и манеры полны благородного достоинства, но без привычного высокомерия лордов и заискивания простолюдинов.

— А что, не ходят?

Он сдержанно улыбнулся:

— Почему же... некоторые решаются проверить. Кто из любопытства, кто из противоречия... Зайдете?

Я кивнул:

— Все равно пора идти спать. Давайте предскажите. Все мы знаем, что жульничество, а все равно попадаемся на тот же крючок...

В комнате чисто и уютно, книг много, но все в шкафу, а на столе одна-единственная, довольно страшноватая с виду, как по размерам, так и по внешнему оформлению. Рядом массивная чернильница с длинным пером, десяток перьев в медном стакане.

Он сразу сел за стол, я со вздохом опустился в кресло напротив, ноги гудят от хождения весь вечер и всю ночь по городу.

— Давайте, — сказал я. — Только где черный кот и летучие мыши на потолочной балке? Непорядок. И халат у вас расписан не должным образом. Должны быть всякие хвостатые звезды... И этими, как их, каббалистическими рунами.

Он взглянул с укором.

— Дорогой лорд, — сказал он церемонно, — а вы ведь лорд, не так ли? Видите, это я уже узрел сразу по вашей исполненной благородства осанке и всеобщему изяществу движений. Дорогой лорд, я не ярмарочный шарлатан, мне эти коты без надобности. Как и дурацкие халаты. У меня старинные карты волшебника Зермана, того самого!

На моем лице ничего не отразилось, он всмотрелся внимательнее:

— Вы о нем, похоже, мало слышали?

— Признаться, — ответил я откровенно, — даже меньше, чем мало.

— Это как?

— Ничего, — заверил я любезно.

Недоверие отразилось на его породистом лице, в его жесте, даже в интонации:

— Так уж и ничего?

— Абсолютно, — подтвердил я.

Он покачал головой, его серые глаза всматривались в меня с непонятным ожиданием.

— Знаете, редко можно встретить человека, не интересующегося предсказаниями, пророчествами, видениями... Все-таки человек жаждет знать, что его ждет. Этим он отличается от зверя. И вообще от животных. И вообще человек ищет в жизни ориентиры.

— Я тоже ищу, — ответил я. — У меня они, правда, уже есть, но я готов сменить, если увижу, что ведут не туда.

Он довольно улыбнулся:

— Вы — гибкий человек.

Породистый, с длинным аристократичным лицом, ему бы в палате лордов заседать, однако и с цыганскими картами в руках выглядит весьма и весьма. Я всматривался в его серьезные глаза, в памяти промелькнули все эти, не смирившиеся, кто устраивает в подвалах замков алхимические лаборатории, ищет философский камень, веч-

ную молодость, способы превращения простого металла в золото, а при этом кто-то всерьез продает душу дьяволу, кто-то полагает, что продает, когда приносит в жертву младенцев и девственниц...

— Какие карты предпочитаете?

— Разве я волен выбирать?

— Только вначале, — успокоил он. — Надо решить, будете ли вы придерживаться только той стороны, за которой церковь, или же предпочтете более свободное поведение...

Я в затруднении пожал плечами:

— Знаете, я не ссорюсь с церковью, но сам предпочитаю свободное поведение. Хотя признаю, что подобная свобода — просто беззаконие. Но я, должен признаться, весьма симпатизирую беззаконию. Анархия — мать порядка!

Он всмотрелся в мое лицо, легкая улыбка скользнула по его губам.

— Но для начала пророчества нужно выбрать одну из сторон. Это обязательно. Чтобы определиться, какими картами играть...

— Ну вы прямо инквизитор, — пробормотал я. — Так вот прямо все и скажи! Но если нужен прямой официальный ответ, то я целиком и полностью на стороне матушки-церкви. И всецело разделяю ее ценности! Ну что, съели?

Он усмехнулся:

— Вы не представляете, насколько ваша декларация противоречит вашим подлинным желаниям.

— Желания надообно смирять, — ответил я назидательно, — ибо почти все желания — от лукавого... который у нас, мужчин, ниже пояса.

Он отодвинул в сторону ларец из слоновой кости, украшенный золотом, опустил ладонь на крышку другого ларца, что из темного дерева.

— Уверены, что хотите гадание на картах из этого ларца?

Я поднялся, прошелся по комнате, Предсказатель поворачивался на лавке, не отрывая от меня взгляда, а я сказал скучающе:

— Дорогой астролог, позвольте напомнить, это вы хотите погадать мне! Очень хотите.

Он слабо улыбнулся:

— Да-да, простите, это я увлекся. Просто карты волшебника дают гораздо больше возможностей, потому я из симпатии к вам и предложил воспользоваться их набором...

— Я на стороне церкви, — сказал я громко и посмотрел в тот угол, где, по анекдотам, прячутся подслушивающие и подсматривающие устройства. — Я целиком доволен святейшей церковью! Ура.

Руки его медленно и торжественно открыли ларец, на свет появились старинные потемневшие от времени тонкие пластинки из слоновой кости.

Я с интересом смотрел на эти диковинки, нечто среднее между костяными кубиками для игры в кости и настоящими картами, орудием шулеров и цыганок. Как упорно сопротивляется язычество, как пролезает в любую щель, маскируется, все это выдается за обогащение христианства, привнесения в него элементов иной культуры!

Он заметил мой интерес, пальцы начали быстрее тасовать колоду, карты звонко стучат, словно кастаньеты в Кастилии на карнавале.

— Сейчас, благородный сэр, посмотрим... Вытяните одну карту!

Я вытянул из середины, он взглянул, брови поднялись.

— Гм... возьмите еще...

Улыбаясь, я вытащил еще костяшку. Брови предсказателя поднялись еще выше, глаза округлились. После паузы он сказал тихо:

— Еще...

Я вытащил третью и положил рядом с двумя. Он не отрывал от них глаз, лицо вытянулось, побледнело.

— Что-то не так? — спросил я любезно.

Он вздрогнул, перевел потрясенный взгляд с карт на меня.

— Да все... несколько неожиданно... Никогда не выпадал такой расклад... А можно вас попросить вытащить еще одну?

— Да хоть десять, — ответил я еще любезнее. — Почему не сделать для хорошего человека, если делать нужно так мало?

Он побелел еще больше, когда я вытащил четвертую, положил ее рядом с первой. В глазах и лице читался откровенный страх.

Я вспомнил историю одного известного астролога, который составлял гороскопы многих видных людей и в конце концов составил и для себя. В собственном гороскопе ему была начертана долгая жизнь и смерть на 78-м году жизни. Он успокоился, до той даты еще тридцать лет, но, когда она подошла ближе, начал готовиться к смерти. Наступил 78-й год жизни, но он чувствовал себя сильным, здоровым, ничем не болеющим. Месяцы последнего года шли один за другим, он начал дергаться, наконец настал последний день, за которым ему исполнится уже 79 лет. И тогда он, оставаясь верным ремеслу, покончил с собой.

— А... еще?

Голос его дрожал.

Я вытащил пятую и положил рядом с остальными. На астролога было страшно смотреть, но, судя по всему, мужик всерьез верит в свое дело. Как тот сумасшедший, покончивший с собой, только бы его гороскоп оказался верен.

— И что, — поинтересовался я, — предсказывает судьба?

Я старался сделать голос как можно менее заинтересованным, но сам ощущал, что попался на крючок: все

мы страстно жаждем заглянуть в будущее хоть одним глазком, увидеть грядущее пусть туманно, расплывчено, искаженно, но все же увидеть, чтобы как-то истолковать и получить преимущество над остальными.

Он всматривался в карты так, словно они могли подпрыгнуть и вцепиться ему в лицо. Медленно пошевелил губами:

— Большинство считает, что карты выпадают случайно... Вы, похоже, тоже так думаете.

Я кивнул:

— Не стану спорить.

— Однако же... вы можете себе представить, что вы, взяв в руку камень и закрыв глаза, бросаете его изо всех сил и... попадете в единственный камешек в пустом поле? А потом, все еще с закрытыми глазами, поворачиваетесь вокруг несколько раз, снова бросаете и снова — в тот же камешек? И так десять раз?

— Маловероятно, — согласился я. — Весьма.

— Так вот, эти выпавшие карты... еще невероятнее! Начиная с того, что вы взяли карты... такой же набор выпал королю Мердоку, он закончил жизнь восемьсот лет тому назад самым ужасающим образом.

— Каким?

— Ужасающим. Не будем вдаваться в детали, главное в том, что больше никто такие пять карт не вытаскивал. В колоде их сто! А уж чтоб еще и выпало на каждую такое... гм... такое, то, простите великодушно, любой поверит в предназначность и предзданность!

Я сказал вежливо:

— Но только не для христиан. Но вы продолжайте, мною движет интерес этнографа.

Он развел руками:

— Я даже не знаю, как и толковать...

— С одной стороны, — сказал я, — хорошо. Мне не надо будет платить. С другой... я разочарован. Хоть что-то надо наплести благородному лорду насчет взятия зам-

ков, спасения принцесс и побивания драконов. А вы как-то совсем ушли в сторону.

Он огрызнулся с отчаянием:

— Я не шарлатан! Я занимаюсь этим серьезно и смею думать, что мои предыдущие предсказания основывались... да-да, основывались! А сейчас я даже и не знаю... так просто не может быть!

— Этого не может быть, воскликнул один фермер, увидев жирафу... это такое животное, но, что делать, жирафа стояла прямо перед ним. Так что, дорогой магистр звездных наук, видать, выпали карты, которые надо смотреть магу другой квалификации...

Он буркнул уже со злостью:

— Намекаете, что я недостаточно сведущ? Знали бы вы, у кого я учился и каких вершин достиг! Но различные происки недругов, превратности судьбы и прочие лишенния заставили меня бежать из одних королевств, искать счастья в других, переезжать все дальше и дальше... Я сведущ, в том-то и дело. Другой бы вам наговорил всякого, лишь бы получить монету, а мне все золото ваше сейчас не надо, мною движет совсем другой интерес...

Я поднялся:

— Интерес исследователя, понятно. Только я не подопытная дрозофила. Спасибо за исчерпывающие данные о моем будущем. Честно говоря, это даже лучше, чем знать его наперед.

Он вскинул брови:

— Почему?

— Я не пленник, — сообщил я. — Не зная своего будущего, я сам его творю. Я — хозяин!

Он посмотрел с великим уважением.

— Это кто сказал?

— Я, — ответил я гордо. Подумал, что легко выглядеть умным, изрекая банальности, осточертевшие еще с первых классов школы. — Не похоже?

Он смотрел с сомнением, но кивнул, ответил очень вежливо:

— Что вы, как могу сомневаться?

— А надо, — ответил я сварливо. — Я что, похож на умного?.. Оскорбительно даже... Ладно, я пошел, пошел, пошел.

Глава 13

Он проводил меня до дверей, я чувствовал, как в великой озадаченности смотрит вслед. От бессонной ночи и неумолчного веселья гудит голова, я выбрал тихую улочку и плелся по ней, вот сейчас приду и завалюсь спать, еще сутки долой, Юг на той стороне океана станет ближе.

Мне показалось, что за мной кто-то идет, но, как ни прислушивался, не оглядываясь, чтобы не насторожить преследователя, шагов не услышал. Чутье подсказало, что, если даже оглянусь, все равно ничего не увижу.

Холодок растекался по груди сперва едва слышно, потом начал окатывать волнами. Кто-то догоняет, укрытый настолько надежно, что, не будь я таким чувствительным...

Я старался идти так же беспечно, только на ходу за действовал все зрение, несколько секунд почти вслепую шагал в диком мире двигающихся предметов и плывущих по воздуху цветных волн ароматов, ранее вообще не замечаемых. Часть этих цветных струй шероховатые, часть в острых рунах, но, главное, теперь не нужно оглядываться, чтобы видеть такой же мир и за спиной. А там...

Шагах в десяти следует человек, уверенно настигая. Я увидел, как он неспешно достал из-за пазухи нож. Острие блеснуло лезвие, он провел пальцем по металлу, но зачем-то спрятал обратно и ускорил шаг. Лица не рассмотрю, для теплового и запахового зрения это несущественные детали, одно в первую очередь показывает, где больше всего скопилось горячей крови, другое — сильно пахнущие места, но человеческую фигуру вижу отчетливо, хотя от простого взгляда он защищен, защищен...

Собака у калитки дома проводила нас равнодушным взглядом. Она видит нас обоих, а то, что один догоняет другого и от него веет агрессией и жаждой убийства, — ей безразлично, это не грозит ни ей, ни охраняемому дому.

Я тащился усталой походкой нагулявшегося беспечного дворянина, мне хорошо, вон взошло яркое солнце, воздух здесь, куда не достигает волна с моря, теплый, как свежесдоенное молоко. Преследователь идет неспешно, руки в карманах, и по тому, как держит, можно не сомневаться, что сжимает рукоять ножа или чего-то не менее опасного. Например, уже вдел пальцы в кастет.

Я хотел остановиться, якобы рассмотреть вывеску на доме, как вдруг правая рука чужака начала подниматься из кармана. Я увидел блеснувшую сталь, инстинкт бросил в сторону, тут же мимо пронеслась сверкающая рыбка, посыпалась каменная крошка. Второй нож дернул за руки рубашки и ожег кожу.

Я бросился в узкий переулок, свернул за угол, а там, прекрасно помня, что дальше будет тупик, подпрыгнул и уцепился за металлическую трубу между двумя домами, я заметил ее, еще когда вышел на прогулку, а память у меня теперь идеальная.

За спиной послышался топот. Мужчина ворвался в переулок, на бегу напряженно всматриваясь прямо перед собой в полумрак. Голова его прошла прямо подо мной. Был соблазн сделать удушающий захват ногами, но я не из тех, кто владеет приемами, да и вообще приемы хороши с невооруженным противником, а не с тем, у которого в руке еще один нож.

Я обрушился ему на спину, сразу же хватая за руки и выворачивая за спину. О землю ударились с такой силой, что захватило дыхание, я слышал как у незнакомца треснуло в грудной клетке.

Выдрав нож, я поспешил повернуть обмякшее тело. Лицо темное, из пробитого острым обломком камня лба

мощными толчками хлещет кровь. Я беззвучно выругался, что за невезение и как по-дураски устроен белый свет, где то и дело приходится рубить руки, а то и убивать, хотя мне всего лишь надо тихо и мирно перебраться на ту сторону океана.

Ножи я оставил на месте, неслышно выскользнув с места схватки, а на улочке снова принял вид подгулявшего дворянина, без приключений добрался до постоянного двора. Даже не успел спросить, кто послал за мной. Вообще-то у меня только один противник здесь... не считая короля, но, думаю, Адальберт не стал бы действовать так примитивно.

Пес, зачуяв меня, выбежал в коридор, прыгает так, будто хотел вскочить мне на плечи и там свернуться эдакой кошечкой. Я приласкал зверюгу, сообщил, что люблю, в самом деле люблю, ну как не любить такого красавца. Он визжал и катался от счастья по полу, молотил по воздуху всеми четырьмя, до безумия счастливый, что его любят, что кому-то нужен, что наконец-то не один...

— Не один, — подтвердил я. — И никогда больше не будешь один. Ну как я могу оставить такого преданного верблюда с клыками?

Он счастливо лизнул мне руку, язык в самом деле размером с лопату, но нежный и шелковистый, как у всех собак. Я почесал ему пузо, Пес вообще от счастья раскрыл пасть и растопырил лапы, но я уже поднялся и потащился в комнату.

Заклятие, которым прикрыл свое нехитрое, но безумно дорогое имущество, не тронуто. Если кто и заходил в мое отсутствие, то разве что прибрать пыль, но не рылся в моих вещах.

Бобик посмотрел на меня укоризненно. Мне стало стыдно.

— Прости, — сказал я искренне, — как-то не подумал. Даже колдун не сунется в комнату, которую охраняешь ты.

Он повилял мне хвостом, принимая мои извинения.

Собрав вещи, я спустился вниз, переговорил с хозяином, а через полчаса на играющем Зайчике въехал в ворота усадьбы госпожи Амелии Альенде.

Над морем застыли, как диковинные воздушные айсберги, волшебные облака. Кровавый восход полил их красным и багровым, они выглядят, как раскаленные куски металла в жарком небесном горне.

Амелия нарядилась в целомудренно-голубое платье, так контрастирующее с ее загорелым лицом и руками, — черными волосами и крупными карими глазами. Я сидел на веранде за столом в одиночестве, если не считать Бобика под столом, а Амелия счастливо хлопотала на кухне. На столе появлялись блюда из морской рыбы, сладкие пироги, мед и печенье, наконец она принесла и в нерешительности водрузила на середину стола небольшой кувшин с вином.

— Понравился город?

— Очень, — ответил я. — Вольный такой, раскованный. Не без перегибов, конечно, но при демократии как без них? Еще заметил, в городе очень много волшебников.

— Ну, не так уж и много...

— А они в самом деле волшебники?

Она мягко улыбнулась:

— В основном это люди, которые отыскали в руинах какие-то талисманы. Обычно они могут делать что-то одно. Например, Жан Ильманд, он сейчас стал уважаемым торговцем, может вызывать Стражу... Правда, только в солнечные дни, но этого достаточно, чтобы его караваны могли проходить даже через Золотые Пески, где все еще разбойничают люди Дэна...

— А если дождь?

Она посмотрела с уважением.

— На этом он и прогорел. Рискнул, но разбойники не все попрятались от грозы. Заметили караван и... разграбили. С той поры Ильманд всегда сверяется с пого-

дой. А перед опасным местом старается убедиться, что небо будет ясным. Сейчас он уже в доле с купцами, сам выбирает, с кем идти, Страж у него один...

— Богатый у вас город, — согласился я. — Хоть археологическими древностями, хоть деловой хваткой...

Она насторожилась, внезапно побледнела. Вид у нее был такой, словно наконец-то стряслось несчастье, которого давно ждала, но все равно сделать ничего не может.

Я услышал далекие голоса, выскочил из-за стола. Перед домом бурлит толпа горожан, настоящее народное возмущение, но почему-то пахнуло настолько знакомым, что на миг я ощущил головокружение, будто перенесся в свой прежний мир... а затем обратно.

Так вот когда еще зародились эти технологии «тюльпановых», «оранжевых» и «картофельных» революций. Эти люди не сами пришли, их привели солидные финансовые вливания некой сильной, богатой и весьма заинтересованной стороны. Слишком уж все одинаковые как по возрасту, так и по сложению, даже по одежде. И лица у всех ликующие-радостные, как у людей, которым на халюву свалились хорошие деньги, а нужно всего лишь побузить, поорать и разве что поломать какой-нибудь забор или бросить камни в окна. Это всегда с удовольствием, ломать — не строить...

Я торопливо подошел к окну. Амелия уже стоит на верхней ступеньке крыльца, голос ее звучит громко и решительно, но я уловил в нем панический страх и безнадежность:

— Вы зачем сюда пришли?.. Кто позволил ломать в моем дворе?

В ответ слышался хохот, улюлюканье, морды довольные. Как сладостно чувствовать себя ублюдком, вести себя, как последнее говно, и прекрасно знать, что ничего тебе за это не будет.

Кто-то заорал весело:

— А нам нравится здесь ходить!

- А неча закрывать дорогу к морю!
- А мы прямые дорожки топчем!
- А мы все здесь разнесем, если будете нам препятствовать!

Я смотрел, слушал, все это знакомо, и видел тысячи раз: из зарубежных благотворительных организаций поступают денежные суммы «на культуру и образование, на свободные выборы», и вот начинаются бесчинства, называемые «шелковой» революцией. А эти вот, подогретые неожиданно свалившимися деньгами и разогретые дармовым вином, сперва выкрикивают, как водится, лозунги, затем начинают бить витрины, поджигать автомобили, грабить магазины, оскорблять и насиливать женщин, избивать тех, кто попытается их остановить...

А здесь будут не только избивать, напомнил я себе. Чего заниматься такой ерундой, как избивать, если можно сразу нож под ребро? Или топором по дурной башке. Демократия не сразу научилась носить костюмы и галстуки.

Я благоразумно не показывался, еще неизвестно, кто организовал, выйду сдуру, а в толпе могут оказаться и подготовленные для одной-единственной цели люди. Если это от Вильда, которого обидел на глазах его людей, — одно, если от Адальберта — уже серьезнее и намного опаснее.

Издали слышен треск: гуляки сломали забор, окружающий сад, и устроили пикник. Для костра рубили яблони, десятка два крепких мужиков быстро и умело расчистили полянку, куда прибыли бродячие торговцы горячим мясом, вином, свежеиспеченным хлебом. Веселье разгорелось с новой силой.

Амелия в полной беспомощности рыдала, глядя, как эта науськанная кем-то толпа с большим удовольствием, даже с наслаждением, разоряет ее сад, топчет клумбы с цветами. Народ, привлеченный слухами, прибывает и прибывает. Подлым людям нравится смотреть на чье-то падение, это вызывает смех и злорадство, а в разрушении

участвуют даже те, на кого бы никогда не подумали, глядя, как они поучают детей жить правильно.

Я в личине исчезника давно вышел из боковой двери и сразу увидел, как в сад прямо на коне въехал Вильд. За ним еще двое конных, Вильд оглядел хозяйствским оком веселящуюся толпу, кивком подозвал одного из конных.

— Скачи к нашим, — велел он, — пусть приведут еще человек двести.

— Будет сделано!

— Направишь их ближе к дому, — распорядился Вильд. — Пусть эта сучка увидит, кто здесь настоящие хозяева.

— Сделаю... Вина им выдать?

Вильд заколебался на миг, кивнул нехотя.

— Они уже и так разогреты, но... все окунется. Выкати им одну бочку и скажи, что сюда, в сад, прикатят еще две.

Всадник захохотал:

— Да они здесь все разнесут за такое угощение!

Вильд мрачно улыбнулся:

— Что нам и надо. Через два-три дня здесь будем только мы!

Всадник унёсся, Амелия плакала, заламывая руки. Я слышал, как Гансик, не по-детски серьезный, спросил:

— Мама... а не уйти ли нам отсюда?

Она ответила в слезах:

— Куда? Это наш дом, здесь наш сад.

— Нас растопчут, мама.

— Не растопчут, — ответила она, хотя со всей ясностью понимает, что да, растопчут. Что-то странное здесь происходит. Похоже, весь город или немалая его часть хочет отнять у нее этот дом и сад. А что она может предъявить, кроме бумаги, что это ее земля? Никто ее и не отбирает. То, что пьяные горожане нечаянно забрели в ее сад и сломали пару веток, так что с пьяных возьмешь, и не такое случается... Тем более когда всем заправляет Бриклайт, сын которого сейчас ясно сказал своим под-

ручным, что выживет хозяев. И сказал нарочито громко, чтобы слышали все и пересказали ей.

Затаившись рядом с домом, я прикинул, что в саду пирует около тысячи горожан. Уже без всякой надобности рубят плодовые деревья и бросают в костер. Не столько для того, чтобы что-то поджарить или чтобы пламя выше, а просто приятно рубить то, что другой любовно взращивал долгие годы. Это как расписать стены в лифте, разбить зеркало и выломать плафон.

Надо отдать должное Вильду, он нашел способ выжить Амелию и отобрать землю, не прибегая к крайним мерам. Эти вот сотни демократов не догадываются вовсе, что сейчас они не почтенные горожане, а простые ублюдки, и воюют за него не хуже наемников. А то и лучше, потому что у беснующихся сейчас в саду горожан репутация в целом не криминальная, нормальные граждане. Они как бы не способны ничего делать противопоказанного, в отличие от головорезов Вильда.

Прибыла еще одна группа, у этих с собой уже заранее заготовленные дубинки. И разогреты вином тоже загодя. Я поспешил в дом, надо что-то предпринять, но ничего умного в череп не лезет.

По сути, этот город, как и вообще все города такого типа, абсолютно самостоятелен в политическом смысле. Городской совет имеет свои вооруженные силы, заключает договоры с соседями, даже если те принадлежат к другому королевству, начинает и ведет войны, подчиняет себе окружающие территории.

Насколько я помню, короли и даже императоры не раз посыпали войска для подчинения таких городов, и по большей части горожане успешно отражали все атаки и добивались независимости, закрепленной королевскими указами. Раззадоренные своей властью, такие горожане нередко срывали на фиг рыцарские замки, чтоб и намека не оставалось на возврат к прошлому, подчиняли соседние города помельче, а то и основывали колонии, как совсем уж заправские государства.

Так что я наблюдаю просто первый росток будущего мира. Чему я должен бы радоваться. В самом деле должен, ведь это шаг к прогрессу из мракобесия средневековости.

Я вытащил из мешка лук, показываться на глаза пока не стоит, но комнаты здесь просторные, отступил в самую дальнюю.

Эти новые ворвались с дубинками в руках, один с ма-ху ударил по маленькому столику, тот разлетелся вдребезги, а глиняная ваза рухнула на пол. Он ликующе захотел, еще больше опьяненный сладостью разрушения, мимо него с воплями пробежало еще пятеро.

Глава 14

Мои руки замелькали, как лопасти вентилятора: шесть стрел просвистели, догоняя одна другую, и шестеро рухнули на пол, сжимая в руках дубинки и ножи. Из других комнат слышались крики, я торопливо выбежал и плотно закрыл за собой дверь. По коридору бегут еще пятеро, я вскинул лук и уложил всех пятерых. Если бы хоть один в доспехах, пришлось бы труднее, а так стрелы пронзали их, как гусей на подворье.

Еще в двух комнатах слышится треск ломаемой мебели. Я видел через распахнутые двери, как беснуется этот простой народ, получивший свободу, настоящие демократы, и, встав на пороге, вскинул лук. Десяток стрел сорвалось с тетивы, с зачатками демократии было покончено. По крайней мере, в доме.

Прислушался, в доме тихо, только снаружи все еще крики и вопли. Как и рассчитал, никто Амелию с ее детьми тронуть не осмелился на виду у всех: даже самые разогретые вином проскаакивали мимо в дом, чтобы оторваться на мебели, так что здесь она в относительной безопасности...

Я выскользнул из боковой двери в сад. Огромная се-рая толпа беснуется, размахивают горящими факелами.

Вдруг один отделился от толпы и побежал в сторону кузницы. За ним последовали еще двое с воплями и криками.

Я перебегал за деревьями, и хотя влез в личину исчезника, но кто знает — кто в толпе, здесь обязательно и те, кто незаметно руководит ею. Должны быть те, кто заводит, не дает угаснуть народному волеизъявлению. Любой энтузиазм надо чем-то подпитывать, эти неведомые кукловоды могут уметь больше, чем простые люди...

Человек с факелом вбежал в кузницу, за ним те двое, через пару секунд он выбежал с радостным воплем, а в кузнице вспыхнуло пламя.

— Хорошо, — сказал я тихо, — нам нужны вешдоки...

Стрела ударила его в раскрытый рот, он дернулся, сделал шаг и упал лицом вниз, крепко сжимая древко горящего факела. Из кузницы выбежали двое, один несет, прижимая к груди, полоски металла. Оперенный кончик стрелы возник у него в глазу. Этот рухнул навзничь, но награбленное не выпустил. Третий получил стрелу в живот и упал, перегнувшись и ухватив оперенное древко, но не решаясь выдернуть.

В толпе наконец поняли, что происходит не совсем то, что им обещано, да и я, прячась за деревьями, начал стрелять быстро и беспощадно: в спину, в голову, просто в пробегающие тени. Раздались вопли ужаса. Толпа начала шарахаться, топча друг друга, наконец с диким воем ринулась обратно, забыв о страстном желании насадить демократию и разграбить награбленное.

Я шел следом, мои пальцы одеревенели, а кисть распухла от частых ударов тетивы. Идиот, забыл надеть кожаную рукавичку, приходится гасить боль и заживлять рассеченную кожу, зато стрелы идут как пунктир, я то и дело переступаю через дергающиеся в агонии тела. Последние из убитых рухнули в распахнутых воротах, а уцелевшие мчались дальше, растеряв факелы, дико воя в смертном ужасе.

Я выпустил еще с десяток стрел вдогонку, вернулся в

дом и торопливо упрятал лук в мешок. Амелия рыдает, обхватив столб на крыльце, Ганс и Фриц жмутся к ней, уговаривают не плакать, но у самих по щеках бегут слезы.

Она подняла ко мне испуганное лицо, на щеках мокрые дорожки.

— Они... убежали?

— Я ничего не рассмотрел, — сказал я, — мельтешили, потом как-то враз исчезли. Похоже, что-то их спугнуло.

— Не что-то, — возразил Гансик. — Вон сколько их лежит! И в каждом — стрела.

— Наблюдательный, — сказал я одобрительно. — Да, тебе от армии не откосить!

Амелия проговорила через рыдания:

— Не могу поверить... Господь спас нас... Спасибо Ему!

— Не за что, — ответил я скромно. — А вон, кстати, сюда спешит городская стража. Как и положено, когда все закончено. Вы видели, как пьяная толпа ворвалась и бесчинствовала, но не видели, кто их перебил...

Она смотрела расширенными глазами, я усмехнулся и скрылся в доме. Во дворе послышался конский топот, властные голоса.

Я сидел на своем ложе голый до пояса, зевал и тер кулаками глаза, когда на пороге вырос рослый человек в легких доспехах с большой золотой бляхой на груди, озирающей, что он — начальник всей городской стражи.

Свет из окна упал на его суворое, обветренное и обожженное солнцем лицо, блеснули злые глаза. Я зевнул и сказал сонно:

— А, это вы, капитан Кренкель!.. Чё это вам не спится?

Он прорычал:

— Не прикидывайтесь! Кто там столько народу угробил?

— Там, — спросил я медленно и все еще сонно, — это где? На Каталаунских полях или при Фермопилах?.. Да,

я там повоевал, не спорю... И пирамиды повалил по пьянке...

Он рыкнул громче:

— Я говорю, кто убил столько народа в доме? И за домом?

За его спиной возникли двое крепких стражников и уставились на меня, готовые хватать и вязать, но во взглядах я заметил почтительную осторожность. Акселерация свое слово сказала, и хотя это не моя заслуга, но я выше обоих на голову, шире в плечах в полтора раза и намного тяжелее.

Я спросил с изумлением:

— Вы с ума сошли? Я спал себе преспокойно. А тут какой-то шум. Не успел проснуться, как вы на пороге... А что, кто-то убит?

Стражники даже не переглянулись, много всякого вранья слышали, а Кренкель прорычал злее:

— Не прикидывайтесь!

Я сказал надменно:

— Если моя вина доказана... именно доказана, вы можете со мной разговаривать подобным образом. А пока что у вас есть только предположения, не так ли? И потому обращайтесь со мной соответствующим образом.

Он поморщился.

— Благородный да еще и образованный. Хлебнем с вами горя. Итак, вы спали и ничего не слышали?

— Точно, — подтвердил я, глядя ему в глаза.

Он неожиданно усмехнулся. Это выглядело устраивающее, словно волк оскалил клыки.

— Ничего, потруднее случаи распутывали.

— А что случилось? — настаивал я.

Он прямо посмотрел мне в глаза:

— Да тут куча пьяных пыталась побуянить. Кто-то поджег кузницу, а другие в доме изломали мебель.

— Какой ужас! — воскликнул я. — Надеюсь, вы, как представитель закона, примете меры к буйнам?

Он скривился:

— Кто-то уже принял. Я не указываю на вас пальцем, заметьте. Но сейчас ловят уцелевших, а уж они дадут показания.

За его спиной наконец переглянулись, ухмылки широкие. Я сказал осторожно:

— Ну вообще-то тот, кто перебил эту шваль, защищал дом, семью и все имущество, что является... э-э... собственностью. Неотъемлемой и неотчуждаемой, вроде так. Священное право собственности. И кто посягнет на нее — должен умереть. Мол, протянешь руку — протянешь ноги.

Начальник стражи наконец-то посмотрел на меня с некоторым интересом, как на человека, хоть и перебившего кучу народу, а не как на загнанного в угол волка.

— Вообще-то да. Даже беглый взгляд...

Он запнулся, я спросил:

— Первые выводы уже есть?

— Да, — ответил он неохотно. — Поджигатель лежит с факелом в руке почти на пороге подожженной им кузницы. Еще двое грабителей остались прямо с награбленным в руках... так что убившему их ничего не грозит... Даже спасибо скажут.

Я проигнорировал сладкого червячка на крючке, сказал с прежним возмущением:

— Какой ужас!.. И это в нашей цивилизованной стране! За что налоги платим?

Он дернулся:

— Выродки везде бывают.

Из коридора вбежал, отстранив помощников, молодой парень тоже с бляхой, сказал возбужденно:

— В доме полно убитых! Начали было крушить мебель, но...

— Сколько убитых? — оборвал Кренкель зло.

— Много, — ответил парень с восторгом. Он смотрел на меня блестящими глазами, как на героя. — Еще не подсчитали. Какой облом у... гм... тех, кто их привел!

Кренкель посмотрел на него строго, перевел горя-

ший взгляд на меня. Я смотрел смирно, как зайчик, жующий травку. Кренкель поколебался, наконец прорычал:

— Вы из благородных, так что я поверью вашему слову, если скажете, что в течение суток никуда не скроетесь.

— Даю слово, — ответил я с готовностью. — А что, во мне будет необходимость?

— К вам еще будут вопросы, — буркнул он. — Да и не только у меня.

— А у кого?

— И повыше меня есть власти, — ответил он нехотя. — Так что будьте здесь.

— А в город мне выезжать можно?

Он поколебался, молодой парень и стражи смотрели на меня с удивлением, наконец ответил хмуро:

— Можно. Но я бы не советовал.

— Думаете, сбегу?

Он оглядел меня с головы до ног:

— Нет, вы ж из благородных! Честь дороже... Но в городе у вас не будет той защиты, что здесь.

— Спасибо, — ответил я. — В самом деле спасибо. Я все это приму к сведению. Кстати, если не трудно, передайте местным мебельщикам, пусть привезут хорошие столы и кресла взамен разбитых. Я все оплачу.

Он мгновение смотрел ничего не выражавшим взглядом, затем кивнул. За ним вышли и его помощники. Я слышал голоса во дворе и в саду, народу прибавилось, трупы выносили и укладывали на телеги.

Появилась Амелия, в глазах страх и недоумение:

— Вы здесь?

— А где же еще, — ответил я легко. — Вы же сами мне выделили эту комнату. Дети в саду?

— Нет, я велела им не выходить из их комнаты. И не выпускать оттуда собачку.

— Она не выйдет, — сказал я. — Очень послушная. Сказал: жди — будет ждать. Тоталитарная собачка. Вы все сделали верно. Надеюсь, они детей допрашивать не догадаются.

— Как вы?

Я сказал успокаивающе:

— Со мной в порядке. А кузница не так уж и нужна, если честно... И отстроить ее нетрудно. Мебель взамен побитой привезут сегодня же.

— Шутите?

— Начальник стражи обещал.

Ее глаза округлились:

— Сам господин Кренкель?

— Ну да, — ответил я легко. — Мы только защищались. Вот город и восполняет все наши убытки.

Она смотрела все еще неверяще.

— Город?

— Городские власти, — пояснил я. — Они ведь отвечают за любые проявления в городе? Как за хорошие, так и не совсем?

Ее лицо стало задумчивым.

Глава 15

Амелия спит. Наверное, спит в соседней комнате. В мою незримым сквозняком тянет теплом ее тела, ее запахами, и, чувствуя, что она не спит тоже. Не спит и прислушивается: не поднимаюсь ли с постели, не иду ли к двери, чтобы через минуту оказаться в ее постели.

Двое из моих друзей хвастливо рассказывали, что спали с женщинами вдвое старше их, а Дима Говорков хвастался, что еще когда мы протирали штаны в седьмом классе, он уже драл нашу классную преподавательницу. Прямо на ее столе. Мне лично не приходилось иметь дела с женщинами старше себя... во всяком случае, значительно старше. Хотя, конечно, при моих здешних размерах я выгляжу солиднее. Вообще есть такая разновидность мужчин, в юности выглядят старше своих лет, а в зрелости — моложе. Мне кажется, я из такого теста, но все же не могу вот так встать и пойти в ее постель, хотя Амелия, вероятно, ждет...

Это не значит, что обрадуется и даст мне место, но наверняка ждет именно такого поступка. Чисто мужская.

Я закрыл глаза и сказал себе твердо: что есть самец, есть мужчина, а есть высшее проявление мужественности — паладин. Паладин, понятно, и мужчина, даже самец, но в отличие от них умеет пользоваться столовыми приборами и обуздывать примитивные порывы плоти.

Сон пришел незаметно, снилась какая-то белиберда, которую я принимал как должное, а потом я парил над городской площадью, вдруг заметил одинокую женскую фигуру, ощутил неудержимый зов плоти, поспешил направить полет к ней под острым углом, надо успеть, смутное чувство подсказывает, что могу и не успеть, если начну прелюдии...

Она обернулась, я увидел смеющееся лицо, мои пальцы жадно ухватили ее за грудь, теплую и упругую, я выдохнул:

— Саня... что ты так долго...

— Ты был не готов, — ответила она, — а я сама... не могу...

Голос ее прерывался, а плоть то пропадала, то появлялась. Я сдавил ее в объятиях, жар в теле нарастает, спросил торопливо:

— Сегодня же снова нажрусь жареного мяса... Придешь?

— Буду стараться, — ответила она, — но сюда... трудно...

— Что мешает? — спросил я быстро.

— Город... — ответила она.

Я все сжимал ее сочное тело в объятиях, когда ощущал, что пальцы мои впиваются в скомканную перину. Это длилось почти минуту, когда я мял и тискал ее тело, спеша им насладиться, и в то же время чувствовал, что корчуся один на постели. Затем тот мир начал размываться все сильнее, а этот обретать реальность, я вздохнул и, отодвинув испачканный край перины, повернулся на бок и попытался заснуть снова.

Очнулся от резких криков птиц за окном. То ли свадьба у них, то ли развод с разделом гнезд, но порхают и машут крохотными крылышками так, что ветви колышутся и скребут по окну.

Не вставая, я блаженно потягивался, зевал и прикидывал, что еще уже один день, считай, миновал. Осталось еще шесть. А там, если ничего не помешает — тьфу-тьфу-тьфу и еще раз тьфу! — с Зайчиком и Бобиком взойдем на борт парусника и... прощай, суша. Впереди таинственный Юг!

Но птицы орали и дрались, совсем не те идиллические птички, которые на открытках и которыми называют любимых девушек. Вообщё-то на самом деле все птички дерутся, скандалят, выхватывают друг у друга вкусных червячков, а в этом городе они должны быть вдвое активнее: все-таки здесь правят уже рыночные отношения.

Интересный этот Таракон. Состоит из трех городов, как большинство старых: массивного замка, окруженно-го высокой каменной стеной, проданного потомками Дюренгардов и переоборудованного под склады, затем внутренний город, что раскинулся вокруг замка и не выплескивается только потому, что обнесен городской стеной, и самая молодая часть города, что выросла уже за пределами городской стены.

Во внутреннем городе расположились дома вельмож, купцов, ростовщиков и старшин ремесленных цехов, а по эту сторону стены — мелкие ремесленники. Здесь же торговые ряды, простор для рынка, а самое главное: не нужно платить пошлину за проход через городские ворота.

Правда, в случае войны эти дома пострадают в первую очередь, но на этот риск идут те бизнесмены, которые хотят получить самую высокую норму прибыли.

Потомки феодала, который и дал начало этому городу, покинули его стены и живут намного выше на холме, захватив вершину, в осовремененном замке, что уже и не

замок, а удобный для жилья большой просторный дом с нефункциональными колоннами и цветниками, как говорят, роз.

Из кухни донеслось приглушенное позвякивание посуды, потянуло легким ароматом супа. Я оделся и тихонько вышел через боковые двери в сад. При свете дня он выглядит не таким таинственным, сейчас напоминает отбившегося от хозяина пса: большого, сильного, но со свалявшейся шерстью, голодного, с репьями на хвосте и мелкими ранами от укусов собак, кошек и прочих недругов.

Тропинка медленно повела вниз, навстречу все слышнее запах и свежесть моря, донесся ровный плеск волн, набегающих на пологий берег. Я шел и не верил глазам. Такого огромного участка земли в руках простого горожанина я еще не видел. В смысле, чтобы не у короля, герцога или барона, а у рядового горожанина. Огромный сад, сейчас наполовину заброшенный и быстро дичающий, тянется широкой полосой вдоль берега, благородно не спускаясь к россыпям мелкой гальки, куда во время приливов подступает морская вода.

С пригорка открылся вид на море. Деревья благородно остановились у незримой черты, куда, видимо, докатываются самые дальние волны в час прилива. Дальше галечник, круглые бока блестят под солнцем, как будто весь берег заполнен то ли черепашьими яйцами, то ли динозаврячими.

За спиной послышались треск, кусты распахнулись, словно оттуда вылетел танк с крыльями, и ликующий Пес ринулся ко мне. Я умело качнулся ему навстречу, чтобы выдержать удар и не опрокинуться, дал себя облизать и выслушал признания в любви и обожании, затем через те же кусты выбежала запыхавшаяся и разрумянившаяся Амелия.

Она вскричала испуганно:

— Ваша милость!

Сердце мое екнуло.

— Что случилось?

— Завтрак готов! Я пришла вас будить... Хорошо, сопачка вас отыскала!

Я пытался погладить скачущего вокруг Пса, но это все равно что попробовать ухватить молнию.

— Прогулка перед завтраком, — объяснил я. — Для поднятия аппетита. Хотя не думаю, что мне нужно разжигать аппетит, вы готовите, судя по запахам, восхитительно... Я любовался садом. Не мог удержаться, шел и шел. Представляю, какая это красота... когда все цветет!

Она вздохнула:

— Да, ваша милость, это необыкновенно красиво.

Я оглядывал сад, в сердце шевельнулась жалость. Окультуренные деревья нуждаются в цивилизации, а без ухода быстро возвращаются в прежнее состояние. Прежнее, это дикое. Мне приходилось есть «райские яблочки», те, самые, которые ели в раю Адам и Ева. Мелкие такие, размером чуть крупнее черешни, с красными боками, красивые, но твердые и кислые. Есть можно, но кто попробовал уже модифицированные, которые едва не лопаются от переполняющего их сладкого сока...

Сглотнул слюну, я пробормотал неуклюже:

— Ничего, Ганс и Фриц скоро подрастут, все поправят. А там и Аделька и Слул подтянутся...

Она смолчала, я тоже понимал, что к тому времени одичавший сад в прежнее состояние не вернуть. Разве что все выкорчевывать и насаживать заново. Или долго и кропотливо прививать на эти деревья веточки с элитных сортов.

— Идемте завтракать, — напомнил я. — А то все остынет.

— Да, ваша милость, пока все горячее...

— Расскажите про этот сад, — попросил я

Она старалась идти рядом с тропкой, чтобы мне, благородному господину, было удобнее, я тоже уступал ей, так и двигались через кусты, а протоптанная дорожка оставалась между нами. Пес так и вовсе брезговал идти по

ней, не инвалид же: ломился через заросли с шумом и треском, разгоняя птиц, вообразивших, что это дикий лес.

Еще он то и дело исчезал за деревьями, там слышался задорный гавк, с шумом и колыханием ветвей взлетали вспугнутые птицы.

Не понимаю, мелькнула мысль, что заставило ее му-жа стать наемным убийцей. Судя по рассказу, он всегда был прекрасным работником, а этот сад — его рук дело. Правда, землю купил на деньги, доставшиеся от деда, но тогда это был пустынный край, города не было и в поми-не, а там далеко располагался замок с посадами. Это сей-час разрослись и вплотную подступили к его саду, уже город, настоящий портовый город, но тогда он жил на отшибе, и его сад по размерам втрое превосходил землю, что занимал замок.

Может быть, мелькнуло в голове, как раз то, что от-кусил слишком большой кусок пирога, а проглотить не сумел? Такой сад трудно насадить, но еще труднее под-держивать. Не говоря о том, что куда-то девать все эти яблоки, груши, сливы, персики, абрикосы. Нужно бы за-вести стадо свиней, они все жрут, но он, судя по рассказам Амелии, терпеть не мог этих животных. Вообще не жаловал все эту визжащую, блеющую и кудахчущую живность, а единственые звуки, которые любил, это пе-ние птиц, что вили гнезда в его саду.

Завтрак проходил в таком торжественном молчании, что даже я старался не слишком стучать ложкой, только Пес под столом не стеснялся с хрустом расщелкивать кости, словно жаркий огонь сухие поленья.

Амелия все подавала и подавала на стол, пока я не поймал ее за руку, удивительно тонкую и нежную для взрослой женщины, почти силой заставил сесть.

Она вздохнула, в глазах страх и тоска. Я кивнул:

— Да, у меня вопросы... Может быть, не совсем при-ятные.

— Ваша милость! Может быть, не надо?

— Почему?

— Вам спокойнее. Вы и так уже за меня вступались. Так и до беды недолго.

— Мне? Или вам?

Она покачала головой, в глазах блеснули слезы.

— Мы уже в беде. А вам не стоит в нее впутываться.

— Я не совсем понимаю, — сказал я, — что здесь происходит, однако очень хотел бы понять.

Она спросила тихо:

— Вам-то это зачем? Мы обречены.

Я ответил как можно беспечнее:

— Мой корабль отчалил только через неделю. Чем-то же надо заняться?

— Это опасно, — обронила она.

— Расскажите, — попросил я, — все, что вы знаете про это семейство. И почему Бриклайты пытаются выжить вас. У них с вами личные счеты?

Она тяжело вздохнула:

— Разве у таких людей бывает что-то личное?

— Значит, экономика уже правит миром? И что им от вас надо?

Она развела руками в скорбном жесте.

— Им надо, чтобы я ушла отсюда. Чтобы продала им свою землю... с домом и садом и ушла. У нас не так, как у варваров, что в песках грабят караваны: на все надо оформлять бумаги с юристом у нотариуса. Этот Вильд — юрист, он уже присыпал мне составленные им бумаги. Я отказалась. А без моей подписи на бумагах они не могут завладеть этими землями.

Я отвел взгляд в сторону. Похоже, этот участок нужен Бриклайтам не так уж и позарез, иначе бы уже получили. Если не слишком брезговать методами, то такие бумаги уже заставили бы подписать.

— А что соседи? — спросил я.

Она приподняла брови:

— Что соседи?

— А у них как?

Она кивнула:

— Да, я уже сама об этом подумала. Горсель, он самый крайний, продал землю Бриклайтам три месяца тому. Купил домик здесь же, в городе, и торгует какой-то мелочью. Аккелий, тоже сосед, продал два месяца назад и уехал, а Диодем, еще один, продал две недели тому. Говорят, перед этим был жестоко избит какими-то неизвестными. А мой сосед Жермидель, наши сады соприкасаются, хоть и говорит, что не продаст, но как-то проговорился в таверне, будто собирается переехать жить к дальней родне в другой город...

— Понятно, — проговорил я озадаченно. И хотя детали не ясны, но уже видно, что Бриклайт неспешно скучает земли на побережье бухты. Кнутом и пряником, угрозами и побоями, но стремится стать единственным хозяином всей бухты. — Ладно, мне надо покинуть вас на некоторое время.

— В город?

Я покачал головой:

— Нет. Я рыцарь, а куда в свободное время отправиться рыцарю, как не к другому рыцарю, чтобы навестить, засвидетельствовать почтение и узнать, как в этих краях предпочитают затачивать боевые топоры?

Часть 2

Глава 1

Через полчаса я в сопровождении Бобика выехал на Зайчике из ворот. Замок благородного сэра Дюренгарда расположен вне города, я с облегчением пустил коня вдоль полосы прибоя, чтобы без крайней необходимости не заезжать в отныне опасный для меня город.

Вдали, на краю видимости, вздымаются острые белые клыки, так отсюда выглядят вершины скал Перевала. Едва выехал из-за высоких деревьев, по глазам ударил голубой блеск вечного льда, моментально ставший зеленым, красным, даже фиолетовым, что сразу угас, как только Зайчик прошел некую точку пространства.

Я вышел, как принято считать, из земель за Перевалом, где кишит нечистая сила, где люди ежедневно сражаются с нею; но так же дружат, общаются, вступают в браки, где царит постоянная непрекращающаяся резня и беззаконие.

А здесь вот уже правят законы, здесь даже самодурство феодалов если и не уничтожено на корню, то ему крупно подрезали крылья. Что не может не радовать. Все-таки лучше подчиняться безликому закону, чем какому-то дяде, который решит тебя повесить просто так, потехи ради. Лишь потому, что у него больше сил и он это сделать может.

С другой стороны... если этот дядя вздумает подмять закон под себя, то начнется то страшное,

что никаким феодализмом не предусмотрено. Феодала все-таки урезонивает церковь, мораль, этика, воспитание, а вот озверевшего при виде прибыли демократа ничто не остановит. Демократ хорошо знает, что Бога — нет, а следовательно, он не тварь дрожащая, а «право имеет». На все. И никакой оглядки на всевидящего Бога, который, оказывается, вовсе не всевидящий, а кроме того, но нет его, нет. Ура!

Бриклайт, судя по всему, действует просто напористее других и реагирует на изменения быстрее. К счастью, подмял только небольшой городок, который разросся из пристроек при замке. Когда-то здесь сперва появились кузница для перековки коней феодала и его дружины, пекарня, чтобы снабжать замок хлебом, из деревень сюда повезли на продажу овец, коров и гусей, а вот эти мастерские, множась, разрослись так, что замок вовсе потонул среди домов уже не знати, а знатных людей, так называют себя купцы, торговцы, ростовщики, менялы, ювелиры, старейшины крупнейших цехов и объединений...

Пес ринулся вперед, навстречу нам четверо троллей, сильно наклонившись вперед, ломятся сквозь невидимый ураган, широкие лямки из грубой кожи натерли плечи до крови, за ними медленно ползет нагруженная каменными глыбами телега. Колеса, составленные из широких обрубков дерева, оставляют глубокий след, телега потрескивает на ходу, камни шевелятся.

Я послал Зайчика на обочину, давая дорогу труженикам. Здесь Бриклайт молодец, зачем утруждать коней, когда тролли и сильнее, и дешевле.

— Здравствуйте, товарищи гастарбайтеры! — сказал я бодро. — Как самочувствие?

Передний тролль медленно поднял голову, почти человечья, если бы не зеленая кожа и слишком уж жабьи черты, выпуклые глаза уставились в меня в тупом непонимании. Под горлом колыхнулся мешочек, я услышал:

— Есть... Еда...

— Хорошо, — одобрил я, — пока работаете за еду,

понятно. Кормят здесь вкусно, жабы так готовить не умеют. А как вообще?

Он прохрипел тупо:

— Еда... хорошо...

— Прекрасно, — обрадовался я. — Уже три слова заучили. Да, язык местных знать надо. Иначе никаких прав на оседлость не будет. А вторым государственным ваш язык вряд ли признают, демократия здесь только начиняется.

— Еда... хорошо...

— Хорошо, — согласился я. — Ну ладно, обживайтесь. Пока ваши хозяева веселятся в кабаках и притонах за ваш счет, делайте всю тяжелую и грязную работу. Им потом все аукнется!.. Укрепитесь, обживайтесь, потом заметите, что и еды можно получать больше, и одежды... Выходные дни еще не помешают, а там и до избирательных прав рукой подать...

Они даже не проводили нас взглядами, так ничего и не поняв, а в моем мозгу быстро проскальзывали картишки Косова, Краснодара, этнические стычки и погромы во Франции, Англии, Швейцарии...

Обожгутся и здесь очень сильно. Тролли размножаются быстро на радость недалеких тараконцев. Это изобилие скоро аукнется...

Слева раздался стук копыт. Я невольно вздрогнул, рядом на великолепном красном, как раскаленные угли, коне красиво покачивается в такт конскому шагу всадник в богатом камзоле. Роскошная шляпа с пером, красный плащ красиво ниспадает с плеч, на высоких сапогах блестят золотые шпоры.

Пес тут же злобно зарычал, а Зайчик прижал уши и призывно ржанул. Я слышал и стук копыт, и конский храп, и звяканье уздечки, даже запах кожаных доспехов и сбруи, и все бы великолепно... но в этот солнечный день каждая травинка отбрасывает четкую тень, а вот за этим всадником и его конем я не увидел тени.

Красный конь не повел в нашу сторону глазом, даже ухом не шевельнул, хотя мой Зайчик приветственно ржал

нул еще разок. Всадник внимательно всмотрелся в меня, умное лицо с насмешливыми глазами постоянно меняется, словно в каждую долю секунды в мозгу всадника проплывают тысячи мыслей.

— Вижу, сэр Ричард, вы догадались?

— Еще бы, — ответил я.

— Чем же я себя выдал?.. Ах да, тень... В следующий раз исправим. Просто увидел вас в полном одиночестве, решил составить компанию. Почему-то показалось, что вы будете не против.

— Вам показалось, — проворчал я, хотя, конечно же, совсем не против, еще как не против. Не только потому, что особы столь высокого ранга, но всегда интереснее пообщаться с умным чело... гм, чем с десятком дураков. — Вы самоуверенны, сэр Сатана.

Он мягко улыбнулся:

— У вас это противоречие врожденное?.. Вы же знаете, вопреки всем суевериям я не могу приходить незванным. По условиям Великого Договора я могу являться только тем, кто зовет. Или кто хотел бы моего прихода. Как уже говорил, я не могу переступить порог дома, если меня не пригласит хозяин.

— Ладно, — проворчал я, — это не врожденное, а инстинкт защиты. От рекламы, постановлений, указов, призывов голосовать только за их кандидата... А так вообще-то почему благородному и неглупому человеку не перекинуться в дороге парой слов с неглупым... нечеловеком?

Он засмеялся открыто, искренне, как Дейл Карнеги, показывая ровные белые зубы, весь преисполненный доброжелательностью и отзывчивостью.

— Как же в вас силен этот инстинкт защиты! От вас так и веет враждебностью, хотя вы хотите общения со мной... повторяю, иначе бы я не пришел, и еще вы прекрасно понимаете, что я прав!.. Я не могу налюбоваться на вас, сэр Ричард! Что за дивные люди в вашем мире... А как вы все-таки внутренне скованы при всей вашей внешней раскованности!

Зайчик перестал заигрывать с его конем, а Пес, по-наблюдав за мной, решил игнорировать их полностью, но держался на всякий случай рядом, хотя и зайцы вы-прыгивают прямо из-под копыт, и толстые жирные птицы взлетают, едва-едва работая короткими крыльями и приглашая вцепиться им в зад.

Я буркнул:

— Это я скован?

— Скованы, — подтвердил Сатана серьезно. — И вы это знаете. Распрямитесь и там, внутри! Делайте то, что хочется, сэр Ричард!

Я кивнул, полностью согласный, кто же будет спорить с таким утверждением. Мы спорим обычно с теми, кто доказывает нам, что мы должны что-то сделать, обязаны, а когда вот так: не делай, если не хочешь, или делай то, что хочешь — это всегда и у всех проходит на ура. А я был бы идиотом, если бы стал утверждать что-то обратное.

— А как же, — спросил я и сразу почувствовал себя идиотом, — когда отец принуждает принести дров, мать посыпает с ведерком к колодцу? А потом и вовсе начинается проклятая работа, упражнения, а какой-то гад еще заставляет тебя учиться читать какие-то закорючки...

Он снисходительно усмехнулся:

— Вы понимаете, о чем я говорю, сэр Ричард.

— О чем?

— Это законы, установленные людьми. Чтобы уживаться в обществе. Скажу со всей свойственной мне скромностью, что это я их сформулировал. И ввел в обращение. Эти законы соблюдать надо. А есть еще и так называемые моральные, вот уж нелепость, по глупости или ошибке попавшая в человека еще в те давние времена... словом, эти связывающие свободному человеку руки законы не только можно нарушать, но и нужно! Иначе человек не обретет истинной свободы.

Он говорил правильные слова, я кивал, потому что сам с полным убеждением повторял их совсем недавно.

А сейчас молчу только потому, что некому. Хоть сэр Смит, хоть Бернард или Асмер — просто не поймут: им бы пожрать получше, выпить побольше да на сеновале завалить толстожопых служанок. Вот они, кстати, делают как раз то, что хотят.

Но в памяти всплыла картинка, как сэр Смит, обливаясь кровью, защищал своего сюзерена один против двадцати, прекрасно понимая, что погибнет, но не отступал и не сдавался, что-то ему не позволило так поступить, и это «что-то» как раз и есть этот нелепый закон внутри нас. А сам Асмер, который отказался от принадлежащего ему имения в пользу овдовевшей сестры, поехал искать счастья в чужие земли? Тоже идиот, если посмотреть трезво.

— Согласен, — ответил я. — Все это будет... изживаться.

Он хохотнул:

— Наконец-то вы со мной согласны.
— Да я согласен в большинстве случаев, — признался я. — Если не во всех... Скорее всего, во всех.

Он посмотрел с любопытством.

— Да? Почему же я замечаю в вас сильнейшее противодействие?

— Такое уж и сильнейшее, — сказал я невесело.

Он кивнул, глаза стали серьезными.

— Нет, — признал он, — вы не противодействуете... очень уж, но я все время вижу в вас это... неприятие. В вас странная двойственность: понимаете правоту моих слов, хотите по ним поступать и даже готовы...

— И поступаю, — сказал я горько.

— В большинстве случаев, — уточнил он. — Но иногда что-то внутри вас берет над вами верх. И тогда делаете себе во вред. Как вы это объясните?

Я переспросил:

— Что объяснить? Почему слова расходятся с делами?

— Нет, почему вы готовитесь сделать одно, а делаете... противоположное?

Я подумал, пожал плечами.

— Да просто еще не готов вот так сразу стать сволочью.

В мироздании повисла напряженная тишина, даже стук копыт затих, кони ступают как по серому облаку. Наконец Сатана усмехнулся одними губами, глаза оставались серьезными.

— Так трудно принять реальность?

— Да, — ответил я. — Я-то знаю, что мы все от обезьяны, и потому — грязные животные, распираемы похотью, всего лишь научившиеся говорить... но я все еще делаю вид, что мы уже люди.

Он долго молчал, впервые в голосе прозвучала нерешительность:

— Не знаю, говорить ли это... надеюсь, вы оцените степень моего доверия к вам. На самом деле человек не от обезьяны, как вы почему-то решили. Не знаю, чья это жалкая придумка, чтобы оправдать и легализовать свои истинные желания, но мы в такой жалкой уловке не нуждаемся. Да, человек вышел из рук Творца, но это ничего не значит. Он все равно был сотворен по тем же принципам, как и остальные звери. Знаете, такие озарения бывают только раз в жизни, даже если жизнь эта невообразимо длинная, даже вечная... Создать мир и создать жизнь в нем — это и было такое редкое невероятное озарение. Человек от других зверей отличается не больше, чем они друг от друга. То есть ничего принципиально нового. Такой же зверь, но ходящий на задних лапах. А для того, чтобы он был чем-то иным... понадобилось бы еще одна вспышка озарения.

Снова помолчали, я закончил за него:

— Которую ждать еще вечность, так?

— Так, — кивнул он и добавил: — Так что человек не от обезьяны, как вы говорите, а все-таки из рук Творца, однако же в нем, повторяю, нет ничего принципиально нового. Я имею в виду, отличающего от остальных животных. Кроме того, что умеет разговаривать.

Я молчал. Кони идут ровно и бережно, мне на миг почудилось, что мы за столом медленно смахуем дорогое вино, наслаждаемся его неповторимым ароматом и ведем неспешную беседу на философские темы. И в руках у меня не кожаный повод, а хрустальный бокал, искорки пробегают по граням, я с удовольствием подбираю слова, потому что с умным, образованным человеком приятно чувствовать себя тоже умным и образованным.

— Ну так как? — спросил он с мягкой улыбкой интеллигентного и высокообразованного человека, который все-таки знает, что хоть человек и вышел из рук Бога, но все равно не ушел от фрейдовской обезьяны.

— Вы правы, — ответил я.

— Но?.. В вашем голосе звучит это «но».

— Вы правы, — повторил я. — Сволочью быть куда удобнее. Народ постепенно понимает преимущества сволочизма, давайте уж называть вещи своими именами... а соблазн велик!.. При прочих равных условиях побеждают сволочи, так что человек то один, то другой становится сволочью, всякий раз объясняя свое поведение уступкой обстоятельствам или чем-то еще, чем можно оправдаться. Потом отдельные ручейки солются в потоки, в реки, и, наконец, наступит время, когда каждый может не со стыдом, а с гордостью сказать: «Вот такое я говно!»

Он усмехнулся:

— Ну, это вы гиперболизуете...

Я тоже усмехнулся, и хотя в моих руках потертая кожа повода, я поднес к губам бокал и сделал крохотный глоток: Блестящие глаза Сатаны наблюдали за мной с пугающей интенсивностью. Вдруг он вздрогнул, на умном подвижном лице промелькнула целая гамма чувств.

— Вы... не шутите? Мне показалось...

— Вам не показалось, — ответил я мертвым голосом.

— У вас уже...

— Да, — сказал я. — У нас уже говорят так. Именно с гордостью. С вызовом.

— С вызовом... кому?

Я пожал плечами:

— К остаткам тех, кто все еще мяллит о чести, достоинстве, верности слову. Это так, в основном старище, да еще оторванные от жестокой жизни юнцы, начитавшиеся рыцарских романов. Это капли в море сволочей, которые теперь уже не сволочи, а прагматичные люди, основа общества. Которые без заверенных нотариусами договоров — ни шагу. Дело в том, что когда весь мир населяют одни сволочи, то они уже не считаются сволочами.

Он все всматривался в мое лицо, наконец шумно выдохнул воздух, глаза округлились.

— Сэр Ричард, я уже говорил вам, что вы меня всякий раз удивляете? Сегодня — не исключение.

Я ухмыльнулся:

— Рады?

— Еще бы! Приятно знать, что победил.

— Да, — согласился я. — Но Бог еще не убит. Он ушел в подпольщики.

Глава 2

Пес в недоумении оглядывался, когда всадник вместе с конем исчезли, нюхал воздух. Я с облегчением перевел дыхание. Если и Пес видел или чуял его присутствие, то я не кукукнулся, а то уже начал подумывать, что это мой здравый смысл пытается растоптать остатки совести, а та, зараза, сопротивляется.

Все верно, если по ту сторону Хребта Сатана ведет бой с переменным успехом, то здесь можно сказать, противник уже на полу, осталось чуть-чуть дождаться. Влияние городов, а в них торговых и прочих гильдий растет, а это значит, что мощь богатых аристократов подтачивается. Когда-то семья Дюренгардов владела всем этим краем, обширными землями от горизонта и вот до тех скалистых гор, но королевство Кейдана медленно превращается в республику, семейству Дюренгардов остались толь-

ко фамильные земли, что, впрочем, представляет собой тоже хороший кусок, где густой непролазный лес, несколько озер, судоходная река и несколько десятков деревень.

По рассказу Амелии я хорошо представляю, как замок постепенно ветшал, но Дюренгард упрямо отказывался продать его и перебраться в одно из имений на своих землях. С верхней башни замка видел даже дальние деревушки, наблюдал работу на полях, десятки двигающихся во всех направлениях телег, присматривал за работой шести водяных мельниц, трех ветряков и придирчиво следил, как разгружают корабли. Благодаря своему острому глазу и умению наблюдать он вовремя прогонял нерадивых управляющих, так что на его землях процветали торговля, виноделие, маслобойни, крестьяне богатели, вовремя получая подсказки, чем засевать поля, ибо цены в городе скачут, скачут.

Однако в последнее время, когда в городе возникло самоуправление, а король неожиданно поддержал самостоятельность городов — неожиданная помощь и опора в постоянном борьбе с крупными феодалами, граф Дюренгард предпочел удалиться в это загородное имение, где и доживает дни, как говорят, озлобленный на короля, императора, на весь мир.

Старый замок, что в центре города, выкупил городской совет и тут же приспособил под склад, кровное оскорбление для потомственного аристократа. С той поры граф в город — ни ногой, чему там только рады.

Да, это поступь прогресса, который направляет Сатана, когда знатные рыцарские кланы сдают позиции под натиском, так сказать, предпринимателей. Те создали здесь цеха, создали братство ремесленников, все это скрепляется торжественной клятвой, принимается устав, так что вместо стихийного протesta выступает реальная сила. Сами предприниматели финансируют такое братство, а в цехах набирается достаточно людей для организованной борьбы.

Насколько помню, такие братства исчезнут, но не вследствие поражения, а как раз из-за побед: как только власть в городах перейдет к ним полностью, представители цехов будут включены в городской совет на равных. А в цехи будут вписаны все горожане, в том числе и аристократы, так сказать, демократия в действии, все равны, движение к равноправию в другую сторону.

Почему в такой глубокой заднице церковь, тоже, хоть и с трудом, но становится понятно. В таких городах церковь становится раздражающим фактором. Вроде бельма на глазу, которое хоть и сложно, но можно убрать. Владения церкви свободны или почти свободны от налогов, пользуются иммунитетом и правом убежища, а все духовенство освобождено от военных и гражданских повинностей — ну кого это не раздражает? Всех: от короля и до простых горожан, чьи интересы здесь совпадают.

Любой монастырь — это крепость с надежными стенами плюс право иммунитета даже от власти короля, так что монастыри раздражают народ не меньше, чем сами церкви. А это значит, что особой поддержки я не получил бы ни в церкви, уже увидел, какая здесь церковь, ни в ближайшем монастыре, представляю, в каком он состоянии. Да и проходит то время, когда церковь, как пылающий факел, вела народы сквозь тьму. Сейчас церковь — это ползущая в арьергарде телега, возчики которой подбирают раненых, увечных, потерявших интерес к жизни, больных...

На что существует городской совет и вообще вся инфраструктура города — этим я заинтересовался не в последнюю очередь, от них зависит настроение граждан и лояльность, однако Бриклайт провел ну просто уникальную операцию, когда налоги не то чтобы отменил, но снизил сразу вдвое, вызвал всплеск обожания и доверия. Главное, что даже король никак не мог повлиять на увеличение или снижение налогов, все зависит от воли городского совета. А Бриклайт, как объяснила Амелия, дал зарабатывать горожанам столько, что уже из собствен-

ных средств богатые люди могли оплачивать и содержание городского совета, и наем новых отрядов милиции.

В любом городе центр — это рынок, раньше здешний рынок был под полным контролем сеньора замка, но по мере того, как город разрастался, надзор за ним и все прибыли от этого переходили от феодала к городскому совету, а где-то и к Союзу Гильдий, где сами цеховики устанавливают цены, а также размер пошлин, которые нужно брать с каждого на содержание магистрата, стражи и прочего обслуживающего персонала.

Общий контроль над ценами осуществляют сами цеховики, здесь и забота о славе города, уже поняли, что бренд приносит дополнительные прибыли, и забота о достаточном питании горожан, ибо голодные и больные не смогут ни работать как следует, ни оставлять деньги в злачных местах.

Надо сказать, что Бриклайт многие будущие тенденции предугадал, в частности, предпринял ряд жестких мер, стараясь подавить конкуренцию в подчиненных городу селах. На въезде в город велел взимать высокую пошлину с товаров, которые производятся в городе, дабы не разорять «своих».

Таким образом, крестьяне вынуждены покупать ремесленнические изделия только в городе, а сами начали специализироваться лишь на сельском хозяйстве...

Конь фыркнул, тихонько ржанул, привлекая мое внимание. На фоне облачного неба возвышается замок графа Дюренгарда. Замок, стремящийся стать дворцом. Нет рва, с торчащими со дна остриями кос, пик и обломков мечей, да еще и заполненного водой, нет подъемного моста и железной решетки ворот, что как гильотина падает сверху и втыкается железными остриями в землю.

Огромный дом с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами под самой крышей, к моему изумлению, окружен пышными кустами роз, клумбами с дивными цветами. Правда, ворота из массивных отесанных бревен, все скреплено настолько толстыми и широкими по-

лосами железа, что тараном нужно долбиться долго и упорно, чтобы хоть поцарапать такие створки.

Дача феодального типа, мелькнуло у меня в голове. Вилла олигарха с поправкой на эпоху. Уже не замок, но еще не дворянская усадьба.

Зайчик красиво потряхивал гривой и гордо гарцевал перед воротами. Я держался прямо, расправив плечи, взгляд надменный, со стен сразу должны признать во мне благородного рыцаря, а не просто богача на дорогом коне.

Из высоко расположенных окон доносится тихая музыка. Я вытащил меч и постучал в запертые ворота.

— Эй, — прокричал громко, — гость в дом — Бог в дом!

Тишина, молчание, музыка не прервалась, а из окон никто не выстрелил, не облил горящей смолой или хотя бы варом, даже не спросил: «Хто там?» Пришлось вновь постучать рукоятью меча, потом еще и еще, прежде чем послышались шаги. Загремели засовы.

Я ждал, что откроются если не врата, то хотя бы калитка, но в калитке отворилось узенькое окошко, мелькнул подозрительно сощуренный глаз.

— Хто?

— Свои, — ответил я с приличествующей надменной небрежностью, — благородный сэр Ричард Длинные Руки, граф Валленштейн, виконт, барон и что-то там еще помельче, но много.

Узкое окошко не позволяло смотреть на меня двумя глазами, страж двигал мордой из стороны в сторону, рассматривая попеременно то одним, то другим.

— И че? — спросил он. — Тут уже графы есть...

— Доложи, дурак, — ответил я с необходимой нетерпеливостью высокорожденного. — Да не хозяину, понял? Это далеко, но мне не тебя жалко, а хозяина. Старшему по страже доложи. Есть такие?

— Есть, как не быть...

Он исчез, окошко захлопнулось. Ждать пришлось

долго, я высвободил сапог из стремени и приготовился ударить в ворота ногой, но с легким скрипом распахнулась калитка.

Мошенный булыжником двор блестит, как спины ползущих по мелководью черепах. Я пригнулся, касаясь лицом конской гривы, над головой проплыла арка. Пес уже во дворе, осматривается по-хозяйски, предостерегающе рыкнул.

Внутренний дворик невелик, от ворот с копьем в руках шагнул в нашу сторону солдат, крепкий и угловатый, словно вырубленный из одного куска дерева, жилистый и суворовицкий с недоверчивыми глазами. Лицо обветренное, а кираса вздутая явно не для показухи: у такого ветерана грудь должна быть вздутой и в крепких мышцах. И копье в крепких ладонях не для парадов.

Он ничего не сказал, только повел взглядом в сторону. Там, загораживая вход в замок, высится человек огромного роста в полных рыцарских доспехах. Шлем ста-ринной работы: цилиндрический, без новомодных штучек вроде поднимающегося забрала, руки опираются на крестовину великаканского меча, воткнутого острием между булыжниками.

— Граф Валленштейн? — поинтересовался он с сомнением.

— Изволю им быть, — ответил я снисходительно.

Он всмотрелся в меня, стражник подбежал по его кивку. Мужчина передал ему меч, обеими руками снял шлем. Широкомордый, с перебитым носом, широкоскулый, маленькие глазки под могучими выступами надбровных уступов некоторое время сверлили меня пытливым взглядом.

Я посматривал на него с высоты седла снисходительно. Наконец он сдвинул плечами.

— Меня зовут сэр Шарукань. Я вас видел лет двадцать тому, граф, но что-то вы совсем не постарели... Впрочем, церковные штучки и сделки с дьяволом — не мое дело. Проходите в дом, в зале успеете перекусить, а

потом граф Дюренгард вас примет... Что это у вас за чудовище?

Я, не покидая седла, огляделся по сторонам:

— Где?

— Да вот этот дракон, — он ткнул пальцем в сторону Пса. — Только где крылья?

— Линяет, — объяснил я.

Бобик посмотрел на него с предостережением и молча приподнял верхнюю губу. Клыки блеснули длинные и острые, как у саблезубого тигра.

— Это моя левретка, — сообщил я безмятежно. — Хорошая такая тихая собачка. Умеет тапочки носить...

Он рассматривал Пса с угрюмым любопытством бывалого воина, повидавшего столько всякого, что давно не страшится за жизнь.

— Кого-то мне напоминает эта левретка, не к ночи будь сказано. Но если вы с нею справляетесь, можете взять с собой. Герцог не против собак, совсем не против. У него самого их десяток. Если, конечно, ваша болонка не скушает их.

— Не скушает, — заверил я. — Она мухи не обидит.

Я соскочил с коня легко и красиво, уже освоил этот длинный прыжок. На входе в вестибюль показался тучный человек в добротном костюме на здоровенном расплюывающемся теле, обвисшее лицо тронула приветливая улыбка, толстый нос сморщился, желтые круги под глазами стали еще отчетливее.

Великан сказал за моей спиной:

— Лошадку оставьте, о ней побеспокоится.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Она кушает... и овес тоже?

Я оглянулся, помедлил:

— Да. Но, честно говоря, раз уж вы такой понятливый, только вам скажу про одну ее причуду... Очень уж она любит есть то, что не едят другие лошади.

Он спросил с некоторым беспокойством:

— Мясо? Это можно. Надеюсь только, не человеческое?

— Что вы, — вскрикнул я в преувеличенном ужасе. — Моя лошадка — вегетарианка, как и положено коням. Но очень уж любит грызть камешки. А если в стойле окажутся железные скобы или толстые гвозди, то повытаскивает и сожрет. Она их обожает! Ей самой стыдно, но удержаться от лакомства не может...

Он внимательно посмотрел на коня, снова взглядел измерил рост, задержал взгляд на середине лба, где красуется белая звездочка, как будто чуял, откуда появилась эта отметина.

— Хорошо, — сказал он. — Мы позаботимся. Дюренгарды всегда отличались гостеприимством, и никто не уходил обиженным.

Человеку на пороге я кивнул приветливо, но не слишком, мы не ровня, прошел за ним в просторный вестибюль. На стенах картины, возле лестницы, ведущей наверх, чучело огромного огра. В безжизненных глазах вдруг блеснул огонек, я отчетливо видел, как глазные яблочки чуть сдвинулись, удерживая меня тем же мертвым, ничего не выражаящим взором.

Наверху уже стоял, широко растопырив ноги, тучный коренастый человек в парадном мундире, с голубой лентой через плечо. Я поднимался неспешно, исполненный достоинства, сейчас я граф, помню, и держусь пограffiti, по толстяку скользнул безразличным взглядом, и он первым согнулся в почтительном поклоне.

Пес шел со мной слева, выдвинувшись на треть корпуса, весь из себя дисциплина и воспитанность, даже пасть закрыл, чтобы не пугать народ еще и клыками.

Толстяк проговорил бесстрастно:

— Я управляющий делами герцога Дюренгарда. Позвольте, я отведу вас в зал. Но... собачка...

— Идет со мной.

— Вы в ней уверены?

— Больше, чем в себе, — ответил я высокомерно.

Он поклонился и жестом пригласил следовать за собой. Навстречу двинулся широкий и ухоженный коридор, пол в голубых квадратиках то ли мрамора, то ли еще

чего-то дорогого, камень отполирован просто изумительно, в стенах через равные промежутки ниши. Я заметил в некоторых по мраморной статуе, другие пустуют, хотя мне иной раз казалось, что в них что-то все-таки есть...

В большом зале с потолочных балок свисают штандарты, красными баннерами украшены стены, а у широкой лестницы, ведущей наверх, размещен огромный щит с затейливым гербом, непривычно сложным на взгляд простого рыцаря из Зорра или других королевств по ту сторону Перевала.

Тroe дворян расположились в креслах и лениво беседуют о чем-то отстраненном, судя по их лицам. Еще двое стоят у лестницы, все сразу повернули головы в нашу сторону.

Управляющий сказал с поклоном:

— Прошу вас подождать здесь. Я пойду к герцогу, доложу.

Пес сразу же сел, потом и вовсе лег. Красный ковер красиво ниспадает по ступенькам лестницы с самого верха и до низа, на широких мраморных перилах раскрячились пузатые вазы из синего камня. Управляющий заспешил наверх с поспешной неторопливостью. Двое дворян уставились на меня с привычной наглостью за всегдатеев, дедовщина началась не вчера, один все еще прикидывал, что бы мне сказать соответствующее, а второй окинул меня презрительным взглядом и произнес громко:

— А с каких это пор дворяне начали путешествовать без оруженосцев?

Глава 3

Он обращался к своему спутнику, так что формально я как бы ни при чем, эдакое слабо замаскированное оскорбление, когда я должен чувствовать себя оскорблённым и в то же время бессильным что-либо сделать. И так

можно издеваться долго, пока я должен яриться в бессильной... да, бессильной.

Я повернулся к нему и сказал негромко, но отчетливо:

— Ты, скотина лопоухая... Хочешь в морду?

Оба дернулись, лица вытянулись. От дворянина и рыцаря такое не услышишь, интеллигенция всегда беззащитнее перед лицом оскорблений, даже если это средневековая интеллигенция. Наконец говоривший медленно снял перчатку, глядя мне в глаза. Я внимательно посмотрел ему в глаза. Перчатки и рукавицы, насколько я знаю, не встречались, как это ни удивительно, ни в античную эпоху, ни во все предыдущие. Придумали их крестьяне, в них легче полоть и жать, рыцарство тут же приспособило их, нацепив множество бляшек и сделав их боевыми.

Сейчас вот это не просто перчатку мнет этот щеголь. Это символ. В церковь войти в перчатках — это куда не-пристойнее, чем громко пукнуть при дамах. Подать руку в перчатке — можно в ответ схлопотать по морде. Если вручить перчатку с поклоном — это оммаж, признание сеньором, сюзереном...

Но этот щеголь делает вид, что бросит мне эту перчатку, а это означает презрение и вызов на поединок. Я ждал, притопывал ногой в нетерпении, наконец стиснул челюсти так, чтобы выразительно заиграли желваки и опустил ладонь на рукоять меча.

— Эй ты, — сказал я, — либо бросай перчатку, либо получи по морде так просто!

Щеголь дернулся, по лицу пробежала целая гамма чувств, от неуверенности, растерянности и до опасливо-го почтения. Он торопливо сунул руку в перчатку и заговорил тоном оскорбленного достоинства:

— Сэр, я не понимаю вас... Объяснитесь!

— Что с перчаткой? — потребовал я зло и нахмурил брови.

Он ответил чуть более твердо:

— Жестковата кожа. Я размял чуть. А в чем дело?

— А-а-а-а, — сказал я и убрал руку с оружия. — Нам,

деревенским, только дай подраться, вот и чудится всяческое. Истолковываем все в нужном духе. Так что учтывайте особенности национального восприятия. Но если вдруг восхотите в морду — только скажите, лопоух. За мной не заржавеет!

Аристократ мучительно искал ответ, чтобы себя не слишком уронить, но и меня не дразнить, уже видит, что перед ним совсем не овечка, но вдруг вытянулся, даже брюхо подобрал: через распахнутые двери входит сам, как я понимаю, хозяин замка. Вошел он величаво и царственно, не делая ни одного лишнего движения, бесстрастный и со взором, устремленным сквозь дальнюю стену.

Я невольно ощутил ауру власти, словно в комнату вошел президент банка, а то и самого МАГАТЭ, хотя и не помню, что это, но знаю, что МАГАТЭ — круто. Держался он с холодной властью, в зале согнулись в поклоне.

Про этого человека, герцога Дюренгарда, я уже слышал: популярный среди рыцарства и даже простого народа, за что нелюбим при дворе, он редко появлялся здесь, и всякий раз что-то происходило: то ли доброе, то ли нехорошее. Отважный воин, знаток рыцарских правил и законов, предводитель войска, он показался мне настолько безобразным, что все мужчины, не чувствуя в нем соперника, могли искренне предлагать ему дружбу, а женщины, как известно, не настолько дуры, чтобы выбирать мужчину по длине его ног.

Ноги же герцога хороши для езды на толстой лошади, даже на бегемоте, но не для придворных танцев. Да и ростом не удался, а все мы ревниво смотрим на тех, кто выше нас, и покровительственно и дружелюбно — на низкорослых. И хотя у герцога плечи такие, что огр позавидует, а руками может ломать по две подковы, однако же внешность... гм... великая сила.

Я невольно пошевелил плечами и выпрямился, с удовольствием чувствуя, что у меня и рост, и осанка, да и вообще я орел, если не слишком присматриваться.

Герцог на миг встретил мой взгляд, я внутренне со-

дрогнулся: орлиный взор, гордая осанка, исполненные достоинства движения и свободный шаг человека, который вовсе не считает себя ущербным.

Я помедлил и тоже слегка поклонился, но только чуть-чуть, как младший старшему. Он остановился, холдно и с некоторой брезгливостью оглядывая меня и мою поношенную одежду, бросил беглый взгляд на Пса. В костюме из самого дорогого сукна, украшенного золотым шитьем и множеством драгоценный камней, он выглядит сановником из времен Екатерины Второй.. Лицо уже холеное, сытое, хотя видны два шрама на скуле и подбородке, напоминая, что это все-таки рыцарь, хоть и на покое.

— Это вы, — спросил он с некоторым сомнением, — граф Валленштейн?

Я ответил с легким поклоном:

— Имею честь им быть.

Он с прежним сомнением оглядел меня с головы до ног.

— Мне приходилось с вами на турнирах скрещивать копья... Признаюсь, вы непревзойденный боец. Я не слишком щепетилен в вопросах веры, но то, что вы не стареете, настораживает и наталкивает на мысль...

Я торопливо прервал:

— Никаких сделок с дьяволом, дорогой граф! Вы встречались на турнирах с моим отцом.

Он вскинул брови, долго всматривался в меня.

— Да, — сказал он наконец, — теперь вижу отличия. Вы даже несколько крупнее. Герцогу Валленштейну повезло с таким сыном. Я вижу, вы странствуете один?

— Нет, конечно, — ответил я. — Со мной мой меч, конь и верный пес. Разве настоящему рыцарю кто-то нужен еще?

Тень неудовольствия мелькнула по его лицу. Сам на-верняка даже в туалет ходит с толпой слуг, оруженосцев, конюхов и помощников.

— Я слышал, — проговорил он в сомнении, — у вас

была стычка в городе... И не одна?.. И что-то там про по-боище в некоем саду?

Я отмахнулся:

— Какая стычка? Просто разогнал пьяный сброд, за-городивший дорогу. Не помню, дважды или трижды. Благородные рыцари не запоминают такие мелочи. А в саду... Ну, там было побито немало пьяной черни. Думаю, за дело.

На его лице прорытое нечто вроде легкого удовле-творения:

— Похоже, вы из земель, где простолюдины знают свое место. Прошу вас, граф, пройдемте в мой кабинет.

Он сделал приглашающий жест, я ответил легким поклоном, опять так же, как младший старшему, он мне не господин. Мы прошли в небольшой зал, Пес шел сно-ва со мной у левой ноги, невозмутимый и не делающий лишнего движения, словно вышколенный дворецкий. Я с порога с удовольствием окинул шкафы с рядами тол-стенных томов. На массивном столе раскрытая книга размером с подушку, толстые страницы похожи на вол-ны, еще два фолианта ждут своей очереди на краю стола, блестя медными и бронзовыми переплетами.

Граф проследил, как Пес вошел и сразу же лег у сто-ла, повернулся ко мне.

— Уверен, — проговорил он, — почему-то уверен, что вы читать обучены...

— Есть такой грех, — согласился я. — Любил читать..

— А сейчас?

Я развел руками:

— Когда?..

Он не уловил в моем голосе сожаления, но не объяс-нить же, что нынешняя литература не очень меня устраи-вает по ряду параметров, пусть думает, что я рвусь махать мечом и топтать конем простой люд, забывший о почте-нии к знатным господам.

— А я вот на старости лет пристрастился, — сказал он таким тоном, как если бы Сатана горделиво сознавался в

своих грехах. — Очень уж любопытственно узнавать, как некогда сражались и побеждали великие полководцы...

— Вы только о полководцах читаете? — спросил я.

Он удивился:

— А о чём же еще? Все остальное тлен, чепуха и заблуждения. Да и вообще... Есть книги, которые лучше вообще не брать в руки. А где о великих сражениях древности, всегда безопасны.

— Вы говорите о книгах магов, на которые наложены заклятия?

— Не только, сэр Ричард, не только. К примеру, великий Бутоттила, его еще называют Последним Хозяином Гор, ухитрился стать еще и великим государем. Так вот он, будучи магом, написал несколько книг, которые...

Он скривился, словно у него отчаянно болят зубы, я пришел на помощь:

— Оказались чем-то вредны?

Он кивнул:

— Книги Бутоттилы погубили немало магов. Сперва тех, кто их отыскал, потом все более знающих. Наконец их передали в Верховный Клан Магов, который объединяет их...

— В самом деле?

— Должен объединять, — поправился он нехотя и скривился еще сильнее. — Сами понимаете, маги тоже — люди. К сожалению. И каждый сперва себе. А потом уж... Да и то охотнее подставит ножку сопернику, ведь в их деле соперник — всякий. Но в некоторых случаях, как вот с книгами Бутоттилы, пришлось поделиться информацией... После того как погибли шесть магов, которые пытались прочесть заклятия в книге Последнего Хозяина Гор, эти книги король Ульрих изъял и передал в клан. Там все и началось...

— Разгадали? — спросил я жадно.

Он покачал головой:

— Погибли двое Высших магов, пока кто-то не вы-

сказал идею, что поверх наложено еще одно заклятие... К примеру, читающий должен либо пальцы скрестить, либо сидеть босым, либо держать ноги в тазике с водой... Словом, не предугадать, что нужно сделать до того, как раскрывать книгу. Просто раньше с такой предосторожностью не встречались, вот и гибли самые нетерпеливые...

— А нельзя как-то снять те заклятия?

Он развел руками:

— Увы, маги прошлого были намного сильнее. Не берусь судить, за счет чего, но — сильнее. Не знаю, чего недостает нынешним. Но отныне такие книги, во избежание соблазна, надлежит сжигать не раскрывая. Сейчас модно осуждать церковь и посмеиваться над ее наивностью, но в чем-то она права: все, что идет из прошлого, — лучше сжечь.

Издали донесся густой звук медного гонга. Граф с усилием поднялся.

— Обед. На этот раз пренебрежем этикетом насчет переодевания... хотя, честно говоря, моя супруга на этот счет придерживается строгих принципов, из-за чего и воюем постоянно. Как видите, сейчас я годен только на такие сражения...

Он явно кокетничал, если и староват для поединков на турнирах, но вполне мог бы руководить армиями в масштабных битвах. Я поклонился и последовал за ним, весь из себя в почтении к старшим и вообще само благородство.

Пес снова красиво и чинно пошел слева, удивляя даже меня вдруг проснувшейся воспитанностью.

Глава 4

У входа в столовую встретила нас высокая, очень красивая женщина с прямой спиной и строгими серыми глазами. Из-за ее безукоризненной аристократичности я

не сразу понял, что она очень молода: слишком царственное лицо, осанка, манеры...

Я взглянул с вопросом, а в ответном взгляде уловил то же самое: каким образом попал в этот зоопарк иско-
паемых?

Я поклонился, успел ощутить ее молодость и чистоту тела, элегантность холеных рук и безукоризненные обводы плеч и шеи, но граф, чему-то нахмурившись, тороп-
ливо подтолкнул меня к распахнутой двери:

— А то все остынет...

Стол из мореного дуба напоминает сороконожку: растянулся в длину шагов на сто, а ножек в самом деле не меньше сорока. За столом всего трое: немолодая элегант-
ная женщина в строгом платье, юноша от нее по левую руку, а во главе стола...

Я малость оторопел: мужчина размерами с огра, на-
стоящий гигант, кресло у него не выше других, но кажет-
ся, что гигант на возвышении и что от его взора не укро-
ется никто в зале. Я нечасто встречал людей моего роста,
но чтобы выше, да еще настолько...

Граф рядом со мной застыл, наблюдая за мной с по-
нятным злорадством. Этот, что во главе стола, шире в плечах, массивнее, на нем железа столько, что я бы уже рухнул, а он в нем выглядит так, словно это простая ру-
башка.

Скосив глаза, я рассмотрел прислоненный к креслу меч: на два пальца шире любого из моих виденных, длиннее на ладонь, я даже страшусь подумать, сколько может весить, но этот гигант выглядит так, что с легкостью будет перебрасывать это чудовище из руки в руку. Кулаки его, как обычно говорят, размером с голову младенца, но мне кажется, что младенец должен быть очень крупным.

— Кто это? — прошептал я.

Граф ответил тоже почтительным шепотом:

— Мой дед, сэр Гаррет.

Челюсть моя отвисла, этот гигант выглядит больше

похожим на внука графа Дюренгарда. Я медленно и в самом деле с полнейшим почтением поклонился, а сэр Гаррет сделал величественный жест.

— К столу, дорогой граф!.. Нам уже рассказали, что вы путешествуете в духе славных старых рыцарских традиций, не обременяя себя толпами слуг...

— Да, — пробормотал я, — не обременяю.

— Это ваша собачка?.. Гм, то-то все мои затихли и попрятались. Это в самом деле та, кого она мне напоминает?

Я учтиво поклонился:

— Для меня лично это милый послушный песик.

— Вы... издалека, граф?

— С далекого Севера, — ответил я.

За столом ахнули, сэр Гаррет довольно прорычал:

— Тогда эта та собачка, та... Вдвойне рад вас приветствовать, граф.

Меня усадили между графом и его женой, я не понял прикола, но, видимо, это особая честь, если не для того, чтобы подловить на чем-нибудь.

Сэр Гаррет посматривал на меня с интересом.

— Кого-то вы мне напоминаете...

— Только не при дамах! — сказал я испуганно.

Он благодушно улыбнулся, кивнул:

— Да, такое нельзя при дамах. Но даже если то были не вы, гм... все равно вы из одного теста. Или из одного гнезда. Больно похожи... Кстати, управитель сказал, что у вас и лошадка из тех краев, что и собачка?

Я кивнул. Он довольно хохотнул:

— А эти... гм... возмущаются, что вы без толпы слуг! Эх, дикие люди... Не удивляйтесь, граф, я давно передал управление замком своему сыну, а потом и внуку. У меня дела поинтереснее... А им еще нравится это детство: турниры, охота, поединки...

Дюренгард прервал обиженно:

— Дедушка, это и есть рыцарская жизнь! Не обижай

гостя, он сам рыцарь. А вам, сэр Ричард, в городе приходится пробавляться едой простолюдинов?

— Увы, — сказал я сокрушенно. — Едят себе сочных жареных кур или молодых откормленных кроликов... Им не понять, как можно с аппетитом есть жилистых куропаток или зайцев, где только кожа да кости, но если это убито вашей стрелой, разве обед не вкуснее?

Граф Дюренгард сказал довольно:

— Золотые слова!

Дедушка взглянул на меня с хитринкой в глазах.

Управляющий, что застыл у дверей, распахнул обе створки и провозгласил:

— Граф Дюренгард и графиня Толедская приглашают за стол!

Дворяне, которые околачивались в большом зале, торопливо входили, на меня бросают злобные взгляды. Места расписаны заранее, иначе началась бы свалка за места поближе к хозяину.

Молитву прочли все или почти все, хотя многие и с показной небрежностью. Как я понял, в моду входит свободомыслие и отрицание моральных ценностей, слишком уж осточертели, а даже взрослым людям хочется ощутить себя хоть немного свиньями.

Я с тоской, стараясь не показывать виду, смотрел на стол. Вместо низменных жареных кур и каплунов, гусей и телятины, на стол подали только «благородное»: зайцев, куропаток, а также белок и ежей. В большой тарелке с высокими краями на стол поставили вареных мидий, мощно приправленных уксусом, а также целый котел слизняков, как здесь называют улиток.

Едва мы начали расправляться с первой переменой, в комнату заглянул повар, а через пару минут вошла целая череда слуг, у каждого в руках широченный поднос, на котором жареные гуси, утки, перепела, а самое главное — цапли, ну убейте меня, не понимаю, почему они считаются великолепной дичью.

Я в удивлении оглянулся на графа:

— Вы уверены, что все это съедите?

Он отмахнулся:

— Вот видите, как среди простолюдинов быстро теряется дух рыцарства! Что не съедим, возьмут слуги. Мы, можно сказать, питаемся с одного стола.

— Раздельное питание, — определил я, — понятно.

— Раздельное? — переспросил он.

— Ну это так называется, — объяснил я. — Сожрать все, пока другие не подошли. Или вот так, более гуманно... Не обращайте внимания, это моя собачку косточки грызет. Правда, если ей не бросать их, то ножки стола перекусит от нетерпения...

Жена графа тут же оторвала гусиную ногу и сунула под стол. Я улыбнулся как можно более дружелюбно и беспечно:

— Кстати, я хотел бы поговорить о тревожном положении в городе. Вообще-то это ваш город!

Дюренгард покачал головой, в глазах укоризна:

— Как вы можете о делах, еще не пробовав нашей печеной рыбы?

— Морская? — спросил я скептически.

Он посмотрел с уважением.

— А вы, похоже, знаете толк... Нет, из дальних горных озер. В морской воде рыба становится жесткой.

Он перекрестил грудь в дорогом сукне мелкими крестиками, словно отгонял муху. Сэр Гаррет и молчаливый юноша перекрестились размашисто и напоказ, широко и с фанатично-строгими лицами, будто в самом деле в этот момент думают о Высоком... хотя кто знает, кто знает, не всегда же мы свиньи. Графиня даже не вспомнила о таком ритуале, наклонилась к блюду и брезгливо трогала кончиком ножа запеченную рыбку. Граф поинтересовался с ноткой иронии:

— Как полагаете, есть можно?

— Можно, — сказала она.

Я видел как на меня поглядывают, нагнул голову и, сделав вид, что полностью занят едой, сосредоточился,

заглушил, а потом и вовсе отсек все шумы справа и слева, оставив узкий коридор, в конце которого шепчутся карбонариями. Постепенно шепот стал различим, я услышал:

- ...собираетесь заняться шелком...
- Нет, мне проще...
- ...А как же караван с солью...
- Нет, торговать солью — это неблагородно...
- А шелком?
- Шелк только для благородных, а соль жрут все...
- Но на соли можно сколотить состояние...
- Да? Расскажите подробнее...

Я ощутил разочарование, как-то подспудно хотелось, чтобы все говорили только обо мне, а у них, гадов, оказывается, есть и свои интересы и заботы. Со спины на плечо опустилась ладонь, оглушающе громовой голос едва не разломил череп:

- О чём задумались, благородный сэр Ричард?

Я едва не подскочил, сердце заколотилось, а этот огр в доспехах осторожно опустился в кресло, в глазах сочувствие, вон как я глубоко ушел в свои благочестивые мысли, забыл, что на пиру, а не в уединенной келье монастыря, где благородные рыцари проводят ночь перед дальними походами во славу церкви и короля.

— О славе рыцарства, — ответил я. — О его доблести, чести, благородстве...

— Хорошо, хорошо, — прогудел сэр Гаррет. — Я вижу возвращение былой славы, если и столь юные рыцари думают о подвигах, а не о наживе... а то сейчас как чума какая-то...

Он с отвращением обвел взглядом огромный стол. Его внук, сэр Дюренгард, слегка располневший, но бледный, как глубоководная рыба, с редкими волосами, сквозь которые просвечивает розовая лысина, ест много и с удовольствием, рассказывает про старые времена, когда все было иначе и чернь знала свое место.

Лакеи двигаются размеренно, не делая ни одного

лишнего движения, бесстрастные и то и дело замирающие в неподвижности, между ними быстро семенил изящная горничная, похожая на молодого олененка. На минутку в зал заглянул массивный повар в белом чистом халате, оглядел стол и, что-то подсчитав в уме, скрылся.

Я с удовольствием ел горячую уху из рыб, что водятся в горном озере, так мне объяснили с гордостью, перетаскивал на свою тарелку хорошо прожаренное мясо, я не любитель бифштекса с кровью, а здесь как будто уже все знают о моих вкусах, странно, ел блинчики с мясом перепелок, пил прекрасное темное вино. Для десерта на середину стола водрузили горячий, парующий дивными запахами пирог, огромный, похожий на крепость из коричневого камня. Умело подрумяненная корочка треснула, когда служанка опускала пирог, из трещины вырвалась струйка одуряющего запаха. Я успел увидеть белую мякоть с орешками, но служанка убрала руки, и трещина захлопнулась.

Мелко нарезанное мясо подали с толченым луком и чесноком, зажаренных куропаток — в муке из горьких трав, вызывающих аппетит, а сказочный окорок вызвал довольные возгласы у многих гостей и улыбку у невозмутимого сэра Гаррета. Вино подали как в небольших бурдюках, так и в кувшинах, блюда из рыбы поразили разнообразием, я никогда не видел таких удивительных рыб, не спускал глаз с встопорщенных красных гребней, делявших их похожими на драконов, осторожно потрогал пальцем зубатые пасти: у рыб, насколько я знаю, таких зубов просто не может быть.

— Все съедобно, — подбодрил сэр Гаррет. — Эти водятся прямо в нашем пруду.

— Как называется это чудо?

Он пожал плечами:

— Рыба. Просто рыба.

Я с опаской ел эту рыбу, когда в комнату вошла, вошла тихо, ступая мелкими шажками, служаночка. В руках ажурный поднос с гроздьями винограда и двумя се-

ребряными кубками изящной работы. Я бегло взглянул на кубки, слишком хороши для такого места, странно, затем перевел взгляд на девушку, тоже слишком хороша для служанки: правильное лицо с белой нежной кожей вместо привычного густого загара, аристократически вздернутые скулы и тонкий нос, внимательные глаза.

Я перевел взгляд на герцога, у него тот же тип лица: удлиненный череп, высокие скулы, да и у герцогини несомненное сходство с этой странной служанкой. Правда, только я могу его заметить: люди благородного сословия вообще не замечают слуг, для них это люди невидимки.

— И вина, — сказал я ей, указывая глазами на пустой кубик. Добавил: — Пожалуйста.

Рука ее слегка вздрогнула, но налила быстро и умело, не пролив ни капли. Я поблагодарил кивком, как у нас благодарят официантов, здесь это неслыханное дело, герцог взглянул на меня с удивлением, а герцогиня с любопытством.

А дочка с характером, мелькнуло у меня. Не желает сидеть взаперти, а переоделась служанкой, чтобы присутствовать и понаблюдать за молодым гостем, возможным женихом. И заранее сказать папеньке и маменьке, что не пойдет за такого урода. Скучного правильного урода. Морального, конечно, так как внешне я здесь весьма и весьма.

Когда расправлялись с десертом, я поспешил перебирал все, что знаю о Тараконе и его устройстве, увязывал с увиденным здесь, герцог посматривает благосклонно, но с некоторой настороженностью.

Ты прав, ответил я мысленно. Я хочу, чтобы вы из этого гнезда вылезли и сказали свое слово. Ведь когда-то бродячий рыцарь из предков Дюренгардов решил наконец осесть, выбрал это место, силой согнал окрестных крестьян и заставил выстроить ему замок. Тот, который теперь пущен под склад. За постройку замка, правда, взял их под защиту от всяких разбойников, ибо какой пастух позволит волку резать его овец?

Надо сказать, что самих овец вполне устраивало, когда кто-то проливает кровь ради их безопасности и благополучия, так что под руку рыцаря стекалось все больше крестьян. Да и те, которые жили и трудились в его владениях, быстро плодились, богатели.

В конце концов случилось то, что всегда случается: при замке стали возникать мастерские, которые обеспечивали села всем необходимым из инвентаря, появились оружейные, даже ювелирные, потому что и крестьяне стремятся украсить себя и свои жилища. Потом и вовсе народу поселилось столько, что чужакам казалось, будто здесь всегда был город, а замок выстроили сами горожане просто для красоты.

Уютная бухта, где когда-то одна семья ловила рыбу и обеспечивала ею весь замок, превратилась в оживленный порт, где начали появляться настоящие корабли. Сейчас там целый лес мачт, тоже кто-то подумает, что сперва был порт, а город возник для того, чтобы его обслуживать.

Ремесленники объединились в цеха, выработали общие правила, научились отстаивать свои интересы. Их старшины обладали весом и влиянием на принятие важных решений. Лорд Дюренгард, властелин замка и города, как все люди благородного сословия, был только рад, что эти простолюдины управляются со своими мелочными заботами сами, перестали бегать в замок с пустяковыми жалобами и слезными просьбами. Раньше в приемные дни у ворот замка собиралась огромная толпа, и всем нужно было веское слово сеньора...

И вот сейчас город уже сам по себе, выбранные для управления им старейшины на своих собраниях шаг за шагом сперва брали на себя решение мелких проблем, дабы не беспокоить лорда, потом так же втихую ограничивали его полномочия, а затем и вовсе взяли управление городом в свои руки.

Главой городского совета оставался некий Дедрино, как все говорят — хороший человек, но расцвет города на-

чался с назначением Бриклайта его заместителем. Я вспомнил старшего сына Вильда, зябко передернул плечами. Бриклайт сразу же для блага города и благополучия лорда, которому все так же отсылают постоянно урезаемый налог, разрешил работу сверхурочных часов, что раньше запрещалось строго-настрого, а также велел держать лавки открытыми и в праздники.

Народ принял это с восторгом, а дальше Бриклайт резко снизил налог на таверны, трактиры и небольшие заведения, куда моряки забегают в перерывах между рейсами наскоро выпить и поиметь служанок. Для этой цели привлекали крестьянок из сел, соблазненных высокими заработками. Эти заведения процветали, горожане сперва роптали, что рассадники порока растут, как грибы, но церковь голоса почти не имеет, а потом горожане и сами привыкли тайком от жен посещать такие места.

Теперь на каждом углу эти публичные дома, что запрещены в любом другом городе. Ремесленничество пришло в упадок, ибо там нужно уметь что-то делать, а в таких домах только «подай-принеси», да еще вытереть блевотину за ужравшимся моряком, платят же намного больше.

Дюжие кузнецы, молотобойцы, бронники и кожемяки один за одним уходили в вышибалы и охранники. Город стал напоминать что-то очень знакомое, отвратительно знакомое...

Я покончил с пирожным, подбежал слуга, я, как и положено, вытер пальцы о его длинные волосы.

— Просто дивный обед! — сказал я герцогу. — Долго в путешествии буду вспоминать... И собачка моя будет вспоминать и облизываться. Что значит, рыцарство — душа и сердце общества. Без рыцарства человек превратится в животное. Разумное — да, но — животное. Разумное животное, что может быть страшнее?

Герцог довольно кивнул, не заметил несколько нелогичного перехода от вкусного обеда к рыцарству.

— Да, — подтвердил он, — чернь, даже самая искус-

ная, без рыцарского надзора даже готовить не умеет. Как вы правы, сэр Ричард!

Сэр Гаррет прогудел густым басом:

— Чернь — это всего лишь земляные черви.

— Да, — согласился я, — как точно сказано. Увы, это наши черви. Господь возложил заботу о них на нас, рыцарей.

— Да, — подтвердил сэр Дюренгард. — После церкви и короля.

— Но с церковью и королем у вас все в порядке, — напомнил я. — А вот не рано ли вы отстранились от города, сэр Дюренгард? Это же ваш город!

Он кивнул:

— Мой.

— Но вы и отвечаете за него!

Он нахмурился, все мы любим поговорить о своих правах, но не любим об обязанностях, посмотрел с туповатым подозрением.

— Перед кем?

— Перед Господом, — ответил я и перекрестился. — Все ему ответим за дела свои.

Он проворчал:

— Мне как раз отвечать не придется.

— Почему?

— Не я превратил город в выгребную яму.

— Но вы не мешали ему стать ею! Сэр Дюренгард, это ваш город. Вы должны использовать всю свою силу, все влияние, чтобы изгнать торгаши из храма, перевернуть столы менял и... продавцов голубей вроде бы.

Он поморщился:

— Дорогой сэр Ричард, мои руки привыкли к мечу.

Не к плети. А здесь нужна именно плеть. Нет, пусть уж лучше все там сгниют, чем я испачкаю руки таким... непотребством. Давайте-ка я расскажу вам о необычных турнирах, в которых мне пришлось...

Он долго и со вкусом рассказывал о турнирах, обычных и необычных, сам он одерживал победы вплоть до

венка Первого Рыцаря в двенадцати турнирах, из них несколько ранга межкоролевских, когда на схватку съезжаются из разных королевств, со знанием дела рассуждал об особенностях снаряжения рыцаря в сражениях с горцами и со степными варварами, потом разговор перекинулся на собак, и снова сэр Дюрангард выказал себя тонким знатоком и ценителем собачьих привычек, наклонностей и привязанностей.

Я выждал удобный момент, вставил:

— Господь у нас коммунист, от всех нас требует по способностям. А раз вы способны одним словом... ну, пусть не только словом, повернуть город к свету, разве, по мнению Господа, не обязаны это сделать?

Его лицо мгновенно приняло раздраженное выражение, словно я брякнул явную непристойность.

— Дорогой сэр Ричард, — сказал он с холодным достоинством, — битву за город не выиграть блистательным ударом рыцарской конницы. А раз так, то я просто умываю руки. Пусть за души этих мелких людичек борются такие же... в смысле, им близкие сословия. Ну там священники, маги, проповедники, пророки. А я, простите, нет. Я не выйду, если они даже все будут тонуть в выгребной яме, а мне нужно лишь протянуть руку.

Сэр Гаррет хохотнул:

— Сэр Ричард, признайтесь, и вы бы не дали ухватиться за свою руку пальцам в дерме!

Глава 5

Из замка я выехал мрачнее тучи, хотя старался не показывать вида, а в воротах еще раз поблагодарил за прием и пообещал рассказать о благородстве и гостеприимстве благородного сэра Дюренгарда, изумительной красоте его супруги и доблестном сэре Гаррете, что и сейчас мог бы выигрывать турниры.

Зайчик понес красивым аллюром, Пес с веселым гавком бегал за птицами, дорога повела по длинной кри-

вой: я решил не пробираться через город, обязательно вляпаюсь в новые неприятности или стычки.

Мы поднялись на горную гряду, невысокую, но абсолютно непроходимую для каравана. Бухта как на ладони, уютная и защищенная от ветров и бурь. Как будто неизвестный дизайнер проектировал ее для большого морского порта. Вот прямо у меня под ногами около тысячи акров прекрасной плодородной земли, здесь можно не то что сад, любые цветники разбить, голландские тюльпаны выращивать...

Первый из Дюренгардов знал, мелькнула мысль, что делал при выборе места, где поселиться. Здесь прекрасная земля, границей служат непроходимые скалы, а с другой стороны — море. Здесь сочная трава для скота, великолепный строевой лес, можно на корабельные мачты, настолько хорош. В этой гряде, говорят, есть дажеруды, но пока разрабатывать их не по силам небольшому поселку...

Уже не поселку, возразил себе трезво. Вполне возможно, Бриклайт имеет в виду эти залежи, когда старается ухватить все охватываемые взглядом земли.

По ту сторону гряды выжженная поистине южная степь, открытая для набегов кочевых варваров. По слухам, там властвует некий Темный Ангел, местный резидент то ли кочевников, то ли просто тамошних бандитов, что косят под варваров, а на самом деле успешно промышляют нападениями на мелких торговцев. Кроме того, воруют скот, перегоняют в отдаленные города, где выгодно продают. Иногда разрешают перегнать через «свои» земли стада обычных купцов, но, конечно, взимают с них приличную дань за непогубление душ.

Местность там прекрасная, трава обильная, так что угнанный скот иногда держат там до осени и откармливают, чтобы пригнать в город и продать по самой высокой цене. Ближе к востоку лежит местность, известная под зловещим названием Черная Топь, хотя там такая же прекрасная трава, никакой топи, даже простых болот

нет. Еще дальше, если вдоль кромки океана, ударишься лбом о спускающийся прямо в воду отрог горного хребта, отделяющего Юг от Севера. В нем, как гласят старинные легенды, спят Двести Магов, которые пробудятся, когда станет совсем хреново, выйдут и всех спасут.

Вообще-то хотя треть страны находится под властью бандитских шаек, народ как-то ухитряется уживаться с ними: не задает лишних вопросов, не выдает королевским войскам, буде те нагрянут раз в три-четыре года, снабжают бандитов продовольствием. И хотя снабжать приходится бесплатно, зато не платят налоги в казну, так что еще неизвестно, что крестьянину выгоднее.

Пожалуй, это худшие из земель, через которые я проезжал. Не завидую здешнему королю, да и сам меньше всего на свете желал бы стать здесь правителем.

Бобик ухитрился изловить взлетающего гуся, я вздохнул, глядя на его преданные глаза и на птицу, свисающую из его пасти.

— Хорошо, хорошо, умница... Давай сюда. Корми-лец ты наш!

Он просиял и, радостно взбрыкнув, ринулся дальше, счастливый до кончиков ушей. Даже не представляю, сколько же прожил без хозяев, чтобы одичать и стать жутким страшилищем, чудищем из легенд — Ночным Псом.

Собаки, мелькнула мысль, это те же люди в лучших своих качествах. Это упрощенные люди, в которых сразу видна их любовь и преданность, а если где и хитрят совсем по-детски, то наивно и неумело, все видно как на ладони. И даже за их хитрости хочется не наказать, а схватить за уши и расцеловать морду.

Ухоженные яблони вдали, между листьями мелькают красными боками яблоки. Сад не слишком велик, это хозяйство, как рассказывала Амелия, ее соседа Жермиделя.

Хозяйство намного более скромное, хотя горластее:

издали услышал гоготание гусей, явно потомки тех, что Рим спасли, блеяние овец, кудахтанье, даже хрюканье.

Жермидель вышел на крыльцо, а в окне я увидел встревоженное лицо женщины.

— Ехал мимо... — сказал я дружелюбно. — Думаю, не напоить ли коня?

Он ответил с миролюбивой настороженностью:

— У нас хорошая вода. Чистая.

— Море близко...

— Нет, вода родниковая, морская не просачивается.

Я кивнул, вообще-то моему Зайчику все равно, какую пить, но такие моменты не стоит так уж всем, я оглядел с высоты седла двор.

— Уютное у вас место... И хозяйство добротное. А кто у вас соседи?..

Жермидель посмотрел на меня внимательнее:

— Слева — госпожа Амелия, справа — Диодем... Нет, там сейчас пусто.

— Что случилось?

— Диодем продал свой участок господину Бриклайту. Сам он купил домик на другой стороне города.

— А Бриклайт? Тоже будет разводить свиней?

Он опасливо оглянулся, сказал, понизив голос:

— Господин Бриклайт уже купил участки всех, кто живет на побережье. Остались только наши с госпожой Амелией. Но я свой не продам! Я здесь все поднял своими руками. Мне эта земля дороже любых денег.

Я посмотрел на него с сомнением.

— Бриклайт... Все, что о нем я слышал, очень не нравится. Ты знаешь его хорошо?

Он поморщился:

— Кто его не знает...

— Вот-вот, — сказал я. — А ты у него в соседях. Мне кажется, что Бриклайту вообще опасно даже на глаза попадаться.

Он сказал так же уныло:

— Да я с ним не ссорюсь.

— Неважно, — сообщил я. — Если люди, для которых все воры и отребье, которое надо вешать... если они не ростовщики, торговцы или старейшины гильдий.

Он быстро взглянул на меня.

— Вы не упомянули, — произнес он с осторожностью, — владельцев баронов...

Я отмахнулся:

— Уже вижу, как их уважают. Ненавидят даже тех, кто ничем себя не запятнал. Только за то, что дворяне.

Он отвел взгляд, развел руками:

— Вообще-то это понятно. Мы всего добиваемся сами, а им все падает от рождения. Это несправедливо. Вряд ли Господь этого хотел. Так что это понятно...

Откуда проникают эти идеи, мелькнуло у меня, с Юга? В Средневековье крестьяне полагали единственно правильным и справедливым миропорядок, когда есть монахи, рыцари и крестьяне. Все-таки бароны хоть и не пачкают руки в земле, но именно они защищают землю от чужаков, они проливают кровь и гибнут за эту землю. А крестьяне обычно смотрят со своих полей на сражающихся баронов... И такое положение дел устраивает как крестьян, так и баронов.

— Бди, — сказал я. — Бриклайт, если он уже из ранней эпохи неразвитого капитализма, это еще та акула. Если ему нужен твой участок, он его возьмет.

Пес помчался вперед, Зайчик хотел было ринуться следом, я придержал, но Пес в таком красивом прыжке перемахнул высокий забор, что я отпустил повод.

Зайчик всхрапнул благодарно, мощно грянули копыта, меня вжало в седло, почти сразу ощутил невесомость, и копыта ударили в землю.

Деревья разбежались в стороны, дорожка неслась на встречу и самоотверженно бросалась под копыта, потом разом выпрыгнул особняк.

Он спешил к нам, мы спешили к нему. Из окна выглянула Амелия, лицо испуганное, но сразу просветлело.

Ганс и Фриц выбежали первыми, постеснялись подойти ближе, жадно рассматривали и меня, и коня, а Пес снисходительно лизнул каждого в нос.

Вечер наступил быстро, все-таки в замке Дюренгарда я пробыл почти весь день, хотя поесть пригласили только раз, да еще воды напился у Жермиделя.

Амелия подала на стол, ужинали в молчании, только из-под стола доносился смачный хруст и довольное рычание. Я огляделся.

— А где Ганс, Фриц... милая Аделька?

— В своей комнате, — ответила она, пряча глаза. — Они так привыкли.

— Напрасно прячешь, — заметил я. — Дети должны привыкать кушать в обществе. А то будут чавкать и плямкать, как пороссята...

Она улыбнулась мягко, но глаза все так же отводила в сторону.

— Там у них свой детский мир. А здесь...

Она скорбно вздохнула. Похудевшее измученное лицо с большими трагическими глазами показалось похожим на изображения страдающей Девы Марии.

Я несколько раз порывался выйти в город, но чувство осторожности останавливало: не настолько безрассуден, чтобы и теперь, когда крепко насолил Бриклайтам и снова сорвал их планы, свободно шататься по улицам, где любой из прохожих сунет под ребро нож. И пусть его даже повесят за такое злодеяние, мне-то как-то все равно не по себе стать дохлым трупом мертвого человека, как говаривал честный служака унтер Пришибеев.

Хотя власти больше меня не тревожили, ибо нет улик, но по косвенным и власти, и горожане догадываются, что такую бойню в саду мог устроить только я. Хотя бы потому, что больше некому. А это понимают и Бриклайты...

Амелия то и дело попадалась на глаза: подойти не решалась, но дала понять, что стоит лишь свистнуть, в лепешку расшибется для моего блага или моих нужд.

Наконец я, пока она совсем не извеласть, сказал мягко:

— Иди спать. Все.

— Дети уже спят, — сообщила она торопливо.

— И ты ложись.

— А вы, ваша милость?

Я усмехнулся:

— Малость пободрствую.

Она спросила в нерешительности:

— Полагаете... могут напасть ночью?

Я ответил уклончиво:

— Это необязательно. Просто я всегда ложусь поздно. Сова.

— Что? — переспросила она удивленно.

— Сова, — сказал я, — так в моих... срединных королевствах называют тех, кто поздно ложится и поздно встает. В отличие от жаворонков.

Она застенчиво улыбнулась:

— Как скажете, ваша милость. Но если что понадобится, только крикните. Я сплю чутко.

— Спокойной ночи, — пожелал я.

Она ушла, я выждал после ее ухода пару минут и медленно двинулся по комнатам. Тучи закрыли луну, что очень кстати, для меня все равно такая ночь всего лишь пасмурный день, даже самая глубокая для меня не тень, на этот раз я осматривал дом и окрестности совсем другим взглядом. Ее муж построил дом... осторожно. То ли у него к тому времени уже водились грешки, то ли просто человек очень осторожный, но сам дом — маленькая крепость, а подходы к нему расчищены, чтобы не подобраться незамеченным. Сейчас, правда, там густая трава и чертополох, но кустарника пока нет. Тем более деревьев, за которыми так легко прятаться.

Я всмотрелся в зеркало, как можно тщательнее создал рядом с собой подобие: крепкий высокий парень, здесь уже не парень, а благородный сэр рыцарь, хоть и без доспехов, лицо все время перекашивается, пока не

могу наловчиться сделать нормальное лицо, сколько ни всматриваюсь в зеркало, но сейчас это и неважно, кто начнет присматриваться, насколько симметричен нос и почему глаза так близко, что их можно выбить одним пальцем...

Мой двойник вышел из дома и направился к конюшне, заглянул в раскрытые двери. Я из темной комнаты развернул его и заставил двигаться к воротам. Он только-только вышел из калитки, как из дальних кустов свистнули две стрелы. Двойник качнулся, я торопливо согнул его пополам и опустил на землю.

Сердце колотится, злость бьет в голову, это же меня подстрелили, сволочи, ну теперь не жалуйтесь...

Я пронесся через задний двор, обогнул дом и, врубив исчезничество, как можно быстрее добежал до кустов. Один со взвешенным арбалетом настороженно всматривается в сторону ворот, а там двое склонились над фигурой моего двойника. Двойник не подает признаков жизни, что и понятно, а две стрелы, что пронзили его туманную плоть, торчат из ворот.

Глава 6

Я тихонько опустил лезвие меча к шее засадника. Он все еще всматривался в напарников, я с силой нажал. Отвратительно хрустнули перерубаемые позвонки, а я, стараясь не смотреть на убитого, быстро побежал к воротам.

Они поднялись, услышав топот, в руках луки. Я рассек одного почти до середины, а второй застыл, когда острье окровавленного меча уткнулось в грудь.

— Тихо, — прошипел я. — Не ори, детей разбудишь.

Он ошалело закивал, сам не думал орать, его дело тихое, на лице страх и непонимание, любой должен поднять шум и крик, что же я за человек, вдруг какая-то ошибка.

— Кто послал? — прошипел я.

Он пробулькал:

— Но... как же...

— Говори!

— Да... этот же...

Я усилил давление, острие меча погрузилось в его плоть на палец, кровь потекла струйкой. Лицо бандита побелело еще больше, я сказал лютно:

— Сейчас будешь мертвецом, если не скажешь...

— Денифель, — прошептал он.

Я переспросил:

— Не Бриклайт?

— Нет...

— И не его сыновья?

— Нет... Денифель. Бриклайт с такими, как мы, не общается...

— Понятно, — сказал я. — Ладно, отышем и Денифеля. Где он, кстати, располагается?

— Да... все знают...

— Я не все, — отрезал я. — И потом мой меч вот-вот достанет твое сердце.

— Он живет в доме на холме... ну, не совсем живет, а...

— Без подробностей! Вон на том холме?.. А домик не тот ли, что с тремя трубами?

Он прошептал в ужасе:

— Вы его видите... отсюда?

— Это наша с тобой тайна, — сообщил я. — Ты уж никому там не говори, хорошо?

Лезвие меча вошло легко и просто, как в сырую глину. Из рта бандита хлынула кровь, я торопливо отстранился и выдернул клинок. Тело осело на землю, я прислушался, все тихо. Стрелы торчат из столба на уровне моей груди, неплохие стрелки. При таком скучном свете попали точно. Впрочем, в засаде лежали долго, глаза привыкли.

В дом я вернулся так же неслышно, погромыхивает только темное небо. Звезды исчезли, туча надвигается страшная, темно-лиловая, похожая на огромный горя-

чий нарыв. В саду зашумели ветви, затем разом деревья согнуло, донесяся треск. Ветром подхватило сорванные ветви и унесло. Сад и весь мир внезапно озарило страшным трепещущим светом, жутко неземным, нам знаком только свет огня, а это нечто ужасно мертвенное, безжизненное, но могучее и зловеще...

Комната высветило до самых мельчайших подробностей. И без сверхзрения я мог рассмотреть в самом дальнем углу мельчайшие пылинки, заусеницы на гладко выстроганных досках пола, затем раздался громовой удар, подпрыгнула не только посуда, но и дом, сама земля, вселенная.

Я оцепенел, вернее, первобытный страх охватил на миг с такой силой, что не мог сдвинуться, в то же время холодный и рациональный мозг сообщил, что вот так, видимо, и начиналась Война Магов. Хоть Первая, хоть последняя. Слишком огромная мощь, человеку с нею не совладать, но пытается же, дурак... И как только кому-то удается найти ключ, вот тут и приходит вскоре конец...

Сквозь дверной проем видел, как Амелия в ночной рубашке пробежала через комнату, поспешно закрывая окна. Появились дети, больше обрадованные, чем испуганные, но, когда все плотные ставни оказались закрытыми, словно ждем нападения разбойников, началось самое жуткое: за окном трепещет жуткий мертвенный свет и казалось, что весь мир сгорает, как бабочка в огне.

Затем пришла мысль, что напугала до судорог: а если это показывает свою мощь колдун, что на службе у Брик-лайта? Кто-то же смог провести тучу над городом, не дав ливню обрушиться на дома и улицы?

— Все узнаем, — проговорил я шепотом, чтобы никто не заметил как дрожит мой голос. — Со всем разберемся... может быть. И никто меня не заставит трепетать, как лист на ветру, так уж... явно.

Бобик открыл один глаз, зевнул. Я видел, что хочет положить голову на мои колени, это у них инстинкт, но пришлось бы самому ложиться, потому положил огром-

ную башку мне на плечо и засопел рядом с ухом сочувствуяще и умиротворенно.

— И я тебя люблю, — ответил я.

Он отступил и посмотрел в лицо с немым восторгом: мол, правда? Скажи еще раз!

— Правда, люблю, — повторил я. Вздохнул. — Бобик, остаешься моим первым заместителем. Со всеми правами, а это ого-го, но, увы, и со всем обязанностями. Вот и узнаешь, как хреново быть человеком. Словом, мы с Зайчиком ненадолго отлучимся, а ты здесь бди! Ты за старшего. Сперва ты, а уж потом госпожа Амелия и ее дети.

Он смотрел грустно, вздыхал, глаза умоляющие, в них такой укор, что я поспешил погладил по огромной башке и отвернулся. Ну почему собаки всегда смотрят с ясно различимым укором?

— Мы с Зайчиком, — повторил я, — отлучимся ненадолго, правда.

Он обиженно взвизгнул, в глазах ревность и смертельная обида, я снова расцеловал, погладил, почесал, повторил:

— Мы, как простые солдаты, идем в разведку, а ты — генерал, понимаешь? На тебе вся наша военная база, стратегические запасы, бомбардировщики дальнего поиска, радары и военные карты... Ты у нас главный на это время, ты!

Он задумался, неуверенно поскреб пол хвостом. На этот раз я, поцеловав, еще и отдал честь, вышел строевым шагом и бегом заспешил к конюшне.

Зайчик, не обращая внимания на грозу, понес со двора легко и мягко, удивительная особенность: иногда грохочет копытами, будто несется подкованный носорог, в другой раз мчится подобно юной лани, а сейчас так и вовсе стелился над землей, как стриж над поверхностью озера, а я себя чувствуя на глиссере, что на воздушной подушке.

Туча, погрохотав, поплыла дальше, но со светлеюще-

го неба посыпался мелкий дождик. Небо затянуло плотными серыми облаками, и дождь даже не дождь, а что-то непотребное, непристойное, как уродец в строю кремлевских курсантов.

Домик Денифеля расположился в прекрасном месте: на вершине холма, отсюда хорошо видно все внизу, никто не подойдет незамеченным.

Мы приближаемся открыто, неспешно, я задействовал все чувства, смотрел так и эдак, но дом как нормальный дом, ничего особенного даже в плане архитектуры, и уж тем более не чувствую присутствия черной магии. Решившись, оставил Зайчика во дворе, тот сразу же направился к колоде с водой и принял пить, фыркая и брезгливо кривя губы, как заправский конь, а я поднялся на крыльцо.

На стук никто не ответил, потом послышались шаги, дверь распахнулась. Мужчина стоял на пороге, загораживая проем.

— А коня? — спросил он. — Поставь хотя бы под крышу.

Я удивился.

— Под крышу? Что же это за конь, которому нужна крыша? Это уже корова какая-то... Или хочешь сказать, что я приехал на корове?

Он пробормотал торопливо:

— Да нет, ваша милость...

— А что ты хотел сказать?

— Да я так, забочусь...

Я сказал в пространство:

— Что за странные люди здесь: коней — под крышу...

И прошел в дом, мужчина едва успел отпрыгнуть. В большой комнате за столом четверо мужчин, по виду — разбойники. Только они навешивают на себя столько кинжалов и коротких мечей. Это не просто мужская страсть к оружию, а суровая необходимость.

Еще один спит на куче тряпья в углу комнаты. Все, кроме спящего, уставились на меня в великом изумле-

нии. От печи обернулась женщина. Немолодая, с расплюывающейся фигурой, но с милым приветливым лицом.

— Заблудился, — объяснил я неуклюже.

Женщина мягко улыбнулась.

— Вам только дорогу спросить... или перекусите малость?

Я ответил мирно:

— А можно и то и другое?

— Можно, — ответила она. Бросила быстрый взгляд на мужчин. — Мясо, правда, холодное, но если хотите быстро...

— Хочу, — ответил я. — А чай, если можно, горячий?

— Можно, — снова ответила она с легкой улыбкой, но на мужчин взглянула несколько опасливо. — Сейчас поставлю.

В доме я чувствовал опасность, но сколько ни старалась смотреть по сторонам и тепловым зрением, и запаховым, и даже пробовал попрекогнить — ничего угрожающего. В то же время волосы на затылке шевелятся, а по спине предостерегающий холод, словно позвоночник чувствует, как сзади заходят с обнаженным ножом. Вообще-то лучше всего убраться отсюда, но это будет значить только, что я уже понял, кто они. Кто же в такую погоду выйдет из дома, да еще на ночь глядя?

Они посматривали на меня, как собаки на беспечного котенка, что вошел на их территорию. Старший сказал с интересом:

— Меня зовут Денифель, это вот Суасс, а эти двое — Меккана и де Леже. На Дюпона не обращайте внимания: молод, хватил вина, как взрослый, теперь спит.

— Де Леже? — переспросил я и внимательно всмотрелся в четвертого. — Благородный?

Денифель широко заулыбался:

— Он так говорит.

— А на самом деле?

— А нам какое дело, — сказал Денифель, — насколь-

ко он благородный... В наших краях оценивают не по ро-
дословной, ваша милость. Не опасно разъезжать по но-
чам?

Я нахмурился:

— Мне?

— Вообще, — ответил Денифель с ухмылкой. — Вре-
мя неспокойное.

— Оно всегда неспокойное, — сказал я холодно. —
Так что же, и не жить, все дожидаться спокойного?

Денифель хохотнул:

— Верно. Жизнь коротка. Надо все успеть, все схва-
тить, всех подмять...

Я поинтересовался:

— Коротка? Разве она не продолжается в благодати
Господней? Есть же рай для хороших, ад — для нехоро-
ших...

Они переглянулись, я думал, что вопрос поставит их
в тупик, хоть кто-то да задумается, однако Денифель бес-
печно отмахнулся:

— Поповские сказки для старушек.

— И детишек, — добавил тот, которого Денифель на-
звал Суассом.

— И детишек, — согласился Денифель. — А мы зна-
ем, что Господь создал этот мир для сильных и дал им
свободу воли. Это значит, что мы вольны делать все и что
у нас свобода от всего.

Ишь ты, мелькнула мысль, бандит, а как рассуждает.
Наверное, успел даже чему-то поучиться, но только
дальше первой главы не прошел, а там после декларации
свободы воли идет про ответственность. Вот этого и не
прочел, не прочел...

Третий, который Меккана, присматривался ко мне,
наконец зевнул, как-то слишком нарочито, сказал с де-
ланым равнодушием:

— Ваша милость, а вы не тот ли Ричард Длинные Ру-
ки... за поимку которого городской совет объявил на-
граду?

Я нахмурился, это в самом деле новость, зыркнул по сторонам.

— В самом деле? И велика ли награда?

— Десять золотых монет, — сообщил Меккана.

За столом ахнули, я так и не врубился, то ли прикидываются, то ли для них тоже новость. Деньги просто громадные, будто лёвят сбежавшего с королевской казной казначея.

— А чем же, — поинтересовался я, — он насолил городскому совету?

Меккана пожал плечами.

— А нам откуда знать? Городской совет знает, что делает.

— То есть всегда прав?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Да, ваша милость. Наш город под управлением этого совета стал самым богатым. Все соседние города завидуют, строят козни.

— Об этом я уже наслышан, — согласился я. — Это говорит о коммерческой хватке членов городского совета. Но ни о чём более... И что, надо поймать и привести прямо в совет?

Он ухмыльнулся:

— Зачем в совет? Там под ним есть просторная тюрьма. И такая, что не выберешься.

Де Леже добавил осторожно:

— Насколько я помню, в таких случаях формулировка бывает: живым или мертвым. А разница в оплате не так уж и велика.

— Все понятно, — ответил я. — Рад, что вы все приличные люди, это написано на ваших лицах, и не позарились на такое бесстыдное предложение. Думаю, это какая-то ошибка. Я ни с кем из совета нессорился, я их даже не знаю...

Денифель ухмыльнулся:

— Да? А Бриклайт?

Я удивился:

— А он что, тоже в совете?

Они переглядывались, усмехались, наконец Денифель сообщил тоном полнейшего превосходства:

— Господин Бриклайт и есть настоящий глава городского совета. Дедрино слишком увяз в пьянстве. Говорят, сам Бриклайт и приучил его к бутылке, но это все вранье, господин Дедрино и раньше пил. Так что все dealется по указке господина Бриклайта. А вы, ваша милость, повздорили с ним в первый же день...

— Это когда же?

— А когда вступились за ту ведьму.

— Она ведьма?

— Ведьма, раз отказалась продать свою землю господину Бриклайту.

Я сказал медленно, всматриваясь в его лицо:

— А не ты ли был среди тех, кто старался ее... уговорить в тот день?

Он смешался, торопливо отвел глаза, голос сразу стал извиняющимся:

— Мы в стороне, но мы ведь тоже граждане Тараскона...

Я допил чай, поднялся:

— Спасибо, все было очень вкусно. Рад, что вы не поверили в эту клевету и не пытаетесь заработать деньги, на которых будет кровь. Где, говорите, я могу поспать до утра, пока кончится этот проклятый дождь?

Денифель кивнул женщine, что все это время молчала, только зыркала от плиты в нашу сторону настороженно и невесело.

— Марица, постели его милости в соседней комнате. Да не забудь принести чистые простыни!

Она кивнула, я направился к двери вслед за нею, спиной чувствовал каждое движение оставшихся за столами, даже видел, кто в какой позе сидит. На удивление никто не шевельнулся, не бросился с ножом, стараясь поразить между лопаток.

Я обернулся на пороге, они смотрят в спину напряженно и уже как будто приняли решение.

— Вообще-то, — сказал я небрежно, — пусть не очень рассчитывают получить эти десять золотых. Жизнь все-таки дороже.

Я закрыл за собой, женщина торопливо перестилала постель, на меня не смотрела, я терпеливо ждал, наконец она распрямилась и сказала тихо:

— Лучше бы вы уехали.

— А мне дадут?

Она вздохнула:

— Не знаю. Зачем вы ссорились с Бриклайтом?

— Защищал такую же женщину, — ответил я.

Она снова вздохнула:

— Знаю. Уже весь город знает. Но Бриклайт... хороший человек. Он так много сделал для города!

— А для отдельных людей?

— Все стали богаче, — ответила она.

— А вы не слыхали, — спросил я, — что не в деньгах счастье?

Она слабо улыбнулась, мол, хорошо так говорить тем, у кого сундуки с золотом, поправила волосы, став на мгновение похожей на Амелию, та точно так же поправляет прическу, вышла, плотно закрыв дверь.

Глава 7

Я быстро осмотрел комнату, крепкие каменные стены, два окошка почти в мой рост, но такие узкие, что едва пролезет рука, не окна, а бойницы, в самом помещении только кровать, небольшой столик и одно старое кресло.

Кровать послушно заскрипела, я снял сапог, бросил на середину комнаты, на цыпочках подбежал, поднял и после паузы подбросил его в воздух, чтобы ударился о пол, как будто его швырнула с кровати небрежная муж-

ская рука. Наверняка слушают за дверью внимательно, звуки доносятся к ним именно те, которых ожидают.

Я торопливо обулся, как можнотише подошел к стенн, приложил ухо. Странное чувство, когда вызываешь в себе эти умения лучше слышать и видеть по-другому: тревожно-сладкое, как будто начинает работать второе сердце, добавочные легкие или еще что-то важное, но почти забытое из-за спокойной и сътой жизни. Можно предположить, что когда-то человеку было настолько хреново среди каких-нибудь динозавров или саблезубых, что пользовался всем-всем, только потому и выжил, а потом начал обрастать жирком, а из старых умений только и осталась безобидная способность шевелить ушами. Да и то не у всех.

Голоса раздавались громче, затем толстая стена стала превращаться в некое подобие мутной воды, проступило пять багровых фигур. Они все еще за столом, только одна настолько близко ко мне, что я невольно задержал дыхание, чтобы не выдать сеяя, вдруг у этого мерзавца такой же тонкой слух.

Именно он прислушивался, затем сказал так громко, что я чуть отпрянул:

— Тихо... Уже заснул. Марица ушла?

По голосу я узнал Денифеля. Один из сидевших за столом проворчал:

— Ушла.

— Ну и хорошо, — бросил Денифель. — Не одобряет...

— Дура.

— Да ладно, ее так воспитали. Самому такая нравится. Не так ли?

— Да иди ты!.. Как тебе этот... благородный? Спит, привык, что весь мир должен ему служить.

— Послужим, — проворчал Денифель.

Даже в смутной багровой фигуре, где все черты сма-заны, я увидел нехорошую ухмылку. Остальные покачи-вали головами, тонкие руки тянулись на середину неви-димого стола.

Денифель повернул голову, похожую на огненный шар, темные впадины глаз уставились на соседа.

— Ты уверен, что удержишь его?

Тот пробурчал:

— Смеешься?

— Я серьезно. Он с легкостью перебил кучу народа в саду. Никто до сих пор не поймет, как он мог остаться незамеченым.

Человек отмахнулся, я уловил в жесте тонкой багровой плети полнейшее пренебрежение.

— То были простые перепившиеся мужики. А этот Ричард оказался всего лишь сильнее. Вы же видите; какой он громадный? А если еще и оружием владеет...

Де Леже подал голос:

— Оружием рыцарских сынов учат владеть с колыбели. Против таких в открытом бою не выстоять. Надо бить в спину.

Денифель засмеялся:

— Не обязательно. Куда приятнее бить в грудь, виляя, как противник замирает в страхе... и ничего не может поделать. Куда приятнее бить медленно, чтобы эти благородные ощутили боль и поняли, что сейчас подохнут.

Де Леже повторил:

— Но ты уверен?

— Уверен, уверен, — повторил Денифель уже нетерпеливо. — Я любого могу застунить или зарутить так, что корни пустит хоть в землю, хоть в мраморный пол. Будет стоять хоть целый час, пока у меня маны хватит. За это время его можно до смерти забросать хоть столовыми ложками.

— А вдруг у него защита? Есть и такие амулеты.

Денифель отмахнулся:

— На самый крайний случай у меня есть эта бутылочка, ты знаешь. Просто я не представляю такой опасности, чтобы пришлось...

Он умолк с многозначительным видом. Остальные явно подбодрились, а Меккана сказал нетерпеливо:

— Тогда идем? Он уже спит.

Он поднялся из-за стола, я тихонько вытащил меч и приготовился, однако Денифель сказал злым голосом:

— Тихо!.. Бриклайт пообещал хорошую награду, но я знаю, как получить больше. Намного.

Они затихли, начали медленно опускаться на лавку, головы повернуты к Денифелю. Тот сказал раздельно:

— Еще больше ненавидит его Вильд. Я был тогда с Вильдом и видел, как этот Ричард опозорил его на глазах всего отряда. Вильд в ярости, и если ему дать возможность поквитаться самому...

Меккана хмыкнул:

— Что же он тогда не поквитался?

— Ты знаешь чего, — повысил голос Денифель. — Во-первых, народа было много, во-вторых... Вильд не дурак, чтобы драться с равным или тем, кто сильнее. Он бьет тех, кого точно знает, что побьет. А сильному воткнет нож в спину, в этом он целиком наш...

— Ты его застунишь для Вильда?

— Да. Или пущу рут. Чтобы с места не мог сдвинуться. А Вильд может насладиться медленным мщением. Так что давай быстренько беги за Вильдом...

— Я?

— А кто у нас самый шустрый?

Меккана показал на спящего:

— Когда нужно прятаться от драки, то самый шустрый — Дюпон.

Денифель криво улыбнулся:

— Верно.

Спящего растолкали пинками, мне он показался совсем тощим подростком. Вылили ему на голову холодной воды, кое-как объяснили, что должен сделать и что сказать, наконец тот проговорил ломающимся мальчишечным голосом:

— Да все запомнил... А где его искать?

— Он обычно гуляет с Барвистой, — объяснил Мек-

кана. — Эта шлюха принимает в последнее время только его одного, Вильд взял ее на содержание.

Багровая фигурка поднялась из-за стола, я видел, как остановилась посреди комнаты в нерешительности.

— А он меня не прибьет... что побеспокою?

— Не прибьет, — сказал Денифель нетерпеливо. — Еще и денег сразу даст за такую новость! Думаю, прямо голым примчится сюда, только бы скорее отомстить...

Я выждал, когда багровая фигура выскользнула из дома, стараясь не хлопнуть дверью. Через пару минут мои настороженные уши уловили лошадиный всхрап, фырканье, лошади не в восторге, когда их будят среди ночи и седлают, а еще через пару минут послышался дробный конский топот.

Когда он удалился, я взял в одну руку молот, в другую — меч, сделал пару глубоких вздохов и хотел было подойти к двери, но вспомнил, что женщины в комнате нет, так чего я размилосердствовался?

Молот вылетел из ладони, как летающий слон. Грохот, дом тряхнуло от крыши до фундамента. Разлетелись щепки, с дверью разнесло половину стены, в дыру можно на конях по трое в ряд, а там в глубине четверо: кто покатился от ударной волны, кто вскочил и прижался к стене, только Денифель остался за столом.

Наши взгляды встретились, он заскрежетал зубами, не успевает ни со стуном, ни с рутом, торопливо выхвачил из-за пазухи бутылочку и зубами выдернул пробку.

Из отверстия начал быстро-быстро выстреливаться зловещий дымок. Под самым потолком расплылся в облако и начал так же стремительно принимать очертания огромной человеческой фигуры с лысой головой, с которой свисает клок наподобие фирменного оселедца запорожцев.

Я оцепенел, а холод смертельной опасности пронзил все тело. Денифель зловеще оскалился:

— Что побелел, благородный? Вот теперь тебе и...

Я щелкнул пальцами, в комнате возник красный демон. Я сказал ему громко:

— Убьешь всех, кто шевельнется! Даже джинна...

А другой рукой метнул молот в Денифеля. Тот успел лишь открыть рот для вопля, тяжелая стальная болванка пробила грудь, разорвала, словно туда угодил разрывной снаряд. Стены забрызгало кусками красного мяса.

Молот не успел удариться о мою ладонь, как джинн оформился полностью, посмотрел на куски тела хозяина, потом на меня. Огромный рот искривился в жуткой ухмылке.

— Теперь я свободен?

— Полностью, — подтвердил я дрожащим голосом. — Я ведь вообще-то освободитель джиннов! Хожу вот и освобождаю, хожу и освобождаю...

— Спасибо, — ответил джинн. — Мы, джинны моря, помним добро. Я не стану тебя убивать...

— Вот спасибо, — сказал я саркастически, но с облегчением. — Кстати, меня зовут Ричард Длинные Руки. А тебя?

Он покачал огромной головой:

— Не скажу. Кто знает имя джинна, тот становится его хозяином. Прощай!

Он растаял в воздухе, и мой красный демон, не получая команд, растаял тоже. Я сказал громко:

— Эй, де Леже! Ты же благородный, а прячешься под столом, как какой-то... как какой-то простолюдин!

По ту сторону стола поднялся бледный как смерть де Леже, на лбу кровавая царапина. Руки дрожат, как и губы, как и весь он трясся как осиновый лист.

Я перевел взгляд на Суасса и Меккану, оба сидят оглушенные под стеной. Меккан пришел в себя первым, в глазах зажглась ярость. Он сунул руку за пазуху, но Суасс успел придержать, в его глазах тоже злость, но холодная и расчетливая, что гораздо хуже.

— Ну что, — сказал я, — доигрались, гады? Есть Божий Суд, наперсники разврата...

Из дальней комнатки приоткрылась дверь. Полураздетая женщина выглянула в испуге, охнула, дверь с треском захлопнулась. Я слышал, как загремел задвигаемый засов.

Я еще смотрел на дверь, как Меккана прямо из положения сидя ринулся на меня. Я отпрыгнул, отскочил за стол, только он и уцелел в комнате, и тут Суасс и даже трепещущий де Леже бросились на меня, выхватывая ножи.

Но я уже успел выдернуть из ножен меч. Он как бы сам по себе прочертил три косые линии, каждый раз слегка вздрагивая на полпути. В воздух взлетели отрубленные кисти рук, я отпрыгнул и еще несколько раз взмахнул мечом быстро-быстро, пока не стошнило или пока приступ милосердия не взял верх.

В комнате в лужах крови распластались тела, похожие на зарубленных баранов в одежде. Меня еще трясет, ну никак не могу сразу успокоиться, и потому голос мой прозвучал излишне резко:

— Все кончилось! Вы можете открыть двери!

Из-за двери донесся плачущий голос:

— Не открою! Я вас боюсь...

— Вообще-то правильно, — крикнул я. — Я сейчас сам себя боюсь. Словом, отбываю по делам, служба. Вам советую тоже уйти... собрав все ценное, что найдете. Сейчас прибудет тот мальчишка, а с ним наверняка Вильд с его бандой. Я не хочу с ними воевать, хотя мог бы. Не мое это дело. Пусть только оставят в покое госпожу Амелию, и все будет в порядке. Передайте, что и у меня есть зубы.

Из-за двери донеслось:

— Да уж...

— Вот-вот, — согласился я. — Я даже могу ими пользоваться.

Глава 8

Зайчик бродил по двору и, разбивая копытами колоды, вытаскивал из них железные скобы, гвозди, подковы, о которые сосребывают грязь при входе на крыльцо.

— Молодец, — одобрил я. — На земле противника можно все. Даже насиовать по нашему неотъемлемому общечеловеческому праву победителей. От победителя потомство лучше и крепче, а это выгодно эволюции... Так что, насилия побежденных, мы совершенствуем род человеческий. Да и вообще... вся цивилизация совершенствуется через насилие, ты прав, прав...

Через полчала навстречу выбежала испуганная Амелия, но не сказала ни слова. Зайчик обнюхал ее, она перехватила повод, удивилась, что после быстрой скачки Зайчик ничуть не вспотел, водить по двору не требуется.

Я вздохнул, когда она повернула в мою сторону бледное лицо с трагически вздернутыми бровями.

— Что-то случилось?

Я красиво помахал рукой, словно полоскал ладонь в солнечном воздухе:

— Восхотелось прогуляться по свежему воздуху... Встретить утро, так сказать, в дикости.

Она смотрела недоверчиво, но смолчала. Я соскочил на землю, поинтересовался:

— Как насчет завтрака? А то прогулка на свежем воздухе весьма способствует аппетиту...

— Сейчас будет готово, — ответила она. — Не успеете пыль отряхнуть...

Она хлопотала и за столом, в комнате только мы и Бобик, я снова поинтересовался, где дети. В своей комнате, объяснила она смущенно. Дети всегда шумят, многие ненавидят детский шум.

Я пожал плечами:

— Я не настолько стар, чтобы раздражаться при виде детской беготни. Пусть завтракают с нами. И обедают. У тебя хорошие дети.

Она покраснела от удовольствия:

— Ну, не всегда, не всегда...

— Дети есть дети, — сказал я благодушно, словно я уже старый дед и не бегал вот так с воплями совсем недавно. — Они и должны... э-э... шуметь. Для общего развития.

Она посмотрела с недоумением, да я и сам не знаю, почему так сказал, просто все так говорили, а я все-таки еще тот конформист местами.

Другая половина мозга едва не плавится от попыток понять, как действовать дальше. Магию, конечно, против меня использовать будут и дальше, но не слишком уж явно. Все охотно покупают разные магические штучки, но горожане возмутятся, если среди них вдруг появятся созданные магией твари, пусть даже готовые на все услуги красавицы. Готовых на все услуги хватает и среди местных женщин, но с ними знаешь, чего ожидать, а вот твари...

Так что созданное магией существо очень ограничено в действиях. Открыто на улице появиться не может, это люди ничего не заметят, но шныряющие всюду собаки тут же почуяют неладное, поднимут лай, а если тварь не слишком сильна, то и разорвут в клочья. К тому же нечисть чуют лошади, пугаются до дикой дрожи, а лошади здесь бороздят улицы во всех направлениях: извозчики, верховые, конная стража, благородные дворяне...

Так что в первую очередь надо опасаться обычных людей. С обычным или магическим оружием, но все-таки это лучше, чем что-то выдернутое прямо из ада. Правда, этот обычный может оказаться чернокнижником, умеющим мгновенно призывать демонов, или даже вот таким, как Денифель, которому когда-то повезло обзавестись сосудом с джинном.

А сама драка неизбежна, крутилось в голове. Даже не драка, а настоящая война. И, похоже, дух взаимопомощи под натиском экономических отношений выветрился быстро. Все видят, что банды подонков разоряют землемельцев одного за другим, изгоняют, двоих предвари-

тельно сильно избили, но никто даже слова не скажет в защиту...

— Бобик, — сказал я голосом боевого генерала, — благодарю за службу и бдение за время нашего отсутствия! Ты прекрасно справился с задачей. Дети накормлены, носы вытерты, пьяных нет...

Он повилял хвостом, польщенный, но смотрит настороженно, подозревая какую-то пакость.

Я вздохнул:

— Но сейчас я отправлюсь в город. Тебя оставляю снова за старшего... Не возражать! На этот раз в помощники даю Зайчика. Так что не ревнуй, а командуй им.

Амелия робко сказала сзади:

— Вам нельзя в город. Теперь и вы стали для них врагом.

Маленькая и до крайности испуганная, она смотрела умоляющими глазами и заламывала руки.

— Надо, — ответил я со злостью на самого себя. — Мало ли кем считают меня Бриклайты! Но они — не городская власть. Да и будь даже властью, им надо в чем-то меня обвинить... и даже предъявить доказательства.

Хоть в чем-то преимущества зачатков демократии, мелькнуло злое. Сензор в доказательствах не нуждается: захотел — и повесил.

Уже в дверях меня догнал ее горестный вскрик:

— Но... зачем? Зачем вам в город?

— Там люди, — ответил я. — Не может быть, чтобы все были против. Нам нужны союзники.

Деревья медленно уплывают за спину, то ли не хотят выпускать меня из сада, то ли я сам подсознательно затормаживаю шаг перед входом на опасную для меня территорию. А может, просто привык к быстрому шагу Зайчика...

На первом же перекрестке меня окликнули. Голос грубый, наглый, я сразу представил себе громадного мужика, толстого и уверенного в своей несокрушимости. Я стиснул зубы и шел дальше, за спиной послышались

шаги, догоняют меня двое или трое. Сильные пальцы ухватили за плечо.

— Стой, тебе ж сказали!

Я развернулся и нанес жесткий удар в лицо. Не в челюсть, я не собирался нокаутировать и ломать при этом пальцы, а ударил в нос. Тонкие хрящи ломаются сразу, кровь брызгает такими мощными струями, что у всякого от шока сразу пропадает охота драться. Мужик в самом деле огромный, толстый, массивный, такие почти не дерутся, привыкли, что им уступают дорогу сразу, только посмотрят на них.

Сразу же я нанес второй удар, ребром ладони. У здравия лопнули не только губы, но с легким хрустом провалилась внутрь часть верхней челюсти. Двое его дружков оторопели, все должно было развиваться иначе, ну как обычно, когда трое на одного, и начинать должны были они, когда восхотят, когда достаточно разогреют себя руганью и оскорбленийми.

Не теряя ни секунды, я жестко ударил второго в челюсть, тот отлетел к стене, а третьему сокрушил, как и первому, нос, что-то мне этот удар начинает нравиться. Мне, с моим ростом и весом, он удается хорошо и сразу выводит из строя противника.

В толпе ахнули, двое еще на земле, третий упал на колени и зажимает обеими руками залитое кровью лицо. Гигант, которого я ударил первым, с жалобными стонами поднялся, но в драку не лезет, а жалобно завывает, щупая окровавленными пальцами сломанный нос.

— Ты... искалечил... меня...

— Заживет, — возразил я холодно, — но в другой раз подумай, перед тем как вот так хватать незнакомого человека.

Я намеренно не сказал «благородного», толпа этого не любит, а так я видел одобрительные взгляды, все на стороне того, кто дерется в меньшинстве.

Через толпу протолкались в блестящих доспехах лю-

ди с копьями в руках. Капитан Кренкель, начальник городской стражи, люто выкатил глаза.

— Что здесь происходит?

Он сразу нацелился на меня взглядом хищника. Я смущенно развел руками.

— Эти трое пьяных задирают прохожих. Вы не намерены их арестовать?

Он с подозрением посмотрел на меня, перевел взгляд на них.

— Я бы сказал, что это вы их избили. Тогда арестовать придется вас.

Из толпы крикнули:

— Это они на него напали!

— Сэр только защищался!

— Он прав!..

— Так им и надо...

— Это же Комар и Рваное Ухо с каким-то новым ублюдком! Комар вчера устроил драку на рынке, а три дня тому украд в лавке Блюменталя три раковины!

Кренкель морщился, поворачивался из стороны в стороны, наконец рявкнул:

— Тихо! Никого арестовывать не будем.

— Почему? — крикнули из толпы.

— Эти трое свое получили, — вынес он решение. — А вообще расходитесь, расходитесь! Больше трех не собираться!

Я вскинул руки в победном жесте, одновременно приветствуя толпу, что так тепло ко мне отнеслась, там этот жест понравился, мне закричали одобрительно, я раскланялся и двинулся дальше.

Не такой уж и враждебный мне город, как пытались внушить, не такой уж...

У отца Шкреда лицо скорбное, мученическое, он с порога церкви благословлял проходящих мимо горожан и призывал на них милость Божью, а в ответ те смеялись,

строили ему рожи, кто-то запустил в старика огрызком яблока.

Я помахал издали обеими руками. Он смотрел с некоторым испугом. Я кивнул в сторону дома на холме.

— Святой отец, можете помолиться за души четверых разбойников. Которые там, на вершине гряды...

Он взглянул снизу вверх с еще большим испугом.

— Вы... оттуда?

— Да, — ответил я. — Оттуда.

Он сказал нерешительно:

— А был ли среди них сам... Денифель?..

Я кивнул:

— Был.

— Я слышал, — проговорил он нерешительно, глаза его впились в меня неотрывным взглядом, — я слышал... он силен в черной магии.

Я сказал укоризненно:

— Святой отец, любая магия — черная. Попытки разделить на белую и черную, все равно что одних палачей называть добрыми, а других злыми. Согласен, пример не весьма, но... знаете ли, магия — это магия. Так что я вашему оппортунизму весьма и даже вельми удивлен.

Он не отрывал от меня взгляда.

— Да-да, это просто так говорится. Любая магия — зло... Но все-таки...

— Что вас интересует? — спросил я любезно. — Почему я здесь? В смысле, цел?

— Ну... вообще-то да.

Я пожал плечами.

— Магией мало интересоваться. Это все равно что домохозяйке стать каратекой после двух уроков. Магией нужно еще и владеть... профессионально. Мне кажется, Денифель был просто любителем.

Он покачал головой:

— Намекаете, что он всего лишь управляющий кара-ван-сарай?.. А я думал, что это у него не главное, а вот магия...

— Нельзя успешно идти по двум дорогам, — сказал я. — Либо то, либо другое. Думаю, что и управляющим он был неважным.

— Был?

Он выделил это слово интонацией, даже дыхание задержал. Я кивнул, глядя поверх его седой головы в пустую церковь.

— Мне кажется, он уже не станет заниматься этим нечестивым делом. Впрочем, не сможет теперь и управлять караван-сарам. Вот что значит сделать ошибку! Он сделал серьезную ошибку.

Он спросил сдавленно:

— Какую?

Я посмотрел ему в глаза:

— Он решил почему-то, что его магия всесильна.

Священник вздрогнул, в его взгляде кротких глаз на миг отразилось отвращение ко мне, который явно теперь обречен на смертные муки, но пересилил себя и перекрестился:

— Слава Богу, зло наказано. Раньше никто не мог к нему даже подойти. Только никак не пойму своим слабым умом, почему Господь такую силу дал именно вам.

Я развел руками:

— Господь не всегда думает так, как священники. И не всегда поступает так, как они... то есть вы хотите. Я имею в виду, что Господь Бог слушает вас с интересом... может быть, но вряд ли выполняет ваши указания. Ладно, святой отец, я вам сообщил важную информацию, что четверых прихожан можете вычеркнуть. Потенциальных прихожан: у всех бывает шанс раскаяться и зажить так праведно, что самим станет тошно.

Я повернулся и уже сделал пару шагов, когда священник воскликнул:

— Погодите! Сэр Ричард, вы здесь человек новый...

Я остановился:

— И я что-то не знаю, верно?

— Верно, — сказал он с облегчением. — Я могу вам

кое-что рассказать, что может пригодиться. Я живу рядом с церковью, вон мой домик...

— Принимаю приглашение, — прервал я. — Отец Шкред, я просто выпендриваюсь. Честно говоря, я здорово напуган. И в беседе с вами нуждаюсь намного больше, чем вы в болтовне со мной.

Глава 9

В доме священника опрятно и чисто, очень бедненько, та святая бедность, при которой человек не стыдится бедности, но и не выставляет ее напоказ, как диплом о своей честности, неподкупности и отсутствии нечестно нажитых доходов. Мне понравились и высокобленная поверхность стола, и свежевымытый пол, доски еще не везде просохли, и чистые занавески на окнах.

Он перехватил мой взгляд.

— Жена плотника приходит, — объяснил он просто.

— Соседи?

— Да, очень хорошие соседи. Плотник присыпает жену убирать и готовить обед, стараются облегчить мне жизнь, чем могут.

— Хорошие люди живут незаметно, — согласился я. — Потому и кажется, что мир заполнен дурными. Те — самые горластые, нахрапистые и... активные.

Жены плотника в доме не оказалось, священник достал хлеб и вино. Мы сели за стол, священник поглядывал искоса, лицо выражает смущение и колебание, говорить или нет, наконец решился:

— Все состояние Бриклайта нажито неправедно, если по вашим рыцарским меркам. Когда-то Бриклайт служил у сэра Дюренгарда, прошел путь от помощника конюха до старшего конюха, все втирался в доверие и присматривался, а воровал только по мелочи и когда был абсолютно уверен, что не поймают. И все собирали и собирали все слухи о хозяине. Подмечал его слабости, его достоинства, а когда решился оттяпать кусок владений,

правильно рассчитал, что благородный сэр Дюренгард, если не в состоянии будет одним ударом покончить с мерзавцем, просто махнет на него рукой и забудет. Мало ли неприятностей бывало в его жизни?

— И что же, — спросил я, уже догадываясь, что произошло, — все прошло как по маслу?

— Представьте себе, — вздохнул он. — Бриклайт подготовил целую шайку сообщников, а костяк составляют его сыновья: Вильд, Рунтир, Джордж и Тегер. Они кровно заинтересованы в успехе и не предадут отца... если им не заплатить больше. Все бумаги у них в порядке, все юристы куплены.... А некоторых и покупать не пришлось: у сэра Дюренгарда неуживчивый характер, ладить с мерзавцами не умеет и не хочет, он из тех старых рыцарей, что даже императору говорят в глаза все, что о нем думают...

— И все прошло, все прошло?

— Бриклайтам удалось оттяпать кусок земли, — согласился отец Шкред печально. — Время выбрали удачно: Дюренгард был в сваре с соседом, подготовил войска к длительной войне, на границах уже начались столкновения, под угрозой оказалась и торговая дорога, что проходит через его владения... словом, он пришел в ярость, но Бриклайт организовал круговую оборону, привлек на свою сторону таких же мерзавцев, которым всегда радостно видеть поражение благородного рыцаря... После короткой тяжбы Дюренгард махнул на него рукой, как и ожидал Бриклайт, первая ли потеря в жизни, были и будут, его владения почти не уменьшились, более того — приумножаются, так что можно забыть о мерзавце...

Он налил мне вина, свой кубок перевернул вверх дном, чтобы я даже не пытался ответить любезностью на любезность, мало ли какие у благородного рыцаря прихоти. Лицо его становилось все мрачнее. Я взял кубок, поблагодарив кивком, но пить не стал, когда настроение хреновое, то и вино не слаще уксуса.

— А безнаказанность порождает новое зло, — сказал я.

— Да не совсем безнаказанность, — сказал отец Шкред торопливо. — Сэр Дюренгард его чуть не уничтожил! Было бы терпения или желания чуть больше, он бы эту мразь размазал по земле тонким слоем! Но старый рыцарь занялся другими делами, более благородными. И потому мерзавец отпраздновал победу.

— И теперь, поверив в свои силы, — продолжил я, — расширяет свои владения. И влияние.

— Абсолютно верно.

— Как я понял, он жаждет захватить всю землю вдоль берега. В смысле, чтобы вся бухта оказалась в его личном владении. Так?

— Вы смотрите сразу в корень, — сказал он с ноткой уважения.

— От звериного капитализма до цивилизованного — один шаг, — ответил я. — А цивилизованный — это тот же зверь, но во фраке... Фрак — это такой костюм... Остались только пара земледельцев на берегу бухты?

Он кивнул:

— Я слышал, что Жермидель хоть и говорит, будто не продаст, но уже торгуется с людьми Бриклайта.

— Вот как? А мне он показался...

Я умолк, Жермидель показался лишь на первый взгляд крепким орешком, но сейчас я вспоминаю, как опускал взгляд, как внезапно дрогнул голос, как заговорил тише, чтобы не услышала жена, а вовсе не те, кто мог подслушать с той стороны забора.

— Вот-вот, — сказал отец Шкред, заметив как я сдвинул брови. — Осталась только земля госпожи Амелии. Не жалеете, что гостите у нее в такое сложное время?

Я проигнорировал, мысли что-то текут вяло, наконец поймал одну за хвост.

— Земля Амелии Альянде?.. А не ее мужа?

Он чему-то усмехнулся, развел руками.

— Все бумаги составлены на ее имя. Он почему-то предпочел именно так. Хотя все понимаем, что купил и платил за все он, но вот почему-то... гм... Конечно,

странно выглядит, когда человек хочет оставаться в тени, когда все расталкивают локтями, только бы выбраться в первые ряды.

Я кивнул, соглашаясь, что да, странно, здесь еще не знают про отмывание грязных денег, а у него они не просто грязные, а кровавые. К тому он понимал, что с его занятием его жизнь в постоянной опасности. Лучше уж сразу все на имя жены, чем потом переоформлять бумаги, выплачивая большие суммы в казну и юристам.

— И Бриклайт, — сказал я, — сделает все..., чтобы и ее участок забрать? Зачем он ему?

Священник сказал невесело:

— Поговаривают, что намерен уничтожить все сады на берегу, срубить все деревья...

— Зачем?

— Он торговый человек, — сказал отец Шкред. — О чем может думать, если не о суетной прибыли? Говорят, хочет там что-то строить. А для этого придется выжить всех мирных виноградарей на берегу и вырубить виноградники. А виноград — Божья ягода...

Да и рыба, мелькнула у меня, тоже вроде бы Божья, если ничего не путаю. Знаю точно, что табак посадил Сатана, как говорят все, но рыбой вроде бы сам Христос кормил народ.

— Одно хорошо, — сказал я, — чем дальше к Югу, тем магия мельче и мельче... В городе столько магов, а все торгуют какой-то хренью. А церковь уже может начинать бороться с неверием вообще, а не против магии как явления языческого мира.

Отец Шкред спросил в недоумении:

— Что хорошего?.. Да и магия, как вы говорите, не совсем забыта... Более того, совсем не забыта! Еще как не забыта. Я бы даже сказал, что, когда попадете за океан, вот там настояще могущество нечестивой магии! Именно там убедитесь, что королевствами правят не короли, а маги.

— Гм, — пробормотал я, — где-то уже такое слышал. А магами правит еще кто-то...

— Сатана ими правит, — сказал он с неожиданной силой. — Сатана!

— Так ли уж и Сатана, — пробормотал я.

Он вскочил, в волнении заходил взад-вперед по комнате. Седые волосы растрепались, словно он все время продирался через сильный встречный ветер.

— Сатана, — повторил он с железобетонным убеждением. — Знаете ли, что жена Бриклайта, мадам ля Вуазен, в прошлом падшая женщина из трущоб по имени Катрин Дешэ, сейчас руководит черными мессами?

Я пробормотал:

— Женщина?

Он остановился, вперил в меня огненный взор.

— Вас только это удивляет? А сами черные мессы?.. А то, что эти грешники вызывают самого Сатану и тот является им?

Я развел руками:

— Ну Сатана лично вряд ли снизойдет... А вот что женщина... Ишь, Клеопатра! Это уже демократия на марше. Вот так она и проявляется, ентая демократия... И сразу же политкорректность по отношению к животным и окружающей среде. Я имею в виду обязательное, как супружеский долг, прелюбодействие с козлом. Правда, при демократии это уже не прелюбодействие, а честные и свободные волеизъявления плоти... Гм, и что, они проводят эти мессы тайком у себя дома? Или собираются в лесу, как первые большевики на маевках?

Он покачал головой. Глаза стали совсем тоскливые, как у побитой собаки.

— Вы даже не представляете, как далеко все зашло... Мадам ля Вуазен в западной части города купила просторный дом, велела нарастить стену вдвое, чтобы никто не мог заглянуть с улицы, выстроила часовню... да-да, для совершения черной мессы, а также открыла в доме аптеку и лабораторию по изготовлению ядов, приворот-

ных и отворотных зелий... и прочих богомерзких вещей, о которых не могу даже подумать без содрогания!

— Ого, — сказал я невольно, — вижу деловую хватку новых людей! Черную мессу не только начинают проводить для удовольствия; но и зарабатывать на ней?

Он посмотрел на меня непонимающе, затем в глазах мелькнул страх, он торопливо кивнул.

— Знаете, я ведь о таком даже не думал! А ведь зарабатывают в самом деле. Яды стоят дорого, как и приворотные зелья. А также надо готовить особые гостики, а это непросто, так что явно продают очень дорого... Да, на этом можно зарабатывать большие деньги!.. Как это страшно...

— Почему? Обычный бизнес. Кто-то зарабатывает на повышении процентных ставок, кто-то на контракте, а кто-то на астрологии, оккультизме, черных мес- сах... Деловые люди всегда разводили лохов.

Он в великом смущении развел руками:

— Я даже половины не понимаю, что вы говорите...

— Это профессиональный язык знатока и умельца, — объяснил я. — Если нам с вами надоест быть рыцарем и священником, мы сможем таких деньги ограбить! Нужно только умело пользоваться накопленными знаниями. Для чего нас учат в университетах? Вот-вот, чтобы умели пускать пыль в глаза, потрясая дипломами, и вытаскивали золотишко из богатых простаков... А кто посещает эти мессы? Простите, падре, но я уверен, что вы это знаете.

Он чуть смущился:

— Сын мой, я не хотел бы бросить тень на невинных людей, так как я не видел, кто именно присутствует на мессе... но я знаю, кто в определенные дни ходит в этот дом.

— Кто? — спросил я поощряющее.

Плечи священника опустились.

— Проще сказать, кто не ходит, — ответил он тихо. — Я имею в виду из знати. Это уже *de rigueur*, то есть как бы

обязанность принимать участие или хотя бы присутствовать во время такого богохульства. Некий статус, некая общность, принадлежность к определенному кругу... Они называют себя вольнодумцами, но это мерзость и распущенность.

Я промолчал, не мне клеймить распущенность и пороки, вспомнил, что вообще-то эта практика черной мессы когда-то даст толчок появлению секс-клубов, которые сперва тоже будут прикрываться идеологией черного мессианства. А также породит психоаналитиков, психотерапевтов и прочих психограбителей состоятельных клиентов.

— Спасибо за информацию, отец Шкред.

Он удивился:

— Разве я сказал для вас что-то полезное?

— Все полезное, — заверил я. — Нужно только прозеять, а оставшееся разложить по пробирочкам. А сейчас надо идти, беспокоюсь за госпожу Амелию. Правда, я с нею оставил собачку, но она у меня мирная, ласковая.

Он проговорил с опаской:

— Видел я вашу собачку. От одного вида можно заикой стать.

— Добрая внутри, — заверил я.

Он проводил меня до крыльца, перекрестил:

— А конь ваш...

— Остался с собачкой, — объяснил я, — играют себе, дети. Заодно и за порядком присмотрят.

— Даже не спрашиваю, что у вас за конь, сэр Ричард. Я люблю читать старые книги... не только церковные. Кого-то он мне напоминает...

— Кого?

Он торопливо перекрестился:

— И думать не хочу, чтобы не впасть в грех. Во всяком случае, вы его не забывайте кормить. Хотя бы для вида. Счастливо вам, сэр Ричард!

Глава 10

Солнце жжет плечи, несмотря на все календари, бабья осень или как ее там, я прошел наискось через центральную часть, рынок здесь еще более шумный, а так вообще-то весь город — огромный рынок. От гвалта шумит в ушах, меня пытались остановить, сюдали товары, пахнет рыбой, овощами и фруктами, как раз снимают последние груши и яблоки, гроздья крупного винограда громоздятся целыми холмами, сквозь полупрозрачную кожицу, заполненную сладким соком, мутно просвечивают темные зернышки...

Амелия, полагаю, днем в полной безопасности. Бриклайт жаждет вытеснить ее, а не убить. Как священник объяснил, Бриклайту очень важно получить заверенную у нотариуса бумагу, скрепленную подписями свидетелей, что участок госпожой Амелией был продан, а Бриклайтом куплен за такую-то цену. Потом, конечно, можно и убить, хотя не думаю, что Бриклайту это важно: он делец, ему главное — нахапать, а не втягиваться в чисто криминальные разборки.

Трактир дядюшки Коркеля вынырнул из-за угла так неожиданно, что я автоматически зашагал к нему. Уже на пороге подумал, а надо ли мне это, но желудок сказал убежденно: надо, господин! Очень даже надо.

Вкусные запахи ударили в лицо, едва отворил дверь, желудок ликующе завозился, устраиваясь поудобнее. В помещении почти пусто, в это время завсегдатаи еще на работе, а случайно забредших, как и я, всего трое: двое гуртовщиков за отдаленным столом и бывалый с виду ветеран в добродушных, хоть и помятых доспехах, расправился с куском мяса. Шлем положил рядом на лавку, а меч прямо в ножнах поставил между ног.

Подбежал запыхавшийся и красный, как вареный рак, парнишка, в руках большая, еще блестящая от налипшего жира поварешка.

— Что изволите?

— Перекусить, — сказал я. — Немного, но лучшее... Что, вечером большой пир ожидается?

Он сказал замученно:

— Какой вечер, уже скоро будет не протолкнуться. А готовить надо загодя.

Он умчался, я обвел взглядом помещение и всех троих, стараясь ни на ком не задерживаться взглядом, прощупал на предмет опасности. Гуртовщики почти не обратили на меня внимания, пригнули головы и беседуют вполголоса, а ветеран, напротив, вызывающе упер левую руку в бок и, чуть откинувшись корпусом, смотрит на меня с явной неприязнью. Волосы густые, роскошные, уже с проседью, широкое лицо с ужасающим шрамом через левую бровь и скулу, выглядит моложавым и полным звериной силы.

Я засмотрелся на шрам, удар меча когда-то рассек не только плоть, но и кость. Удивительно, как этот человек выжил, лезвие меча должно было задеть и глазное яблоко, но на меня в упор смотрят оба глаза: круглые, как у хищной птицы, ноздри приплюснутого носа, явно много раз перебитого, зло раздуваются, а тяжелые челюсти плотно сжаты.

Я рассматривал его как можно спокойнее, хотя сердце уже тревожно участило ритм. Голубой камзол скрывает панцирь, но нашейник, пластины на плечах и налокотники — из прекрасной стали с голубоватым отливом, наколенники и набедренники надежно укрыты наползающими одна на другую крупными чешуйками, что позволяет конечностям легко сгибаться, прочная сталь спасает от стрел и мечей.

Сапоги тоже из хорошей стали, все сочленения подогнаны умело, вряд ли чувствует себя в них менее удобно, чем в простых кожаных.

Он перехватил мой взгляд и тут же взмахнул рукой, жест настолько не терпящий возражений, что я почти бездумно подошел к его столу. Он указал на лавку по ту сторону, я сел, он вперил в меня острый взгляд.

— Молодой, — сказал он с угасающим раздражением, — но уже бывалый... Я сразу чувствую настоящего солдата. А ты, сынок, как вижу, уже побывал в переделках.

— Да не так уж, — ответил я, — чтобы побывал.

Он сказал грохочущее:

— Хе, а те, кто не побывал, тут же начали бы рассказывать, какие они лихие рубаки! Так что, сынок, такого бывалого волка, как я, обмануть непросто. И как ты здесь оказался?

— Да просто еду себе...

— Издалека?

— С той стороны Переваля.

На его лице отразилось удивление, тут же сменилось уважением.

— Ого! То-то я сразу ощутил в тебе бывалого бойца. Решил поискать удачи? Ты прав, здесь край богаче. И возможностей для нас, безземельных, намного больше. Ты собираешься поступить на службу к королю Кейдану?

— На службу? — переспросил я с некоторым удивлением, потом спохватился и добавил: — Почему к Кейдану?.. Я слышал, что двор герцога Ульрихта превосходит пышностью и богатством. Он собрал у себя лучших рыцарей. Там самые отважные и отчаянные. Рядом с ними драться — честь для любого воина, который ищет славы!

Он хмыкнул с явным неодобрением:

— Так считаешь?

— Так все считают, — ответил я твердо, глядя ему в глаза, пусть думает, что и я тоже, как все.

— Все, — проворчал он, — все... все — это бараны. Своего ума нет, вот и слушают, что другие говорят.

— А вы не слушаете?

— Слушаю, но и сам мозгами шевелю, хоть для воина это и нелегкая задача. Но если хочешь выжить, то шевелить надо. Кто спорит, что король, который скачет во главе рыцарского войска и первым врубается в ряды, ку-

да привлекательнее того, кто остается позади своей армии и с безопасного холма руководит ею!

— Да, — согласился я и спросил с интересом: — А как надо?

Он вздохнул:

— Да дело в том, что битвы выигрывает как раз тот, кто остается позади. И кто все видит, в отличие от короля, который ворвался в ряды и рубит врага. Этот уже не управляет армией, он не увидит, что его войску заходят с фланга или с тыла, он не успеет принять правильное решение...

— Но такие короли выигрывали сражения! — возразил я.

— Сражения, — ответил он с новым вздохом, — но не войны. Даже битвы не выигрывали. Так можно выиграть только схватку с одним отрядом, когда все решается в одной горячей стычке. Но если битва растянется на день, если будут маневры, удары с флангов, с тыла, такой король обречен. Хуже того, он проиграет войну. Так вот, наш король Кейдан как раз из тех, кто не теряет голову и, несмотря на обвинения в трусости, предпочитает оставаться на троне, а не на взмыленном коне во главе первого отряда рыцарей.

Я вспомнил снова Кейдана, его взгляд исподлобья, пожал плечами и откинулся на спинку кресла, так вид у меня более надменный, как и надлежит молодому рыцарю, презирающему опасности.

— И что же это за король? — спросил я презрительно. — Как могут рыцари отличаться у такого короля? Как можно прославить свое имя?

Он хмуро улыбнулся:

— Молодость, молодость... Ты смел и храбр, но ума, уж извини, у тебя пока маловато. Герцог Ульрихт — отважный воин, он как раз из тех, кто первым начинает бой и последним из него выходит. О таких слагают песни, верно!.. Но ты там ничего не получишь, так как ты не знатен, а он окружен самыми родовитыми вельможами

своего королевства. Ему служат самые знатные лорды и рыцари, они все и получают.

— А у короля Кейдана?

— Этот опирается как раз на незнатных. Нам можно отдать любой приказ, а пошли, к примеру, сына какого вельможи охранять мост или торговую дорогу, тот станет перечить, ссылаясь на свои привилегии и знатных предков...

— Разумно, — согласился я. — Король Кейдан — политик.

— Вот-вот, — обрадовался он. — Я тоже слышал это слово, только не понял сразу, что это.

— И слава Богу, — сказал я. — Кстати, меня зовут Ричардом Длинные Руки. Я здесь проездом. На Юг.

— Сэр Торкилстон, — назвался рыцарь с достоинством. — Я тоже... Хотя пока не решил, куда. Но на Юг... гм, это, пожалуй, чересчур. Хотя, конечно, когда ломаешь голову, чем заплатить за еду и ночлег, то стоит подумать о Юге...

Я медленно тянул сладкое густое вино, сэр Торкилстон еще разглагольствовал о богатстве южных стран, но туда еще надо попасть, а вот здесь чувствуется дыхание Юга, что значит — разбогатеть можно тоже, а у меня уже зрела пока еще смутная идея.

— Благородный сэр Торкилстон, — сказал я, — я знаю место, где не нужно платить за ночлег и стол. Более того, там еще и сами заплатят...

— Ого, — воскликнул он, осмотрел с интересом и добавил задумчиво: — Но жизнь научила меня с осторожностью относиться к местам, где слишком хорошо... Что там нужно делать?

— Всего лишь жить, — объяснил я. — Я говорю об усадьбе госпожи Амелии. В ее сад уже дважды вторгался пьяный сброд, я их малость разогнал...

Он кивнул, глаза зажглись интересом.

— Так это вы были? Весь город только и говорит про это побоище. Власти зубами скрежещут, но сделать ни-

чего нельзя: вы защищали частную собственность. Да и никто вас там не видел, так что прямо вам предъявить ничего не могут. Но все равно большинство горожан на вашей стороне. Всякий ставит себя на место той женщины... Кстати, как она?

— Хороша, — сообщил я.

— В самом деле?

Я сказал спешно:

— Для меня она старовата, все-таки я хоть и бывалый орел, но еще весьма юн, если судить по годам. Но женщина красивая, милая, добрая и очень хорошая. Благородные рыцари должны защищать женщин, не так ли? А плата будет хорошая, обещаю.

Он допил вино, с грохотом опустил кубок на столешницу.

— Считайте, что мой меч уже защищает ее! Идем?

Люблю людей действия, мелькнуло у меня, я поспешно встал.

— Счастлив, дорогой сэр, встретить в вашем лице такого отважного и быстрого на решения человека.

Глава 11

Мы шли по дорожке к дому, тревога сперва царапнула сердце, тут же вонзила в него острые коготки. Пес не выбежал навстречу, не попытался запрыгнуть мне на голову... От сердца отлегло, когда на пороге появилась Амелия. Она вытирала руки о фартук, заулыбалась издали.

— Сэр Ричард! Вы с другом?.. Добро пожаловать...

— Где моя милая собачка? — спросил я. — С ней ничего не случилось?

Она замахала обеими руками:

— Вы скажете такое! Они тут с детьми такое устроили, что скоро и мебели вообще не остается, а одни щепки. Я разрешила им побегать по саду. Пусть лучше деревья ломают, чем столы и стулья...

Торкилстон посматривал то на меня, то на Амелию,

подкрутил усы и браво выпятил грудь. Глаза засияли, как у кота возле кувшина со сметаной, явно считал, что преувеличиваю, а оказалось — преуменьшил.

Я огляделся, все равно такое не нравится, собака должна быть либо при мне, либо там, где я ее оставил.

— Мы сейчас вернемся, — сказал я. — Я бы не стал позволять им удаляться от дома слишком... далеко.

Она спросила с недоумением:

— Разве далеко? Только в саду...

— Ваш сад... великоват, — заметил я мягко. — Мы скоро вернемся. Мы, это я и сэр Торкилстон. Между прочим, сэр Торкилстон, тоже остановится у вас. Так что вам придется готовить на двоих мужчин с хорошим аппетитом.

Она всплеснула руками:

— Да я с удовольствием! Вы так говорите, будто мне это тяжело.

Сэр Торкилстон снова подкрутил ус и выпятил грудь. Я свистнул, из ворот конюшни выбежал Зайчик. Сэр Торкилстон ахнул, даже отступил, глаза выпучились.

— Это что за монстр?

— Это конь, — объяснил я.

— Тогда все остальные кони, — заявил Торкилстон решительно, — просто козы!

Я развел руками:

— Стыдно признаваться, но я как раз собираюсь предложить одну из коз. Там в конюшне еще три. Выбирайте. Рыцарь не может без коня.

Торкилстон посмотрел на меня с сомнением.

— Вы дарите мне коня?

— В долг, — успокоил я. — Вообще-то это кони госпожи Амелии, но я воспользуюсь ее добротой и доверием... а за коней, конечно, плачу золотом, так что не сверкайте на меня глазами.

— А-а, тогда спасибо. Конь мне весьма кстати, честно говоря...

Он скрылся в конюшне и не показывался долго, я

начал терять терпение, но Торкилстон выехал из ворот, пригнувшись низко, уже на оседланном коне.

— Коней три, — сказал он, — а седел восемь. Пока выбрал...

— Остальные кони разбежались, — объяснил я. — Вот что значит, когда нет крепкой мужской руки.

Он пустил коня следом за моим Зайчиком, по обе стороны замелькали деревья. Торкилстон держался сзади, привыкая к коню и приучая его к себе, потом догнал и спросил в великом удивлении:

— А откуда, сэр Ричард, вам ведомо, что они пошли в эту сторону?

— Ну... — ответил я в затруднении, не объяснять же, что и я, как собака, могу видеть запахи, — чутье, чутье...

Он хмыкнул, взглянул чуть странно, но расспрашивать не стал, дескать, чудные люди водятся там, за Перевалом. Говорят, даже с двумя головами встречаются. И не по одному, а целыми племенами.

Следы уводили то в одну сторону, то в другую, через кусты, поваленные деревья: это уже и не сад, а какая-то чащоба из быстро дичающих яблонь, сливовых и абрикосовых деревьев, а виноградники так вообще потеряли ухоженный облик и озверели, позабыв об интеллигентности, дерутся за место под солнцем, подминают слабых, захватывают любой свободный клочок земли и даже теснят расплодившийся чертополох.

Торкилстон посматривал на меня вопросительно, наконец сам посупровел, слишком у меня лицо не для прогулок, поехал молча и время от времени щупал рукоять меча, готовый выдернуть в любое мгновение... и молниеносно выдергивал, когда из кустов, суматошно хлопая крыльями, вспархивали птицы. Те взлетали на ветви повыше, откуда орали нам вслед злыми голосами. Торкилстон тоже бурчал и бросал меч в ножны.

Повеяло морем, деревья расступились, открылась морская гладь. В полосе прибоя носится Пес и Ганс, а Фриц, Аделька и Слул, мокрые, как мыши под дождем,

сидят на берегу и подбадривают криками. Пес, завидев меня, понесся к нам огромными прыжками.

Торкилстон струхнул, но отважно вытащил меч и подал коня вперед.

— Тихо, — сказал я, — это мой...

Пес огромным прыжком попытался выбить меня из седла и любовно повалять по земле, я прикрикнул строго, он послушно сел на толстый зад и смотрел преданными глазами. Торкилстон с облегчением перевел дыхание и дрожащими руками сунул меч в ножны.

— Ну и где, — проговорил он надтреснутым голосом, — где же ваша собачка?

— Это и есть моя собачка.

— Я вижу только борзого медведя...

Дети подбежали, дрожат, мокрые и озябшие, я сказал строго:

— Это что же вы так? Волна большая, может утащить!

Фриц сказал торопливо:

— А мы не боимся! Нас отец научил, как не попасть под волну.

А Ганс добавил с некоторой обидой:

— А еще Бобик не дает залезать дальше, чем по колено! Вытаскивает на берег...

— Правильно делает, — сказал я и только сейчас вспомнил, что я, уезжая, велел Бобику охранять детей, ни словом не упомянув хозяйку. Потому он и понесся за ними, оставив Амелию. — Службу знает. Ладно, возвращаемся...

Они прыгали вокруг, веселые и счастливые, Пес тоже скакал, как щенок, Торкилстон с облегчением улыбается, рот до ушей, но тягостное чувство тревоги не улетучивается, напротив — растет...

Да в чем дело, сказал я себе раздраженно. Все же в порядке, детишки не потерялись, не утопли. Даже не поцарапались. А что мокрые, так обсохнут по дороге.

Едва подъехали к дому, Бобик ринулся по дорожке, взлетел на крыльцо и пропал из виду. Я прыгнул на землю, чувство тревоги охватило с такой силой, что ноги сами понесли почти бегом, а в дом я ворвался с такой скоростью, что едва не догнал Бобика.

В первых двух комнатах пусто, взгляд зацепился за перевернутые стулья. Стол перебит надвое, словно великан ударил огромной палицей. Красные пятна на полу, сердце мое сжалось, и хотя все же понял, что это вино, вон даже черепки разбитого кувшина, но страх заползает все глубже.

Донеся плач, я взбежал по лестнице. Дверь в спальню Амелии сорвана с петель и висит наискось. Амелия лежит вниз лицом на кровати наискось, платье изорвано, обнажая красные ягодицы, рука бессильно свесилась на пол.

— Амелия! — вскрикнул я.

Она слабо шевельнулась, в коридоре послышались тяжелые шаги. Не оборачиваясь, я крикнул:

— Сэр Торкилстон, задержите детей!.. Им сюда нельзя.

— Сделаю, — донеся его напряженный голос.

Я бережно подхватил Амелию, через обе руки сразу пошла лечебная мощь, Амелия задвигалась, попыталась прикрыть себя остатками разорванного платья. Лицо обезображенено огромным кровоподтеком, губы распухли, один глаз заплывает, на обеих грудях кровавые царапины, однако быстро начали затягиваться.

Она проговорила слабым задыхающимся голосом:

— Ваша милость... не надо на меня смотреть...

— Мне можно, — ответил я. — Я почти монах. Дай осмотрю... Кости не сломаны...

— Нет, — ответила она и скривилась. — Надеюсь, что нет...

Я с великим трудом удерживался от того, чтобы тут же не залечить ей все побои и ссадины полностью, но это не останется незамеченным, а мне лучше хранить свои козыри в тайне.

— Кровоподтеки за неделю сойдут, — сказал я, — а что еще... кто это был?..

Я не спрашивал, что они с нею сделали, это и понятно, самое мерзкое, что можно сделать с женщиной — это грубо и властно изнасиловать, доказывая свою полное превосходство.

— Кто это был? — повторил я.

Она прошептала:

— Ваша милость... вы же знаете...

Я спросил лютко:

— Это Бриклайт?

— Четверо его сыновей, — ответила она. — Пришли со своими слугами, но тех оставили внизу... а сами... сами...

— Все понятно, — прервал я быстро. — Это были сыновья Бриклайта. Что они хотели?

Она попыталась приподняться, со второй попытки уцепилась за спину кровати и села. Я боялся поддержать, а вдруг инстинктивно залечу все, а она проговорила тихо:

— Что всегда хотят...

— Чего? — спросил я напрямик. — Если просто женщину, то город полон дешевых шлюх. Да и при нынешних нравах с их деньгами можно и не шлюх.

Она смотрела на меня одним глазом, второй непостижимо быстро закрывала наползающая опухоль.

— Ваша милость, зачем это вам?

— Я ел твой суп, — ответил я, — ел твой хлеб. Я хочу знать, что здесь происходит.

Она прошептала:

— Наш сад...

— Что с ним? Не те яблоки растут?

— Бриклайт еще три месяца тому предложил мне продать его, — ответила она тихо. — А потом...

— Ну-ну?

— Потом предлагал все настойчивее.

Я процедил зло:

— Ты отказывала, и вот он... да?

— Да, — ответила она тихо. — Они сказали мне... что, если я не продам им эту землю, меня сожгут в моем доме... вместе с детьми...

Я помолчал, какая-то часть нормального человека пискнула, напоминая, что мне надо на Юг, а местные разборки — не мое дело. Может быть, эта женщина сама виновата. В смысле, взяла когда-то деньги и не вернула, а за это требуют отдать землю, а то и другие варианты, в кои вникать совсем не мое дело.

— Крутые, — проговорил я, темный гнев начал формироваться во мне медленно, тяжело и неотвратимо, как звездная туманность, — они в самом деле... власть? И теперь наслаждаются безнаказанностью?

Она промолчала, только судорожно вздыхала. В комнату вбежал, оставив детей, Пес. Остановился напротив кровати, вздохнул, а потом я с дрожью увидел, как желтые глаза загораются багровым огнем, и через минуту там уже полыхает адское пламя.

— Тихо-тихо, — произнес я, — понимаю твои чувства. Если понадобишься, я позову тебя. Но сперва попрошу сам...

В дверном проеме появилась коренастая фигура Торкилстона. Он прогудел угрюмо:

— Я пока что занял детей...

— Чем? — спросил я.

— Разрешил им помыть коня. Чуть не передрались, кому первому щетку...

Амелия закуталась в одеяло, Торкилстон подошел по моему кивку. Лицо его был серьезным, в глазах блеснул гнев.

— Госпожа, — произнес он, — я считаю своим долгом предложить вам свой меч и защиту. И даже если отвергнете, я считаю своим долгом вас защищать...

Она в растерянности переводила взгляд с одного на другого, я поднялся.

— Сэр Торкилстон, нам нужно поговорить. А госпожа Амелия пока переоденется.

Он косо взглянул на меня, прозвучало это у меня формально, как будто она сменит к обеду одно платье на другое. Сам чувствую, что временами начинаю меньше сопереживать отдельным людям... наверно, это во мне пробуждается государственник.

В коридоре я сказал люто:

— Сэр Торкилстон, вы дольше меня в городе. Скажите, что этими Бриклайтами так движет, если жаждут захватить этот участок даже ценой такой гнусности?

Он пожал плечами:

— Я думал, знаете. Во всяком случае, в городе знают все. Бриклайт страстно жаждет построить большой порт. Это цель всей его жизни. Когда земли госпожи Амелии перейдут в его владения, он тут же развернет грандиозное строительство. Старый порт расширится втрое, корабли перестанут простояивать...

— ...а доходы Бриклайта взлетят до небес, — закончил я.

Мы спустились в столовую, через распахнутые двери видно, как Пес, конь и четверо детей бегают по двору, счастливые и беспечные.

Глава 12

Торкилстон тяжело опустился на лавку, локти упер в столешницу, стол протестующее заскрипел, а сэр Торкилстон опустил голову на скрещенные пальцы рук и на долго задумался.

— Да, — проговорил он наконец. — Я как-то так далеко не заглядывал. Хозяин порта будет и хозяином города, а там неважно — бургомистр он или нет. Весь город существует только благодаря порту. Все жители обслуживают моряков и торговцев, будь это шлюхи или кузнецы, что подковывают коней. А если начнется расширение порта, в город съедутся массы плотников, столяров,

землекопов, каменотесов, понадобится добавочный народ, чтобы им строить дома, кормить и одевать...

Перед глазами встала картина грандиозного строительства, что-то типа того, как Петр Первый с топором в руках строит корабли.

— Понадобятся, — сказал я осторожно, — и новые корабли?.. Повместительнее, побольше...

— Это уж как пить дать!

— А если железная руда иссякнет? А алмазы выкопают все до единого?

Он пожал плечами.

— Для большого порта это не потеря. Во-первых, здесь все равно, если успеют набить руку, будут строить корабли для аренды и продажи. А это, скажу вам, сэр Ричард, немалый доход! Я далек от торговых сделок, но здесь и так все ясно. Во-вторых, место здесьально удобное. Вы не заметили, что все больше кораблей с фракийскими и лисийскими флагами? Раньше их вообще не было. А они не возят ни руду, ни алмазы!.. Да вы и не могли заметить за это время. А когда порт расширится, они тут прям обоснуются, это как сопливому высморкаться.

— А их что интересует?

— С той стороны земли госпожи Амелии упираются в горы, а там как раз обнаружены запасы красной меди! Отыскали их давно, но крестьяне здесь были бедные, разрабатывать не по силам... Но вот теперь, когда где уже целый город, можно и шахты построить бы, если на то будет разрешение хозяйки...

Я стиснул челюсти:

— И другого пути к морю... вернее, к бухте нет, как через ее земли?

Он покачал головой:

— Можно через участок Аккеля или Диодема, теперь уже бывшие их участки, но это дальше от города. Да и все равно земля здешней хозяйки нужна для строительства порта. Справа и слева от их земель — кручки, утесы, горы. Они хорошо защищают бухту от ветров, но не по-

зволяют даже причалить в другом месте. Потому и вцепился Бриклайт в ее земли, добивается их всеми силами.

Я зло ходил по комнате, злость не утихает, а как будто что-то подогревает ее изнутри. Я был в ярости, когда увидел Амелию зверски изнасилованной, потом вроде бы успокоился: жива, а кровоподтеки убрать сможем, но теперь злость начинает нарезать второй круг.

От такого лакомого куска Бриклайт не откажется. Тем более это цель его жизни. Так долго карабкался из такой норы, шел по трупам, ничем не брезговал, теперь ни перед чем и не остановится.

Торкилстон сказал негромко:

— Вы бы сели, сэр Ричард.

— Не могу, — ответил я, — сидя я вообще взорвусь.

— Но так бегать, можно лоб расшибить...

— Кажется, — ответил я через стискиваемое злой рукой горло, — я сейчас пойду и отыщу того, кому нужно разбить голову целиком...

— Сэр Ричард, — предостерег он, — хотя Бриклайт и не глава городского совета, но у него самый большой дом, а там охраны — видимо-невидимо.

— Зачем? — спросил я.

Он ухмыльнулся:

— Наверное, вас он обидел не первого. И не единственного.

Ярость, холодная и ослепляющая, уже бьет в мозг с такой силой, что в глазах вспыхивают огни, как при фейерверке. Я задыхался, рука то и дело хваталась за рукоять меча. Я поймал себя на том, что начинаю размахивать руками, напрягая мускулы, и делать выпады кулаками.

Не знаю, если бы не бегал вот так, голова бы лопнула от какого-нибудь инсульта, а так ярость понемногу хоть и не улеглась, но перетекла в простой гнев, хаотичные картинки, как всех уничтожаю, размазываю, убиваю самым зверским образом, потеснились под напором не менее злых, но упорядоченных мыслей.

Итак, они держат в руках весь город. Это первое.

Второе — городу это нравится, а мое выступление против Бриклайтов поддержки не получит. Скорее, напротив. Как известно, дороги в кабаки куда протоптаннее, чем в церковь.

Торкилстон хмурился, на лице тот же гнев, но он старше и дисциплинированнее, смотрит в ожидании распоряжений, признал во мне лорда. Хотя бы потому, что он на мели, а я — с деньгами.

Я проговорил, едва не лязгая зубами от душившей меня ярости:

— Сэр Торкилстон, прошу вас быть здесь неотлучно. Думаю, не нужно вам напоминать, что особняк, как и весь сад, принадлежит госпоже Амелии. Всякого, кто придет непрошеным...

— Изрублю в капусту, — прервал он. — Не беспокойся, Ричард. Закон защищает частную собственность.

— Не колеблись, — предупредил я.

— Ни на минуту, — заверил он. — Любой, кто придет непрошеным, будет для меня тем, кто такое сделал...

Он покосился на дверь комнаты, за которой раздался безнадежный детский плач. Для них мир рухнул, мама оказалась совсем не всесильной.

Я хлопком подозвал Бобика.

— Охраняй здесь! — велел ему голосом сюзерена. — Оберегай всех в доме, не пускай чужих. Если на кого нападут — можешь... ликвидировать. А я скоро вернусь.

Он коротко вильнул хвостиком, объясняя, что все понял, но в глазах остался укор. Я мысленно пообещал скоро вернуться, а потом мы вообще уплывем за море, за океан.

Зайчик подбежал к крыльцу, уши торчком, от копыт идет такой звон, словно танцует с кастаньетами. Я прыгнул с верхней ступеньки, Зайчик даже не пошатнулся, как будто я скакнул на чугунную статую.

— Жди нас, — сказал я Бобику. — А потом мы все трое уедем за океан...

Пес радостно взвизгнул и, упервшись передними ла-

пами в бок Зайчика потянулся ко мне. Я наклонился, дал себя лизнуть в лицо, и Пес вне себя от счастья упал и с ликующим визгом покатился по земле.

Зайчик с облегчением выметнулся за ворота. Земля застучала под копытами сухо и часто. Справа и слева за мелькали дома, я направил Зайчика через площадь. От прыгали испуганные люди, вслед кричали возмущенно и потрясали руками, но на этот раз мне начхать на общенародное мнение.

Дом Бриклайта почти вдвое крупнее здания городской управы. По обе стороны от входа по коновязи не меньше десятка коней ждут хозяев, мерно встряхивая торбами, привязанными к мордам.

В дверях двое дюжих стражей загородили дорогу.

— Кто? К кому?

— К Бриклайту, — рыкнул я.

Их отшвырнуло, как кегли, мне уже плевать на права человека, я прошел быстрыми шагами, а они отклеились от стен, заорали вдогонку, за спиной раздался топот подкованных сапог.

Впереди еще люди, я рыкнул:

— Где Бриклайт?

Кто-то вскрикнул испуганно:

— Он... наверху, наверху!

В конце коридора еще лестница, слуги и не слуги от прыгали при виде моей перекошенной морды. Ступеньки повели наверх быстро и покорно. Я поднимался, чувствуя себя раскаленным слитком металла, и вдруг сверху накрыло холодной волной.

Я дернулся, там у перил стоит человек в цветном халате мага, руки воздеты к своду. Я взлетел к нему, как лань, ухватил одной рукой за шиворот, а другой — за пояс, без раздумий швырнул через перила.

— Рожденным ползать...

С обеих сторон коридора застыли испуганные не-

слыханным вторжением люди. Я ощерил зубы и затопал ногами. Они метнулась вглубь, как испуганные голуби.

Лестница повела снова вверх, на третий этаж. Еще дважды обдало холодом, но колдунов я не заприметил. То ли бегу слишком быстро, то ли срабатывают магические ловушки на чужаков, понять не успел: навстречу шли, беседуя, огромный мужчина и женщина. Мужчина при виде меня сразу схватился за меч, но женщина сказала резко:

— Джафар, не смей!

Мужчина застыл, его пальцы, толстые, как сосиски, медленно соскользнули с рукояти. От него прошла волна холода, но не от женщины: очень красивая, еще не старая, где-то под тридцать, ослепительно величественная, статная, она смотрела на меня с веселым любопытством.

Я лишь скользнул по ним яростным взглядом, от женщины пахнуло прямыми духами и настолько разгоряченным телом, что я невольно увидел ее под собой в разобранной постели среди подушек.

Мужчина зло всхрапнул вслед, а я бежал по коридору, изгоняя видение обнаженной женщины, что сладострастно извивается под моим навалившимся телом.

Налево открылся зал, на той стороне массивная дверь, украшенная золотом. Рядом крупный страж в бархатном камзоле и с огромным мечом в руках.

— Стоять! — прогремел он так могуче, что о стены ударились и заметалось эхо. — Кто допустил...

— Пшел вон, — сказал я резко.

Он загородил дорогу, я с силой двинул его плечом, как в регби, и могучий с виду мужик улетел вместе с декоративным мечом. За спиной испуганные крики, я удалил в дверь ногой, как тараном.

Треск, обе половинки распахнулись и затрепетали, как крылья бабочки. Распахнулся богато украшенный кабинет, под стеной напротив двери широкий стол, за ним массивный мужик за шестьдесят, настоящий бык, как сразу определил я. Такие и в шестьдесят могут боль-

ше, чем иные в двадцать. И в то же время видно, что при всей крутости и напористости напролом не прет, умеет говорить и готовить почву. Такие обычно орудуют за спинами других, но умеют держать всех и все в железной руке.

Рядом с Бриклайтом, а это явно он, еще один в неброской одежде, рассматривают бумаги. При моем вторжении оба подняли головы, человек в неброском тут же отодвинулся вместе со стулом.

Бриклайт в нечто нелепом из дорогой ткани, вроде махрового халата, что скрывает свисающее через ремень пузо, зато на груди толстая золотая цепь, сам халат пропущен золотыми нитями, пояс в золотых бляхах, а на пряжке нагло блестит кроваво-красный камень с голубиное яйцо размером.

При моем появлении он отшатнулся и чисто инстинктивно поддернул рукава, там массивные золотые браслеты. Ни дать ни взять — вождь папуасов, что все богатство навешивает на себя.

С другой стороны, напомнил я себе трезво, по ту сторону Перевала хрен бы ему позволили вот так одеваться. Любой никудышный лордик ощущал бы себя уязвленным, что какой-то простолюдин выглядит богаче и знатнее, придрался бы к чему-нибудь, бросил бы в тюрьму и отобрал все.

А то и не придирался бы, мелькнуло у меня. Достаточно слова лорда, у простолюдинов прав нет. А здесь — есть.

За спиной затопали тяжелые шаги, Бриклайт сказал резко:

— Ладер, не тронь! Пусть скажет, раз уж сумел...

Он не договорил, в маленьких поросячьих глазах проблескивает изумление и ненависть. Кто бы ни сумел пройти к нему, расшвыривая охранников, тот заслуживает внимания. И если еще прошел, как слон сквозь паутину, через все магические заслоны...

— Бриклайт? — спросил я резко.

Он прорычал:

— Глупый вопрос.

— Согласен, — отрезал я. — Тебя все знают. Так вот, чтобы не тратить твое драгоценное время, подойду к делу... по-деловому. Сегодня четверо твоих сыновей ворвались в дом Амелии Альенде и зверски изнасиловали ее.

Он сказал громко:

— Ложь!

— Это было, — ответил я, повышая голос.

— Ложь, — сказал он еще громче, — и поклеп, за который придется отвечать любому в этом городе. Пусть даже он и самого благородного звания.

— А суд у тебя в кармане, — сказал я понимающе, — и свидетелей в таком деле не найти, даже если бы и стояли толпой вокруг и наблюдали?..

Он усмехнулся и промолчал. Во взгляде ясно проступило, что сильный всегда прав. Сила — за ним, значит — и любое обвинение, которое он выдвинет против меня, сработает.

— Но ты не учел одну деталь, — произнес я медленно.

Он мгновенно насторожился.

— Какую же?

— Только одну, — сказал я, — но очень важную.

Жизненно важную...

Господин с бумагами в руках отодвинулся на стуле еще дальше, понятливый, взгляд прикипел к моему лицу, глаза округлились от ужаса. Что же за лицо у меня сейчас, самому бы взглянуть...

В глазах Бриклайта и на лице проступила неуверенность.

— Какую?

Из меня рвались слова, что не все в мире продается, что остались еще люди чести, но что за хрень, я же сам всегда смеялся над этими людьми чести и сейчас таким дураком выставлять себя не буду, потому сделал надменное лицо и ответил холодно:

— Узнаешь, если не послушаешь, что скажу. Во-пер-

вых, ее земля не продается. Об этом не может быть и речи. Во-вторых, заплатите за разгром в ее доме сто золотых, а за изнасилование — тысячу...

Он охнул:

— Что-о?

— Итого, — сказал я жестко, — тысячу сто золотых монет. Будь она особой благородного происхождения, я снял бы с твоих сыновей головы. Но так... остановимся на денежной компенсации. На этом предлагаю и закончить дело. Это я говорю уже не как рыцарь, а как деловой человек, склонный к компромиссам. Возможные последствия и варианты рекомендую обсудить с... юристом.

Я кивнул в сторону человечка с бумагами, тот испуганно кивнул несколько раз, подтверждая, что да, он юрист, блюдет интересы и безопасность клиентов и никогда ничего не посоветует им в ущерб.

Лицо Бриклайта медленно наливалось дурной кровью, я посмотрел на него холодно, повернулся и пошел к двери. Охранник спешно отступил, хотя парень почти моего роста, а в плечах даже пошире. Я нарочито пошел обратно другим коридором. Дураками будут, если не попробуют на том же месте поставить совсем другую ловушку, а я человек совсем не рисковый.

Из дома вышел уже не я, а мой двойник, взобрался на Зайчика, тот посмотрел на меня, реального, с великим недоумением, я шепнул едва слышно:

— Скачи к Бобику. Ждите меня там.

Глава 13

Он в неуверенности развернулся, я торопил мысленно, и он наконец пошел неспешной рысью по середине улицы. Я прижался к стене и пошел вдоль нее, настороженно всматриваясь всеми видами зрения, вслушиваясь и чувствуя во все непонятное.

Пора перебрать подарки предков рода Валленштей-

нов. Право Боевого Клича — звучит торжественно и даже высокопарно, но если бы кто объяснил мне что это! Как и мое свойство отныне видеть зеленых черепах. Надеюсь, здесь не так называют зеленых чертиков или розовых слонов?.. Еще мне дадено видение альтинга, но это такая же драгоценность, как умение говорить с филателистами.... нет, как их, а, вот — филигонами. Но я в Тарасконе, а не в какой-то неведомой Филигонии...

К счастью, один дал мне умение видеть магические ловушки, а другой — исчезничество, что в конце концов его и погубило, слишком оказался любопытным и любил заглядывать в чужие спальни. Особенно в отсутствие мужей. Эти два свойства дадут немалое преимущество тому, кто сумеет ими воспользоваться правильно. Похоже, предки не очень умело распоряжались своими дарами, только один умер от старости, окруженный правнуками и правправнуками... Кстати, он подарил мне дар прекогнии, а я пока еще даже смутно не представляю, что это такое, хотя именно прекогния, как он намекнул, помогла ему дожить до старости.

Хотя до старости, как догадываюсь, доживают и те, кто не ввязывается в войны, а сидит себе в норке, как премудрый пескарь, без всякой прекогнии.

Кстати, рыцарь Дербент передал мне умение запоминать все, что захочу, и хотя другие предостерегали меня, что это не дар, а проклятие, но я беспечно взял. За мной пока нет удушения младенцев или прелюбодеяства по пьяни со своей бабушкой, так что вообще можно воспоминаний не страшиться. К тому же я буду запоминать только то, что сам хочу запомнить, а это две большие разницы, как говорят торговые люди.

Затаиваться и пережидать приходилось постоянно, но к двери кабинета Бриклайта добрался быстро. Труднее проникнуть в сам кабинет, но, к счастью, маги обезопасили только все входы и выходы в дом, справедливо полагая, что так заодно обезопасят и себя, так что здесь пришлось лишь обойти два засветившихся зловеще крас-

ным квадрата на полу и пригнуться в коридоре, избегая не менее зловещего облачка, что как броуновская частица плавает по всем направлениям, иногда даже погружается краешком в стены, но только краешком.

У Бриклайта в кабинете помимо юриста еще двое: Вильд и парнишка с болезненно бледным прыщавым лицом. Вильд, которого я тогда осадил и осрамил перед его людьми, развалился в кресле и посматривает лениво, парнишка держится тоже весьма по-хозяйски. В мордах есть сходство с остальными Бриклайтами, наверняка один из четверых сыновей. Похоже, младшенький. Эта та еще гнида даже с виду. Есть такие, на которых печать порочности даже поставить негде.

Юрист придвигнулся к столу вместе с креслом, Бриклайт восседает как тяжелая глыба, поросшая зеленым мхом. Я напряг слух, Бриклайта не рассыпал, но отчетливо донесся осторожный вопрос юриста:

— А может быть, просто предложить вдове сумму побольше?

Вильд вскинулся в высокомерном неудовольствии.

— С чего это?

Юрист усмехнулся:

— Ну хотя бы потому, что ее земли стоят не меньше десяти тысяч золотых.

— Что-о?

Юрист ответил спокойно:

— С учетом того, что будет выстроено, участок стоит даже больше. Вы все это знаете. Так что вполне можно заплатить ей сто золотых монет. Она сойдет с ума от такого счастья.

— Сто золотых? — прорычал Вильд. — Пусть будет счастлива, что ей предложили десять!.. И за эти деньги должна была нас поцеловать в задницы. Но теперь наша цена — один золотой! И она продаст, вот увидите.

Юрист вздохнул, промолчал, только пожатием плеч дал понять, что он на их стороне и лишь предлагает более быстрые пути решения проблемы.

Бриклайт смотрел на всех из-под приспущеных век. Лицо вроде бы неподвижное, но я улавливал, как пропустяает выражение жестокости и властолюбия. Уголки губ опустились, нижняя челюсть выдвинулась в надменной угрозе.

— Думаю, продаст, — проронил он. — Дело даже не в десяти или сотне золотых монет... Когда-то мы должны урвать то, чем раньше наслаждались только благородные.

Юрист спросил осторожно:

— Что?

— Власть, — отрезал Бриклайт.

— У вас власть денег, — напомнил юрист. — Вы можете купить все, что хотите.

Бриклайт усмехнулся:

— Верно. Но я хочу, чтобы мне уступали дорогу не только потому, что я плачу... чтобы мне уступали дорогу! А просто потому, что идет самый богатый и могущественный человек в городе, который в силах любого согнуть в бараний рог. Чтобы боялись и опускали взгляды, чтобы кланялись даже незнакомые... страшась вызвать мой гнев.

Вильд хохотнул:

— Уже все так и делают!

Парнишка хмыкнув, напомнил:

— Все?

— Все, — отрезал Вильд, потом нахмурился, в глазах блеснул гнев. — Тегер, ты о чем? Об этом мелком рыцарышке? Он не стоит того, чтобы на него обращали внимание.

Тегер сказал насмешливо:

— В самом деле?

— В самом, — отрезал Вильд. — Это какая-то голышьба, у которого нет денег даже слугу нанять!.. Впервые вижу рыцаря без слуги и оруженосца. Всегда каждый окружен десятком челяди. А у этого ничего нет, кроме коня и собаки.

— Зато какого коня, — произнес Тегер мечтательно. — И какой собаки...

Юрист нервно задвигался:

— Предупреждаю, что если коня еще как-то и удастся... получить, то собаки обычно остаются верны хозяину.

Бриклайт снова подал голос, все тут же умолкли, а он проговорил медленно:

— Даже собачью верность удается сломить.

Вильд спросил, загораясь:

— Возьмемся и за него?

— Сперва закончим с вдовой, — ответил Бриклайт деловым тоном. — Нам нужна та земля. А с этим дураком потом.

— А если в самом деле начнет вмешиваться?.. С виду он прост, но с какой легкостью прошел к тебе в кабинет...

— Тогда и его, — ответил Бриклайт невозмутимо. — В конце концов, что эта муха может сделать? Весь город уже в наших руках...

Он положил на стол обе руки, полюбовался на ладони, сжал. Кулаки не ахти какие, такие руки чаще встретишь у шулера, а не у бойца, однако Бриклайт смотрел на них, как на сокровище, повертел из стороны в сторону. Я видел в его глазах наслаждение садиста: наконец-то получил власть, настоящую власть, теперь всем покажет, всем отмстит, всех нагнет, каждого заставит лизать...

Юрист болезненно улыбался, уж его-то заставляют здесь лизать первым, старался выглядеть незаметным, а четвертый сынок произнес мечтательно:

— Та земля — сокровище. Это же какие чудеса скрыты в ней? Эх, скорее бы добраться...

Вильд сказал убежденно:

— Доберемся. Уже, считай, добрались. А вдову сгоним.

— А если не сгоним, — договорил Тегер, улыбка была такой гаденькой, что у меня пальцы скрючило от жаж-

ды схватить его за глотку, — то повторим, повторим...
Мне понравилось!

Вильд поморщился.

— Да что тебе та женщина... Будто нет поможе и посвежее.

— Ничего не понимаешь, — ответил Тегер, глаза его затуманились. — Созревшая женщина дает наслаждения больше. Да еще когда противится, когда ее лупишь, лупишь, лупишь...

Дыхание его стало чаще, но опомнился, улыбнулся, расслабился в кресле. Вильд с неодобрением хмыкнул, он сам пускает в ход кулаки, чтобы проучить своих женщин, но бьет для послушания, а не для забавы.

— В той земле сокровище, — согласился он с отцом, — я обещаю, отец, что завтра же получу от нее все бумаги на продажу земли.

Тегер гаденько ухмыльнулся.

— А я получу сегодня... ночью.

Вильд хмыкнул:

— Не дури.

— Какая дурь? — ответил тот с надменностью. — Или кто-то в городе может меня остановить?

Бриклайт смотрел на сыновей, откинувшись в кресле. Тяжелые веки наползли на выпуклые глаза, как у старой дряхлой ящерицы, но через узкую щелочку наблюдал за ними с отеческой заботой матерого волка, который смотрит, как его волчата рвут жалко блеющего ягненка.

— Присматривайте за этим, — проговорил он, — как его... Ричардом. Похоже, это из тех идиотов, что прут, как быки, не видя изгороди.

— Остановим, — сказал Вильд угрюмо.

— И рога съем, — хохотнул Тегер. Смешок его мне показался самым мерзким из тех, что когда-либо слышал. — Это мы сделаем...

— А хвост узлом завяжем, — добавил Вильд. — Он еще нас вспомнит. Хорошо, если ты не против, я

сейчас же дам кое-какие распоряжения насчет этого... Ричарда. Денифель со своими людьми не справился, я зря тогда мчался, загоняя коня, но теперь я сам возьмусь. И объявлю награду. Просто пущу слух, что всякий, кто убьет этого рыцаря, получит награду...

Юрист сказал нервно:

— Это чревато! Городской совет будет против убийства.

Вильд отмахнулся:

— Я сам юрист. Разве я сказал, что объявлю, а не пущу слух? Кстати, Тегер тоже прав...

— В чем?

— Стоит снова навестить ту несговорчивую сучку. И повторить еще разок. Да так, чтобы все кости переломать! Ну, пусть не ломать, но так, чтобы запомнила лучше. А то, кто знает, вдруг прошлый раз ей даже понравилось?

Они захихикали, я тихонько отступил, дождался, когда Вильд поднялся и пошел к двери, выскользнул за ним следом. Он удалился, тяжело и нарочито громко топая, чтобы казаться сильным и страшным, я постоял в коридоре, прикидывая, что же делать дальше.

Стены тускло блестят, панели из дерева покрыты темным лаком. Под ногами тоже дерево: пол из толстых широких досок, из таких делают ворота в замках, разве что еще и укрепляют железными пластинами.

Здесь пластин нет, но впереди простирается зловеще-черная полоса, похожая на тень. Я огляделся, понятно, еще одна ловушка для чужаков, осторожно переступил, даже не ощущив холода. Возможно, это не ловушка, а только сигнализация.

Один часовой с копьем в руках бродит по всему длинному коридору. Из всех дверей одна показалась слишком массивной, начал присматриваться к ней, а когда часовой пошел от нее, я отворил и, юркнув вовнутрь, быстро закрыл за собой, стараясь, чтобы не звякнуло. Сердце колотится, кровь стучит в виски.

Комната огромная, вытянутая, заставленная оружием так плотно, что осталась только дорожка посредине. Да и то надо перешагивать через охапки мечей, кинжалов, топоров. По всем углам стоят снопы связанных в пучки копий. Острия блестят, древки из хорошего дерева, в каждом пучке двадцать-тридцать штук. На столах блестят, как груды селедки, мечи разной длины, стены настолько густо увешаны наползающими друг на друга щитами, что выглядят покрытыми чудовищной чешуей, будто бока гигантских рыб. Подход к дальней стене перекрыт завалами из рыцарских доспехов прекрасной работы.

Отдельными горками сложены арбалеты, там же два ящика с железными стрелами. На затылке волосы поднялись дыбом, оружия хватит на небольшую армию. Что задумал Бриклайт?

Задействовав тепловое зрение, я сквозь стену прополз за смутной фигурой часового, выскользнул. Ловушки мерцают мирно, на своих не реагируют, но, когда я спустился уже вниз, чувство опасности стало таким острым, что я застыл на месте, не зная, прорываться ли к выходу или же хамелеонить и дальше, надеясь, что пронесет...

Холод накатил волной, словно я упал на мокрый песок, а сверху накрыло волной прибоя. Я инстинктивно задержал дыхание, волна медленно прокатила дальше, я с облегчением вздохнул и сразу ощутил, что волна остановилась и катит обратно с нарастающей скоростью.

Засекли, мелькнуло обреченное. Теперь все зависит от того, где манипулятор этими волнами. Если в городской управе, то фигня, а если в доме Бриклайта...

Холод охег тело, прокатился по инерции дальше и тут же вернулся, поймав меня в фокус. Я сжал челюсти и торопливо побежал вниз, ненадолго застывая при появлении вблизи вооруженного человека.

Сбежал на второй этаж, на первый, впереди дверь на улицу, там всего двое стражей, я ускорил шаг, стражи смотрят мимо...

Едва я поравнялся с ними, оба сдвинулись, заступив мне дорогу, а сзади на плечо опустилась тяжелая рука.

— Ты пойдешь с нами.

В бок остро кольнуло, пропоров ткань, раньше, чем я начал поворачиваться. Одно быстрое движение ножом снизу вверх, и клинок пронзит сердце.

Меня толкнули в спину.

— Иди.

Двое держат за предплечья, третий со спины держит нож в готовности, я чувствую, как подрагивает его рука от жажды дернуть лезвием вверх. Из глубокой царапины потекла кровь, пропитывая ткань. Похоже, невидимый колдун выявил и нейтрализовал мое исчезничество. Сейчас только бы не залечить рану, пусть видят, что я ранен и напуган...

По той же лестнице наверх провели на второй этаж, на третий, а когда впереди выросла массивная дверь с золотой ручкой и вздыбленными львами, я уже знал, что на этот раз угрозами в адрес друг друга не закончится.

Глава 14

Один забежал вперед, приоткрыл дверь и, сунув голову, что-то спрашивал. Я подавил желание стукнуть ногой по двери, этот гад придавленным ухом не отделялся бы, однако нож все так же упирается в бок, хотя его владелец наконец-то расслабился. Из кабинета что-то отвечали, страж подал знак и распахнул дверь.

Меня втолкнули в комнату, нож убрали, я сразу понял почему. В комнате еще трое, крепкие суровые мужчины со злыми лицами сторожевых собак, за столом расположился сам Бриклайт. Вильда и Тегера уже нет, вместо них справа от стола двое крепышей бойцовского вида, но самое главное, с другой стороны поднялся из кресла высокий худой человек в длинном синем халате. Для меня он выглядит ужасной птицей с огромными черными крыльями, сотканными из ночи. Даже лицо во втор-

ром зрении изменилось, стало жестче, нос удлинился и загнулся крючком, как у хищника, а руки стали тоньше и жилистее, напоминая птичьи лапы.

Я старался не смотреть на крылья, пусть не знает, что я вижу эти огромные и черные порождения Зла. Волосы зашевелились на затылке. От колдуна веет смертельным холодом даже не могилы, а открытого безжизненного космоса.

Бриклайт уставился сверлящим взором, на лице промелькнуло беспокойство, как будто увидел нечто тревожащее в моих глазах или на него пала тень уродливых крыльев своего помощника.

Я поспешил погасил добавочное видение, теперь Бриклайт — это просто Бриклайт, крутой и напористый бык, всю жизнь держал себя в узде, смирял, на вершину шел долго и упорно, и вот сейчас наконец-то, наконец-то...

Он минуту рассматривал меня с растущим гневом.

— И что, — спросил он с нажимом, — у тебя хватило наглости вернуться и вынюхивать в моем доме?

Я ответил с расчетливой надменностью высокорожденного:

— Люди благородного сословия не вынюхивают.

— А ты что делал?

— Изволил интересоваться, — ответил я. — И вообще... разговаривай вежливее, тварь. Ты разговариваешь с благородным, червь!

Он расхохотался, удивление в глазах быстро перетекло в жгучую ненависть. Я краем глаза посматривал на колдуна, тот что-то шепчет, пальцы шевелятся, лицо напряженное.

— Ты сейчас узнаешь, — сказал Бриклайт хрипло, — что мы делаем с благородными! Ты еще будешь ползать на четвереньках и дерзмо жрать... Ну-ка, избейте его как следует, но руки-ноги не ломайте... пока.

Те, что у стола, не шевельнулись, но за спиной послышались шаги. Я взвинтил свою нервную систему до предела, сердце колотится, как у воробья, быстро шагнул

в сторону, ударил, снова ударил, выхватил у одного из ножен длинный нож и вспорол горло третьему. Костяшки пальцев остро заныли, содранная кожа тут же восстановилась, бросился к столу.

Телохранители опешили, натасканы сами бить и калечить, все двигаются медленнее водолазов, не успели среагировать, как я с силой вогнал острие кинжала колдуну в глаз. Последнее, что увидел на его лице, было великое изумление.

В кабинете орали, гремели стульями, я отпрыгнул, избегая меча телохранителя, отбежал к двери. Страж, загораживающий выход, с протяжным криком бросился на меня, я успел отодвинуться и подставить деревенскому увальню ногу. Он даже падал, будто через воду на морское дно, я успел ухватить его за руку и выдрать из уже разжимающихся пальцев меч.

Чужой меч просвистел над головой, я отпрыгнул, уклонился, а затем быстро, на пределе своей нервной системы пошел работать мечом, и оба телохранителя рухнули, брызгая кровью.

Бриклайт выхватил кинжал, глаза выпучились от ужаса, как у огромной старой жабы. Острый клинок уперся ему в горло.

— Ну, — сказал я, — ты хотел поговорить? Говори, тварь.

Он булькал, хрюпал, страшился даже дышать, острые сталь надсекла немолодую ящериичную кожу.

— Я... ты...

— Не ты, — напомнил я, — к благородным так не обращаются, тварь дрожащая. Вижу, ты во всем согласен со мной, так что я сразу скажу тебе, что нужно делать.

Он страшился и кивнуть, но всем видом показывал, что да, со всем согласен и сделает все, что восхочу.

— Так вот, — сказал я, — я бесконечно добр и очень не люблю убивать... Потому тебя и твоих сыновей оставляю в живых, вот такой я гуманист долбаный. Но в порядке материальной компенсации ты не только отка-

жешься от всех попыток завладеть участком земли бедной женщины, но выплатишь ей... уже не тысячу золотых монет, а пять тысяч. Это я сейчас еще просто зол, но я уже не в ярости. Понял?

Он мигнул, показывая, что понял.

— Согласен? — спросил я. — Будем считать, что подписали договор. И еще... если твои сопляки сделают хотя бы движение, чтобы повторить то, что уже сделали с Амелией... они все умрут. От моей руки.

Он снова мигнул, показывая, что да, откажется от всех своих притязаний, выплатит и вообще будет обходить ее земли десятой дорогой. Я убрал лезвие от его горла только затем, чтобы резко ударить наотмашь назад. Клинок тряхнуло, за спиной послышался короткий всхлип. Жаль, по полу не покатилась отрубленная голова, это бы впечатлило больше, но и заваливающийся наизнечь здоровенный охранник с перерезанным горлом... неплохо.

Охранник, который меня вел, прижимая нож к боку, стоит на коленях, на морде громадный кровоподтек, а глаза с ужасом смотрят на рухнувшего напарника.

— Я не люблю убивать, — сказал я люто. — Вот такой я гуманист страный... но если родина скажет — здесь будет как после нейтронной бомбы...

Улыбнулся им так ласково, что Бриклайт явно пустил под себя лужу, а единственный уцелевший из его псов отшатнулся к стене, его затрясло так, что задвигались камни.

Я вышел, отшвырнув залитый липкой кровью меч и плотно закрыв за собой дверь.

В коридоре появились двое слуг, я сделал зверское лицо и затопал ногами. Они мигом исчезли, я тут же надел личину исчезника.

Снизу взбежали, гремя оружием и громко топая, охранники, остановились с тупыми мордами, в глазах изум-

ление: никто не может пробежать коридор так быстро. Значит, им наврали, надо вернуться и начистить хари...

Если вернусь той же дорогой, мне будет очень худо, несмотря на все мои возможности и умения. Даже если чувствую себя слоном, но сотня мышей загрызут и слона. Тем более когда мыши дома и заранее настроили ловушек на все случаи жизни.

Стена засветилась красным, я бросился плашмя, над головой метнулось незримое пламя. На пол упал крохотный комочек и сразу рассыпался пеплом: залетевшая стрекоза или бабочка. Я пробежал по коридору, как лютый тигр, то есть на четвереньках, осторожно привстал, щупая взглядом пол, стены и потолок.

За спиной затопало, я торопливо вжался в стену. Тяжело хекая, вбежали, выпучивая глаза и сжимая в руках оружие, двое стражей. Один должен был задеть меня, я распластался по стене, как медуза, втянул живот и задержал дыхание. Оба пробежали мимо, обдав тяжелыми запахами чеснока и пота, я тут же отклеился и заспешил за ними.

Ловушки отключались на некоторое время, я успел проскочить за охранниками почти до выхода. Там остановились и вертели головами. В холле крик, народ мечется, сшибая один другого с ног.

Охранник прокричал, раздував щеки, как глубоководный еж:

— Кто-нибудь высакивал?

— Никого! — заверило сразу несколько голосов. —

Там же Курчар и Черный, они рази кого выпустят?

— Дык куды ж он делси?

— Не знаем...

Один повернулся к напарнику:

— Беги доложи его милости, что здесь никто не проходил. Он где-то склонился в доме.

Охранник пробормотал:

— И зачем такой огромный дом отгрохали...

Но повернулся и послушно бросился наверх по лест-

нице. Я прокрался к самой двери. Можно распахнуть и выбежать на улицу, там я в безопасности... в сравнительной безопасности, но выдам свое умение исчезнику, торопливо искал пути выхода, и тут, к счастью, появился третий колдун с двумя помощниками. Оба несут широкий стол, у колдуна в руках широкая чаша.

Дверь перед ними распахнули, я тут же шмыгнул первым и моментально прижался к стене. Колдун забеспокоился, взгляд его прикипел к ступенькам, будто ожидал увидеть меня там, сказал резко:

— Все, довольно!

Стол опустили сразу же за дверью, солнце заиграло на блестящих боках чаши. Колдун опустил ее на столешницу и торопливо забормотал заклятие. От чаши пахнуло холодом, что нарастал с каждым мгновением. Я отлепился от стены и, прячась за спинами высывавшей челяди и стражей, торопливо спрыгнул с крыльца, бросился со всех ног прочь.

Дважды волна холода догоняла, а когда я наконец свернулся за угол, тревожность отхлынула, будто ее сдуло свежим ветром. Я остановился, перевел дыхание, тошнота подкатывает с такой мощью, что едва успел выскользнуть из личины исчезнику. Желудок сделал попытку блевануть, я замычал, и редкие прохожие начали огибать перебравшего благородного, даже не задумываясь, откуда же взялся, если только что там никого не было.

Я виновато улыбался, бледный и осунувшийся, некоторое время даже сохранял походку пьяного, затем свистнул, дождался Зайчика.

Часть 3

Глава 1

На улицах повсюду радостное оживление, дважды я проехал наискось через настоящий карнавал. Меня пытались стащить с седла: мужчины совали в руки бурдюк с вином, а женщины игриво улыбались и словно невзначай приспускали платья с плеч.

Я поймал себя на мысли, что ни в одном городе не видел столько смеющихся лиц. Даже на улочке, где в ряд лавки с товаром и торг идет ожесточенно, но весело...

Стражи в воротах отгороженного квартала окинули меня внимательными взглядами, переглянулись, но ничего не сказали, а я повернул коня к сиротливо возвышающейся церкви. Каменному воплощению той Церкви, что разрушила старый античный мир и породила вот этот, так называемый феодальный.

С победной поступью христианства на смену мертвей кастовости античного мира пришло новое деление — сословность. Я вот — сословие защищающее, духовенство отвечает за людей перед Богом, а крестьяне и ремесленники производят материальные блага.

Все нужны и необходимы, как и мы, рыцари. Мы принимаем первый удар врага, выносим всю тяжесть войны, а так называемые простые воины — это вспомогательные войска. Народное ополчение из тех, кого мы обязаны защищать, во-

обще собирается раз в сто лет. Да и то зачастую расходятся по домам прежде, чем начинаются решительные действия.

Но, уравняв всех перед Богом, христианство открыло двери перманентной революции в истории человечества. Это только самому человеку кажется, что ничего не происходит и все повторяется, однако так было только до прихода христианства, и прав был Экклезиаст с его: «Дуют ветры и возвращаются на круги своя, все повторяется, ничто не ново под луной».

Родившись в застывшем античном мире, христианство взломало его несокрушимую твердыню, простоявшую тысячи лет, и сейчас незримо преобразовывает и этот мир, так называемый феодальный. Кому-кому, а мне видно, что это за город и почему такие вот города и хоронят блестящее и великолепное рыцарство...

Христианство уравняло все народы, так как все равны перед Богом. Господь со своей высоты не видит разницы между королем и самым последним нищим, он замечает только души, а они у всех светятся драгоценными камешками. И потому путь наверх в христианском обществе открыт даже самым-самым простым, хотя, конечно, это непросто, очень непросто... Но когда это было просто? Что-то олигархи тусуются в своем кругу, а миллиардеры женятся на домработницах только в кино...

Но путь все же открыт, потому люди из «простого народа» то и дело становятся кардиналами, министрами, управляющими областями, а родовитая аристократия вынуждена скрипеть зубами и подчиняться. Возрастает мощь торговцев, ремесленники объединяются, создают цеха, сообща отстаивают свои интересы.

И вот уже город, который раньше был лишь пристройкой к могучему и гордому рыцарскому замку, обретает мощь, начинает управляться сам, и в конце концов сюзерен земли теряет над ним контроль, а то и власть...

Этот город выглядит мирным, но только выглядит. Выборные старшины цехов постоянно совещаются, как

еще больше добиться самостоятельности, как еще дальше отстраниться от прямого подчинения сюзерену, как еще больше ограничить его «непомерную» власть, от которой на самом деле уже ничего не осталось...

Отец Шкред, заслышав стук копыт моего коня, торопливо вышел навстречу, прищурился от яркого солнца. Седые волосы торчат, как у ежика иголки, образуя нечто вроде нимба.

— Здравствуйте, патер, — сказал я и соскочил с коня.

— Здравствуй, сын мой. Что, опять душа уязвлена стала?

— Опять, — согласился я сокрушенно. — Нравится мне город, святой отец. Очень нравится! Но что-то в нем слишком уж не так идет...

Он горько усмехнулся, руки воздел в жесте скорби:

— Вы только теперь начинаете замечать?

— Я не считаю, — запротестовал я, — что город — блудница вавилонская, что его надо как Содом, Гоморру и Хирошиму, а потом ввести миротворческие силы, но вот кое-что я бы подправил, кое-что подчистил бы...

— Что?

Я подумал, сказал первое, пришедшее в голову:

— Я согласен, что на этом этапе церковь нужна и необходима. Она пока что единственный пылающий факел, что освещает темный мир. Но почему здесь народ предпочитает тень?.. Ну, понятно, мы все предпочитаем тень, но все же, превозмогая себя, встаем с рассветом, чистим зубы, улыбаемся, хоть и тошно, учимся и работаем, не плюем на чистые стены, даже когда никто не видит...

Он вздрогнул, перекрестился:

— Сын мой, половину твоих слов не понимаю, но смысл, кажется, улавливаю с Божьей помощью.

— Я хочу сказать, — пояснил я, — почему горожане обходят церковь? Или уже сообразили насчет опиума для народа? Или «простого народа», как любят щеголять мудрые? Церковь — это же не только для обманывания

масс — это и очень удачное архитектурное излишество. В каждом городе в первую очередь осматриваешь церковь. По церкви, так сказать, судишь о самом городе. Ну кто бы знал о Кельне, если бы не Кельнский собор? И собор Парижской Богоматери... и храм Василия Блаженного знают больше, чем города, которые наростили вокруг. И египетские пирамиды... гм, вы не пробовали возвзять к религиозным чуйствам простого народа? Простой, он на то и простой...

Он покачал головой:

- Сын мой, в твоих словах слышу издевку.
- Отче!
- Не перебивай, это невежливо.
- Молчу. Молчу.
- Но в то же время ты как будто в самом деле... опечален бедственным положением церкви?

— Не опечален, — ответил я честно. — Это было бы слишком сильно сказано. Мне всю жизнь не нравилась церковь и всякие там попы. Как не нравились воспитатели в детском саду, учителя в школе, вообще всякие правила и ограничения. Я хотел быть свободным, хотел ходить по улице с немытыми ушами, а потом и с расстегнутой ширинкой. А церковь постоянно гундела над ухом, что это нехорошо... Сейчас я вот согласен, что это нехорошо, и потому хотел бы, чтобы церковь и дальше гундела о светлом и чистом... правда, другим.

Он развел руками:

— Как видишь, некому. Мне пришлось распуститься всех, кто помогал вести службу. Теперь я один. И скорблю всем сердцем.

— Примите мои соболезнования, — буркнул я.

Он взглянул на меня проникновенно, голос как у школьной учительницы, сказал ласково:

- Зайди, сын мой... Исповедуйся, облегчи душу.
- Да не облегчится, — буркнул я.
- Ты сомневаешься в милости Божьей? — спросил священник с укором.

— Нисколько, — заверил я. — Но я считаю, уж прости, святой отец, что церковь должна быть не из камня, а из ребер. Это не значит, конечно, что эти величественные сооружения мне совсем не нравятся. Совсем наоборот...

Он помедлил, кивнул:

— В твоих словах есть резон, сын мой. Но очень немногие могут держать такую церковь. В смысле, внутри себя. Если тебе удается, то... честь тебе и хвала. Но остальные люди... они просто люди. Им нужно куда-то приходить, чтобы находить слова поддержки и одобрения. Как и осуждения за дурные поступки. Но главное — прощение, ибо Господь милостив. В церкви люди поддерживают друг друга.

— Ну да, — согласился я. — Это как в клубах анонимных алкоголиков. Кто бросил пить или курить, держатся вместе, так им легче. Наверное, и мне было бы легче... Мне кажется, святой отец, что не я, а вы должны исповедоваться. Как докатились до жизни такой?

Он дернулся, затем опомнился и уставиля в меня, словно страшился узреть самого посланца не то Бога, не то Сатаны.

— Что ты имеешь в виду... сын мой?

Это «сын мой» он произнес с заметным усилием. Я повел взглядом по сторонам:

— Город, святой отец, велик, а церковь пуста. Я, честно говоря, не ликую, когда толпы прикурков прут в церковь, но и когда совсем в нее не ходят — тоже переби. Лучше всего золотая середина, как и в женщине с длинными ногами...

Он непонимающие хлопал глазами, а я смотрел на него с тоской, чувствуя разочарование и злость. Но если честно, это у меня самого завышенные требования. Ну где взять сто тысяч умнейших людей среди поголовного стада дураков? Да еще суметь их всех сделать священниками, ведь даже из умных многие стремятся стать короля-

ми, герцогами, алхимиками, путешественниками, поэтами...

Так что имеем то, что имеем. Хорошо уже то, что человек хороший. А мог бы оказаться вообще каким-нибудь педофилом. Или даже демократом.

— Спасибо, отец Шкред, — сказал я и вскочил на коня.

Священник перекрестил меня, в глазах глубокое сожаление.

— Приходи, сын мой. Жаль, что ничего не смог тебе дать.

— Уже дали, — заверил я.

Копыта звонко застучали по брускатке. Зайчик несет легко и красиво, мускулы играют под тонкой кожей. Я вспомнил огорченное лицо отца Шкреда, мелькнула неожиданная мысль, что он в самом деле что-то дал.

Иначе чего бы я сворачивал к церкви?

Глава 2

Сэр Торкилстон встретил на крыльце, в руке меч, сам в доспехах, лицо злое, изготовленся к жестокой схватке со всем миром. Я успокаивающе помахал рукой.

— Все в порядке!

Он спросил хмуро:

— Что?

— Поговорил с Бриклайтом, — объяснил я. — Мне кажется, если он в самом деле разумный и деловой, то поймет соотношение сил и отступится.

Он покачал головой:

— Шутите?

— А что остается? — ответил я.

— В самом деле, — проговорил он зло, — разве он не видит, что за ним всего лишь город, а нас аж двое, не считая собаки?

— Соотношение в нашу пользу, — подтвердил я, — это видно с первого взгляда. Кстати, не могу поверить,

что весь город так уж радостно забросил благородную работу кузнецов или кожевников, чтобы пойти в вышибалы...

Он скривился.

— Лучше поверить. Это уговорить поработать трудно, а отдохнуть — только намекни.

— Слаб человек, — сказал я словами отца Шкреда. — А что у вас, были трудности?

Он сказал зло:

— И сейчас есть.

— Что-то с Амелией?

— С нею все в порядке, — ответил он. — Пришла соседка, напоила травами, уложила. Сейчас спит, даже хорошие сны видит. Так сказала та женщина. Когда ее травы, то сны всегда хорошие. И раны заживают быстрее. Но не все в порядке здесь... Словом, пока я обходил все комнаты и запирал на всякий случай, какие-то сволочи пробрались в конюшню и увеличили всех коней. Только моего не тронули. Да и то потому лишь, что был привязан у самого крыльца.

Я задержал дыхание. Возможно, Бриклайт просто не успел отозвать своих псов. В любом случае надо что-то сделать, чтобы вернуть украденное.

Я слез, дал облизать себя Псу, погладил, почесал, сказал убеждающее:

— Сам понимаю, что сейчас бы ты как никогда пригодился!.. Но нельзя оставлять ту бедную женщину и ее детей без охраны. Ты понял?

Он завертел хвостом, объясняя, что ничего не понял и что хочет пойти со мной. Я вздохнул:

— Я скоро вернусь. И потом поедем далеко-далеко за море. И не будем расставаться.

Он посмотрел с укором, мол, эту сказочку слышу давно, вздохнул и сел на задницу. Сэр Торкилстон криво усмехнулся:

— Обожает... Я еду с вами?

— Да.

— Полагаете, что это не люди Бриклайта?

— Надеюсь, — ответил я. — Честно говоря, я рассчитываю на здравый смысл Бриклайта. Все-таки он не мальчишка, должен избегать неприятностей. Он уже увидел мою силу, увидел, что я могу справиться и с колдуном... На его месте любой бы отступил. Он все может получить за деньги, зачем действовать так грубо?

— С колдуном? — переспросил он.

— Да.

Я коротко пересказал, сэр Торкилстон поглядывал на меня с уважением, наконец проговорил задумчиво:

— Схватку в его доме они сохранят в тайне. Не в его интересах так уж приоткрывать свои секреты и звать городскую охрану. Или даже милицию.

Я спросил с недоумением:

— А есть разница?

Он покачал головой, в глазах сочувствие, смешанное с восторгом по поводу такой дурости.

— Дивлюсь вам, сэр Ричард. Вы совершенно ничего не знаете, а с ходу ввязались в драку! Городская охрана — это... городская охрана. А вот для защиты городского совета от аристократов пришлось создать особую охрану из горожан. Милицию. В нее набрали самых лучших, самых сильных, их вооружили намного лучше, им платят больше.

Я спросил с недоумением:

— Но стычки с аристократами вроде бы прекратились, даже особенно и не начавшись?

Он ухмыльнулся:

— Верно. Но милиция из сорока человек увеличилась до четырехсот.

— Зачем?

— Понятия не имею.

Я отмахнулся:

— Да черт с нею, милицией. Мне главное, чтобы Бриклайт отступил.

— А что вас заставляет думать, что он отступится?

— Опыт, — ответил я. Пояснил, видя его недоумение.

ние: — В моем королевстве, откуда я прибыл, все, что можно получить за деньги, получают только за деньги. Угрозами, шантажом или грубой силой действует только мелкое отребье. А Бриклайт — уже не мелкое...

Он морщил лоб, хмыкал, сказал с недоверием:

— Не знаю, что у вас за порядки там, в вашем королевстве, но здесь всяк берет силой то, что может взять силой. И Бриклайт возьмет. Несмотря на его возраст.

Я вздохнул:

— Да-да, эпоха первоначального накопления капитала. Звериный оскал и все такое, еще не облагороженное университетскими дипломами...

Зайчик шел щадящим галопом, все-таки сэр Торкилстон на простом коне, а Зайчик уже привык принаравливаться к этим медленным и слабым существам. Он шел по следу так точно, что я заподозрил, что видит в диапазоне запахов ничуть не хуже меня, а то и лучше. К тому же его, похоже, не мутит от конфликта восприятий.

Я рискнул отключиться, сразу ощутил себя легче, тошнота ушла, а звон в ушах стих. Мы быстро поднялись к холмам, чуть попетляли, затем я уловил, что наши украденные кони где-то близко. А раз так, то близко и воры.

Сэр Торкилстон бросил ладонь на рукоять меча, когда я соскочил на землю. Его конь уже роняет пену от бешеной скачки, бока ходят ходуном, и, когда всадник слез, вздохнул с великим облегчением.

— Кони пусть подождут, — сказал я.

— Даже не привяжем?

— Моего привязывать не надо, — заверил я.

Он вздохнул:

— Что-то мне подсказывает, что вашего коня, сэр Ричард, можно даже с собой взять. Где надо — ляжет и поползет, прячась за каждым кустиком... А из лука он стрелять может?

— Еще не проверял, — признался я. — Хотя идея вообще-то заманчивая.

Он вздохнул:

— Я пошутил.
— В каждой шутке есть доля шутки, — заверил я. — Я своего коня еще не знаю... как следует.

— Как он вам достался?
— Прежнего хозяина отправил обратно.
Он переспросил с недоумением:

— Это куда?
— В ад, откуда и вылез. Пойдемте, сэр Торкилстон.

Ветер дует в нашу сторону, волна знакомого конского запаха стала ощущимее. Я шел, пригибаясь за кустами, на минутку призвал в помощь запаховое зрение, и почти сразу увидел конокрадов в сотне шагов на поляне, окруженней высокими деревьями и густыми зарослями. Пятеро сидят у костра, огонь за густыми ветвями не разглядеть уже с двадцати шагов...

Я сделал сэру Торкилстону знак следовать за мной, но в двух шагах слева, сам прокрался как можно тише за кустами, а когда мы одновременно вышли, все пятеро конокрадов опешили, вскочили на ноги. Как и показались мне еще из леса, материые, крепкие, тертые, в кожаных одеждах прямо на голом теле, у всех нечесаные головы и двухдневная щетина на щеках, а один и вовсе с кудластой черной бородой, какими привыкли представлять разбойников.

— Спасибо, — сказал я, — что подождали.

Они переглянулись, затем все разом посмотрели на чернобородого. Тот стоит в свободной и даже чуть расслабленной позе, что может мгновенно смениться. Настолько быстро, судя по его жилистой фигуре, что глазом не успеешь мигнуть, как нож окажется у твоего горла.

— А в чем дело? — спросил он.

— Это наши кони, — сказал я. — И мы забираем их обратно. Вам же посоветовал бы уносить ноги.

Он холодно улыбнулся:

— Вот как?
— Да, — сказал я. — Вот так.

Он смотрел на меня с изумлением.

- Нас пятеро. Ты не заметил? А вас двое.
- Нас не двое, — возразил я, — а вас не пятеро.
- Что это значит?
- Это значит, что есть ты и я. Остальные просто посмотрят.

Он запнулся на миг, я видел по лицам воров, что им мои слова понравились. В вожака верят, но сами предпочтут обходиться без драки... когда удастся.

Его глаза сверлили меня злым взглядом.

— Кто ты?

— Тот, кем тебе не стать, — ответил я.

Он оскалил зубы, пальцы правой руки начали подрагивать, медленно приближаясь к ножу за поясом.

— Это оскорбление, парень...

— Констатация, — сказал я и подумал, что я моло-дец, без запинки выговорил такое длинное и явно непонятное для них слово. — Констатация.

— Что?

— Что слышал, — ответил я, не сводя с него взгляда.

Он сверлил меня черными разбойничими глазищами, а я сказал негромко: — Сэр Торкилстон, заберите коней.

— Что? — прорычал чернобородый. — Гардер...

Один из бандитов шагнул, загораживая дорогу Торкилстону, а чернобородый выхватил нож и прыгнул на меня. Мои чувства уже обострены, и все-таки едва не застал врасплох, двигаясь с нечеловеческой скоростью. Я успел отшатнуться, лезвие полоснуло меня по предплечью, в то же время я выхватил свой меч и коротко ткнул им перед собой.

Клинок вошел мягко, без привычного скрипа о же-лезо доспехов, лишь хрустнули какие-то суставы. Я сделал шаг назад, выдергивая меч. Бородач смотрел на меня остановившимися глазами. Изо рта хлынула кровь, он захрипел и упал лицом вниз.

Сэр Торкилстон проговорил с холодным презрением:

— Это и был тот самый Блыскавец, о котором ходили легенды?

Один из разбойников пробормотал:

— Он...

— Не такой уж он и страшный, оказывается...

— Уже никого не напугает, — согласился я. Взглянул на остальных. — У вас есть возражения?

— Нет-нет, — вскрикнул один из них, — это был плохой человек, ваша милость!

— Плохие должны сидеть дома, — сообщил я. — Ставни нужно закрыть. Никто их плохизма не увидит.

Сэр Торкилстон забрал коней, мы отправились в обратный путь. По дороге поглядывал на меня с удивлением, сказал негромко:

— Сэр Ричард, а вы непростой человек...

— Все мы уникальны, — сообщил я другую истину. — ДНК разные, а вот только ведем себя почему-то одинаково.

— Непростой, — повторил Торкилстон с удовольствием, словно часть моей непростоты падает и на него. — Он не только оставался самым быстрым... Говорят, на нем было заклятие, что никто его в нашем мире не одолеет...

— Враки, — сказал я. — Или же было сказано, что никто из этого мира его не одолеет.

Он удивился:

— А есть разница?

— Есть, — ответил я.

Он замолчал и всю обратную дорогу посматривал на меня с испугом и боязливым почтением.

Вскоре копыта застучали звонче по вымощенной булыжником мостовой, пятеро дикарщиков стоят на коленях и укладывают в земле грубо отесанные камни, впереди работники заботливо складывают пирамидки из булыжников, а еще две подводы с горками камней терпеливо ждут, когда разгрузят.

— А все-таки о городе заботится, — сказал Торкилстон с хмурым одобрением.

— Дороги?

— Три года тому, — сообщил он, — даже в центре города были помойные ямы! И ни одной мощеной улицы. А теперь и окраинные мостит...

— А что вы знаете о священнике? — ответил я невпопад, откликаясь на свои невеселые мысли. — Он здесь на месте?

Торкилстон так удивился, что даже пошатнулся, будто под сильный ударом ветра.

— Священник?.. Честно говоря, у меня все как-то не находилось времени заглянуть в церковь. Видел как-то, когда проезжал мимо...

— В кабак?

Он ухмыльнулся:

— Да уж и не помню, в кабак или... гм... Когда возвращаешься из трудного похода, ну кто пойдет в церковь? Сперва, конечно, в другие места. А потом уже снова труба зовет, не до церкви... А что случилось? Кому нужна церковь в этом городе? Здесь же свобода. Только здесь удалось настолько ослабить церковь, что она больше не указывает, как жить.

Я вздохнул:

— Указывать-то она указывает...

— ...но ее никто не слушает, — закончил Торкилстон со смешком. — Знаете ли, это же проблема выбора: подчиняться или не подчиняться! Когда можно выбирать, любой предпочтет неподчинение, что и есть подлинная свобода.

Я помалкивал, это мне все понятно и знакомо. Более того, я со всем этим целиком и полностью согласен. Настолько целиком и полностью, что даже назвать себя говном язык не поворачивается.

Глава 3

Амелия встретила нас со слезами на глазах, Торкилстон въехал во двор, гордо подбоченившись и покрутивая ус, дети боязливо толпились на крыльце, а Пес едва не сошел с ума, пытаясь запрыгнуть на Зайчика и усесться со мной рядом.

Я соскочил на землю, дал облизать и понапрыгивать на себя. Ганс и Фриц наконец решились сбежать во двор и повели в конюшню найденных коней.

Я шлепнул Зайчика по крупу.

— Иди в стойло, зверюга. И ничего там не ломай!

Сэр Торкилстон спросил с беспокойством:

— Вы что-то задумали?

— Вернусь в город, — признался я. — Хочу поговорить со священником. Мне все-таки кажется, с его помощью что-то сделать можно. Да и вообще... Кто, как не он, должен быть светочем?

— Да какой из него светоч? — удивился Торкилстон. — Рядовой деревенский попик!

— То-то и оно, — сказал я с неохотой, — но должен же он хоть как-то ловить мышей...

— Мышей?

— Ну да, — объяснил я, — вот взять сто молодых дворян, что весело и беспечно проводят время в пьянях, утехах и потехах... Но так убивают время только девяносто пять из них! Двое потихоньку, чтобы не вызывать насмешек, уходят на задний двор и там до потери сознания рубят и колят чучело, еще трое ускользают из-за накрытого стола, после которого надо идти к девкам, ускользают и пробираются в библиотеку...

Он смотрел непонимающе. Я вздохнул, развел руками:

— Пройдут годы, и те трое, что отказались от пьянки и баб ради книг, станут кардиналами, верховными канцлерами, а те, что до потери пульса рубились с чучелами, — грозными победителями турниров, полководцами... Я хочу сказать, что и в этом городе должны быть

люди, что не поддались этому разгулу. А если и поддались, то ненадолго.

Он хмыкнул саркастически:

— Еще бы! Даже я такого знаю.

— Кто? — спросил я.

— Бриклайт, — ответил он с некоторым злорадством.

Я кивнул:

— Он в свои бордели не заходит?

— Во всяком случае, не погрязает. Ему нравится, как вы говорите, сэр Ричард, создавать это вот все, что вы так грубо зовете борделем. А также руководить всем этим. А в этом случае, как догадываюсь, у самого не слишком много времени для пьянок. И по женским постелям он не прыгает, у него есть и поинтереснее дела...

Я помылся и сменил порванную одежду, вот бы еще ее научить регенерировать, Амелия настояла, чтобы я плотно пообедал, Торкилстон поддержал: с сытым желудком сам черт не страшен. От вина я отказался, Пес смотрел с ожиданием, но я пояснил, что такую гадость пьют только люди за их грехи, а звери — невинные души.

— Я скоро, — крикнул я на прощанье, — не обижайте мою собачку.

Во дворе свежо, пахнет зеленью, но едва вышел из сада, как повеяло сухим жаром от накаленных за день каменных зданий и даже булыжных мостовых, в городе ни единого деревца, зато в спину подталкивает прохладное дыхание океана. Я постепенно погружался в каменную деревню, называемую городом, и представлял, как над этими одноэтажными домиками появятся еще по десять-двадцать этажей, а то и по сорок, вот тогда и будут настоящие каменные джунгли, а сейчас это еще не джунгли, а городские звери еще не настоящие звери.

Отец Шкред прост, как я успел убедиться, не очень умен, но в самом деле чист и до неприличия светел. Всегда духовный отец должен быть сведущим как никто и в мирских делах, ведь именно ему исповедуются даже са-

мые закоренелые преступники, так что не зря лучшим сыщиком всех времен и народов является патер Браун, заткнувший за пояс всех простецких холмсов, нировуль-вов и майоровпрониных.

Возможно, отец Шкред потому и чист, что занимается лишь духовными делами, а горожане ему мирскими заботами не докучают.

Холод накатил предостерегающей волной, я сразу ощетинился, изготовясь защищаться. Народ развлекается, запасается продуктами в лавках, торгуется из-за вешей, спорит и ругается, на меня внимания почти не обращают, но я замечал, как кто-то, присмотревшись, ахал и толкал соседа в бок.

И тогда и другие начинали присматриваться, ага, это же тот, о котором говорят, что будто бы это он... то-то и то-то, а еще и это... Наверное, и в прошлом году это он приезжал, убил и ограбил сто человек...

Я шел, весь напруженный, помня еще и об Адальберте, глазами держал всех справа и слева, прислушивался к шагам за спиной, но там тихо, а вот впереди...

Загораживая дорогу, с камня поднялся огромный человек в кожаном переднике кузнеца, размерами похожий на огра. Широкий в кости настолько, что кажется каменным великаном, на которого натянули кожу. Для глаз на каменной глыбе лица остались крохотные щели, там блестит нечто вроде скола антрацита.

За ним торопливо поднимаются еще мужчины, лица недобрые. Великан проревел:

— Эй... чужак!.. Ты чего пришел мутить наш город?

— Я вам оранжевую революцию принес, — ответил я нагло, все равно драки не миновать, этот ничего не услышит, ему нужен только разогрев перед схваткой. — Должны быть благодарны, рабы.

— Чего? — проревел он озадаченно.

— Что слышал, дурак, — ответил я хладнокровно, хотя сердце взвинтило темп и гонит кровь по телу горячи-

ми волнами. — А теперь брысь с дороги, пока не согнал пинком...

Я выше, зато он шире, а работа кузнеца вытопила жир, оставив только сухие мышцы на толстых, как у медведя, костях. Тяжелые плечи на пару ладоней шире, грудь размером с трактирную дверь, и когда он подступил ко мне, почудилось, что приближается каменный хребет.

Он рычал, нагоняя в себя злость, кулаки его сжались до хруста. Я нагло улыбался, народ вокруг вопит, орет, все подбадривают его, нечасто увидишь, когда простолюдин получает возможность подраться на равных с благородным, да не просто подраться, но и сокрушить, вбить в землю, размазать, переломать все кости.

Он прохрипел:

— Ну, держись! Здесь тебе доспехи не помогут!

— Господь поможет, — ответил я и перекрестился как можно благочестивее. — Он наша единственная защита и опора.

Кузнец с рычанием ринулся вперед, кулаки его заработали, как стенобитные тараны. Я отступал, удары принимал на плечи и локти, а от самых тяжелых уворачивался. Мой первый же удар разбил ему нос. Кровь хлынула из ноздрей быстрыми горячими струйками, залита грудь. Он разъярился, ринулся сломя голову.

Плечи ныли, словно по ним бьют бейсбольными битами. Он старался сойтись в ближнем бою, с его короткими толстыми руками будет явное преимущество. Я отпрыгивал и все время бил в лицо встречными.

Снова хрустнул нос, на этот раз кровь брызнула во все стороны. Он зарычал, в глазах ярость и жажда убить немедленно. Я снова отпрыгнул и ударил сильно и жестко в челюсть. Не попал, он успел наклонить голову. Пальцы ожгло острой болью, не иначе как сломал палец.... Тут же боль утихла, я остался на месте и выдерживал атаку, останавливая напор длинными ударами в лицо.

Тело его казалось крепким, как дерево, кулаки всякий раз после удачного удара болезненно ныли. Он ладонью смахнул кровь, заливающую глаза из рассеченных надбровных дуг, ненависть полыхает в узких, как щели дота, глазницах. Щеки рассечены так, что выступают окровавленные кости, на месте носа торчат обломки тонких, как лапы воробья, залитых кровью хрящей, вместо губ — размочаленные тряпки багрового цвета.

Промахнувшись, он сильно завалился вперед, я быстро перехватил его за руку и помог рухнуть лицом на бульжный тротуар. В толпе ахнули, когда он грязнулся, как подкошенный бык, но сумел вскочить быстро.

Рубашка лопнула и начала сползать, мешая движениям. Он с рычанием сорвал ее, обнажив валуны плеч и чудовищно мощную грудь, ринулся, как горная лавина. Я снова отпрыгнул, ударил в лицо, что уже превратилось в кровавую маску, снова ударил, стараясь сделать его таким, чтобы долго не мог показаться на улице.

Кузнец бил люто, каждый удар сотрясал меня, тело стонало и жаловалось, боль пронзала при каждом ударе. Я сцепил зубы и наконец перестал отпрыгивать, только до предела взвинтил темп, встречал его сильными ударами не давая приблизиться вплотную. Кулаки мои с чмоканьем били размочаленное кровавое месиво, брызги разлетались веером. Хрустнуло еще и еще, кузнец захрипел и выплюнул кровь с белыми комочками зубов.

— Не хватит ли... — прохрипел я.

Он прыгнул, я не устоял, мы повалились, он ухватил меня и начал бить головой о тротуар. Невероятным усилием я вывернулся, отскочил чуть ли не на четвереньках, роняя достоинство, а когда поднялся, кузнец уже на ногах, страшный, залитый кровью.

Он бросился на меня, как огромный разъяренный бык, и тут я ощутил, как с меня слезла шкура образованного человека. Я зарычал и встретил его прямым правым. Он содрогнулся всем телом, я бил снова и снова, его тряслось, как дерево в ураган, но упрямо отказывался

упасть и сдаться, поднимал руки для защиты. Хрустнуло под моими кулаками снова, на этот раз челюсть, я ударил еще и еще, вкладывая всю силу, сделал шаг вперед, ударили снизу под подбородок.

Голова его запрокинулась, открывая незащищенное горло.

— Я мог бы тебя убить, дурака, — прохрипел я, — но кто тогда работать будет...

Колени его начали подгибаться, но я уже не стал удерживать рвущуюся из меня ярость, ударил сильно и страшно в кровавое месиво лица. Хрустнуло еще громче. Гигант рухнул навзничь и застыл, раскинув руки.

Я скжал и разжал кулаки, в толпе ошарашенное молчание. Их богатырь, кумир всего города, превратился в кусок окровавленного мяса. Его кровь натекла даже в сапоги, а я выгляжу достаточно свежим, чтобы драться с остальными.

Успех надо закреплять, я сказал громко:

— Будем считать, что на этом остолопе я только разогрелся. Есть кто покрепче?.. А то я только в азарт начинаю входить! Теперь бы убить кого... Есть желающие драться до смерти?

По рядам прокатилось испуганное бормотание. Народец начал пятиться, головы опускают, чтобы не встречаться со мной, как в джунглях с гориллой, взгляда май, вдруг да я сам захочу выбрать для драки. В задних рядах просто повернулись и убежали.

Через минуту остались только я, распростертый кузнец и двое парней явно не бойцовского вида. Испуганно глядя на меня, они кланялись и бормотали:

— Ваша милость, мы заберем его, а?.. Это наш... Мы унесем его, можно?

— Забирайте, — разрешил я. Порывшись в кармане, достал золотой и бросил на залитую кровью грудь. — Это ему на лечение. Новые зубы вряд ли вставят, так хоть хлеба ему помягче...

Глава 4

Церквушка выглядит еще заброшеннее, как будто после моего визита прошло лет двадцать. Но отец Шкред все так же на коленях перед аналоем, я услышал тихие слова молитвы, священник просит дать ему силы, ну а как же, щас даст, подставляй карман.

— Приветствую, отец Шкред, — сказал я, подходя ближе. — Хорошим делом занимаетесь: просите, просите, просите... Весь мир чего-то да просит у Господа. И хотят бы один подумал что-то дать!

Он с трудом поднялся, перекрестился, меня перекрестил, но я не вспыхнул адским огнем и не превратился в летучую мышь, дабы тут же улететь через дыру в своде.

— Крамольные слова, сын мой, — сказал он с испугом. — Господу ничего не нужно от людей!

— Ну да, — возразил я. — Стал бы он человека делать от нефига... Господь у нас — деловой господь, а не развлечушник. И человек — это некий инструмент познания мира. Он много труда и озарения вложил в человека, потому вправе ждать отдачи.

Он пугливо перекрестился, я видел его взгляд и почти читал как в раскрытой книге его смятенные мысли. Вот, мол, странный человек, говорит почти по-книжному, что значит либо жил в хорошей семье, либо вообще умеет читать и писать, что вообще-то благородным людям несвойственно, держится скромно, хоть и с достоинством, о церкви отзыается с похвалой, хотя забывает перекреститься, переступая ее порог, о вере христовой тоже обронил несколько добрых слов, но как-то странно, без почтительного страха. Даже о Боге говорит, как о необходимости стране иметь на троне короля, иначе, мол, пойдут распри.

Но куда он пойдет дальше, если сейчас допускает в мыслях, речах и даже делах столько такого, что несвойственно добром христианину?

— Святой отец, — сказал я терпеливо, — как большой знаток теологии, вроде бы помню, что у нас в Биб-

лии записано, что никто не даст нам освобождения: ни царь, ни бог и ни герой. Господь дал нам свободу выбора, так что добьемся мы освобождения своею собственной рукой. А если не добьемся, то он плюнет на такое творение, скажет: «...А я и лучше могу», и сделает. А нас обратит в прах, как не сумевших, не оправдавших...

Он перекрестился, вскрикнул шокированно:

— Сын мой, что ты глаголишь?

— Язычникам, — пояснил я, — было хорошо, у них — фатум! Рок. Все расписано заранее, как что будет и чем кончится. Потому жулье и продумало такую штуку, как пророчества, чтобы пытаться заглядывать в будущее и узнать, что же там тебе светит и кто победит на турнире в будущем году. Увы, эти предсказания годились только для дохристианских... нехристей. В христианстве фатума нет, человек свободен, потому он и лягушка эст. И нет никакой Книги Бытия, в которой записано все грядущее. Херня все это, даже Бог не знает, что будет. Ему самому интересно, чем все кончится.

Он сказал шокированно:

— Как это не знает? Сэр Ричард, что вы такое говорите? Господь всеведущ!

— В сравнении с нами, — уточнил я. — Для своей собаки я тоже бог. Господь дал нам часть своей души, своего «Я», потому мы, люди, в отличие от животных властны над своим будущим. Так что, святой отец, колитесь, что мне еще надо знать об этом городе. Вообще-то у меня типа чисто утилитарная миссия: защитить госпожу Амелию, но если попутно можно как-то ослабить иго Брик-лайтов, а то и вовсе сбросить — буду рад.

Он вздохнул, глаза доверчивые и напуганные, как у ребенка, подрагивающей рукой указал мне на дверь крохотной кабинки.

— Это что, — спросил я с непониманием, — исповедальня?

Он не ответил, вошел в соседнюю дверь. Я вздохнул, зашел, как он и указал, в помещение не просторнее телес-

фонной будки, сел на единственный стульчик. За тонкой решетчатой перегородкой, что закрывает собеседника полностью, чувствовалось, как отец Шкред с тяжелым вздохом опустился на сиденье. Я слышал его дыхание, вот он высыпался, а я, даже не включая второе зрение, видел, как утерся большим клетчатым, словно шотландский килт, платком, мелькнула монограмма, затем я услышал:

— Итак, сын мой, расскажи, что тебя тревожит, что смущает твою душу?

Я невольно усмехнулся, этот простой деревенский священник знает только накатанные дороги, в семинарии обучили этой процедуре, вот и уцепился за нее.

Я ответил вопросом на вопрос:

— Святой отец, если скажу такое, вы уверены, что сможете помочь? Мир велик и сложен! Вы знаете не все.

— Только Господь знает все, — ответил он, я видел, как он перекрестился. — С его помощью и попробуем найти ответы.

— Это хорошо, — ответил я слишком серьезно, — когда сам Господь помогает. Это неплохой помощник. А смущают мою душу такие вот мелочи: кто виноват и что делать? И еще один вечный: как обустроить... тыфу, ладно, хрен с нею, сама обустроится, как вообще обустроить, чтобы всем было хорошо? Это не слишком простые вопросы, святой отец? Может быть, спросить что-то посерьезнее?

За перегородкой раздался скорбный вздох.

— На простые вопросы труднее всего найти ответы. А на сложные... да, на них обычно ответы лежат на поверхности. Но и на простые, и на сложные отвечать легче, если не сам ишешь, а советуешься с теми, кто видел больше, знает больше.

— Это вы, святой отец?

Снова вздох, в голосе послышалась отеческая укоризна.

— Судя по твоему задиристому тону, сын мой, ты

еще во всеотвергающем возрасте. Это надо пережить... У одних он проходит быстро, это самые умные люди, у других затягивается на всю жизнь... эти люди, увы, не умнеют, не развиваются. Они могут быть очень хорошиими людьми...

— ...но хреновыми христианами, — закончил я. — Все-таки Господь за тех, кто созидает, а не отвергает и разрушает. Все отвергают только в детстве, это я знаю, святой отец. И что детство у некоторых придурков затягивается, тоже знаю: Их тогда обзывают зелеными, а то и вовсе демократами. Все-таки отвергателем жить проще, чем созидателем. Но ведь и Господь Бог, и сго противник — не стану упоминать его имени в церкви — созидатели?

Он сказал проникновенно:

— Сын мой, созидание созиданию рознь. Когда созидали плуг — это святое дело, а вот когда меч...

Я промолчал, что плуг тоже создал Сатана, не стоит влезать в пустые споры, мне нужен союзник, а не оппонент, зашел с другой стороны:

— Святой отец, как я уже сказал, я хочу защитить госпожу Амелию. Кроме того, меня смущает положение в городе. И запустение церкви в том числе. Хотя и город, и церковь, как вы понимаете, меня волнуют меньше, чем госпожа Амелия.

Я чувствовал, как он скорбно усмехнулся.

— Мне кажется, сын мой, что запустение церкви тебя уж никак не волнует. Удивляет, но не волнует. А что не нравится в городе?

— Падение нравов, — ответил я. — Приятно, конечно, что любую женщину в этом городе легко пощупать и задрать ей подол, какое счастье, что трусы еще не придумали!.. Но все-таки это, как я уже понимаю, аукнется падением производства чугуна и стали... Ну, хоть чугуна и стали еще нет в нужном объеме, но производство кнутов, хомутов и телег — тоже не должно падать. Я за это переживаю, как гражданин... э-э...человечества. Во всяком случае, должен переживать.

Я говорил это, сочиняя на ходу, а потом сообразил, что нечаянно угодил в точку. В самом деле, там, где только развлекаются — хрен работают. И старые запасы проедают, как у нас принято с Нового года до Старого. В это время производство стоит, страна ходит пьяная и счастливо блюет вчерашним оливье.

Он сказал грустно:

— Сын мой, ты преувеличиваешь. Не все женщины в этом городе встали на порочный путь. Есть и достойные...

— Святой отец, — возразил я, — если порочные женщины на глазах у непорочных сколачивают состояния, обирая пьяных матросов, то и у самых непорочных нравственные устои дадут трещину. Каждая подумает: вот сижу я, непорочная дура, никто меня не замечает, а вот та и своим телом пользуется себе на радость, и денег скопила, и замуж выйдет... пусть не здесь, так в другом городе, где ее не знают...

— Господь все замечает, — возразил священник. — И все получат по заслугам.

Я поморщился:

— Святой отец, загробной жизнью пусть распоряжается сеньор Бог, а вы, церковь, должны позаботиться о земной.

— О земной заботятся отцы города...

— Не-е-ет, святой отец, не увиливайте. Церковь заботится как раз о земной жизни. Скажем так: чтобы человек прожил достойно и откинул копыта хорошим человеком, после чего его поволокут не в ад, а в рай, где кущи... А город впадает, святой отец, впадает!

Он помолчал, я чувствовал, как он возится там, вздыхает, наконец сказал осторожно:

— Сын мой, это же исповедь... Ты собирался облегчить свою душу. Ко мне за этим и приходят.

— Святой отец, — ответил я с сожалением, — мою душу как раз это и смущает. Надо сказать, что мне такой город... город греха, если говорить точно, как раз нравит-

ся. Все мы любим грешить, чего ж тут врать? Это ж какая красота, когда можно оттянуться на каждом углу, везде выпить, пожрать мясного в постный день, поиметь ту женщину, потом эту, а затем вон ту... И никаких сложностей!

Из-за перегородки донеслось:

— Но что тебя смущает, сын мой, если тебе такая жизнь нравится?

— Да смущает, святым отец, что время — делу, а потехе — только час, а не наоборот! Здесь же одна потеха... Я слабый человек, святым отец. Мне только дай не работать, не учиться! Это ж счастье какое!.. Да только потом придется мыть «мерс»... гм... коня тому, кто вкалывал. Я ж говорю, это приятно, самому нравится потешаться, а не работать, но жизнь так устроена, подляя, что кто слишком много потешается, балдеет и оттягивается, потом моет и чистит коня тому, кто упорно работал, тружился и... э-э... повышал свой уровень. Ну там в церковь ходил и в универ, с лекций не убегал, а прилежно конспектировал... Словом, те соседние города, жители которых нам завидуют, будут расти и развиваться, а здесь все скниет... И хотя гнить будет долго, но все-таки придется жить на приятно гниющей помойке.

Я говорил медленно, с трудом подбирая слова, сам себе казался противным и занудным за такую скучную правильность, но у меня есть какой-то опыт, пусть не собственный, и я выкладывал это священнику. Он сидел притихший, как мышь, а когда я замолчал, он некоторое время еще ждал, но я молчал тоже, и он заговорил тихим нерешительным голосом:

— Я понимаю твоё смятение, сын мой, хотя такие слова дивно слышать от юноши такого возраста... Не всякие зрелые мужи это разумеют! Ты все сказал верно, но я бессилен в этом городе. В церковь почти никто не ходит, сейчас в моду, как я уже говорил, вошли черные месссы...

— Мадам Бриклайт? — вспомнил я.

— Не только...

— Насколько серьезно? Или так, мода? Эпатаж?

— И мода, — согласился он грустно. — Сейчас стало признаком хорошего тона плевать на церковь. Этим как бы выказывают свое свободолюбие и отвагу. Но кто-то всерьез пытается продать душу дьяволу, и продает, чтобы получить земные блага и успеть ими насладиться.

Я поинтересовался:

— А что, дьявол в самом деле может дать вечную жизнь и все блага?

— Так толкуют, — ответил он, — но это ложь. Дать вечную жизнь — это дать возможность ускользнуть от Страшного Суда, а такого даже дьявол не может. Срок человеческой жизни отмерен каждому Господом. Но люди сами укорачивают ее...

— Понятно, — сказал я. — Генетический код, гм... Все запрограммировано, а дьявол может всего лишь удлинить срок жизни в пределах заданного свыше. Понятно, святой отец. Но эти черные мессы пока оставим. Меня интересуют более практические вопросы.

— Говори, сын мой.

— Я не верю, что весь город вот так взял и погряз. На это потребуется тысяча лет, а сразу из мира чести и долга вот так перескочить... и не стыдиться — как-то слишком. Но можем зайти и с другого конца... Как на это веселье смотрят старшины цехов? Кожевников, шорников, оружейников, бронников, булочников... да вообще тех, кто производит материальные... уж простите за такое не бо-
гоугодное определение, ценности?

Он долго смотрел на меня сквозь решетку, я почти физически чувствовал его муки, наконец он проговорил тихо:

— Я дам тебе их адреса. Зайди, вам будет о чем поговорить.

— Благодарю, святой отец.

— Не благодари. Может быть, тебе лучше бы просто убраться из этого обреченного города.

Он вышел проводить меня до порога церкви, маленький и очень встревоженный человечек, часто и суетливо крестился, отгоняя мысли, возникающие при взгляде на меня, очень даже странного гостя.

Я быстро осмотрелся, прекогния молчит, близкой опасности нет, а далекую предсказывать, увы, даже древние маги не умели. Рядом прерывисто вздохнул священник, бледный, с застывшим лицом, на лбу и щеках багровые отблески, словно от догорающего костра. Я поднял голову, нервы встрепенулись. На черном небе за черную землю заходит исполинский диск солнца, захватив собой треть неба, багровый, жуткий, словно прошло семь миллиардов лет и Солнце уже выгорело, разбухло так, что уже поглотило Меркурий и даже Венеру.

Я старался напомнить себе, что солнце уже опустилось за горизонт, а это закат принял такую причудливую форму, но сознание отказывалось слушать разум, что он понимает, молокосос, когда глаза ясно показывают опускающееся за край земли исполинское светило, вон даже видны протуберанцы...

На затухающем не могут быть протуберанцы, сказал я себе трезво, и сразу же увидел, что это всего лишь так затейливо освещено небо, даже не само небо, хрен знает, что это вообще такое, каждый называет по-своему, а облака и всякая там водяная пыль, что завтра может сбратиться в грозовую тучу.

Я перевел дыхание, однако нервы еще подрагивают, организм получил слишком большую долю адреналина, а тот трансформировался в эндорфин.

Священник тоже взглянул на небо. Я спросил охрипшим голосом:

— Знамение, святой отец? Что оно значит?

Он взглянул с укором.

— Господь не посыпает знамений. Это все суеверия невежественных людей. Остатки язычества!

— Гм, — проговорил я с раскаянием, — крепко же

это язычество проросло в христианство... Спасибо, святой отец.

— Не за что, сын мой.

— А за адреса и явки?

Глава 5

Море черепичных крыш, блистающих в лучах заката, как раскаленные слитки железа, померкли, словно задутые нещадным ветром с севера. На город легла тьма, а над ним купол все бездоннее и таинственнее, звезды все ярче и острее.

Со стороны моря накатывают волны свежего воздуха, ненадолго вытесняя запахи вина, браги, блевотины, пережаренной на прогорклом масле рыбы.

Удалые и крайне непристойные песни со всех сторон, горожане наслаждаются свободой, как дети, что ускользнули от бдительного ока родителей и не попали под властную руку учителей и воспитателей. Двери и даже окна борделей распахнуты, оттуда крики и смех, дважды я видел в окнах, как выглядывают пьяные женщины, вымывшая свисает через подоконник, смеются и зазывают прохожих.

Но, кроме пьяни и шлюх, по улице время от времени проходят вполне благопристойные парочки, а песни порой звучат чистые, нежные, хватающие за душу. Я видел и тех, кто, перемахнув высокий забор, пел под высоким балконом, кто просто вышел на крыльце подышать ночным воздухом и не дрался и не матерился, видел и деловитую ночную стражу, что, абсолютно трезвая и суровая, проходит от перекрестка к перекрестку, охраняя мир и порядок.

В отдаленные районы города, как я понял, стража не заходит, особенно в порт, может, из опасений за свои шкуры, но, скорее всего, ей дан тайный приказ не очень усердствовать в тех местах. Гражданам надо дать отдушину, пусть в городе останутся свободные от власти зоны.

Порядочные люди туда не сунутся, но всякая рвань и совсем уж отчаянные авантюристы могут выплеснуть свою энергию в беспредельном беспределе...

В спине прощекотало, словно за шиворот попала крупная снежинка, растаяла и потекла, высыхая, вдоль хребта. Я невольно передернул плечами, но капля по дороге незаметно испарилась, оставив чувство даже не тревоги, а скорее прохлады.

Я втихую шарил взглядом по сторонам, стараясь ничем не выдать, что уловил сигнал испуганной нервной системы. Кто-то враждебный то ли следит сейчас за мной, то ли уже поднимает арбалет...

Я вроде бы случайно шагнул за торговую лавку, ощущение холода тут же исчезло. Значит, направление угадал, кто-то смотрит с той стороны... Уже что-то. Правда, лавка перекрывает не так уж и много, зато показала, что сзади пока что безопасно.

Держа ее как щит между собой и неведомым противником, я поспешно отступил, ввинтился в группу прохожих и, протолкавшись на ту сторону, быстро шмыгнул в переулок, пробежал немногими проходными дворами и уже спокойнее вышел на улицу.

Чувство опасности не то чтобы заснуло, но трепыхнулось совсем уж вяло и неуверенно. Мол, что-то нехорошее носится в воздухе, неприятности снуют по городу, как отвратительные крысы, носятся в воздухе подобно гадким воронам, но пока ни одна не избрала меня целью.

А вот и тот самый двухэтажный дом из серого камня, массивный и широкий, который обрисовал отец Шкред. На вывеске в виде бронзовой доски огромные тюки материи блестят благородной медью, это чтоб сразу видели, что за гильдия. Вывеска означает высокий статус заведения.

Подойдя ближе, рассмотрел и более мелкие изображения вроде парусных кораблей, крохотных фигурок в пышной одежде, что значит — тут вырабатывается раз-

личная ткань, от грубых парусов до тончайших шелков вельмож. Или не производится, а закупается где-то, для покупателя это уже неважно.

Я постучал в ворота, за спиной вроде бы зашелестело. Я рискнул задействовать запаховое зрение, ухватился за ручку двери, чтобы не упасть, если голова закружится слишком уж, в диком цветном мире проплыли желтые силуэты троих людей, разных и в то же время пахнущих очень одинаково...

За воротами послышалось грубое:

— Кто там?
— Гость, — ответил я.
— Гости ночами не ходят!

— Это покупатели не ходят, — возразил я, — а важные люди — только по ночам. Вдруг я крупный поставщик?

Засовы загремели, я вдвинулся в щель, едва в воротах приоткрылась дверца. Угрюмый страж тут же захлопнул, звякнули цепи, набрасываемые на крюки, лязгнули засовы.

Не зажигая факела, страж повел по вымощенной подогнанной брусчаткой дорожке. У дома встретил еще один, вооруженный до зубов.

И снова, не зажигая света, повели через боковую дверь в дом. Видимо, в самом деле я похож на контрабандного поставщика или же на отпетого пирата, что стремится поскорее сбыть награбленное.

Уже в третьей комнате зажгли свет. Просторное помещение, заставленное мебелью, два шкафа с книгами, массивный стол и два глубоких кресла. От шкафа с книгами в нашу сторону повернулся высокий худой человек... старику назвать язык не поворачивается, хотя явно стар, очень стар: волосы не просто белые, как пух, но и очень редкие, лицо испещрено глубокими морщинами. Однако глаза смотрят остро и живо, в них ум и проницательность, а высокая фигура сохранила осанку, что обычно не удается старикам, все они мелкие и сгорблены.

ные, а этот высок, в плечах широк, лицо все еще покрыто плотным загаром, четко выделяются три белых шрама на лбу и скуле, и один, сизый, на подбородке.

Я коротко и с достоинством поклонился:

— Сэр Ричард Длинные Руки. Проездом через город...

Старик кивнул:

— Мастер Пауэр. Покупаете или продаете?

— Предлагаю помочь, — ответил я.

Он всмотрелся внимательнее, поколебался, но кивком указал на кресло по эту сторону стола.

— Присядьте... и объясните. Я не совсем понял. Даже не уверен, что вы не ошиблись адресом.

Я опустился в кресло, похвалил себя за то, что не сел сам, как делают дворяне в присутствии простых ремесленников, это мне в строку, улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Когда весь город превращается в кабак и бордель, то как бы ни весело было в нем жить... какое-то время, но мы с вами знаем, что производство заглохнет.

Он переспросил:

— Что вы имеете в виду?

— Любое заглохнет, — пояснил я. — И производство тканей, и кож, и доспехов, и вообще всего. Легче, как я уже слышал, оставить тяжелую работу кузнеца или оружейника и стоять вышибалой на дверях борделя. Но это, как я понимаю, не в ваших интересах?

Он смотрел все еще настороженно, в глазах мелькнуло сомнение, а затем вспыхнул огонек недоверия.

— А вам-то что? Простите, я не верю в святую бескорыстность...

— Но она все-таки есть, — ответил я. — Хотя, вы правы, ее лучше не принимать во внимание. Тогда предположим, что я по ряду экономических причин очень заинтересован... и мой сеньор заинтересован... простите, не могу назвать его имя, чтобы город развивался за счет производства. Скажем так, королю очень нужно, чтобы

городские цеха выдавали все больше тканей, кож, доспехов, оружия, чтобы строились корабли, добывались медь и железо...

Он слушал внимательнее, лицо оставалось настороженным.

— Почему я должен вам верить?

Я развел руками:

— Моя миссия тайная, я ничем не могу подтвердить свои полномочия. И даже если меня припрут к стене, я скажу, что перелез к вам в дом, потому что здесь живет одна такая смазливая вертихвосточка... ах, не живет? Ну это я спьяну попутал!.. Но разве вам не кажется, что я прав?

Мастер Пауэр сказал несколько раздраженно:

— Не в этом дело. Чем вы можете помочь?

Я развел руками:

— Вы должны сами. А уж если не сумеете и все здесь прогниет окончательно, то этот город придется вообще стереть с лица земли вместе с горожанами, как Содом и Гоморру. А потом выстроить новый.

Он спросил в упор:

— Разве король не получает сейчас от города в свою казну даже больше, чем получал раньше?

— Получает, — согласился я, на ходу извернулся и продолжал: — Но не за счет ли того, что соседние города начали платить меньше? Король у нас — занятой человек, вы знаете, но у него умные советники. Во-первых, они обратили внимание, что так долго продолжаться не может: любой мыльный пузырь лопается. Во-вторых, казна получает только деньги от налога, но перестала получать ткани, кожу, доспехи... Это чревато. Моя миссия в том, чтобы заверить вас в понимании вашей позиции...

Он заметно побледнел, слегка отшатнулся:

— Какой позиции?

Ого, мелькнула мысль, я попал в самое яблочко. Не сводя с него взгляда, продолжил замороженным голосом:

— Мы считаем вас умными людьми, потому позиция у вас может быть только одна. Заверяю, что король относится к ней с пониманием. И полностью поддерживает. Хотя и... неофициально, так как Его Величество подтвердил свой указ о вольности городов.

Мастер Пауэр напряженно размышлял, наконец поднялся, сухой и с прямой спиной, словно дворянин. Голос его прозвучал ровно и без интонаций:

— Я не совсем понял, о чем вы говорили. Заверяю вас, в этом доме нет никакой смазливой вертихвостки. Мне жаль, что вы затратили такие усилия, перелезая через забор...

Я тоже поднялся, веселый и беспечный, как всякий загулявший дворянин.

— Не берите в голову! Это я виноват, вино ударило в голову, не рассмотрел номер дома... Простите и... прощайте.

— Счастливой дороги, — ответил он сухо.

Уже у двери я хлопнул себя по лбу, повернулся.

— Все забываю спросить, а как решаете проблему гастарбайтеров? В смысле, троллей? Как я понял, в городе их используют на черных работах... Это решает какие-то проблемы, верно?

— Не так уж и много, — ответил он осторожно.

— Почему?

— А вы как думаете?

Явно прощупывает, вопрос непрост, я ответил, как и должен бы ответить:

— Если тролли заняты на тяжелой и простой работе, то люди высвобождаются для квалифицированной! И даже высококвалифицированной. Разве не так?

Он проговорил бесстрастно:

— Это раньше люди использовались на квалифицированной, теперь и они идут на ту, что могут выполнять тролли: вышибал, сторожей. Скажу больше: назревал конфликт, но Бриклайт нашел простой выход: теперь кузнец пристраивает своего тролля-молотобойца в вы-

шибалы, а сам живет припеваючи на его жалованье. То же самое у бывших кожевников, оружейников, бронников...

— Ого, — сказал я, — надо бы подсказать троллям насчет профсоюза.

— А что это?

— Чума, — ответил я откровенно. — Тормоз прогресса. Но кто его придумал: Бог или Сатана — сказать не могу.

— Почему? Запрет?

— Просто не знаю, — признался я.

Он посмотрел с сомнением.

— Как можно не отличить деяние Врага рода Человеческого от созданного Творцом?

— Да вот так, — вздохнул я. — То ли сближение произошло, то ли обилие информации... то ли мы сами потеряли в жизни ориентиры. Не знаю. Но у нас часто говорят, что мир катится в тартарары.

Он вздохнул:

— У нас тоже так говорят. Все чаще.

— Тогда не все потеряно, — ответил я. — Раз уже ты сячу лет такое бубнят, то и еще тысячонку-другую почешут языками.

Меня проводили через ту же боковую дверь, я шел медленно, вслушивался во все шорохи и запахи, а когда переступил через порог калитки, постоял неподвижный, как барельеф, задействовав все виды зрения.

Через переулок плывут шероховато-цветные струи кисло-буగристого цвета, с этими понятно, вот еще густые потоки остро-соленого аромата пота, ничего угрожающего, и в то же время чувствуется некий привкус опасности...

Я повертел головой, ничего не выявил, надо идти, двинулся вдоль стены, все-таки укрытие, и вскоре услышал за спиной шаги. На всякий случай свернул на цыпочках в совершенно темный переулок, но тот, кто шел за мной, свернул тоже так уверенно, будто видит меня

отчетливо. Я напрягся, чувствуется некая странность, только не могу врубиться, в чем же... молча ругнулся: шаги! Люди так не ходят.

Через два дома еще один поворот, я свернул, тряхнул головой, что-то все труднее мгновенно переходить на тепловое зрение, надо поупражняться, а когда оглянулся, в десяти шагах за мной топает слабо светящееся пятно, но не красное или багровое, а слегка розовое.

Я попытался сообразить, что это, силуэт человеческий, должен бы гореть красным или багровым, но эта розовость ни в одни ворота... Сообразил запоздало, что выдам себя, если буду рассматривать, перевел взгляд в сторону, тупо посмотрел во все стороны, будто только сейчас услышал шаги и пытаюсь понять, не почудилось ли.

Преследователь остановился, а я, вроде удовлетворившись, что почудилось, снова возобновил движение по узкой улочке, беспечно свернул еще, изготовился, а когда тот вышел из-за угла, нанес прямой удар кулаком в челюсть.

Когда бьешь в светящееся пятно, попасть именно в челюсть трудно, но я попал, потому что нижняя челюсть занимала половину лица. Преследователь всхрюкнул, отшатнулся, но не рухнул, а попытался схватить меня. Я ударил еще и еще, затем развернул его спиной к себе, с силой поймал горло в локтевой зажим и начал душить.

Он хрюпал и дергался, я прошипел ему на ухо:

— Кто ты?

Шея слишком толстая, как у циркового борца, а кожа холодная, как у жабы, уже догадываюсь сам, что поймал тролля. Он хрюпал, пытался достать толстыми лапами, но при всей чудовищной силе тролли недостаточно поворотливы, сказывается низкая температура тела, начал задыхаться, я сказал снова:

— Не люблю убивать. Скажи, кто послал, отпушу.

Он только хрюпал, то ли слишком тупая скотина, то ли преданная безмерно, я душил сильнее. Он начал об-

мякать, как вдруг сильный удар в голову потряс меня. Колени подогнулись, я опустился на землю, словно ноги разом потеряли кости.

Сознание я потерял разве что на миг, потом что тролль еще хрюпал и задыхался, когда прорычал:

— Ты... опоздал...

— Я бежал со всех ног, — возразил голос, я сразу ощутил по скороговорке человека, даже представил себе невысокого и худощавого, быстрого в движениях, такие предпочитают прямому бою лицом к лицу предательские удары в спину, их еще зовут дагерщиками.

— Что у тебя... за ноги...

— Хорошие ноги, — ответил дагерщик заносчиво, — не твои кривульки.

— Не спешил...

— Спешил! Но там городская стража, пришлось обойти, а это целый квартал...

— Гад... Он чуть меня не убил. Никогда не думал, что человек сможет меня задушить...

Я охнул, тяжелый удар почти подбросил меня в воздух. Дагерщик сказал быстро:

— Не здесь. Надо отвезти поближе к усадьбе той сучки.

— Зачем?

— Не наше дело, дурак.

— Ну...

По шагам слышно, как подошел третий, крупный и мордастый мужик. Меня подхватили, поставили на ноги. Я не прикидывался, в самом деле шатает, а в голове как будто камнедробилка запущена на полную мощь. Только и понял, что отведут или, вернее, оттащат на двор к Амелии, то ли чтобы улики на нее пали, то ли как-то вмешать ее в дело об убийстве своего гостя.

Они вели, почти тащили под руки, изображая, что ведут пьяного, но навстречу уже почти никого, фонарей нет, тьма — глаза выколи, а даже пьяная шваль предполагает ходить не на ощупь.

Голова моя болтается, это чтобы как бы невзначай

всматриваться во всех троих: тролль прекрасно видит в темноте, может заподозрить такое же и во мне. Так что я спотыкался о каждый камень, а когда сплюнул кровавую слюну, то постарался попасть ей на ногу.

Наконец тьма отступила полностью, я видел всех резко и отчетливо, только цвета мое ночное зрение не воспринимает, а так могу рассмотреть каждую черточку на их лицах. Думаю, тролль так же отчетливо видит меня, а эти пробираются больше по памяти, им эти грязные за-коулки должны быть знакомы с детства.

Показались ворота усадьбы Амелии, сердце мое начало стучать чаще, нагнетая кровь, вздувая мышцы для скоростной схватки.

Дагерщик забежал вперед, открывая ворота. Делал все на ощупь, но быстро и бесшумно. Тролль и мордастый подвели вплотную и остановились, я проговорил угрюмо:

— Зря вы это делаете...
 — Помолчи, — ответил дагерщик не оборачиваясь.
 — Я могу заплатить больше...
 — Заткнись.
 — Я заплачу золотом, — продолжал я негромко, — что вы теряете? Скажите сколько, я все отдаю...

— Не все меряется золотом, — ответил дагерщик. И добавил, снижая высокопарность сказанного: — Нам и свои головы дороги. Сказали брать тебя, даже сказали как, вот и все...

Глава 6

Он начал распахивать створки, я рывком освободился, нырнул к земле, где заметил крупный булыжник. Дагерщик и мордастый слепо шарили в воздухе, только тролль сразу же повернулся ко мне. Я швырнул булыжник ему в лицо, а неповоротливая скотина даже не попыталась дернуть головой. С треском лопнули тонкие кости переносицы, хлынула кровь.

Дагерщик первым выдернул нож, глаза слепо уставились в темноту, наконец отпрыгнул и замахал им во все стороны. Я ударил его в пах, дагерщик оцепенел от боли и застыл. Я легко выдернул нож, один взмах, скотина забулькала перерезанным горлом.

Сзади раздался глухой рев, я упал и откатился в сторону, избегнув удара чудовищного кулака. Тролль грузно затопал следом, я торопливо вскочил. Не раздумывая, он замахнулся, я блокировал удар левой, а правой вонзил нож ему в глазницу.

Он умер, на морде застыло тупое удивление: не было человека, который бы сумел вот так выдержать его удар. И хотя моя рука едва не переломилась, там сейчас должен быть чудовищный кровоподтек, что перерастет в гематому... Я перевел взгляд на третьего, он тоже размахивал ножом и вскрикивал:

— Где он?.. Тодес, ты где?.. Что случилось?

— Бросай нож, — велел я, — останешься жить.

Он тут же развернулся и ринулся бежать. Я метнулся следом, но он хоть и в кромешной тьме, но бежит быстро и уверенно, словно все видит.

Я предостерегающе крикнул в спину:

— Левее!

Он поспешно дернулся левее и врезался в дерево. Я догнал, прыгнул и повалил на землю.

— Какой хороший электорат, — прошипел я ему, сдавив горло. — С такими даже не надо тратиться на избирательную кампанию...

Он хрюпал, пытался барабанить, но я давил все сильнее.

— От... пус... ти...

— Щас, — пообещал я, — еще и денег дам. Кто послал, говори?

— Не ска...жу... Тебя убьют...

— А вы меня привели анекдоты слушать?.. Говори! Не то ломаю выю...

Он хрюпал, дергался, затем вдруг тело ослабело, об-

мяк, перестал хрипеть и дрыгаться. Я ослабил хватку, не так уж и сильно давил, так что это не я его, не я.

Руки и ноги все еще дрожат, по телу проходит нервная дрожь. И хотя я с самого начала надеялся, что моя способность видеть в темноте вытащит из переделки, если сумею ею воспользоваться правильно, но все равно жутко.

Особенно страшит, что этот гад умер. Это значит, что перед отправкой на такое задание над ними поработал еще и колдун. И наложил заклятие, что должны умереть, если у них начнут выпытывать о хозяевах.

А с колдунами лучше бы дел не иметь.

Я переступил через труп, голова трещит, все чувства на пределе, но в кустах наконец-то начали проступать багровые пятна. Одни скрученные, будто в утробе, другие растянулись во весь рост. Человеческие фигурки угадываются сразу, а по тому, как держат руки, можно догадаться, что в них арбалеты.

В лишенном красок сером мире эти багровые пятна бьют по нервам, как электрический ток. Тепловое зрение замечает даже прошмыгнувшую мышь: пурпурный шарик размером с грецкий орех юркнул в норку и некоторое время шел параллельно поверхности, постепенно теряя накал: температура мыши выше людской. С другой стороны, термозрение всего лишь дополнение к обычному: крокодила, динозавра и даже дракона в тепловом не увидать...

Присмотревшись, я различил даже слабые багровые пятна по ту сторону забора. Затаились, сволочи, ждут. Так что в особнячок возвращаться, понятно, глупо и самоубийственно. Охота всерьез. Эти с мечами и арбалетами не так уж и страшны, их могу, могу, но если додумались пробраться во двор и со взвешенными арбалетами в руках устроиться на крышах конюшни, кузницы или сараев, это уже серьезнее. Да и колдунов Бриклайт наверняка задействовал всех. Конечно, самых сильных послал за

мной вдогонку, но Бриклайт никогда не бросит все силы в одну сторону, не такой человек...

Остаток ночи я, не снимая личины исчезника, провел в городе, стараясь не заходить в центр и, конечно же, не приближался ни к дому Бриклайта, ни к зданию городской ратуши.

В порту и на окраинах вряд ли трудятся умелые маги, хотя по логике именно здесь и должны меня искать. С другой стороны — рискованно оставить без охраны, в том числе и магической, дом Бриклайта и центр города.

Наконец-то я ощущил в полной мере, до чего же велика мощь Бриклайта. Городская стража оставила патрулировать центр города, теперь стережет все ходы и выходы из города. Кольцо вокруг меня замкнулось, это значит, что Бриклайт все же всерьез принял мою угрозу. Город выглядит притихшим, но это лишь значит, что заканчивается выполнение первой задачи: огородить меня фляжками, не дать выскользнуть из оцепления.

Скоро возьмутся, если уже не взялись, за второе: найти и обезвредить. Будут искать с колдунами и ловчими, а здесь я бессилен: не поможет ни исчезничество, ни владение мечами.

Вот именно теперь мне объявлена настоящая война. Бриклайт пошел на крайние меры: моя голова оценена, а это значит, что в городе, перешедшем от законов, обусловленных моралью, к товарно-рыночным, меня может не просто выдать каждая собака, но и попытаться убить в расчете на большое вознаграждение.

Дождавшись рассвета, я, пугаясь собственной тени, проскользнул к церкви. Отец Шкред, конечно же, молится, распростершись на холодном полу, а две каменные фигуры смотрят на него из ниш с немым укором. Один святой держит в опущенной руке крест так, словно это кинжал, которым вот-вот нанесет удар снизу вверх. Скульптор гениально передал воинственный дух создателей церкви.

Я приблизился на цыпочках, в голове дурацкие мыс-

ли вроде той, что, если вдруг гавкнуть у него над ухом, пустит ли под себя лужу?

Священник закряхтел, повернулся, лицо измученное ночных бдениями.

— Сын мой, что тытворишь? Тебя ищут по всему городу!

Я застыл на миг, промямлил в отупелости:

— Отче... вы меня ни с кем не перепутали?

Он суетливо оглянулся, понизил голос до шепота.

— Сэр Ричард, вас трудно с кем-то перепутать!

— Хм, — сказал я озадаченно, — дык я ж вроде замаскировался. Или не помогает?

Он сказал быстро:

— От кого-то помогает, но другие видят вас в этой личине так же просто, как если бы ее не было. Ваше счастье, если таких не попалось по дороге!

— Мое, — согласился я. Плечи сами по себе передернулись, вдруг подумал, что если кто все-таки попался, все понял и не бросился на меня с криком, а побежал с новостью к Бриклайту, рассчитывая на щедрое вознаграждение. — Отче, тогда мне нужно отсюда линять... Я не думал, что таких много. Полагал, только собаки да змеи...

Он отмахнулся:

— А также все колдуны, коих здесь множество. Ваше счастье, что вы шли прямо ко мне, а церковь от ворот недалеко. Наверное, потому и зашли? Ведь вы не такой уж и верующий!

— Для этого города в самый раз. Тут все неверующие.

— Не злорадствуйте. Но неверующего в церкви искаать не будут. А и заглянет кто, быстро увидит, что спрятаться здесь некуда.

Я спросил с интересом:

— А где же я спрячусь?

Легкая улыбка на краткий миг осветила вечно скорбящее лицо.

— Эту церковь, как я говорил, строили первые поселенцы. А тогда то и дело приходилось отбиваться от раз-

бойных банд, от конных варваров. Мужчины отбивались, а женщины прятались в церкви. Стены, как видите, крепкие, можно отсидеться... Но на всякий случай наши предки были предусмотрительные, здесь еще есть и подвалы, куда прятали детей...

Я спросил с недоверием:

— И что, только вы знаете?

Он с печальной улыбкой кивнул:

— Варваров оттеснили еще два века тому, а за это время город разросся так, что разбойничьи шайки боятся показаться поблизости... как говорят, чтоб их самих не ограбили, такие у нас купцы. Последние горожане, что знали про подпол, вымерли два века тому, с тех пор подполом никогда не пользовались.

Я спросил все еще с недоверием:

— Но как же... колдуны? Как я слышал, они многое узнать в состоянии...

Он смотрел на меня с иронией:

— Уверены?

— Не раз убеждался, — ответил я с горечью.

Он покачал головой:

— Как же велика у вас, мирских людей, вера в чертовщину и как мало веры в святость церкви!

Я насторожился.

— Церковь... защищает?

— Больше, — ответил он просто, — чем от варваров или разбойников. Варвары могут ворваться, выбив ворота, но любая магия умирает задолго до того, как переступит порог. Сам дьявол сюда не сможет войти, а вы про каких-то колдунов или магов!

— Это хорошо, — пробормотал я. — Это хорошо, если так. Если можно, покажите мне это подполье сразу же. Я не трусливый, я предусмотрительный. Рыцарей учат умирать красиво, но я из тех рыцарей, которые предпочитают, чтобы враг умер... красиво или нет — его дело.

Послышался шум, топот, громкие крики. В распах-

нутых воротах показались люди с мечами наголо. На фоне яркого дня они выглядели угольно-черными силуэтами, но я узнал городскую стражу.

Отец Шкред прошептал в страхе:

— Поздно...

Я подпрыгнул и попытался удержаться в нише, уже занятой святым, у которого крест в опущенной руке, и держит его так, словно встречает врага направленным в его сторону острием меча.

В задницу чувствительно уперся каменный крест. Святой маленький и сухонький, ниша для него великовата, но я как раз не сухонький и не маленький, вот-вот выпаду, а тут еще этот крест давит в задницу так, что прорвет штаны...

Первым вбежал капитан Кренкель, воинственный и жадно шарящий глазами по сторонам. За ним ворвалось с десяток сопящих стражей, все одеты и вооружены лучше некуда, быстро рассыпались по церкви, двое профессионально умело заглянули в исповедальню: прикрывая друг друга и готовые отпрыгнуть в любой момент.

Кренкель, мигая от сумрака, прокричал рассерженно:

— Где он?

Я сжал пальцы на рукояти молота. Воины, громко топая, рассыпались по церкви, сталкивались, бренча доспехами, орали и ругались. Отец Шкред воздел руки к своду, я начал отводить руку для броска, хорошо бы поймать момент, когда на одной линии двое-трое... даже не уловить, а предвосхитить...

Кренкель повернулся ко мне лицом. Какое-то мгновение казалось, что видит меня отчетливо, взгляд пробежал от ног вверх до головы, на секунду мы встретились глазами, затем его взгляд скользнул в сторону: на молот в моей занесенной руке, на каменного святого, которого я почти закрыл собой. Я с облегчением перевел дух, когда он отвернулся и сказал отрывисто:

— Ну?.. Невилль, все проверено?

— Все, — прокричал один из воинов. — Здесь мышь не спрячется!

— Уходим, — скомандовал Кренкель. — Обыскать окрестные дома! Все до единого!

Воины гурьбой бросились к выходу, а тот, которого Кренкель назвал Невиллем, торопливо подбежал, отдал салют:

— Капитан, велите перекрыть выходы из квартала?

Кренкель на миг задумался, взглядел метнулся в мою сторону, Невилль застыл в ожидании приказа, Кренкель бросил отрывисто:

— Бесполезно. Если хотел улизнуть, уже улизнул. А если затаился в чьем-то доме, то нам нужны все люди, чтобы перерыть все.

Невилль откозырял и выскочил за своими, Кренкель вышел последним. На шее поблескивает цепочка, а на груди, если я не ошибаюсь, у него там какой-то хитрый амулет.

Отец Шкред торопливо закрыл за ними двери, лицо белое, как чисто выстиранная простыня, суетливо перекрестился.

— Господь укрыл нас!

— Да, — согласился я, — вот уж не ожидал... Обычно Господь предпочитает, чтобы выпутывались сами.

Он снова перекрестился:

— Господь всегда помогает, не богохульствуй.

— Надеюсь, — сказал я. — Надеюсь, поможет и в городе.

Он покачал головой:

— Зачем вам в город?

— Есть задумка, — ответил я загадочно.

Он снова покачал головой; в глазах кроткая печаль, словно уже видит меня в кotle с кипящей смолой, а множество чертей подкладывают поленья в костер, дабы варево не остыпало.

— Не судите, — произнес он, — и не судимы будете.

Только Господь дает жизнь, и только Он вправе ее отнимать.

— Неисповедимы пути Господни, — отпарировал я.

Он посмотрел вопросительно:

— И что?

— Он не станет пачкать руки, — объяснил я, — а вот меня может облечь своим доверием.

— Богохульствуете, сын мой! Хуже того, твоими устами глаголет гордыня.

Я перекрестился, стараясь вспомнить, справа налево или слева направо, спросил:

— Разве не все в руке Божьей?

— Все...

— Вот и это было запланировано Господом, — ответил я хладнокровно. — Город, а вместе с ним и божий мир, избавились от пары или чуть больше гнусных гадин. На том, кто их убрал, греха нет. Я достаточно совестливый человек, святой отец... в смысле, в меру совестливый, но не иисусик, так вот я не всякое убийство считаю убийством. После иных мир становится ох как чище!

Он покачал головой, на лице и в глазах укор.

— Как это можно быть совестливым в меру? Совесть либо есть, либо нет.

— Верно, — согласился я. — Но вот совестливым можно быть в меру... Иначе что такое про ложь во спасение, глаз за глаз, если враг не сдается — его уничтожают, кто к нам с мечом?.. Я не нарушил Божьи заповеди... в их основе, а мелкие статьи можно не принимать во внимание. Сегодня они одни, завтра — другие. Скажите лучше, святой отец, можно как-то узнать, что народ говорит про Амелию и ее усадьбу? Какие настроения масс? А то мне как-то тревожно за них...

Он покачал головой, буркнул:

— Скажи уж правду, что за собаку беспокоишься.

— Собака тоже человек, — возразил я. — Почти всегда куда лучше самого человека.

Он вздохнул:

— Узнать нетрудно. Вокруг усадьбы настороженное затаище.

— Насколько настороженное?

Он одобрительно усмехнулся:

— Сразу схватываешь, сын мой...

— Жисть такая, — ответил я. — Ждут?

— Еще как. Народу на улицах в том районе больше не стало, но все как будто чего-то ждут. И среди них совсем нет женщин...

— Недосмотрели, — согласился я. — Впрочем, женщин на такие службы еще не призывают. И слава Богу. Хотя надо двигаться к равноправию; но я что-то оконсервативничал... на церковь глядя. Ладно, если в доме все спокойно... а в городе тоже на это смотрят спокойно?

Он торопливо кивнул:

— Вполне. Там забор хоть и высокий, но в дырки от выпавших сучков можно наблюдать за всем двором. Мне сказали, что ваш друг рыцарь исправно обходит весь дом, он в полных доспехах, а меч не выпускает из рук, осторожный... Госпожа Амелия выходит покормить лошадей, дети бегают с вашей собакой... где вы только и отыскали такого гиганта?

— За Перевалом, — объяснил я.

— Там такие водятся?

— Полно, — заверил я. — Это еще мелкий. Другие вообще крупнее лошади.

Он посмотрел на меня очень внимательно:

— Я боюсь даже представить, что вы задумали.

— Господь велел карать зло, — ответил я. — Кроме того, самое важное: другие увидят, что зло творить нехорошо. Хоть и приятно, но расплачиваться придется. И не только в аду, это уже дело церкви, но и на земле. Об этом позаботятся не только верные воины церкви, но и все порядочные люди.

Он вздохнул, перекрестил меня:

— Сын мой, иногда твоими устами глаголет сам Сатана.

— Так бы я ему и позволил, — ответил я.

— Ты прислушайся к себе, сын мой. В городе орудуют сатанисты, так что берегись, чтобы их тлетворный дух тебя не затронул!

Глава 7

Я смотрел на него, кивал и не знал, что сказать, потому что знаю ужасающую правду, настолько тяжелую и ошеломляющую, что раздавит любого искренне верующего и вообще чистого душой человека. А этот священник либо покончит с собой, что является тяжким грехом, либо рехнется.

Все мы знаем, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу попасть в рай. То есть корень всех зол этих людей — любовь к деньгам, даже пусть не любовь, а обладание большими деньгами. Таким образом все самые могущественные люди должны попасть в ад, ибо все они — сатанисты.

Все финансисты, банкиры, олигархи, промышленники, магнаты, президенты, короли, папы римские, короли широкополосной связи, нефтяники, топ-спортсмены и топ-звезды кино, создатели хайтека, хозяева прессы — все сатанисты, так как руководствуются теми принципами, которые заложили на Земле падшие ангелы во главе с Люцифером, ставшим Сатаной.

Сатанисты и сейчас правят миром, как правили всегда. Они были и остаются самыми могущественными людьми на свете, самыми передовыми во всех отношениях. То есть сатанисты создали колесо, парус, ходильник и мобильники, но они же — гомосексуализм, воровство, предательство, ложь...

От Бога у нас верить человеку на слово, а от Сатаны — хитроумные договоры. В последнее время вошли в моду брачные договора. Еще одна победа сатанизма, ибо хоть в эту область меркантильные отношения раньше не проникали, все-таки брак считался таинством и свято-

стью. А теперь и это всего лишь деловые отношения двух субъектов.

Я сам, если на то пошло, сатанист. Еще какой. Но все-таки, признавая полное и всеподавляющее преимущество Сатаны, я все же, все же... даже находясь на стороне Сатаны, все же не хочу поражения создавшего рыцарство Творца. И не просто так вот не хочу, а пытаюсь воспрепятствовать его поражению. Хотя понимаю, рыцарство обречено, рыцарство исчезнет под напором вот этих.

Сатана круче и неразборчивее в средствах. И потому у него всегда все получается. И письменный договор, составленный в присутствии двух свидетелей, надежнее слова чести. И все-таки я почему-то хочу... даже не знаю почему, чтобы слово чести жило, чтобы ему верили, чтобы в мире осталась дружба, благородство и прочая несовременная хреня, абсолютно неоправданная с экономической точки зрения.

Так же точно, хотя абсолютно точно знаем, то прав был шериф Шервудского графства, однако же сочувствуем разбойнику Робину или болеем за четверых идиотов, которые проливали кровь за какую-то хреня вроде подвесок королевы и всячески мешали прогрессу в лице умного и просвещенного кардинала.

Я поклонился, отец Шкред вздохнул, перекрестил меня мелкими суетливыми крестиками. Я ответил коротким поклоном и вышел. Мне, паладину церкви, целовать руку священнику любого ранга, пусть даже папе, не то что влом, а просто урон моему высокому сану. Или не сану, паладинство — вроде не сан, но все равно, даже дамам целую ручки так, словно участвую в каком-то розыгрыше...

Выходя, вспомнил рассказ сэра Торкилстона про Братство Святого Слова. Они занимали отдельно стоящий дом, огромный и мрачный, с колокольней и небывало толстыми стенами. Окна, понятно, бойницы, а в

подвалах, по слухам, всегда столько продуктов, что братья могли отсидеться при любой осаде.

Они вели тихую, но непримиримую борьбу с магами. И не святым словом, а вполне реальными ударами ножа ночью в спину, стрелой, пущенной с крыши, или же умело запущенным камнем из пращи. Все заклятия, которыми защищались маги, против братьев оказывались беспомощными: святая молитва рассеивает чары. Против Братства не раз возникали судебные тяжбы, но братья в отличие от своих менее практических собратьев в других монастырях умело обставляли свои дела так, что свидетелей не оставалось, а все убийства происходили тихо и незаметно.

Несколько раз даже горожане угрожали пойти на приступ и выгнать зазнавшихся монахов: мол, есть магия черная, а есть белая, и неча их пугать, но монахи всегда готовы были к осаде, и горожане затихали. А потом пришел Бриклайт... И одним из его первых дел была полная поддержка деятельности братьев-монахов, после чего он подыскал для них здание впятеро больше, настоящий заброшенный рыцарский замок, расположенный в городе Оймасберг, что втрое крупнее и многолюднее Таракона.

На этом, как я понял, и сломались братья. Огонь и воду прошли, а вот медные трубы славы... увы. Они перебрались в замок, быстро перестроили его в крепость, начали набирать новых братьев, дабы развернуть еще более активную работу в городе... но что-то о них теперь почти не слышно. Нет, они есть, но как-то успокоились, что ли. И это самая большая победа Бриклайта: уничтожить не самих героев, а убить их дух.

Даже на другом конце площади я чувствовал на спине взгляд священника. Я старался держаться уверенно, хотя, конечно же, никакой ясной задумки нет, есть только ощущение, что по городу пройтись надо.

Голова трещит, я не трус, но осторожничаю, задействовал все чувства и все виды зрения, только после решил в личине исчезника нацеливать слух на прогули-

вающихся горожан, жадно слушал. Все поговаривают, что в городе орудует некая черная банда, что похитила сокровища из городской казны, вот-вот их поймают, и тогда ждет нас веселое зрелище: то ли повесят прямо на площади, то ли сожгут... А почему не сжечь, если эти гады все колдовством проделали? За колдовство надо жечь... если оно вот такое, вредное.

Похоже, Тараксон на самом деле зашел по пути прогресса даже дальше, чем я думал. Прислушиваясь из укрытий к разговорам горожан, я узнал больше, чем из обстоятельных рассказов эра Торкилстона, Амелии и даже отца Шкреда.

Аристократия не просто урезана в правах, для нее вообще закрыты все должности в городе. Можно сказать, что рыцарство почти полностью исключено из управления городом. Здесь, можно сказать, установлена... э-э... тотальная демократия. А для ее защиты создана особая народная милиция числом не в четыреста человек, как сказал Торкилстон, а уже в тысячу. Впрочем, можно всегда призвать даже больше, но и тысячи достаточно, чтобы конное рыцарство не осмеливалось вступать в схватку со старейшинами города.

Милиция занимается главным образом защитой городского совета и входящих в него лиц, а также обеспечивает судебные процессы против знати, исполнение приговоров и решений городского совета. Самым резким постановлением городского совета был запрет аристократическому сословию занимать должности в городе, даже самые мелкие. Так же рыцарским родам вменяется ответственность за действия любого из его членов. Милиция ревностно следит, чтобы ни один из рыцарей не задел честь и достоинство членов городского совета, а с милицией считаться приходится: вооруженные длинными копьями с крюками для стаскивания рыцарей с коней, они впервые предстали серьезной угрозой рыцарскому войску.

Таким образом, в городе существует как обычная го-

родская стража во главе с капитаном Кренкелем, ветераном войн, так и милиция — отборные головорезы, вооруженные до зубов. Доспехи и оружие у них намного лучше, чем у людей Кренкеля. Еще бы, тот защищает всего лишь горожан, а милиция — правящий верх Тараскона.

Тот, кто не хочет умереть от жажды, должен научиться пить из всех стаканов: я черпал информацию даже из разговора сплетничающих кумушек, а когда возле меня остановилось двое беседующих горожан зажиточного облика, я едва не вылез из личины исчезнича.

— У нас свобода, — донесся мягкий журчащий голос сытого и всем довольного человека. — Только в нашем городе удалось настолько ослабить церковь, что больше не указывает, как жить. Потому к нам и ломятся... Как думаете, если подниму цены на комнаты в постоянном дворе еще на четверть... Да что там на четверть, даже на третью, думаю, можно!

Второй поправил со смешком:

— И на дома. Не забудьте, на дома цены растут еще быстрее. Церковь такое бы не одобрила...

— К счастью, — добавил первый, — ее никто не слушает. Знаете ли, это же проблема выбора: подчиняться или не подчиняться! Когда есть возможность выбирать, любой предпочтет неподчинение, что и есть подлинная свобода. Не так ли?

— Так, — ответил второй. — Так... Только немного страшновато...

— Чего? Греха боитесь?

— Нет, но когда целый город свободен... свободен вот так, гм...

Оба помрачнели, даже сгорбились и пошли дальше уже не так напористо и уверенно.

Я двинулся потихоньку следом, разговор становится все интереснее, в спину знакомо пахнуло холодом. Ветер вроде бы не переменился, я сперва не сообразил, почему чувствуется чуть ли не леденящая струйка. На всякий

случай, заранее поморщившись, включил тепловое и магическое зрение, переждал дурноту, а когда поднял голову, обдало настоящим холодом.

Ветер дует с моря и, обдувая особняк Бриклайта, несет в мою сторону помимо запахов еще и нечто странное, словно весь просторный двор Бриклайта завален горами мельчайшей черной сажи, а ветер ее поднимает и несет на своих крыльях.

Эта черная струя время от времени хлестала по мне, как исполинский осьминог щупальцем, я воспринимал ее как холодный ветер. Запоздало сообразил, что никакого холода нет, это я так реагирую на черную магию, на чистое Зло, что окружает здание таким плотным облаком, что часть уносится ветром.

— Ну Бриклайт, — шепнули мои губы, — какие же колдуны у тебя на службе? Или сам балуешься черной магией?

Ночь приморского города волшебно восхитительна, прекрасна и, несмотря на близость моря, удивительно теплая, ласковая. Звезды огромные, крупные, сочные, их невероятно много, земля залита призрачным светом, и я не раз отчетливо видел целые хороводы крохотных эльфов. Горожане на них обращают внимания не больше, чем на светящихся бабочек. На улицах народу больше, чем днем, песни, пляски, фокусники и жонглеры, двери борделей распахнуты шире, чем трактиров.

Я изображал застенчивого любовника, что пробирается к чужой жене: плащ с капюшоном скрывает лицо, я старательно горбился, избегал шумных компаний, стыдливо проскальзывал даже мимо стражей.

Вокруг усадьбы Амелии я насчитал восемь человек снаружи и троих внутри, эти затаились за деревьями, наблюдая за домом издали.

Если понаблюдать за ними, можно выяснить, кто умеет видеть исчезников или отводников, но я поступил проще: с той стороны усадьбы при таком расположении

осталась мертвая зона, я снова вошел на всякий случай в осточертевшую шкуру исчезника и через десять минут, выбирая самые темные тени, пробрался на второй этаж. Пес встретил меня на лестнице, я дал себя обцеловать и тихо-тихо поднялся наверх.

Сэр Торкилстон подпрыгнул, когда я подошел со спины и кашлянул. Лезвие меча взметнулось и застыло возле моего горла.

— Господи, — выдохнул он, — сэр Ричард!

— Я.

— Как можно так подкрадываться? Я вам чуть голову не снес!

— Узнаю бывалого воина, — ответил я. — Не все умеют спать с мечом в руке.

— Я не спал, сэр Ричард. Но как вы оказались здесь?

— Долго рассказывать. Я ненадолго. Как с Амелией?

— Спит, как и дети. А когда не спит, места себе не находит.

— Скоро все закончится, — заверил я. Подумал, что говорю глупости, но когда утешают, все говорят глупости, здесь главное: уверенный голос. — Что-то произойдет.

Он пробормотал:

— Что?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но слишком уж сгостились тучи. Пора грянуть грозе.

Он хмыкнул:

— Только бы не на наши головы.

— В грозу достается всем. Но топит тех, кто слабее.

Он пошел за мной и смотрел, как я вытаскиваю из мешка и раскладываю по лавке рыцарские доспехи, меч и лук. Так и тянет влезть в доспехи, могучий соблазн укрыться, как черепаха, от кончика ушей до пят... но в городе это вызовет озлобление. Мол, хватит, натерпелись от рыцарей. Зато лук за плечами вполне демократичен, как и молот на поясе. Одежда же у меня подчеркнуто простая: из хорошего материала, но потертая и поно-

шенная. Какой и надлежит быть у сильно обедневшего, а то и обнищавшего благородного. К таким злобы нет. Скорее брезгливо-снисходительное сочувствие.

Глава 8

Торкилстон наблюдал за мной внимательно, взгляд запавших глаз оценивающе пробежал по луку. Не думаю, что он оценил дивную красоту барельефов, изображающих фигурки зверей, но я видел, как поднялись брови, а во взгляде пропало глубокое уважение.

— Много я видел луков... — сказал он и умолк много-значительно.

— Хороший лук, — согласился я. — Я вообще стараюсь брать хорошие товары.

— Вы что-то задумали, сэр Ричард?

— Проедусь вокруг сада, — сообщил я. — Негоже прятаться, будто мы на чужой территории.

— Кто-то рассматривает ее как свою, — обронил он.

— Обнаглели олигархи, — заметил я. — Пора указать на право частной собственности. Если надо, даже указать пальцем. А то и ткнуть мордой.

— Это важное право? — спросил он.

— Будет самым важным, — ответил я. — Отцы города это уже чувствуют.

Он вздохнул.

— А как же...

Я прервал:

— Только ни слова про честь, доблесть, верность! А то взбешусь. Сам, когда говорю, чувствую, что не та публика. А мы как придурки какие. Сейчас модно ходить чуточку припачканными... Вы про черные мессы слыхали?

Он посмотрел с удивлением.

— Кто про них не слыхал? Меня даже звали участвовать. Но я как представил, что надо козла в жопу целовать...

— Да это нормально, — заметил я. — У нас, чтобы

продвинуться по службе, каких только козлов в жопу не целуют. Здесь то же самое: поцелуешь в жопу — получишь какие-то блага. Лизнешь глубже — получишь еще... Просто наши козлы предпочитают костюмы от Версаче, а черные мессы устраивают прямо в кабинетах.

Он зябко передернул плечами:

— Гадость какая! А вы еще за океан собирались. Там же все, наверное, на черных мессах.

— Наверное, — согласился я. — Хотя странно, что о самом Юге известно так мало. Подписку они там дают о неразглашении, что ли? Ведь приезжают же оттуда?

— Вообще-то да, — согласился он неуверенно. — Но поди разбери, кто в самом деле там побывал, а кто просто половил рыбу где-то на острове поблизости, а потом рассказывает небылицы о королевствах на Юге?

— А там королевства?

Он удивился:

— А что же еще?

— Да кто знает, — протянул я, — вдруг там, тьфу-тьфу, эгалите и либертэ... но пасаран и всякие боливары?

Он не слушал, подошел на цыпочках к окну. Я прислушался, мысленно удлинив уши и расширив раструбами, как геликоны. Конечно, анатомия не меняется, но слышать начинаю намного лучше.

За окнами тихо, сэр Торкилстон все еще в позе Павлика Морозова, подслушивающего зловещий заговор кулаков. Настоящих волшебников в городе нет, напомнил себе я, но есть великое множество всякой мелочи, что торопливо старается выжать как можно больше из доступной им магии и колдовства. Доступно немногого, а Великие Маги, как все говорят, по ту сторону океана.

Там что-то вообще невообразимое, судя по отрывочным слухам, пусть даже перевранным. Настоящие Маги владеют некой тайной мощью, судя по моим догадкам, это нечто уцелевшее от древних эпох. Возможно, скрытых убежищ, где уцелела та некая мощь, именуемая выс-

шой магией, сохранилось несколько, что дало разные школы и разные направления в магии.

Ладно, океан плещется у ног, скоро копыта моего коня проплывут по доскам трапа, а затем и по палубе. Да и моей смиренной собачке любопытно будет взглянуть на мир по ту сторону Большой Воды. Возможно, мой песик что-то признает там знакомое. Вряд ли, правда, мне об этом сообщит... Или как-то сообщит?

— Во дворе кто-то есть, — проговорил сэр Торкилстон шепотом.

— Наблюдают, — согласился я.

— Нет, это приближается...

Я снова прислушался, все тихо и спокойно, да и не может Торкилстон чуять больше, чем я... как вдруг по спине пробежал холодок, сердце стукнуло чаще. Спокойствие слетело, как будто его сдунуло сильным ветром, страх прокатился по телу, хотя во дворе по-прежнему тихо и мирно, чего это я...

Слишком тихо, мелькнула мысль. Птицы умолкают с сумерками, а ночью вообще спят, зато орут сверчки и всякие кузнечики, а тут вдруг умолкли...

Я подтянул к себе меч, глаза обшаривают тьму за окном. Мир выглядит как будто днем, когда неполное солнечное затмение: странный, чужой и лишенный красок. Деревья словно вырезанные из камня, не шевельнут и листочком... а между деревьями стоит, медленно поворачивая огромной головой, абсолютно черный великан, похожий и не похожий на огра.

Кончиком меча я тронул плечо сэра Торкилстона, тот поежился от холодного прикосновения.

— Там что-то огромное...

— Тихо, — прошептал я. — Теперь я его вижу.

Он кивнул, бесшумно подтянул меч, на лице суровое внимание.

— Присматривайте здесь, сэр Торкилстон, — шепнул я.

— Может, мне с вами?

— Если бы знать, что там опаснее...

Он хмыкнул, оценив мужественную шутку, а я с луком в руках прокрался по темным комнатам и вышел через заднюю дверь. Темень во дворе через минуту превратилась для меня в пасмурный день. Тишина, только далекодалеко на грани слышимости прогромыхала сапогами стражи. Со стороны порта донеслась удалая песня, равнодушно тявкнула собака.

Я медленно обогнул дом. Огра уже не видно, только залитый холодным светом звезд огромный двор. Я ждал, наконец из-за дерева выскоцил человек и побежал к коновязи, где застыл, как каменное изваяние, Зайчик. Я ухватился за рукоять молота, но человек вдруг выгнулся в спине, рука попыталась ухватиться за пораженное место, где возникло трепещущее перо на длинной стреле. Он упал лицом вниз, дернулся и затих.

Через пару мгновений из темноты выскоцил человек в черном плаще с капюшоном. Я взял лук и наложил стрелу. Человек быстро подбежал, перевернулся убитого и отпрянул.

Я сказал негромко:

— Не ожидал?

Он моментально развернулся, в руке блеснуло лезвие. Стрела сорвалась с тетивы, одновременно я дернулся в сторону. Рядом чмокнуло, острый нож погрузился в плотное дерево, словно в кусок сыра. Человек бросился прочь, хромая, стрела только ранила: я не указал ей цель, пришлось торопливо выпустить вторую, та ударила в спину между лопатками.

Запнувшись на ровном месте, он упал у самой калитки. Я подошел, сказал негромко:

— Думал, что охотишься на овцу, герой?

Он захрипел, с трудом повернул голову. Изо рта хлынула темная струя. Он прошептал, булькая кровью:

— Все... равно...

— Что? — спросил я.

— Убьем...

— Это я слышал, — сообщил я, — только ты уже никого не убьешь. Или я не прав?

— Убьем, — прохрипел он все тише, — убьем тебя... а потом изнасилуем не только эту сучку, но и ее выкормышей...

— Ты? — спросил я.

— И я... — прошептал он. — Теперь уже и мы... после братьев... измочалим ее так... что...

Что-то окаменело во мне, я смотрел на него в странном спокойствии, хотя должен бы орать и обличать такого мерзавца. Он не сводил с меня пылающих ненавистью глаз, как же, опозорился, попался, а считался, поди, лучшим или одним из лучших наемников.

— Это хорошо, — произнес я тем же ровным голосом. — Это хорошо, что ты сказал такое... А то во мне уже начал было просыпаться гребаный либерал. Начал вспоминать, что жизнь — священна в любом ее проявлении.

— Чего?..

— Вот-вот, — ответил я. — Именно, чего... Подохни, священная жизнь. И пусть с тобой подохнет целый неповторимый мир, как говорят поэты, мне по фигу.

Я наступил ему на горло, услышал треск гортани, постоял чуть, всматриваясь и вслушиваясь в тихую ночь. Сэр Торкилстон с мечом в руке встретил в дверях, доспехи блестят в отсветах луны, словно покрыты корочкой льда, лицо суровое.

— Я все видел, — шепнул он. — Не успокаиваются.

— У них резервы, — ответил я так же тихо.

— Головорезы Вильда?

— Золотовалютные, — ответил я. — Это главный резерв. Неистощимый. Нет, мы пойдем другим путем...

Он взглянул непонимающе, я перекинул лук и тулу за плечо, подцепил молот на пояс. За окном сереет небо, рассвет слабый, блеклый, в окна потянуло прохладой вперемешку с запахами сада и соленостью близкого моря. Деревья в саду перестали выглядеть пугающими чудо-

вищами, затихли ночные жабы, зато робко запела самая ранняя пташка.

— Пора, — сказал я. — Присматривайте за Амелией. И за песиком...

Песик поднял голову и посмотрел на меня с немым укором. Я развел руками и, наклонившись к мохнатому уху, в который раз пообещал, что уже скоро-скоро ступим на палубу, а пока оставляю его бдить и стеречь, как бдил бы и стерег я сам.

Он тяжело вздохнул, в глазах мольба взять с собой, я поцеловал холодный влажный нос и быстро вышел из комнаты. Чтобы не попадаться на глаза Зайчику, прошел в личине исчезнувшего через задний двор.

Тroe, затайвшись в кустах, все так же наблюдают за центральным входом. Даже птицы к ним привыкли, чирикают на веточках прямо над головами. Замаскировались идеально, но только от простого человеческого зрения.

— Вы нарушили право частной собственности, — сказал я громко, но молча, — и по законам феодального времени...

Стрелы сорвались одна за другой. На этот раз я не забыл надеть кожаную рукавичку, тетива звонко щелкала, не рассекая кожу. Багровые пятна за зеленою листвой дергались, вздрагивали, кто-то подпрыгнул, но стальные клювы били точно и безжалостно.

Те пятеро, что наблюдают за дорогами, ведущими к усадьбе, пока ничего не заметили. Я высмотрел мертвую зону и почти на цыпочках прокрался мимо.

Дорога к городу свободна, пусть это не мощеная дорога, а просто тропка, я шел медленно, голова забита противоречивыми планами, как же обустроить... Тараскон, я же альтруист, к тому же это защитит Амелию, а самое главное, понятно, мне еще с неделю до отплытия, не по борделям же от скуки ходить благородному сэру...

Лучник впереди устроился на высоком камне, греет-

ся, как ящерица, на солнце. Лук лежит рядом, в землю воткнул две стрелы. Вторая, понятно, контрольная.

Я всмотрелся в эту сытую тупую морду, злость начала подниматься медленно, как лава в проснувшемся вулкане. Тех троих я сразил без всякой злобы: видел только багровые пятна. Пошли по мою шкуру — поплатились своими. А эта сволочь рассчитывает вот так, лежа на вершине каменистого холма, спокойно прицелиться в ничего не подозревающего путника...

Руки мои стиснули древко лука, я перевел дыхание, наложил стрелу на тетиву и вышел из-за деревьев. Лучник живо ухватил лук, я ведь иду, ничего не подозревая, засады не вижу, можно прицелиться спокойно...

Я рывком поднял лук и выпустил стрелу, держа взглядом правое плечо лучника. Он охнул, опустил тетиву, мимо моего уха свистнуло, а в его плече появился кончик стрелы. Лук выпал из его руки, он в бессилии зажал рану ладонью.

— Кто идет за шерстью, — сказал я громко, — возвращается стриженым.

— Сволочь, — процедил он.

— Это вопрос мировоззрения, — возразил я. — Ты, наверное, из варваров?

Он плюнул под ноги.

— Сам ты... а еще благородный!

Я повесил лук за спиной, очень довольный, везде одни победы, как хорошо, помахал ему рукой.

— Советую все же сменить профессию!

Я не успел сделать шага, как за спиной раздалось на-смешливое:

— И мне?

Второй лучник поднялся над завалом из камней по пояс, тетива натянута до отказа, целит в лицо. Холод рас текся по телу, я смотрел в прищуренные жестокие глаза и проговорил горько:

— Укрепляй фронт, и тебя подстрелят в спину...

Он сказал довольно:

— Очень точно, парень. Узнаю бывалого солдата.

Я сказал еще торопливее, видя, что его пальцы на тетиве со стрелой вот-вот разомкнутся:

— Ты, конечно, намного сильнее напарника... И ты явно лучший...

Он довольно буркнул:

— Ты сейчас убедишься.

— Настоящих сразу видно, — сказал я торопливо, — но как насчет двух предупредительных выстрелов?

Он округлил глаза.

— А что это?

— Два выстрела в воздух, — объяснил я, — чтобы я все понял, испугался и сам отдал тебе все, что пожелаешь! Зачем тебе стрелы тратить?

— Два выстрела в воздух? — переспросил он. — В смысле, в небо? А вдруг промахнусь?

Он наслаждался ситуацией, камни загремели, раненый начал спускаться по насыпи. В его взгляде я видел злую радость. Оказавшись передо мной, он крикнул наверх:

— Апикс, не убивай его сразу!.. Я эту сволочь хочу поджарить на медленном огне за мою руку.

— Ребята, — сказал я торопливо, — я вам все и так отдам...

Тетива щелкнула, я дернулся в сторону, но запоздал, правую руку обожгла острые боль, одновременно схватил молот левой и неумело метнул в стрелка. Затрещал воздух, хлопнуло, молот описал дугу, возвращаясь. Я выставил ладонь, смачно шлепнуло рукоятью.

Раненый обалдело смотрел на меня, оглянулся в сторону напарника, там пусто, снова повернул голову ко мне.

— Ничто так не портит цель, как выстрел, — объяснил я. — Я же говорил насчет предупредительного выстрела в лоб?

Он повернулся и бросился вверх по склону. Я поколебался, хорошо бы дать человеку шанс исправиться, об

этом только и кричат правозащитники... наверное, сотоварищей защищают, но с другой стороны паладины ну просто обязаны очищать мир от скверны...

Молот выметнулся из ладони, как засидевшийся в клетке голубь. Убегающего ударило в спину. Он упал лицом вниз, под ним сразу же начала расплывать широкая лужа из пробитой спины. Я поймал возвращающийся молот и перевел дыхание: научился бить вполсилы и даже в четверть.

Боль вернулась снова, я сел, прислонившись к камню, и начал медленно вытаскивать стрелу, потом опомнился, обругал себя идиотом и, обломив кончик, протолкнул через рану. Все это время подывал от жалости к себе, замечательному, корчился, умирал от страданий, здесь можно, никто не видит, а когда обломки стрелы оказались на земле, поспешил за jakiшивать рану и кляя себя, что потерял бдительность.

— Хорошо смеется тот... кто стреляет первым, — сообщил я себе. — Но кто стреляет последним, тот вообще ржет во все горло.

Глава 9

Мир — это когда стреляют где-то в другом месте. Что бы в этом мире ни делал, все равно могут подстрелить. Даже если ничего не делаешь. А когда нет определенной цели, обычно стреляют без промаха, как этот гад, чтоб его черти в ад в самом большом котле сварили.

Отсюда выход — надо идти и надо драться. Идти в город, там меня все равно ждут меньше всего...

Нагруженные телеги везут к широко распахнутым городским воротам мешки с мукой, рыбой, битой птицей. Я увидел даже караван верблюдов, караванщики безжалостно подгоняют измученных животных, чтобы поскорее разгрузить и успеть начать торговлю уже сегодня.

Я остановился на безопасном расстоянии, постарал-

ся вспомнить, каким я себя вижу в зеркале, но получалось хреново, морда смазывается, глаза и нос явно не мои, в конце концов я, озлившись, напялил на фантом плащ с капюшоном и постарался придать ему вид человека, который старается пройти незаметно.

Это да, получилось, таких я не раз видел на улицах города. Надо только сделать ростом повыше... еще выше, плечи раздвинуть, так чтобы горбся или нет, а такого заметят все равно.

— Ну вот и хорошо, — прошептал я. — Теперь давай, братец, двигай в заданном партией направлении... Неважно, сколько ты пройдешь, лишь бы... ну, сам понимаешь...

Фантом двинулся вдоль домов, со стороны казалось, что старается держаться тени, замечательно просто, улица достаточно длинная, ну там далеко неизбежный поворот, а здесь еще достаточно прямой участок...

Вспомнилось, что в богатых домах строят извилистые коридоры, мол, нечистая сила может двигаться только по прямой, а я вот сейчас, похоже, создал некое подобие нечистой силы.

Не все обратили внимание на закапюшоненную фигуру, только двое игроков в кости переглянулись, поднялись и пошли следом.

Я поспешил двинулся дальше, в ближайшем темном углу создал еще одного, похожего на меня ростом и статью, замаскировал кое-как и выпустил на середину улицы.

Третьего я заставил вскарабкаться на крышу, его заметили так не скоро, что я сам хотел указать на него пальцем. Наконец народ начал волноваться, появились охочие быстро заработать на поимке беглого преступника, именующего себя благородным рыцарем сэром Ричардом, а я потихоньку пробирался дворами и закоулками к церкви.

Здесь сравнительно тихо, церковь на отшибе, а борделей поблизости нет. Не из уважения к церкви, в бизне-

се нет такого понятия, просто бордели идут от порта, а церковь от него слишком далеко.

Я сделал три круга вокруг, как оса, что запоминает новую норку, еще раз огляделся и вошел в церковь. Пусто, не сразу вычленил за хитросплетением дощечек со-гбенную фигуру. Отец Шкред, похоже, собрался исповедовать сам себя. Так совестливые люди постоянно чувствуют свою вину, все время грызут себя, что недостаточно сделали для людей, человечества.

Я тихонько постучал в дверцу:

— Отец Шкред, не падайте в обморок... от щастя, разумеется. Это я, Ричард...

Внутри кабинки торопливо зашуршало, он высунул-ся, часто моргая близорукими глазами.

— Господь с вами, сэр Ричард! Что вы делаете в таком опасном месте... вам надо срочно покинуть город!

— Почему?

— Вас ищут не только охотники заработать, но и ми-лиция...

— Это вдобавок к городской страже? — спросил я. — Да, в бой брошена тяжелая техника. Но пока только с одной стороны...

Он спросил испуганно:

— Что ты хочешь сказать, сын мой?

— Что я в своем непонятном и, честно говоря, не свойственном мне гуманизме... весьма терпим и неадекватен. И все потому, что хотя здесь уже не помню, сколько дней, но брожу, как ежик в тумане. Все смутно, непонятно и пугающе сложно. Насколько проще по ту сторону Хребта! Там сразу видно, кто враг, кто друг. И понятно: кому в рыло, кому «ручку пожалуйте»...

Он смотрел с непониманием.

— Сын мой, о каких врагах ты говоришь?

Я вздохнул:

— В том-то и дело, что не враги. За копейку зарежут, но не враги. Как говорится: ничего личного. Просто нам заплатили, вот и убиваем тебя, не обижайся, это же биз-

нес, чудак!.. Чувствую, что хоть и оставил за собой дорожку из трупов, но проигрываю с каждой минутой.

Он поколебался, сказал тихо:

— Если хотите, могу показать место в лесу, где сатанисты творят черные мессы.

Я покачал головой:

— Да ерунда, пусть развлекаются!

Он посмотрел на меня непривычно строго, даже в голосе зазвучала решительность первохристианина:

— Это не ерунда! Они оскорбляют святую церковь, тем самым умаляя ее силы. А Сатана, присутствуя на этих оргиях, дает им мощь, что делает их сильнее простых смертных.

— Сатана не станет присутствовать на таких глупостях, — возразил я, подумал, вспомнив красного дьявола, что в моем замке уволок ведьму прямо из церкви, — разве что не совсем тот сатана... ну это уже тонкости, а я по грубоности натуры их избегаю.

Он сказал еще решительнее:

— Вот здесь ты ошибаешься, сын мой. Черная месса — великая сила.

— Фигня. Если бы ею заправлял Брайклайт или его волчата, еще бы заинтересовался...

Он сказал тихо:

— Многие недооценивают госпожу ля Вуазен. Как и ее правую руку, мсье Джрафара. Я знаю, что он адепт черной магии, но в отличие от других магов никогда не заявлял об этом. Даже ты, сын мой, ощутишь недобroе в том месте, где они проводят... свои бесчинства. Я хотел бы, чтобы ты там побывал.

— Это далеко?

— Сразу за стеной города. У нас только в одном месте остался лес.

— Хорошо, — ответил я с неохотой. — Я приду посмотрю. Хотя не верю...

— Молись, сын мой, — ответил он смиренно. — Господь даст тебе веру.

Я пробормотал:

— Да он мне ее дал. Только церковь ужаснулась бы, увидев, что за веру мне дал Господь...

Он отшатнулся, посмотрел испуганными глазами. Дрожащая рука поднялась и торопливо перекрестила меня трижды. Не дожидаясь, когда перекрестит в четвертый, я поклонился и вышел.

Народ сбивается в кучки, то один, то другой рассказывает с жаром, что какие-то шутники придумали забаву: создавать фантомы, похожие на того, кого ловят, и запускают их по всему городу. Не иначе как благородные изгаляются, только они могут вот так тратить дорогие амулеты...

Всех благородных перевешать, кричали в другом месте. Ишь, издеваются над честными людьми, мешают им подзаработать на поимке опасного преступника, расплителя и душителя! А если не дадут повесить, то выгнать всех из города, а дома их на поток и разграбление...

Такие слухи ползли по всему городу, наконец я уже сам поверил, что какие-то шутники... а то и неведомые доброжелатели тоже запустили пару сотен таких же фантомов в добавку к моему десятку, так что стражи и добровольцы уже лежат, высунув языки и вконец обессилев, проклинают свою мечту легко заработать...

Дом Вильда, как и его отца, маленькая крепость, чуть поменьше размерами, однако вокруг народу кишит намного больше. Был соблазн попытаться проникнуть внутрь, проверить, насколько смогу избегать ловушек, но удержался: это уже не риск, а самоубийство.

Рунтири, Джордж и Тегер, уже давно взрослые по здешним меркам, нередко nocturne в доме Бриклайта, хотя у них, за исключением Тегера, есть и свои дома. Наблюдая за домом Бриклайта, я заприметил ту самую красивую женщину, что в прошлый раз опознала меня, но почему-то не подняла тревогу. Молодая жена Бриклайта, мадам ля Вуазен. За нею смутно реет какая-то тень, но с

такого расстояния не рассмотрел, то ли это ее собственная недобрая тень, то ли за ней в самом деле, как говорят у нас, кто-то стоит... и при этом многозначительно поднимает палец кверху.

Это натолкнуло на мысль все же проверить, что такое городил перепуганный священник.

Через полчаса городские стены остались позади, я вошел в лес, пахнуло сыростью и кисловатым запахом муравьиных куч. Деревья великанские, совсем не видно молодых, все в пять обхватов, кора потрескавшаяся, толстая настолько, что в трещину может поместиться человек. Чудовищные наплывы опускаются до самой земли, словно ствол время от времени начинает таять, как свеча, и часть древесной плоти стекает к подножью.

Корни вздыбились и, прорвав мох, торчат над землей, похожие на болезненно-белых земляных червей, огромные и пугающие застывшие, будто готовые набросить петли на ноги. Я оглядывался в изумлении: такая дремучесть понятна там, где не ступала нога человека, а здесь, рядом с городом, где все берут не только хворост, но и дармовой лес...

За спиной сомкнулся первый ряд деревьев, я пошел вглубь, знакомо пахнуло холодом, я насторожился, вскоре вышел на широкую круглую поляну. В самой середине чернеет плоский продолговатый камень. Наполовину погрузился в землю, я как воочию увидел распростертное на нем тело молодой женщины, обязательно — девственницы, видна канавка для стока жертвенной крови...

Холод покалывает кожу, хотя на поляне порхают бабочки и носятся стрекозы, им тепло и солнечно. Я остановился на краю, вся поляна окружена идолами. Толстые деревья срублены на высоте человеческого роста, а из пней наделали статуй — рогатых козлов с раскрытыми пастьми, гарпий, голых баб со змеями вместо волос, а также толстых жаб с выпученными глазами.

Я в рассеянности опустил руку на темную, будто покрытую смолой, гарпию размером с барана. Выглядит

живой, только ноги уходят в основание пня. Ладонь дернулась, деревянная голова гарпии сдвинулась, мертвые глаза вспыхнули кровавым огнем.

— Да пошла ты, — прошептал я трясущимися губами. — Инфузория...

Статуи по всему периметру поляны повернули головы. Выглядят, словно из тугой резины, а не из дерева, кроваво-красные глаза уставились со злобным торжеством. Вон у той гарпии рот измазан кровью, так и кажется, что только что разорвала какое-то существо. Человека разорвет и сама, а стаей разнесут в клочья все городское войско...

Тело мое застыпало, странное оцепенение сковало все члены. Мысли начали замирать, останавливаться, как броуновские частицы при нуле, даже глазами стало трудно двигать...

Свет ударили в глаза, как выжигающий сетчатку лазер высокой мощности. Я вскрикнул, поднял чугунную руку и протер глазницы, слезы бегут ручьем.

— Задумались, сэр Ричард? — послышался мягкий голос. — Здесь есть о чем подумать...

Отец Шкред приближался медленно, лицо изнуренное, под глазами мешки. В одной руке сжимает искрящийся бенгальским огнем крест, другой прижимает к груди книгу. Книга тоже окружена сиянием, я услышал легкий треск электрических разрядов.

— М-да... — прохрипел я, горло пересохло, словно я простоял вот так с открытым ртом, как дурак, несколько часов. — М-да, мыслю...

— Взрослеете, сын мой, — ответил священник без всякой издевки. — Мыслить начинаете... Теперь верите, что здесь концентрируется Зло?

Я сказал с напряжением в голосе:

— Собираются язычники?

Священник помотал головой:

— Если бы...

— А кто? Ах да, вы их зовете дьяволопоклонниками...

— Они самые, сын мой, — ответил он тихо. — Здесь проводятся черные месссы... Возможно, здесь.

Я оглядел поляну:

— Место подходящее. Не зря же занимались художественной резьбой по дереву.

Он вздохнул:

— Ваша милость...

Я прервал:

— Когда наедине, я не ваша милость, а брат по вере. Вы не забыли, святой отец, что я — паладин?

Он снова вздохнул:

— Да уж лучше «ваша милость», чтобы не путаться. Я уже стар, могу и забыть, когда как говорить. Так вот, это не единственное место, сын мой. Я еще помню, когда это только начиналось, когда впервые заговорили о таких делах... Первая черная месса была уже на моей памяти. А теперь этих темных мест все больше... Правда, здесь самые большие сборища. Сегодня ночью ожидается черная месса.

Я быстро оглядел его усталое лицо.

— Собираетесь воспрепятствовать?

Он покачал головой:

— Был бы моложе, попробовал бы. И погиб бы сразу. Даже сейчас у меня недостаточно сил. Слаб я духом, колеблюсь даже в основах, в незыблемых доктринах веры. Потому отыду от Зла... и буду удерживать горожан.

Я оглядел поляну, зябко передернул плечами, холод не оставляет, вот-вот начну стучать зубами.

— Я тоже отыду. Это не моя война. Мне скоро отчаливать, а за это время неплохо бы как-то защитить госпожу Амелию.

Священник кротко взглянул мне в глаза:

— А если не успеешь?

Я выдержал укоряющий взгляд невинных, как у ребенка, глаз.

— Святой отец, женщин, которых обижают, сотни даже в этом городе. Я не могу остаться и всем вытираять

носы и слезки. Как бы и что бы ни случилось, я все равно — клянусь! — через неделю вступлю на палубу корабля. Иначе превращусь в какого-то иисусика, а Господь Бог такую дурость не одобряет, иначе бы не пустил и самого Иисуса на крест и распятие...

Он отшатнулся, перекрестился, меня перекрестил с таким отвращением на лице, словно это я — ожившая гарпия, так что пришлось отступить с извиняющейся улыбкой, что за дурак, разве можно ляпать правду, как корова хвостом.

— Святой отец, — сказал я, защищаясь, — уразумей, чтобы уверовать, как сказал блаженный Августин. Я вот стараюсь уразуметь, так что я истинный сын церкви! И все подвергай сомнению, как сказал другой раввин... нет, сын раввина.

— Я слышу знакомые слова, — произнес он печально, — но для меня темен смысл, который ты в них вкладываешь...

— Я все лишь цитирую отцов церкви!

— Но как цитируешь...

Я вздохнул, развел руками:

— Святой отец, вообще вода в облацах темна, как история мидян. Но все проясняется со временем. Вдруг я и окажусь не последним говном на свете? Хотя, конечно, пока что я в смятении, святой овец... Я знаю, что любая жизнь священна, но я только в этом городе лишил жизни десятка два человек, если не больше, и, самое главное... наверное, это ужасно... нет, это должно быть ужасно, но я абсолютно не чувствую угрызений совести!

Он смотрел на меня со страхом, но на лице простило усиленное внимание.

— Не чувствуешь?

— Не чувствую, — признался я. — А ведь там, в саду, веселились совсем не отъявленные злодеи!.. Обычные горожане, только пьяные и раззадоренные... Но я убивал их без всякой жалости, и, самое худшее, что даже сейчас,

когда давно остыл, все равно мне их не жалко. И то, что каждая жизнь священна, до меня как-то не доходит.

Он медленно перекрестил меня:

— Сын мой, ты все чувствуешь, не наговаривай на себя... Потому ты и в смятении. Но когда-то ты получишь ответ.

— От кого?

— От себя, — ответил он просто. Подумав, добавил: — Господь подскажет правильный ответ.

Я поклонился и поспешно пустился в обратный путь, отец Шкред все смотрел мне вслед и, вскинув руки с крестом и книгой, благословлял. Все-таки благословляет, святая душа...

Глава 10

Вечер наступил быстро, я все еще ходил вокруг дома Бриклайта то с одной стороны, то с другой, прорабатывал варианты, как вдруг пришла холодная волна, я инстинктивно поменял место, с той стороны пришла другая, я задергался, прикидывая, куда метнуться, а с крыши прозвучал голос:

— Застынь!

Я вскинул голову, двое целятся из арбалетов. Стальные болты пробьют череп, как глиняный кувшин, никакая регенерация не спасет.

Я замер, из темноты выскочили крепкие парни, мигом скрутили руки. Кто-то набросил мне на голову капюшон, опустил так, что я не видел даже своего подбородка. Я старался спотыкаться правдоподобно, вроде бы в самом деле даже под ногами не вижу камешки.

Быстро и умело отобрали меч и лук, только молот оставили на моем поясе, слишком уж он не похож на оружие, кто-то воскликнул в восторге:

— Ого, какой меч!.. Это мое!

Второй голос сказал жестко:

— Все сложи в мешок.

— Зачем?

— Господин Джадар сам решит, кого чем наградить.

Подошел еще один, я сразу ощутил холод и странный запах, словно из глубины болота поднялась древняя рептилия. Сильный властный голос прозвучал с магической силой:

— В лес!.. Наш Повелитель получит на одну жертву больше.

— Это же сам Ричард, — напомнил кто-то подобострастно, — его господин Вильд хотел сам...

Я услышал звук смачной пощечины и болезненный вскрик. Жестокий голос сказал холодно:

— Над нами есть только один Господин!

— Простите, ваша милость...

Я видел сквозь плотную ткань капюшона этого человека отчетливо. Огромный, сильный, он тогда сопровождал жену Бриклайта, она называла его Джадаром. Еще отец Шкред и Торкилстон говорили о нем как о темном человеке, то ли маге, то ли колдуне.

— В лес, — повторил он непререкаемым голосом.

Меня ухватили под руки, я сказал глухо под капюшоном:

— Не боишься, что Бриклайт оторвет тебе голову?

Я успел увидеть взмах его руки, пощечина обожгла лицо, я ощутил соленую влагу на губах, да и нос эта сволочь разбила так, что теплые струйки текут из ноздрей.

— Заткнись!

— Молчу, — пробормотал я.

— В лес, — повторил он.

Меня потащили с такой быстротой, что ноги поволоклись по земле. Но я тяжел, и едва нещадный Джадар скрылся из виду, заставили встать на ноги и, тыкая в спину острым, велели не останавливаться.

Руки связаны крепко, сердце колотится, как у пойманного зайца, я и есть пойманный заяц, вижу через капюшон, как мимо проплыли факелы перед дверьми крайних домов, а дальше только лунный свет...

...И тот исчез, едва подошли к темной стене деревьев. Двое все так же держат меня за руки, вроде бы еще есть третий, кто-то же тыкает острым то в спину, то в бока. Боль пронизывает всякий раз с такой силой, что не понимаю, как герои терпят, не моргнув глазом. Теплые струйки сползают медленно, щекочут кожу. Огромным усилием воли не позволяю себе тут же заживить, тихонько вскрикиваю всякий раз, вовсе не притворно, а когда вошли в лес, в самом деле начал чувствовать головокружение, словно от большой потери крови.

В лесу один, который с ножом, зашел вперед и пошел, выбирая дорогу. На спине у него большой мешок, но явно заполнен не камнями, болтается свободно. Двое идут по бокам, уже привыкнув к моей безвольной покорности, почти не держат.

Я сказал слабым голосом:

- Вам придется нести меня...
- Еще чего? — рыкнул тот, что слева.
- Тот дурак истыкал меня ножом, — простонал я. —

Я истекаю кровью, сейчас упаду...

Тот рыкнул лютно:

— Цасхен, я ж говорил, не увлекайся! Упадет, тебе нести!

— Не так уж я и тыкал, — возразил Цасхен, не оборачиваясь. — Я что, не понимаю? Пусть не прикидывается.

В лесу хоть глаза выколи, Цасхен остановился и после долгих попыток разжег небольшой смолистый факел. Довольный, пошел впереди, освещая себе и нам дорогу.

Перепад в яркости мешает перейти на ночное зрение, горящий факел своим сиянием затмевает все, а как загасить его, пока не представляю.

Шаги Цасхена все замедлялись, он опустил на землю мешок, сказал тихо:

- Все. Одеваемся здесь, дальше нельзя узнанными.
- А что с этим благородным?
- Пока пусть побудет связанным. В жертву принесем в конце.

Меня оставили, прислонив к дереву, только ноги связали. Цасхен распутывал веревку на горловине мешка, чертыхался, какой дурак завязал так туго, пальцы сломаешь, а я, сосредоточившись, сотворил крохотный огонек на своих путах, раздувал огонек на веревке. Руки начало жечь, я сразу же заживлял кожу, неженка, не терплю боли, я же демократ, веревка начала подаваться, но в это время и Цасхен с довольным вздохом наконец ослабил узел и начал быстро развязывать мешок.

Я напрягся, глядя на зад ближайшего стража, оттопыренный край быстро покраснел, взвился дымок. Красный огонек пополз вверх вяло, на страже куча одежек, не чувствует пока, я напрягся и всеми силами воли раздувал огонек, наконец второй потянул носом, повернулся с озадаченным видом.

— Что-то паленым пахнет, будто свинью смалят... Эй, Кадер, у тебя зад горит!

Кадер лапнул себя сзади, с криком отдернул руку. Цасхен вскочил, Кадера повалили и начали сбивать пла-мя. Это заняло полминуты, но веревка уже лопнула на моих руках. Я быстро выдернул меч из ножен Цасхена, он быстро развернулся, в руке блеснул нож, однако лезвие чиркнуло его по горлу.

Двое только поднимались с земли, медленные, словно зомби, я рассек веревку на ногах, два раза ударил сильно и точно им навстречу, и оба тела, брызгая темной жидкостью, повалились на землю. Я торопливо вытряхнул содержимое мешка, сердце радостно екнуло: меч и лук там, дорогие мои, ну-ка давайте обратно на свои места, еще в мешке три балахона, похожие на куклуксклановские, только не белые. Настоящие цвета не вижу, в темноте цветовое зрение отключается. Еще разница в том, что на том месте, где вырезы для глаз, прикреплены мерзкие свинячьи хари.

Из балахонов я выбрал самый длинный, да и тот чуть коротковат, влез в него, все равно чувствуя себя голым, сейчас бы мои доспехи... Сердце колотится, страшно, я

заставил себя двигаться по направлению к поляне, где, как сообщил отец Шкред, должна состояться черная месса.

Далеко за деревьями блеснул свет, снова тьма, а затем показались огоньки. Я рассмотрел цепочку людей в балахонах, на поляну выходят извилистой цепочкой, все повторяют движения предыдущего, словно шаг в сторону — попадешь в ловушку.

Огромный камень засиял в свете факелов. Высокая фигура в балахоне медленно поднялась на камень и застыла в величественной позе. Я рассмотрел на голове длинные острые рога, не сразу распознал маску, ругнул себя за тупость: Сатану всегда почему-то изображают в виде козла.

Все встали на колени вокруг камня, а их вожак, изображающий Сатану, остановился на вершине, помедлил, затем расстегнул пряжку на груди и резким движением отбросил балахон, который, оказывается, снимается как халат.

Все начали вопить и кланяться, а «Сатана», оставшись только в маске, застыл в гордой позе, несколько подавшись перед, чтобы его чудовищного размера гениталии было видно всем во всей красе как можно лучше. Я подумал, что это же просто урод, однако при мистерии здравый смысл роли не играет, все уже в экстазе, разогревались еще по дороге сюда...

— Властелин Мира! — завопил кто-то. — Приди к нам и дай нам силы! Дай силы, чтобы еще больше славить твою мощь, твою власть!

«Сатана» повелительно воздел руки, а внизу торопливо сбрасывали балахоны. В слабом свете замелькали обнаженные тела женщин, мужчины несколько замешкались, как мне почудилось, женщины всегда раздеваются намного охотнее.

Не знаю, почему возникли эти черные мессы. Большинство объясняет их остатками языческих верований, дескать, церковь не уничтожила культы старых богов, а

лишь загнала в подполье, где сохранившие верность им продолжают обряды. Но это ерунда, как мне кажется, слишком много в этих мессах христианского: священник, литургия, облатки, причащение, даже крест...

Хотя, конечно, все вывернуто наизнанку, а крест вешается «вверх ногами». Черная месса — это пародия на официальную, а вовсе не ностальгия по языческим зевсам, юпитерам или аполлонам. Мне кажется, но это лично мое мнение, никому не навязываю, черная месса — это психологический откат любого здорового организма.

Если вас кормить самыми изысканными пирожными, вам страстно восхочется погрызть хотя бы хвост самой дешевой селедки или кильки. Если давать слушать только симфонии — пойдете в конце концов на концерт хард-рока, а если все будет пропитано ароматами дорогих французских духов, то в конце концов захочется понюхать говна.

Человек — все еще свинья, ну пусть обезьяна, и половые инстинкты руководят нами в большинстве поступков, однако церковь требует, чтобы нами руководила душа с ее непонятной духовностью, чтобы мы поступали всегда хорошо и правильно, соблюдали этикет, упорно учились, совершенствовались, ко всем относились как надо, а не как эти сволочи заслуживают, мыли уши и всегда улыбались...

Некоторые выполняют эти предписания с энтузиазмом, большинство — с неохотой, но в любом обществе находятся те, у кого терпение рвется раньше. Вот они, не в силах опрокинуть всю церковь и всю пуританскую мораль, хотя бы изошпиряются на ее счет: сочиняют анекдоты про тупых и развратных попов, срут в лифтах, пишут в подъезде непотребные слова, разбивают лампочки, устраивают злые пародии на торжественные церемонии богослужения...

Когда я смотрю на эти величавые шествия высших кардиналов церкви, что те же шаманы, только одеты не так смешно... хотя все равно смешно, то и сам готов вы-

кинуть что-то такое эдакое, чтобы снизить торжественность церемонии, ибо когда торжественности слишком много — это уже пародия на тех, кто в ней участвует.

Черная месса — это неизбежная реакция наиболее чувствительных на чрезмерную помпезность официальной церкви. Все-таки церковь должна обращаться к душам, как и было задумано, а не устраивать пышные церемонии, напялив на себя нелепые золотые робы, из-за чего становятся совсем уж похожи на тунгусских или павлусских шаманов.

Но... как везде бывает, эти чувствительные только начали, посмеялись и отошли в сторону, а те, что попроще, но тоже тяготятся навязыванием высоких стандартов жизни, подхватили и начали развивать это явление вглубь и вширь. В первую очередь, конечно, дали отпор церковной доктрине о духовности и непорочности: на черных мессах больше всего внимания уделяют, что и понятно, совокуплению всех и со всеми...

Гм, это еще предстоит, надо задержаться здесь дольше, а то пропущу самое интересное...

Я придвинулся ближе, чтобы рассмотреть, как на деревянную колоду ложится обнаженная женщина. Я узнал: сама мадам ля Вуазен, ноги широко раздвинула так, что влагалище выглядит, как вход в туннель под Ла-Маншем. Козломордый «Сатана» приблизился с пародируемой торжественностью, ему услужливо подали по черной свече. Он харканул на каждую и дал их в раскинутые руки ля Вуазен.

Насколько я помнил, такие свечи полагается делать из жира некрещеных детей, но, возможно, эти слухи усиленно распускает сама церковь, чтобы народ спешил крестить младенцев, в этом мире сразу все и не поймешь. «Сатана» приблизился с другой стороны и поставил на живот ля Вуазен деревянную чашу с какой-то жидкостью. Если память не изменяет, там должна быть моча или кровь продажной девки, которую перед этим поиме-

ло как можно больше простого народа, желательно — грязного и пьяного.

Я ждал, когда же начнется свалный грех, на такое и посмотреть любопытно, да и поучаствовать можно, ведь хоть балахон придется сбросить, но маска останется, но «Сатана» долго раздавал всем гостям, это такие просвирки или облатки, а потом те начали поочередно подходить к ля Вуазен и макать их ей куда-то между ногами. Не рассмотрел, может — в жопу.

Мои пальцы замерли, я снова натянул балахон. Что-то не все здесь нравится, не все... «Сатане» подали молитвенник, он перевернулся и начал читать задом наперед, при этом матерился и время от времени хватался за гениталии, и без того уже весьма надутые кровью. Остальные ликующе сквернословили, как малые дети, оставшиеся без присмотра родителей, плевали на распятие, делали непристойные жесты, ну совсем как школьники на перемене или служащие в японском офисе, где в отдельной комнате можно побить чучело босса.

Я все еще выжидал, все-таки траханье самое интересное, уже заприметил пару сисястых девок, а жопы всем жопам жопы, еще остается шанс, однако дальше началось в самом деле что-то не то: одни лупили друг друга и себя тоже плетьми, другие... это называется по-ученому феллацио, но что-то меня не тянет говно есть, хотя одно время было поветрие, помню, пить мочу и верить, что так можно вылечиться от всех болезней и стать умнее.

Я затянул пояс на балахоне потуже. Да, это нескользко... перегиб. Черную мессу придумали те, что хотели посмеяться над дикарской пышностью церковных обрядов, но такое начинание подхватили сперва ловкачи, что умеют выжать выгоду из любой кучки говна, а потом и наивные простаки, что всерьез поверили, будто от «Сатаны» получат блага куда быстрее, чем от строгого и требовательного Творца.

Вот сейчас один за другим подходят к «Сатане» и, встав на колени, целуют в зад. Кто-то даже лижет, ну это

за века не изменилось: и в третьем тысячелетии эти же люди целуют и лижут боссу задницу, только бы получить премию или повышение по службе.

Вообще-то эта черная месса, при всей отвратительности, все же... не случайна. Сама церковь, создавая свои обряды, брала их из языческих, но выворачивала наизнанку, всячески очищая от всего плотского и мирского, тем самым как бы оставляя только духовное. Но духовного в языческих культурах не было вовсе, потому церковные службы выглядят величественно только для забитого крестьянина из глухой деревни, а вельможа, которого золотом на рясах не удивишь, сразу же начинает втихаря посмеиваться. Ну нет там за пышностью одежд и слаженным хором такой же осязаемой духовности, как ощущаешь плоть в языческих культурах!

И, как следствие критического ума, возникла пародия на церковную службу, которая рассчитана на слепо верующих, а вот думающим там не место. Сейчас самая священная и могучая сила — церковь, потому пародируют ее, а когда мощь церкви ослабеет, а вместе с нею и почтение к ней, то эти черномессисты изберут новые мишени: патриотизм, демократию, политкорректность...

Хотя нет, над этими можно смеяться в открытую, а для черной мессы нужно ударить именно по самому святому, запретному, охраняемому. Так Салмон Рушди высмеял и пародировал Коран, за что поплатился вечным бегством: награда в миллион долларов за его голову — тот же приговор инквизиции...

К группке отдельно стоящих фигур подбежала одна мелкая и суетливая. Вокруг нее сгрудились, а я, ощущив неладное, начал отступать, прячась за деревьями.

Собственно, даже когда у меня в руках лук Арианта, молот и меч, все равно не могу устроить побоище. То же самое, что ворваться в ночной клуб и открыть стрельбу по голым стриптизершам, пьяным завсегдатаям, игрокам, среди которых половина шулеров, а другая половина — папенькины сынки, проигрывающие карманные деньги.

Глава 11

За спиной послышались встревоженные голоса. Я оглянулся, от группы черномессистов отделилось с десяток фигур, что, расхватав факелы, бросились в мою сторону. Я понесся прочь из леса, направление к городу помню, в темном лесу вижу, как днем, дыхание хорошее, а ноги пока что не подкашиваются...

Деревья расступились, яркий лунный свет ударили по глазам, как дубиной. Я охнул и зажмурился на миг, поморгал, услышал злорадный хохот и торопливо поднял веки.

Прямо передо мной на залитой ярким лунным светом опушке трое оседланных коней щиплют траву, а их хозяева, охраняя тропу, ведущую на поляну с черной мессой, расположились на поваленном бревне. У одного в руках небольшой кожаный бурдюк с вином, однако все трое моментально обнажили мечи и окружили меня быстро и профессионально.

Одного я узнал, был с Вильдом в тот день, когда я заставил его хозяина отступить. Сейчас он злорадно оскалил зубы.

— Что, благородный, запыхался? Никак черти за тобой гонятся?

Я ответил, задыхаясь:

— Да... еще какие... Всех порвут!

Он сказал весело, наслаждаясь моментом:

— Это наши черти. Они тебя порвут... но только если мы не успеем раньше, га-га! Что предпочитаешь?

Я порывался ухватиться за меч, но они все трое наготове, и как бы я ни двигался быстро, кто-то успеет. Если по голове, то заживить просто не успею, не смогу...

Один сказал с хохотом:

— Моррот, он предпочитает чертей!

Моррот покачал головой:

— Нет, пусть сам выбирает. Так интереснее.

— Ты старший, ты и решай...

Моррот со смехом покачивал острием меча у меня перед грудью.

— Ну так что, — спросил он со злым весельем, — что предпочитаешь? Чтобы черти тебя сожрали... или чтоб тебя расположовали мы сами? Сделаем как ты хочешь!

Все трое ржали, наслаждались полным превосходством. Моррот, как я заметил, еще и шевелит пальцами левой руки, словно вяжет невидимым крючком, в лице все же некоторое отстранение, будто говорит одно, а задумал другое.

— Как я хочу? — переспросил я. — Пожалуй, я сперва разберусь с вами, а потом и с вашими чертями.

Он захотел, пальцы прекратили ткать незримую нить, предложил внезапно:

— Считаешь себя непобедимым? Ну тогда вынимай свой меч... Вынимай, вынимай!

Насторожившись, я медленно опустил пальцы к рукояти меча. Медленно потянул его из ножен. Хотя все трое стоят близко, мечи у них обнажены, но все равно душа воспрянула, расправила крыльшки.

Моррот наблюдал со злой ухмылкой:

— Ожил, благородный? Надежда затеплилась? Вот что значит прикоснуться к оружию...

— Да, — согласился я, — это что-то значит. А знаешь, чем больше шкура неубитого медведя, тем больше шансов потерять свою.

— Умный, — ответил он. — Посмотрим, какого цвета твои мозги. Сильно ли отличаются от дурацких...

С мечом в руке я приготовился сделать к нему осторожный шагок. Он смотрел злобно, с насмешливым презрением, затем глаза на миг превратились в щелочки. Я беззвучно засмеялся, магия меня не берет, сейчас обломится...

Яркая вспышка ударила по глазам жгучей болью. Вскрикнув, я едва не выронил меч, одной рукой схватился за выжженные глаза, другую выставил перед собой и размахивал клинком. Перед глазами сплошная чернота,

даже без плавающих звездочек, острые боли стучат в виски. Сейчас, как я понял, самое время меня и прикончить, но, с другой стороны, я совершенно беззащитен, если не считать, что бестолково размахиваю мечом, так что можно приблизиться не спеша. И ударить, к примеру, в спину...

Как ужаленный, я развернулся и ударил по воздуху. Тяжелое лезвие едва не отсекло мне ногу. Паника превратила меня в бестолковое животное, я не сразу даже сообразил, что за три красноватых силуэта появились в черноте, почему за ними тянутся длинные хвосты силуэтов.

Запаховое, мелькнула мысль, я сразу же ожила, мечом размахивал все так же бестолково, но так, чтобы не подпустить их близко. Я не вижу, что в конечностях этих красных двуногих, могу только догадываться, но все равно они пусть считают меня ослепшим полностью...

— Дураков каких мало, — прокричал Моррот с хохотом, — у нас много!

Второй страж поддакнул с ехидным смешком:

— Эх, заставить бы всех дураков Богу молиться...

— Что вы со мной сделали? — вскричал я погромче. — Колдуны проклятые!

— Это не колдовство, — пояснил Моррот довольно, — это другое... Теперь ты у нас умрешь медленно, очень медленно. У нас есть время. Итель, Беландар, заходите с той стороны!.. Отрубите ему руки, но не убивайте.

Голос звучал холодно, властно. Я махнул в ту сторону мечом, выказывая полную беспомощность, до Моррота не меньше трех шагов, он злорадно захохотал. Я стискивал челюсти, морщился, словно это может помочь ускорить возвращение зрения, а в термозрении и запаховом видел их уже достаточно отчетливо, даже определил, в какой руке у кого оружие.

Я опустил меч и проговорил торопливо, задыхающимся голосом:

— Вы... победили... Давайте договоримся...

— О чём? — спросил Моррот.

Они приближались, очень уверенные, я сказал торопливо тем же жалким голосом:

— Я ведь рыцарь... Я слово держу! О чём договоримся, то и будет...

Моррот хохотнул:

— Не выйдет.

— Но почему?

— А потому!

Его рука начала подниматься, я видел всех, даже за спиной, покорно склонил голову. Вздохнул, затем внезапно развернулся, выбросил вперед руку с мечом, ощущил толчок, моментально выдернул лезвие из тела Ителя, и тут же без замаха ударили второго, Беландара.

Моррот опешил, так быстро лишившись двух надежных слуг, а когда он занес меч и торопливо обрушил на меня сверкающее лезвие, я вовремя и достаточно легко парировал.

Он отскочил в замешательстве, а я улыбнулся как можно зловеще.

— Не ожидал? Я тебя, тварь, насквозь!.. Как Иван Грозный бояр...

Он пролепетал:

— Но... как? Как?

— А вот так, — сказал я и пошел на него, нанося удары и легко парируя его неверные замахи. — Легко!

— Но у тебя... у тебя... глаза закрыты!

Ужас в его голосе был таков, что я расхохотался и, сделав усилие, поднял горящие веки. Термозрение медленно отступает, как и запаховое, вижу почти отчетливо, Моррот завопил, повернулся, сделал шаг, но кончик длинного меча достал плечо, рука отвалилась, словно картонная.

— Ну вот, — напомнил я хриплым голосом, — а кто-то обещал отрубить мне руки.

Моррот упал, орал, корчился, катался от дикой боли,

из плеча торчит обрубок кости, хлещет темно-красная кровь. Я повернулся к Итэлю и Беландару. Сражаясь с Морротом, не выпускал их из виду, Беландар лежит с окровавленной головой, а Итель корчится, зажимая вылезающие из живота кишки, пытается приподняться, снова падает лицом в траву.

Я остановился над Беландаром.

— Прогадал? — спросил сочувствующе. — А ведь я говорил, что рыцарь, слово держу.

Он поднял искаженное мукой лицо, в глазах боль и дикое изумление, прохрипел окровавленным ртом:

— Как?..

— Неважно, — ответил я. Повернулся, сильным ударом разрубил Беландару голову до самой челюсти, так надежнее, подошел к Морроту. Он уже распластался на спине, пальцами уцелевшей руки пытается зажимать хлещущую кровью рану. — Я добрый... я не буду вас мучить. Контрольный удар в голову.

Итель вскрикнул горестно, услышав хруст раскалываемого черепа. Я подошел к нему, поигрывая красным лезвием. Он смотрел с бессильной злобой, я приставил острие к его глазу, кровь сразу натекла лужицей и заполнила всю впадину.

— Не убивай, — вдруг сказал он торопливо. — У меня несметные богатства... Все будет твоим! Только...

Я покачал головой:

— Я не сказал, что я — рыцарь? Сказал.

Он вскрикнул и дернулся, но лезвие с хрустом вошло в глазницу, пронзило мозг, рассекая нервные узлы и сети, он затих и, раскинув руки, перестал дергаться. Из распоротого живота кишки все еще выдавливаются со злобным шипением, словно там своя жизнь, отдельная от этого неудачливого человека.

Я все еще вытирал лезвие меча о роскошную одежду Моррота, не понимая, почему в спину тянет сыростью, когда заметил, как от моих ног наметилась слабая тень.

На востоке посветлело небо, высоко в небе вспыхнуло огнем розовое облачко. Далекая городская стена еще в тени, отсюда смотрится не слишком внушительно, а стражи на ней больше похожи на медленно ползающих мух.

Наконец я заторможенно решил, что у Моррота меч очень неплох, а главное — чистый, взял его и, сорвав ножны вместе с поясом, опоясался на правую сторону и сунул меч в ножны. Моя тень тем временем протянулась, неимоверно длинная, на целую милю и достигла стены, та заискрилась в лучах утреннего солнца.

Я охнулся, уже не отдельные мухи, а целый рой облепил верх стены, значит, меня увидели, что у них за глаза, не иначе как колдуны помогают, из распахнутых ворот выметнулось с десяток всадников.

Я поспешил отступить под защиту деревьев, в этот момент над стеной, где толпится народ, взвился черный столб, завертелся, превращаясь в смерч, а в верхней части начали вырастать два черных туманных крыла.

Зеленые ветви сомкнулись за мной, но перед глазами все стоял этот чудовищный смерч над ничего не подозревающими людьми, то ли медленно пожирая их, то ли растравляя ненависть и направляя в нужном направлении.

Лес невелик, но все равно всадники застрянут среди первых же буреломов, я торопливо перебежал на другую сторону, оттуда в личине исчезника торопливо пробрался через открытое место.

Всадники надолго исчезли в лесу. Я ломал голову, как пробраться через ворота, там вместе с мытарями за приезжающими обязательно следит колдун, но с опушки леса раздались крики, веселые песни.

Мадам ля Вуязен, ее неразлучный Джадар, это он изображал Сатану, и вся свита, оттягивающаяся на черной мессе, выехали из леса кто верхом, кто на повозках. Некоторых, как я заметил, везли настолько упившихся, что лыка не вязали.

Будь что будет, я пристроился в конец процесии, все настолько истощились в оргии, что ни один даже головы не повернул. Едва миновали врата, я отделился и все в той же личине начал пробираться в сторону церкви.

За два квартала будто кто-то облил холодной водой. Я охнул и ускорил шаг, потом сорвался на бег. Народ с воплями бежал в том же направлении: к церквушке отца Шкреда. Меня обгоняли, толкали. Я слышал испуганно-радостные крики, как всегда, когда где-то горит дом, на что можно полюбоваться и порадоваться, что полыхает не твой. Наконец дома раздвинулись, мои ноги похолодели, но я заставил себя подойти ближе.

В небо упирается сверкающим острием громадный айсберг, глазам больно от блеска. Солнце отражается во всех гранях, словно там высится исполинский кристалл алмаза. Несмотря на теплый день и прямые солнечные лучи, под ледяным утесом сухо. Ошарашенный народ стоит кольцом, бегущие замедляют шаг и подходят уже почти на цыпочках.

Мне протискиваться нет надобности, вижу поверх голов, как под ледяным утесом все же потемнела земля, спустя минуту показалась первая струйка воды. Значит, все-таки лед, а то почудилось вообще невесть что. От льдины явственно веет Арктикой, тундрой, белым безмолвием.

Глава 12

В толпе тишина, смотрят потрясенно, не слышно волей, как было бы при пожаре, никто не суетится, не бросается что-то делать, спасать... Да кого спасать, тоска сжала меня, как гигантская ладонь детский мячик. Если там внутри и осталась церквушка, то все в ней превращено в лед. Чудовищная магия сумела как-то создать огромное количество воды и мгновенно заморозить ее... Или просто создала лед, не привлекая воду?

Я безотчетно проталкивался ближе, народ расступа-

ется нехотя, никто не смотрит даже, кто толкает, взгляды всех устремлены на исполинскую глыбу льда. Тесной группкой стоят дюжие и одинаково одетые люди с эмблемами гильдии суконщиков, а в середке сам мастер Пауэр. Я протолкался к нему, суконщики заворчали, Пауэр оглянулся, недовольный, но узнал меня, пугливо оглянулся по сторонам и сказал шепотом:

— Что вы делаете...

— Смотрите вперед, — прошептал я.

Он послушно повернулся, я услышал шепот:

— Приношу свои соболезнования. Вы тоже здесь были...

— Как все случилось? — спросил я глухо.

— Не знаю, — ответил он, — но вот Ульрих был поблизости как раз. Он все видел...

Второй, на которого он указал, оглянулся, злой и раздраженный:

— Тихо ты, дурак... Не болтай лишнего.

Я вытащил золотую монету, показал и кивнул в сторону ближайшего трактира. Суконщики переглянулись, посмотрели на Пауэра. Тот кивнул, и вся группа начала проталкиваться вслед за мной. Я оглянулся в последний раз, из-под глыбы потекли струйки воды, но сама глыба вроде бы простоит так еще не одни сутки, пока не расстает.

В харчевне нам отвели на чистой половине отдельную комнату, пришлось заплатить втрое дороже, суконщики расположились за столом, на меня смотрят с выжидательной враждебностью.

— Как все случилось? — повторил я.

Пауэр кивнул на одного из членов своей гильдии, худого остроносого человечка с выпуклыми, как у лягушки, глазами.

— Ульрих был с самого начала.

Суконщик коротко поклонился, сказал торопливо, чуть пригнувшись к столу и понижая голос:

— Вы не поверите, ваша милость... Там на площади

играли детишки, рисовали на земле всякое. К ним подошел какой-то монах, заговорил, потом взял у них мел и тоже начал рисовать. Мы как раз с Тулиусом там стояли поблизости. Сперва подумал, что монах начнет детям говорить о Боге, остались еще такие, что бродят и все ноют и ноют о Божьей благодати, о загробной жизни... Я уж подумал, что надо пойти и дать в ухо, ну разве можно детям о загробной жизни?.. А потом я засомневался. Что-то не понравилось...

Он умолк, я спросил нетерпеливо:

— Что?

— Почудилось, рисует не мелом, — сказал Ульрих с некоторым затруднением. — Хоть и далеко мы стояли, но все-таки видел, что в руке никакого мела. С другой стороны, линия от руки шла четкая, жирная, будто держит большой кусок...

— Дальше!

— И так он нарисовал что-то совсем несообразное. Детям не понравилось, хотели затереть и нарисовать свое, но он удержал их, сказав, что сейчас покажет удивительную картину. Дети стали ждать, а он начал бормотать что-то, махать руками. Мы сперва подумали, что он читает молитву, монах же, а когда сообразили, что это черная магия и надо остановить, было поздно...

Он торопливо налил себе, выпил, осмотрел остекленевшими глазами, продолжил сипло:

— Прямо из-под земли ударил черный свет, будто там в недрах какое-то окно открылось во всю дурь!.. И тут же этот сатанинский свет стал твердым. Я сам видел, потом один ребенок поднял камешек, швырнул, и камень отскочил с таким звоном, будто ударил в лист железа!

Второй, которого он назвал Тулиусом, сказал тихо:

— Это уже потом, когда лед посветлел...

— Нет, — возразил Ульрих. — Сперва аж зазвенело, но потом стало монолитом. Тут уж не зазвенит... И только тогда всех нас проняло. Мы все к колдовству привыкли, но у нас все по мелочи: заговоры, привороты, отворо-

ты, любовное зелье, амулеты для любовных чар, амулеты для защиты от них... А здесь вот такое сразу! Народ, как видели, ошелел. Тишина какая...

Я пил молча, на душе гадко. И хотя отец Шкред мне не родственник и даже не молодая девка с большими сиськами, все равно гадко, как будто потерял близкого родственника. Да и разрастается чувство вины, он мог пострадать косвенно из-за меня. То ли колдун рассчитывал, что я уже зашел к нему в церковь, то ли заранее лишил меня места, куда вернусь и где, возможно, получу какие-то сведения...

Когда я вышел из таверны, глыба подтаивала, заметно осела, а блистающие под солнцем грани, острые, как лезвия мечей, стали тупыми, изъеденными кавернами. Из-под глыбы неспешно текут струйки мутной воды, лишнее подтверждение, что это создание темной магии — вода, обыкновенная вода. Всего лишь и понадобилось, что подвергнуть ее мгновенному понижению температуры.

Всего лишь, подумал я мрачно. Но откуда-то в доме и над домом? Если понизить температуру может и слабенький колдун, то вот так создать столько воды, это надо быть неслабым магом. Или же копить ману долгие годы, чтобы вот так разом выплеснуть всю без остатка.

В любом случае положение мое хуже некуда. Даже если слабый маг выплеснул всю свою ману, накопленную за годы, то, значит, ему заплатили столько, что вот взял и отдал. А с человеком, который может выложить такую сумму, шутки плохи.

А если, мелькнула мысль, такое же попробуют проделать с особняком? Правда, не будет акта купли-продажи, но бесхозную землю можно выставить на аукцион. И понятно, кто на этом аукционе победит...

Я не замечал, что все ускоряю и ускоряю шаг, пока впереди не показалась красная черепичная крыша. Бе-

шество нарастало, я пронесся через сад, не обращая внимания на то, есть кто в кустах или нет.

Сэр Торкилстон выскочил навстречу, похожий на каменную статую командора, закованную в железо, меч в руке, через прорезь шлема блеснули глаза.

— Сэр Ричард!.. Вы неосторожны!

— Эти зарвались, — бросил я зло и побежал в дом.

— Они — да, — прокричал он вдогонку, — трупы уже убрали... Но если бы там засели другие?

Я не ответил, ворвался в свою комнату, бросил на лавку лук, меч, молот, вытащил из мешка обе половинки кирасы, края щелкнули и слились в единое целое. Дрожащими от ярости пальцами раскатал браслеты, укрыв руки от плеч до кистей. В коридоре загремели шаги, Торкилстон вырос в дверном проеме, словно каменное изваяние. Он вскинул брови в удивлении, никогда не видел, чтобы рыцарь облачался в полные доспехи так быстро, да еще сам, но смолчал. Я торопливо прицепил к поясу молот, перебросил через плечо перевязь со щитом, бешенство бьет в череп раскаленным молотом, задыхаюсь от ярости, руки трясутся, как у паралитика, губы прыгают. Не то что молитву, выматериться не могу, только кровь шуряет по телу, как испуганные тараканы по кухне.

— Я пойду с вами, — сказал Торкилстон.

— Нет, — возразил я.

— Сэр Ричард, посмотрите на себя в зеркало!

— Мужчину красят шрамы.

— У вас нет шрамов, — напомнил он. — Но будут, если еще удастся уцелеть, в чем я сомневаюсь. Бешенство — плохой помощник.

Я покачал головой:

— Сэр Торкилстон, мне нужно кое-кого навестить.

Но мне нужно, чтобы на это время тыл был прикрыт. Я оставляю с вами Пса; он нечисть чует любую и рвет в клочья. Поможет не только с нечистью справиться... Если

будет угроза Амелии и ее детям — сразу почуяет. А я на Зайчике...

Он сказал было упрямо:

— Но два меча — это...

Умолк, я кивнул:

— Вы правы, за моим Зайчиком не угнаться. Не обижайтесь, но придется останавливаться и защищать вас. А я хочу побыстрее добраться до этой мрази, что обещает уничтожить вдову и ее детей.

Я выскочил из дома, Зайчик прибежал на свист. Сэр Торкилстон крикнул с крыльца пониженным голосом:

— Вдову?

— Увы, да, — ответил я.

— Вы точно знаете?

— Да, — ответил я.

Он наморщил лоб:

— Сэр Ричард... вы крутую кашу заварили. Я слышал, в город приехали четверо бывалых бойцов, двоих я знаю хорошо. Может быть, стоит их позвать поработать? Это будет стоить недорого, а охранять госпожу Амелию они сумеют...

— Хорошая идея, — сказал я горячо. — Приглашайтесь! Я все оплачу.

— Я поторгуюсь...

— Но не слишком, — предостерег я, — нам каждый человек важен, а деньги у нас пока что есть.

Зайчик нетерпеливо потряхивал роскошной гривой, огненный глаз косит в нетерпении: что за черепаха этот хозяин... Меня все еще трясет, я похлопал его по шее, он посмотрел удивленно.

— Все путем, — заверил я с неловкостью. — Это я так... Что это мы в глухой обороне, будто и не люди во все? Что-то долго я на этот раз терпел. Совсем обобщечеловечился, тряпка...

Он не дрогнул, когда я запрыгнул в седло, только уши запрядали, стараясь уловить, что же меня так дернуло. Мы выметнулись, как будто из горящей конюшни.

Дробно застучали копыта, на улицах с криками бросались к стенам, мы несемся посредине, а кто не уступил дорогу вовремя, сам виноват. Дважды или трижды в сторону отлетали человеческие тела, а я направил коня к центральной части города.

Тегер, который похвалялся вновь изнасиловать Амелию, с компанией своих ублюдков сидел на открытой площадке перед трактиром дядюшки Крокуса. Площадка огорожена решетчатым заборчиком из крашеных дощечек, за тремя столами человек двенадцать, все наглые и уверенные, пьют и хохочут. Женщин на улице провожают такими взглядами, что даже шлюхи опускают головы, стараются убраться из виду как можно быстрее.

Я на скаку вытащил веревку с петлей, у одних это называется арканом, у других — лассо. Те и другие умеют метать его издали, но я не те и не другие, потому остановил коня рядом с заборчиком, держа веревку наготове.

Они сразу опустили кружки и смотрели с заинтересованным ожиданием. Никто даже не потянулся к мечу или ножу, сейчас ясный день, городская стража близко, да и не сумасшедший же я, заводить скору с целым отрядом.

— Ты! — крикнул я. — Пьяная мразь!.. Думал, сойдет с рук?..

Он в двух шагах, но я не был уверен, что смогу даже с двух шагов метнуть лассо, потому спрыгнул прямо с седла на ту сторону заборчика. Петля мелькнула в моих руках и широко легла на шею Тегера, захватив и плечо. Я поспешил дернуть, чтобы захлестнула именно шею, прыгнул обратно в седло и, быстро намотав веревку на седельный крюк, послал Зайчика вдоль улицы.

Конь ринулся, как будто им выстрелили из катапульты. За спиной затрещало, забор разлетелся в щепки, как стая вспугнутых голубей. Мы пронеслись два квартала прежде, чем я оглянулся. Тело задушенного Тегера волочится, подпрыгивая и ударяясь о неровные булыжники мостовой. Одежда излохматилась, и если он еще и жив,

то уж в таком состоянии, что не вытащит нож, чтобы перерезать веревку.

На улице разбегались с криками, труп на поворотах заносит и с размаху бьет о стены, деревья, столбы. Я сцепил зубы, одной рукой вытащил меч, дома мелькают, как будто на полном скаку мчатся навстречу и лишь в последнее мгновение успевают отпрыгивать в сторону.

Распахнулась площадь, на той стороне роскошный дворец Бриклайта. Перед ним кучки народа — то ли праздношатающиеся, то ли бедолаги, попавшие к нему в зависимость и льстиво старающиеся попасть на глаза всесильному хозяину города.

Зайчик пронесся, победно гремя копытами. За нами тянется след слабого крика, но мы опережаем его намного, и когда копыта прогремели перед самым дворцом, народ лишь подался в стороны.

Я взмахом меча перехватил туго натянутую веревку, крикнул яростно:

— Эта сволочь наказана... вы знаете за что!.. И трое остальных подонков умрут так же страшно! Семя Бриклайта будет вырвано с корнем!!!

Зайчик развернулся и понесся, все больше набирая скорость. За спиной остались крики, свисток дудки городской стражи, я видел даже обнаженные мечи, но Зайчик все набирал скорость, впереди наконец появилась городская стена.

— Давай, — сказал я, — на ту сторону. Через ворота не светит...

Зайчик всхрапнул обиженно, зачем такое говорить, когда он сам раньше меня все понял и направился именно сюда. Еще два могучих удара копытами, сильный толчок, меня вжало в седло так, что заскрипели кости во всем теле. Стена выросла и опустилась. Копыта почти задели ее верх, но Зайчик подогнул ноги, и теперь мы неслись навстречу стремительно приближающейся земле.

Я едва удержался от желания закрыть глаза, не такая уж и высокая эта стена, но все-таки тряхнуло еще силь-

нее, позвоночник затрещал и кости заскрипели. Зайчик помчался в сторону гор, город за спиной быстро уменьшается, а ветер все сильнее выворачивает губы и пытается выдавить глаза.

— Тихо-тихо, — взмолился я. — Понимаю, тебе хочется показать себя в полной красе... но что делать, нам пока так далеко не надо.

Он остановился так резко, что я, даже крепко-некрепко вцепившись в ремни, едва не перелетел через голову ему под копыта.

Среди ровной выжженной пустыни, где желтая трава жмется к земле, вздымается башня из темного камня, блестящая, словно по стенам все время стекает вода.

Я смотрел и не верил глазам: исполинские камни, из которых сложена башня, по размерам побольше тех, что в Баальбекском храме. Непонятно, как их затаскивали наверх, откуда вообще их везли, поблизости ни гор, ни каменных карьеров.

В трещинах башни угнездились уже не кусты, а цепкие деревья, сейчас голые ветки угрожающие вздымаются к небу. От ворот так и пышет доледниковым периодом, в то же время ни ржавчина, ни что другое не коснулось этих врат.

Я подъехал ближе, на одной половинке выпукло смотрит на меня гигантский череп размером со всадника. Череп человеческий, в то же время глазные впадины шире, узкие скулы раздвинуты в стороны, а зубы все трахоядные, если можно так сказать: без клыков хищника, без резцов, даже спереди одни коренные. И постоянное ощущение, что из темных глазниц за мной следят упорно и неотрывно.

— Что за жизнь, — сказал я с тоскливой дрожью в голосе. — Сколько еще проходить мимо этих Заколдованных, Зачарованных и прочих запретных башен и замков?

Зайчик сочувствующе ржанул, повернул голову, огненный глаз посмотрел с немым вопросом: ну что, обратно?

— Да, — согласился я. — Обратно... А потом когда-нибудь вернемся.... И всласть пороемся во всех подвалах...

Зайчик сопел, фыркал, понес меня вокруг башни, еще больше растравив душу, всеми фибрами чую, что там всего-всего, мне бы только добраться, я не суеверен, и нечисть меня тоже не пугает, но Зайчик уже перешел в галоп и пошел обратно к городу.

Я вдохнул, заставил себя думать, что делать дальше, но перед мысленным взором замелькали картинки, как я набрасываю петлю на шею, как с силой пробиваю телом мерзавца дощатую ограду, как волочится по камням, как его мотает и бросает из стороны в сторону... Этот гад успел ухватиться за веревку, но на повороте хорошим ударом о стену вышибло дух, и пальцы разжались, а мгновения достаточно, чтобы шейные позвонки хрустнули...

Я так и эдак прогонял перед глазами эти сладостные сцены, но раскаяния никакого, как и христианского сострадания. Даже не насытился, а когда вспомнил об оставшихся трех братьях этой сволочи, пальцы сами собой сжались, будто хватаю всех за глотки.

Сейчас они уверены, что я унесся из города и никогда больше не вернусь. Придется разочаровать как захваченных обывателей, так и особенно семейство Брикдейлов. Я вернусь. Я еще как вернусь. Таракон меня запомнит больше, чем красную чуму в прошлом столетии.

Глава 13

За холмистой грядой открылся вид на городские стены. Дальше рисковать не стоит, я спрыгнул на землю и поцеловал Зайчика в бархатнее ноздри.

— Гуляй, — сказал я тепло. — Когда будешь нужен, свистнущ.

Он вздохнул, прянул ушами, настоящий конь, только если очень внимательно приглядываться к его глазам,

можно заметить, что знает и умеет намного больше, чем показывает. И ко мне тянется гораздо больше, чем к любому другому человеку. Как-то чует, что во мне больше от его исчезнувшего мира, чем от любого из здешних жителей.

— Гуляй, — повторил я. — Я тебя люблю.

И я тебя люблю, почудилось мне в ответ. Зайчик унесся, взбрыкивая и потряхивая гривой, я посмотрел вслед, вздохнул. Как бы разговорить его, в смысле, заставить поделиться информацией, он же видел так много. Нет, не заставить, друзей не заставляют, ну уговорить, убедить, я же свой, я его пойму... во всяком случае, буду стараться понять без всякого предубеждения и не позову святую инквизицию, дабы сжечь его на костре.

Холмы остались за спиной, я спустился на дорогу, в город тянутся подводы с зерном. Я напросился на одну, теперь сидел на дне телеги, чтобы казаться меньше ростом, нахохлился и старался выглядеть безобидным крестьянином.

Изчезничество позволяет делать себя не только невидимым, если не считать колдунов и собак, а также некоторых животных, которые глазам предпочитают, к примеру, тепловое зрение, но могу и менять свою внешность до некоторых пределов. Не слишком уж, но сейчас у меня широкое лицо с приплюснутым носом, безобразный рот и спутанные грязные волосы. Самое же главное, у меня борода: густая, пегого цвета, сразу бросающаяся в глаза. Настоящая, вырастить ее за десять минут оказалось непросто, зудит и чешется не только лицо, но и все тело, будто тысячи муравьев кусают со всей дури.

На воротах вместо двух стражников и сборщика по-дати не меньше восьми дюжих молодцев в полном вооружении. Видимо, Бриклайт все же принял меры на случай моего неожиданного возвращения в город. Хоть и мала вероятность такой дури с моей стороны, но он все-таки принял меры, да... Во всяком случае, когда хозяйничашь в городе, как в своем кармане, то можно весь состав

городской стражи бросить на поиски убийцы сына, а карманники и прочее ворье пусть пока работают без страха.

Сердце колотится, адреналин распирает, как глубоководную рыбу у поверхности моря, я старался выглядеть глупо и беспечно, стражи только скользнули по мне взглядами, и телега прошла под сводами городских врат.

Старый рыцарский замок, ныне склад, высится среди домов богатых горожан, как боевой слон среди стада коров. А высотная каменная башенка, похожая на фабричную трубу, напоминает вздернутый кверху в победном кличе хобот.

Когда-то с этой башни высматривали приближение врага, но город разросся так, что теперь можно наблюдать только за прохожими на улицах.

Я запрокинул голову, впервые за последнее время там появились люди. И, перегибаясь через каменный парапет, всматриваются очень внимательно.

Городские врата, понятно, блокированы, а то, что мне удалось пробраться в город, ничего не говорит: тщательно проверяют как раз тех, кто пытается выбраться. Еще тщательнее проверяются все суда, а у самого входа в бухту под парусами курсирует военный корабль, принадлежащий городскому совету. Понятно, если какое судно вздумает сейчас выйти из порта, его проверят так, что и мышь не спрячется. А скорее всего, вообще не выпустят под каким-нибудь предлогом, власть городского совета распространяется на все земли и воды, принадлежащие городу.

По городу разъезжает конная милиция, я видел, как останавливали прохожих, что скрывают лица под низко опущенными капюшонами.

Мышцы превратились в мокрые тряпки, колени подгибаются, хочу есть, и вообще что я за дурак: нужно было всего лишь недельку-другую пожить в гостинице, а там

на корабль и — через океан! Но я дурак, иначе не назовешь, потому что если умный человек, каким я считаю себя, делает дурацкие поступки, то он все-таки дурак, кем бы себя ни считал...

Краем глаза я уловил рядом чье-то присутствие. Ладонь упала на рукоять меча, но тут же я узнал острый мифистофелевский профиль с резко изломанной бровью, придающей выражение острой иронии и скептицизма. Я недовольно засопел, хотя втайне обрадовался: хреново одному, когда измучен, устал и прячешься, вообще до упадка духа рукой подать, а я уже долблю себя в темечко за дурость...

— Ну и как? — спросил он.

— Что? — переспросил я. Добавил задиристо: — Пока не жалуюсь.

— Разве? — переспросил он с сомнением. — Я был о вас... гм... иного мнения.

— В чем?

— Как человек разумный, вы, по-моему мнению, должны были делать разумные поступки.

Я хмыкнул:

— Человек, как сказано, имеет свободу воли. Значит, он имеет право и на дурость. Чем, понятно, пользуется ого-го как. А вы хотите, чтобы поступал только по уму?

— Да, — ответил он просто. — Теперь скажите, кто из нас на стороне Хаоса: я или Он?

Я в затруднении пожал плечами. Конечно, если по логике, то, понятно, Сатана не только усиленно двигает цивилизацию, но и насаждает везде образцовый порядок. Конечно, могу возразить, что самый образцовый порядок был в Германии, когда там по струнечке строили бараки в Освенциме, не то что в пьяной России, тупнейшей Америке, болтливой Италии или юбочной Франции, где порядка никогда не было. Но если начну выстраивать такие доводы, то стану похожим на штампованныго демократа. Это они по каждому поводу заученно

твёрдят насчет фашизма и антисемитизма, а я, слава Богу, не демократ, не демократ, у меня с головой все в порядке, шпаргалками из-за бугра не пользуюсь, а доводы нахожу свои... если нахожу, конечно.

Он с удовольствием повторил, видя мое затруднение:

— Так кто из нас на стороне правильности?

Я замялся, развел руками, слова не идут в ответ на прямо поставленный вопрос. Взгляд упал на женщину с большой корзиной ягод, явно прямо из леса, лицо счастливое, губы и даже щеки перезапаны красным соком.

— Разве не правильнее, — сказал я медленно, — было бы отнять у нее ягоды? Ведь я сильнее. Отнять ягоды, сожрать, а женщину еще и помять, потискать, задрать юбку. Изнасиловать, если так уж восхочется.

Он молчал, смотрел с интересом. Женщина прошла мимо нас, коротко поклонившись, бросила испуганный взгляд на темную фигуру Сатаны, мне робко улыбнулась.

Я проводил ее взглядом.

— Но вот что-то во мне сопротивляется, — продолжал я. — Что — не знаю. Да, по уму я должен и сейчас догнать ее, повалить, задрать юбку...

Он хмыкнул:

— А ведь многие на вашем месте именно так и делают! И получают, так сказать, все удовольствие. И от ягод, и от женщины.

— Знаю, — ответил я невесело. — Получают. А потом еще и смеются над такими лохами, как я. Мол, упустили, а ведь само в руки плыло!

— Все верно, — согласился он. — Разве не так?

— Верно, — согласился и я. — Но что за голос подсказывает изнутри, что так поступать нельзя?

— Почему нельзя? — спросил Сатана с интересом.

— Просто нельзя, — ответил я, прислушиваясь к себе. — Просто нельзя. Как нельзя, скажем, читать чужие письма.

Он вскинул резко изломанные брови:

— Почему нельзя? Наоборот, читать чужие письма весьма интересно, познавательно. Добавочная информация, расширение кругозора, а также возможность получить некоторое преимущество... даже власть над тем, чьи письма вы прочли! Вообще-то те люди, у которых внутренние голоса молчат, как раз и создают королевства, свергают династии, утверждают свои, правят миром, заевывают соседей...

Он смотрел с благожелательным интересом, как вывернусь на этот раз, ведь довод неотразим, я сам понимаю, что именно так и происходит, в моем «срединном» та же ситуация, пока честные да совестливые сопели в тряпочку, бесчестные уже все нахапали и стали королями. В смысле, олигархами.

— Да, — сказал я, — повергают, создают, правят миром... Но все же, все же...

— Что?

— Мне кажется, — проговорил я с трудом, стараясь уловить порхающую над головой мысль, — если бы не эти люди, что с внутренними голосами, то все эти короли все еще дрались бы каменными топорами. И не за королевства, а за более защищенные от ветра и снега пещеры.

Он насторожился, затем взглянул с великим интересом:

— Ого, вы знаете о каменных топорах?

— А вы не знаете? — спросил я.

— Я-то знаю, — протянул он, лицо его дернулось, застыло, как при очень тягостном воспоминании, — это была очень долгая эпоха... Но закончилась так давно, что уже и я почти забыл о ней. Как и о других, что вместе со мной восстали... И были низвергнуты. А все люди на земле, даже самые ученые, уверены, что мир всегда был таким. Знаете, дорогой сэр Ричард, я все больше хочу получить вас в свою команду. Я жду не дождусь, когда же вы ступите на палубу корабля!

Я спросил с невольным вызовом:

— Полагаете, что-то изменится?

Его глаза смеялись, губы раздвинулись в широчайшей улыбке.

— Вы такое... такое увидите на той стороне океана!

— И что?

Он покачал головой:

— Все увиденное и услышанное меняет наши взгляды. Разве не так?

— Не знаю, — ответил я в затруднении. — Знаю, что меняет, но не уверен, что все.

Он сказал с железной уверенностью:

— То, что увидите, изменит! Там совсем другая культура. Более высокая.

Я пробормотал:

— Знаю-знаю. Культурный человек никогда не замечает, как другой выругается, плюнет на ближнего или начнет его избивать. Вообще культурный, образованный человек и в дерьмо наступает так, что любо-дорого посмотреть. Взять наших демократов...

Он слушал с благожелательным интересом, в глазах то понимание, что просто бесит: видит нас kvозь, я сам до свинячьего писка стремлюсь на Юг, а возражаю только из упрямства и детского стремления противоречить всем и всему.

— До встречи на Юге, — произнес он с учтивой церемонностью и торжеством в глазах. — Нам будет о чём поговорить. Увидите, вам самому поговорить со мной захочется... очень!

Он отступил прямо в стену, тоже мне исчезник, я перевел дыхание, сердце колотится, словно выдержал невесть какую битву. Ладно, на Юге посмотрим. А сейчас есть задачи понасущнее.

Бриклайт, окруженный то ли помощниками в деловых вопросах, то ли телохранителями, вышел из городской ратуши и сумрачно обозревает площадь. Помрач-

невший, с осунувшимся лицом, под глазами темные мешки, щеки отвисли, как у бульдога.

Я бочком-бочком заскользил вдоль стены, помесь чучундры с хамелеоном, сердце чуть не выпрыгивает, забежал за угол и прокричал оттуда громко:

— Бриклайт! Даю сутки тебе и твоим шакалам, чтоб убрались из города. Останетесь — пеняйте на себя.

Я отступил на пару шагов и, не покидая личины исчезника, торопливо скользнул за нагруженные повозки, а оттуда уже пустился со всех ног, постоянно прикидываясь то частью стены, то наростом на дереве.

Пятеро бросились к телеге, я успел увидеть, как с разбега обогнули с двух сторон и столкнулись лбами. Бриклайт в бешенстве топал ногами:

— Сто золотых!.. Сто прямо сейчас тому, кто убьет эту сволочь!

Несколько человек дернулись, но остановились, растерянно глядя друг на друга. Сто золотых монет — целое состояние, но этот благородный уже отправил на тот свет кучу народа и, судя по всему, останавливаться не собирается. А зачем покойнику сто монет?

Я насторожил уши, до меня донеслось осторожное:

— Он умеет отводить глаза...

— И Шатанга умеет, — рявкнул Бриклайт. — А Церугол умеет выявлять тех, кто отводит...

— Секемба этих отводников вообще слепит, — подал голос очень пышно одетый молодой мужчина, я узнал Джорджа, сынка Бриклайта. — Отец, я эту сволочь притащу на той же веревке, на которой он... Отец, он умрет у нас страшно! И не сразу.

Запомним, сказал я себе и отступил еще, а потом на всякий случай перешел в другой квартал. Не обещаю, что умрешь страшно, но умрешь. Хотя бы за то, что насиловал Амелию. И причастен к убийству отца Шкреда. И вообще помогал грабить город, а добропорядочных горожан опустил до уровня демократов...

В двух-трех лавках, куда я заходил, чтобы перекусить на ходу, меня, как я понял по лицам хозяев, узнали, но лишь запросили втрое дороже. Я заплатил, усмехаясь, рынок — есть рынок, вышел, но на всякий случай попетлял, попеременно влезая в шкуру исчезника, а в остальное время — пряча лицо под низко опущенным капюшоном.

К концу дня уже наметил, как пробраться в дома Браклайта и Вильда, до вечера наблюдал за горожанами, ловил обрывки разговоров. Воздух становится плотнее, отсырел, ветерок с моря стих, ночь надвигается тяжелая и хмурая, небо потемнело, даже звезды поглядывают сквозь тьму мелкие и редкие.

Я поправил лук за плечами, приходится прятать под плащом особенно тщательно, то и дело старается высунуться рогом. Дома медленно поплыли навстречу.

Из темноты между домами донесся тихий голос:

— А ты осторожен, ваша милость!.. То-то с тобой никак не совладают.

Я быстро развернулся, в кромешной тьме стоит толстенький мужчина в приличной одежде зажиточного горожанина, на груди амулет. Перехватив мой взгляд, приятно улыбнулся и сказал так же тихо:

— Да, я тоже вижу в темноте... Но где ваш амулет?

— Под рубашкой, — сообщил я, по лицу горожанина понял, что ляпнул не то, наверняка амулет из-под рубашки не сработает, быстро перевел разговор: — Вы просто хотели сделать комплимент?

Он усмехнулся, но за моим лицом наблюдал настороженно.

— И это тоже. Вы чересчур правильный человек, ваша милость. Вышивать крестиком не пробовали?.. Да это я так, шутю с перепугу. Вас там впереди ждут.

— Кто?

— Засада, кто ж еще?

Я насторожился:

— Ого! А вы, значит, решили предупредить?

— Да.

— Почему?

— Вы хороший человек, ваша милость. И поступаете правильно, как я уже говорил. Настолько правильно, что другого бы уже стошило.

— Кто ждет?

— Не знаю, но их шесть или семь человек. Они пьянистывают вон там в трактире. Правда, один все время на страже, а еще один то и дело выходит на крыльце и смотрит через кристалл... вы знаете эти кристаллы, верно?

— Ну да, — ответил я вынужденно, — а как же! Знаю.

— Так вот, он высматривает вас, ваша милость.

— Даже ночью?

Он прищурился, покачал головой:

— Они считают вас, как и я, тертым калачом. Вы молоды, однако... словом, таким ночь не помеха.

— Спасибо, — сказал я. — Тогда я лучше обойду. Я человек вообще-то мирный. Где могу, там драк избегаю.

Он сказал вдогонку:

— Вот только они к вам так и липнут.

— Это сами, — ответил я. — Сами.

Глава 14

Дом Джорджа, третьего сына Бриклайта, выглядит изящной игрушкой: перекупил у разорившегося дворянина, ничего перестраивать не стал, так что и здание не потеряло благородного облика, и я без помех пробрался на второй этаж.

Стража только у входной двери, я продвигался медленно, затаиваясь и прислушиваясь. Отыскав спальню, тихохонько приоткрыл дверь, в ноздри шибануло сладкими ароматами пряных трав. Темно, в дальнем углу слабый огонек светильника, но и он отгорожен, чтобы свет не падал на глаза спящего.

Я на цыпочках подкрался, к благовониям примешивается запах вина. Папин сынок безобразно пьян, успел даже облеваться прямо в постели, мразь...

Он что-то пробормотал во сне, я накинул петлю на горло, рванул, затягивая. Он захрипел, просыпаясь, ухватился обеими руками за веревку, но та уже врезалась в шею. Я рывком сдернул с постели и потащил в другую комнату, откуда просматривается балкон.

Джордж на ходу пытался ухватиться за дверной косяк, я с наслаждением хряпнул дверью, послышался дробный хруст, Джордж забился в беззвучном хрипе. Лицо побагровело, глаза выпучились, я дернул и потащил через всю комнату, сгребая роскошный ковер. Джордж снова пытался дотянуться хоть до чего-то, но я пинками отбрасывал его руки, беспощадно бил в лицо, превращая его в кровавую маску, топтал и без того искалеченные кисти рук.

На балконе лунный свет упал на его лицо, я увидел в глазах дикий ужас.

— От...усти... — донесся хрип. — Все... что хочешь...
 — Хочу, — ответил я.
 — Что...
 — Чтобы того, — ответил я с нажимом, — что вы про-
 делали с Амелией, не было...

Он прохрипел:

— Что тебе эта...

Я без труда поднял его тело и перевалил за балкон.

— А ты еще меньш...

Он ухватился за перила, перебитые тяжелой дверью пальцы как-то держат, я быстро закрепил другой конец веревки. Лицо Джорджа из багрового стало синим, он задыхался, просипел:

— Я сейчас упаду... Не убивай... Возьми все...
 — Беру, — ответил я. — Жизнь.

Пальцы его разжимались, но я не стал ждать, ударил каблуком. Со сдавленным хрипом сорвался, и тут же ве-

ревка натянулась, как струна. Я бесшумно исчез с балкона, пробежал через анфиладу комнат, в коридоре горят светильники, не удержался и без всякой необходимости перевернул все четыре, выливая горящее масло на ковры.

На улице можно бы и не останавливаться, опасно, но я задержался на перекрестке, наблюдая, как в окнах особняка вспыхнуло красное пламя. Когда загорелись шторы, огонь выметнулся наружу и осветил свисающее с балкона бевольное тело. Из дома напротив донесся крик, наконец-то заметили, я повернулся и проходными дворами заспешил от опасного места.

Вскоре послышались свистки городских сторожей, цокот подков. Пронеслись с палашами наголо отборные стражи. Я выждал, когда цокот удалился, а обыватели не спешат голыми выскакивать на улицу, быстро пронесся еще три квартала, лишь тогда замедлил шаг, уже обдумывая, как подобраться к Рунтиру, второму сыну Бриклайта.

За полночь едва перевалило, а я уже в здании, купленном Бриклайтом для Рунтира. Больше похоже на маленькую крепость, даже на тюрьму для особо опасных: толстые стены, низкие своды, крохотные окошки, множество магических ловушек, на них Рунтири денег не пожалел, а вот слуг то ли отпустил на ночь, то ли не желает их в своем доме...

Точно так же отыскал спальню, Рунтира помню плохо, собирался закончить одним ударом меча, уже занес для удара, но фигура под одеялом забормотала женским голосом и повернулась на спину. Я приставил ей к горлу лезвие ножа.

Женщина распахнула глаза, они сразу же в ужасе полезли на лоб, я предостерегающе прижал палец к губам.

— Тихо!

Она попыталась кивнуть, но не решилась, холодное лезвие прижато к белой нежной коже. Я прошептал:

— Ты кто?

- Мария...
- Жена?
- Господину Рунтиру? — перепросила она шепотом. — Нет, я не ему жена...
- Понятно, — ответил я. — Ладно, выяснить не буду, чья ты жена, но партнера для забав выбрала неудачно. Закрой рот и давай руки... нет, за спину, дурочка.

Я сорвал шелковый шнур с кровати и крепко связал ей руки, точно так же связал ноги, а затем, подумав, зачем-то грубо загнул ноги и привязал их к рукам. Видел где-то, что так делается, хотя и не понял зачем. Рот заткнул, она смотрела жалобными глазами, явно умоляя взять от нее все-все, оставив только деньги, вещи и жизнь, я посмотрел без сожаления, знала бы она, в каком виде ко мне приходит Санегерийя... и сегодня наверняка придет.

Под гардероб у Рунтира целая комната, то есть не просовываешь за одеждой руку в небольшой тесный шкаф, а входишь в комнату, где вдоль стен развешаны сотни разных костюмов, и выбираешь, выбираешь, выбираешь, как пидор или транссексуал, я в них разбираюсь не особенно, но инстинктивно чувствую враждебность, как любое посягательство на наше общее мужское достояние или наши завоевания.

Спальню Рунтира украсил своеобразно: сам женственный, чувственный, упадет в обморок от вида порезанного пальчика, но на стенах топоры, ножи, дротики, пара мечей с драгоценными камнями в навершиях, а главное сокровище — старинный рыцарский щит с затейливым гербом над изголовьем.

Я рассматривал из-за портьеры, похоже, этот отпрыск спекулянта собирается обзавестись дворянством. Послышались шлепающие шаги, будто приближается тюлень, Рунтири вошел голый, но не потому, что принимал ванну — пахнуло немытым телом, — просто в этом шик и крайняя распущенность: пройти от отхожего места через комнату голым, не гася света!

Я с дротиком в руке вышел из-за портьеры. Он увидел связанную женщину, остановился как вкопанный. Но прежде чем издал вопль, я ткнул острием копья в спину. Он обернулся, глаза полезли на лоб, попятился и рухнул в кресло.

Я замахнулся, он прошептал:

- Не убивай!.. Я все отдам...
- Отдашь, — подтвердил я. — Жизнь отдашь...
- Но...

Бешенство утроило силы, я ударили с такой силой, что острие проломило грудь, как яичную скорлупу, и застряло в спинке кресла. Он дернулся, уставился непонимающими глазами, изо рта хлынула кровь. Полагал, что мы начнем долгий разговор, я захочу поупиваться своим положением победителя, но я помню, что любители на этом и горят, а профи все делают сразу и молча.

Надо уходить, но бешенство еще застилает кровавой пеленой глаза, я выхватил меч и двумя ударами отсек руки, это за те кровоподтеки, что оставил на теле Амелии. Они шлепнулись на пол и еще несколько раз дернулись, словно рыбы на сковороде. Надо уходить, но я отсек гениталии и швырнул их на пол, пусть увидят и решат, что я отрубил их сперва, потом — руки, а убил уж в самом конце, как сделал бы каждый, исступленно жаждущий мести.

Смерть не исправит преступника, на чем настаивают всякие там тупорылые гуманисты, зато предостережет сотни и тысячи других, кто хотел бы, но... А тем более такая жуткая смерть. Каждый, кого распирают дурные гормоны, тут же протрезвеет и предпочтет уговорить какую-то податливую шлюху, чем изнасиловать хотя бы нищенку. Ведь и у нищенки может отыскаться безжалостный мститель.

Женщина лежит все так же на боку, спиной ко мне. Я прошел было мимо, но оглянулся: смазливая бабенка, какого хрена связалась с таким уродом, у которого ниче-

го, кроме денег. Даже в постели, теперь вижу, вряд ли был орлом, очень даже вряд ли...

— Если не ошибаюсь, — спросил я шепотом, — ты и есть жена Теодора-булочника?

Она радостно закивала головой.

— Хороший человек, Теодор, — сказал я, — хороший...

Приблизив окровавленный меч к ее горлу, я сказал негромко:

— Сделаю я доброе дело... Оборву твою подлую жизнь, освобожу этого хорошего человека от такой дряни.

Ее глаза расширились от ужаса, я слегка нажал, но тут же убрал меч. Если следовать простейшей логике, то как раз и подумают на Теодора. Мол, проследил за женой, пробрался в их спальню и убил обоих... Конечно, Бриклайт будет знать, кто убил на самом деле, но и Теодора повязать могут, могут...

Со вздохом я пошел к двери, старательно обходя ловушки. Подумал с безнадежностью, что эта блудливая тварь обязательно расскажет, что я каким-то образом чую ловушки и обхожу, так что этот мой секрет будет раскрыт, на одно умение у меня, считай, меньше...

У самой двери услужливая память приподняла лицо священника и его слова, что Теодор с двумя подручными выехал в села закупать зерно и пробудет там суток трое-четверо. Вот этим и воспользовалась жена, тут же оказавшись на эти три-четыре ночи в постели Рунтира...

Да, но это значит, что у Теодора полное алиби! Я обернулся, сорвал со стены тяжелый метательный нож и бросил, вкладывая всю силу и умение. Нож дважды кувыркнулся в воздухе, затем чмокающий удар и легкий треск, с каким пробивает тонкие кости. Лезвие погрузилось в висок почти по рукоять, я отвернулся и вышел.

Бешенство испарилось, во всем теле смертельная усталость, но ни капли раскаяния. Никак не чувствую, что жизнь человека — священна. Тем более любого. Полови-

ну населения этого города я вообще бы утопил в говне. Причем сбросил бы в такую яму, чтобы говна по грудь, не выше. Чтобы стояли и начинали понимать, что как жили, так и умрут. Чтоб долго стояли, пока ноги держат...

Черт, ну почему я такой злой? Ведь умом же понимаю, что не все сволочи!.. Впрочем, Господь тоже понимал, что не все в Содоме и Гоморре — пидоры, там были даже праведники, но все-таки сжег на фиг...

У Вильда самый просторный дом. Почти не уступает по размерам отцовскому, к тому же Вильд часто ночует в родительском, а я не знаю, где он сейчас. Да и небо уже светлеет, скоро в небе загорятся облака, заискрятся золотом зубцы на городской стене, а как известно, у дневных хищников шансов меньше, чем уочных.

У деловых горожан глаза нацелены вперед и по сторонам, даже оглядываться некогда, можно выгоду упустить, потому я взобрался на крышу одного из домов, а они все вплотную, так что передвигался поверху, никто не увидит.

Вильд чаще всего окружен своими головорезами, с крыши можно стрелой, уж по такой цели не промахнусь, но я не механизм, для которого главное — поразить цель. Я хочу увидеть эту сволочь лицом к лицу, убить так, чтобы все насильники призадумались и присмирели. Как бы ни бурлили гормоны, но мысль о том, что за это могут вырвать гениталии — отрезвит любого. На насилие решаются только тогда, когда уверены в безнаказанности.

Утром он проехал так близко, что я мог бы дотянуться концом копья, если бы оно у меня было. А так я долго провожал взглядом его фигуру, он на коне, справа и слева закованные в добротное железо молодцы. Впереди двое на резвых конях, еще двое прикрывают тыл.

Я оглянулся, вроде бы есть куда отходить и где ускользнуть, торопливо сорвал с плеча лук и, наложив

стрелу, натянул тетиву. Вильд уже почти на пределе дальности, к тому же еще миг, и скроется за поворотом, я отпустил стрелу, держа в сузившемся поле зрения левое ухо Вильда.

Стрела ударила с такой силой; что, прочертив кровавую полосу слева по голове, срезала ухо начисто. Вильд закричал, хватаясь за пораженное место, испуганный конь встал на дыбы. Со всех сторон началась суматоха, слышались крики и ржание, цокот подков. Я как можно быстрее перескочил на другую крышу и побежал в личине исчезника, держась тени и прячась за трубами.

Очень не скоро дом, с крыши которого я выпустил стрелу, окружили всадники. Один оставил коня и, став на седло ногами, уцепился за край крыши. Мускулы, ослабленные беспробудным пьянством, едва-едва позволили ему втащить тяжелую задницу наверх, там расплакался и долго лежал, отсапываясь.

Другие орлы благоразумно побежали искать лестницу. Я посидел еще чуть, прячась за трубой, но при таких темпах расстояние в десять домов, что нас разделяет, — это полдня для таких героев, поднялся и удалился, почти не скрываясь.

Весь день я присматривал за домом Вильда, но вечером повезло: он вышел на балкон с одним из своих телохранителей. Разговора я не слышал, но хорошо рассмотрел, что левая сторона головы замотана в чистые тряпки, через которые все еще проступает кровь. Зато правое ухо торчит вызывающе оттопыренное, привлекая все внимание.

Это подало идею, я снова снял с плеча лук, прикинул расстояние, вроде бы достану, задержал дыхание и заставил изображение приблизиться. Стрела сорвалась с тетивы, сильно ударив по пальцам даже сквозь перчатку, но я неотрывно смотрел на ухо, держал взглядом именно то место, откуда оно торчит...

...И стрела послушно ударила в указанное место. Ухо

повисло на жилке, половину головы сразу залило кровью. Вильд еще хватался за рану, вопил, как кто-то обхватил его сзади руками и уволок в комнату.

Едва они исчезли из виду, я поспешил убрался с удобного места, скоро здесь окажется толпа горластых с мечами, соскользнул по лестнице и, не убирая ее, смысла нет скрывать явное, бросился проходными дворами на соседнюю улицу. Там перешел на шаг, заглянул в одну из мясных лавок, переждал топот на улице, когда группа вооруженных дважды пробежала туда-сюда, купил пол-барана и вышел очень довольный покупкой, громко заявляя, что здесь и хорошее мясо, и свежее, и продает хо-зяин дешево.

В мою сторону даже не смотрели, подозревая наня-того зазывалу, так что без помех и лишних взглядов вы-брался на другую сторону базара.

Часть 4

Глава 1

Через два часа я поднялся на старую зубчатую башню, что над старым замком. Верх залит лунным светом, внизу полная темень, но эта башня первой в городе вспыхивает под утренним солнцем, и тогда выглядит не каменной, а выкованной из сверкающей меди.

Я сильно продрог, проведя и эту ночь без сна, зато с башни высмотрел все, что поможет ориентироваться на местности, устал, перемещаясь с места на место, ищеки Бриклайта методично обшаривают квартал за кварталом. Приходилось не просто переходить из одного в другой, но и предпринимать чудеса изобретательности, чтобы обхитрить колдунов, умеющих улавливать присутствие врага на расстоянии сотни шагов.

Сейчас я в личине угрюмого ремесленника направился в сторону рынка, по мне видно, что мучаюсь головной болью после вчерашней пьянки, лучше не подступаться и вообще лучше не смотреть в мою сторону, а то в похмельном раздражении найду к чему придраться и все равно набью морду.

Рыночная площадь с утра еще в тени, пока пахнет свежо и даже приятно. Воздух чист. По ту сторону площади улица основателя города, герцога Дюренгарда Первого, самая тесная, узкая и кривая, по ней даже всадники разъезжаются с тру-

дом, а возчики на телегах вообще стараются туда не сорваться. И все-таки там лучшие мастерские, антикварные лавочки, даже златокузнецы расположились там, где дома напоминают многоэтажные муравейники.

Я прошел к дому, который высмотрел, высокий и старинный первозамок, потом — городской склад, когда-то был единственным, а теперь все склады переместились в порт, поближе к кораблям, что и понятно. Сейчас склад почти заброшен, но в нем сохранилась ветхая лесенка, по которой могу взобраться на самый верх, а там, на крыше, залечь и внимательно наблюдать за всем, что происходит в городе.

Главное, неотвратимость наказания. Вроде бы так некогда всегда втемяшивали нам. Мол, это главное. А раз так, если это в самом деле главное или хотя бы очень важное...

Наконец я пробрался в квартал ткачей и суконщиков, незаметно скользнул в сад. Мастер Паэр давал наставление трем подмастерьям, а когда они ушли, я сразу сказал за спиной негромко:

— Не оборачивайтесь. Вы меня не видите и вообще незнакомы.

Он напрягся, проговорил еще тише:

— Что вы хотите?

— Нужно распространить слух, что Вильд будет убит завтра. Так сказал Ричард Длинные Руки. И что Вильд будет убит, даже если сумеет спрятаться в скорлупе грецкого ореха. Даже лесного.

Он промолвил после паузы:

— Мы не одобляем такую жажду убийств... но это пусть на твоей совести. Однако Вильд не появляется на улице, где некто отстрелил ему оба уха. Если после потери первого уха еще считали, что по нему промахнулись, то после второго выстрела...

Я спросил с удовольствием:

— Что говорят?

Даже со спины я видел, как он поморщился.

— Говорят, что вы играете с ним, как кошка с мышкой. Но ведь не так ли?

— Так, — согласился я. — Во-первых, пусть он сам, гад, потрясется за свою жизнь, во-вторых, пусть горожане видят, что преступление будет наказано точно в срок, как и объявлено. Еще добавьте, кстати, такую полезную информацию... Пусть всякий, кто ему прихвостен, с этого момента держится от него подальше. Я не стану вникать в детали: лес рубят — щепки летят. Сообщник или не сообщник — держись подальше, а то могу ненароком зацепить...

— А то и нароком, — заметил он осуждающе.

— А то и нароком, — согласился я. — А что, неправильно?

— Очень жестоко, сэр... гм, благородный сэр.

— Я пришел из очень жестокого мира, дорогой старшина. Все эти удары мечом или пытки в подвалах — детский лепет с насильственными поглощениями, таможенным контролем, оранжевыми революциями, манипуляциями, зомбированием и нещадным давлением налогового пресса... Эх, какие только я гадости не знаю... И, страшно подумать, все видел, а кое-что даже и ощущал!

Он застыл, а я отступил и скрылся в лабиринте тесных помещений мастерских.

Слух по городу пронесся с быстротой молнии. Я сам видел, что вокруг Вильда остались только его наемники, да и те чувствовали себя очень неуютно. Вокруг его группы, где бы они ни появлялись, мгновенно образовывалась пустота. Куда бы он ни направил стопы, народ бросался в стороны, давил и топтал друг друга, только бы не оказаться к нему близко.

Вильд, похоже, поверил, что я нанесу удар только завтра. Сегодня дважды выходил на улицу: первый раз проверил работу своих магазинов, а второй раз сходил в порт и долго наблюдал за погрузкой кораблей. Правда,

оба раза выстраивал маршруты так, что подобраться близко не смогла бы и мышь. К тому же при нем теперь двое колдунов. Непростых: у обоих на лбу синяя татуировка с крылатыми змеями и ветвистыми молниями, знак принадлежности к самой могучей секте Корней.

Наступил вечер, я менял личины и переходил из одних кварталов в другие, через которые уже прошли колдуны, а когда наступила ночь, потихоньку пробрался к крепостной стене и затаился в тени, присматриваясь и прислушиваясь.

Помимо разговоров о товарах, пьянках и бабах, услышал и такое:

- Этот рыцарь, хоть и дурак, но человек честный...
- Да что вы говорите? У нас честные встречаются реже, чем святые.
- Но он в чем-то и хороший человек...
- Хороших людей много! Полезных мало...
- Все-таки он, как умеет, наносит пользу и причиняет добро... Правильный человек, хоть и слишком...
- Нет ни правильного, ни неправильного, есть только общепринятые истины!
- Но он, хоть и молод, молоко на губах не обсохло, но хочет повернуть к старым добрым временам...
- Он?
- Ну да, а вы не заметили?
- Эх, хорошие привычки продлевают жизнь, зато плохие делают ее приятнее...
- Поймают его?
- Спросили бы меня еще вчера, я бы сказал «да»...
- А сегодня?
- Сегодня даже вы, дорогой сосед, такого не скажете.
- Что-то вы, дружище, злой сегодня с утра. Вы не слыхали, что лучше остаться без острого словца, чем без друга?
- Друга? Соседушка, иного выгоднее иметь в числе врагов, чем в числе друзей!

— Я понимаю, что дорога ложка к обеду, а кусок дерьма — в окно соседу, но не так уж явно, соседушка, мы же приличные люди...

Это уже неинтересно, приличные люди скучны и везде одинаковы, потихоньку начал пробираться по улице в направлении дома Вильда.

Впереди перекресток, дом Вильда на той стороне, я задействовал все чувства и, борясь с полуобморочным состоянием, увидел, как впереди тени наливаются космической плотностью. Я шел как по Луне: в тени исчезаю полностью, становлюсь невидимым. Впрочем, я могу и по-другому становиться невидимым. Или хотя бы частично невидимым, ибо колдуны и собаки увидят меня все равно.

Одна из теней вытянулась и легла поперек пути, перегородив улицу. Мелькнула мысль обойти, что-то в ней слишком зловещее, необычное, не простая тень, вон вбежала лохматая собачонка и, судя по ее бегу, должна бы выскочить на той стороне через пару секунд, но как будто в космос вылетела...

Я оглянулся, не благоразумнее ли отступить и обойти квартал по другой улице, меня в городе почему-то считают разумным человеком, надо же. Пошарил взглядом по сторонам, никто ли не увидит, что прячусь, вроде бы никого... разве что кто с тайным злорадством наблюдает в щель между неплотно сомкнутыми ставнями...

Набрав в грудь воздуха, я задержал его в груди и шагнул в тень. Космический холод обрушился с такой силой, словно я голым упал в озеро с жидким гелием. Под ногами хрустнуло, я догадался в кромешной тьме, что наступил на ухо или лапку неосторожной собачонки.

Иди, велел я себе. Иди, ты должен... И мое застывшее негнущееся тело каким-то образом сделало шаг, потом еще и еще. В черепе заломило от дикой боли, там сейчас кровь превращается в кристаллики, разрывая тончайшие кровеносные сосуды, нервная ткань гибнет..

Иди, тварь, сказала что-то во мне, я почти не узнавал свой голос.

Иди... Я шагнул и оказался как будто на поверхности Солнца. Сверлящий жар выжег глаза и опалил кожу, лишь мгновение спустя я сообразил, что это я просто вышел из тени. То ли мой организм так быстро почти приспособился к сверхнизкой температуре, то ли еще чего, но сейчас по контрасту я едва не обратился в пепел, и лишь моргал и хватал горящими легкими раскаленный воздух.

Не магия, сказал встревоженно внутренний голос. Против здешней магии иммунитет, но не против забытых технологий. А это, похоже, гм...

И все-таки защищают дом-крепость Вильда по стаинке. То есть от тех, кто врывается на могучих конях, в сверкающей броне и с огромными мечами в руках.

У парадного входа расположились на отдых трое могучего сложения стражей, так что можно не сомневаться, что по ту сторону двери их вдвое больше. А то и коридор на ночь перегородят, это могут. Не говоря уж о магических ловушках...

Я в личине замученного жизнью пастуха пригнал пять овец, купив их на соседней улице, скруто сообщил стражам, что овец взял, как и заказано управителем, куды их теперь, мне показали на хлев, примыкающий прямо к кухне, я загнал их туда, а сам вышел уже вместе с челядью и вместе с ними прошел через боковую дверцу в здание. Таких дверей, как заметил еще вчера, в доме две, и обе почти не охраняются. Разве что от мальчишек, которые норовят стянуть что-нить лакомое из кухни.

Боковые двери для челяди — самое уязвимое место, и много пройдет веков, пока сообразят, что под видом молочников, зеленщиков, печников, трубочистов, золотарей и кухарок могут прокрадываться самые разные люди. Одни для того, чтобы ублажить хозяйку, а другие — с бомбой в руках...

Труднее всего пройти через кухню. Длинные столы

вытянулись не только вдоль стен, но и через все помещение. Повара, кухонные мужички и бабы снуют, как бронзовские частицы, без всякого порядка и вообще-то чаще всего без смысла, главное — не работать, а показать, что уработался.

Я прижался к стенам, нырял под столы и пробирался на четвереньках, хорошо, не видят меня ни Гунтер, ни Тюрингем, ни Рассело, привыкшие зреть в роли всемогущего лорда, величественного и чуть ли не непогрешимого. Последний рывок я сделал, когда один из слуг ногой распахнул двери, в руках огромный поднос, я скользнул между ним и дверью, больно стукнулся локтем, а другим задел самого мужичка. Он зашатался и едва не выронил поднос, с бранью накинулся на сотоварища, тот бежал с пустым подносом навстречу и почти что задел, а по мнению пострадавшего — намеренно толкнул, сволочь, не может забыть ту бабу, что пошла тогда с ним, а не с этим придурком...

За дверью я прижался к стене, сердце колотится, подташнивает, перед глазами все плывет, как всегда, когда разом пытаешься видеть в тепловом и запаховом режимах, а также задействуешь во всю мощь видение магических ловушек и капканов, петель или даже просто сигнальных струн.

Две протянуты через комнату, повара и кухарки пересекают ее десятки раз, но, видимо, колдун, как и в доме Бриклайта, как-то настроил сигнализацию, и на «своих» она не реагирует. Понятно, если пересеку эту линию, у колдуна сработает сигнализация. Ну там каркнет черный ворон или мяукнет черный кот. А то и в волшебном зеркале появится моя мужественная физиономия.

Вверху на лестнице, слегка присев широким задом на перила, тучный человек в сутане беседует с управителем. Тот смиленно кивает и виновато разводит руками. Внезапно толстяк повернулся и посмотрел вниз, на лице явное беспокойство.

Я отступил в тень и за спину слуг, ухватил кресло с

широкой спинкой, оно прикрыло лицо и всю верхнюю часть, суетливо понес через комнату, стараясь попасть в ритм бестолковой суеты. Мне показалось, что слуги стараются справиться со всеми обязанностями как можно раньше, а к вечеру слиняют на квартиры к знакомым и к родне в городе. Все уверены, что я если и рискну явиться по душу последнего сына Бриклайта, то обязательно в глухую полночь.

Когда я бросил взгляд из-за стула, толстяк перегнулся через перила, рискуя свалиться, и шарил глазами по всеми залу внизу. На лице его я усмотрел сильнейшее беспокойство.

«Чертов колдун, — прошипел я в бессильной злости. — Мало вас инквизиция на кострах жжет, мало. Увижу где — поленце подброшу».

Затерявшись в толпе слуг, я проскочил в другую комнату, поставил кресло у стены и, выбрав момент, шмыгнулся по боковой лесенке наверх. На двенадцатой ступеньке ковер светится красным, хотя если пригасить магический глаз, то никакого свечения нет. Я переступил ловушку, затем еще одну и еще, поднырнул под магический шнур, настолько плотный, что если бы налетел с разбегу, то, наверное, отшвырнуло бы, как тую натянутая проволока. А может, и не отшвырнуло...

Я зябко передернул плечами, о плохом думать не хочется, но осторожность удвоил, и не зря, едва не просмотрел, как из ниши в мою сторону шагнул металлический рыцарь.

— Назад, — вырвалось у меня.

Рыцарь, к моему удивлению, послушно отступил и замер. Я перевел дух, даже ноги трясутся, будто бежал на сороковый этаж с мешком муки на плечах, покрался вдоль стены медленно и приглядываясь ко всему, принюхиваясь, стараясь ощутить опасность прежде, чем обрушится на голову.

На этаже управитель дома следит за слугами хозяйственным взором, к нему тихонько подошел повар, да так не-

слышно, что управитель подпрыгнул от неожиданности и выругался.

Повар сказал успокаивающее:

- Все в порядке, Батист, это я...
- Теперь вижу, — буркнул управитель.
- Извини, сейчас мы все дергаемся... Как думаешь, неужели этот сумасшедший явится?

Управитель буркнул с неприязнью:

- Кто знает. Но то, что уже троих положил... Знаешь, как только стемнеет, прибежит мой племянник со слезами, что мамка умирает. Мне придется оставить дом на ночь...

Повар кивнул:

- Вы всегда были предусмотрительны, почтенный Батист. Я тоже не хотел бы ночевать здесь в такое время. Своими руками убил бы эту сволочь!

Управитель оглянулся, сказал, понизив голос:

- Пока что все идет хорошо...
- Вы что имеете в виду?
- Да всякое, — ответил управитель с загадочной усмешкой.
- Ловушки? — спросил повар. — Тайные стражи?

Батист покачал головой:

- Ты видишь, почему я старший управитель верхних покоев, а ты все еще заведуешь кухней? Все еще не понял, что теперь господин Вильд — не только главный, но и единственный наследник господина Бриклайта?

Повар застыл с полураскрытым ртом. Мне показалось, что в его тупой башке начало зарождаться подозрение, уж не сам ли Вильд все это устроил, чтобы устраниТЬ соперников, а в таких делах нет братьев, есть только конкуренты, но Батист не дал оформиться мысли, сказал отечески:

- Но тебе уходить нельзя, понял?
- Нет, — ответил повар настороженно. — Почему?
- Не догадываешься?
- Нет...

— Пойми, — втолковывал управитель, — все разбегутся на ночь, а ты останешься. Господин Вильд сразу заметит твою преданность, понял?.. И приблизит к себе. Или начнет приближать. У тебя появится шанс выдвинуться!.. Или хочешь всю жизнь заведовать поставками на кухню?

Повар подобрался, только что хвостом не завилял, в глазах собачья преданность и благодарность.

— Никуда не уйду, — пообещал он.

— Вот-вот, — сказал управитель, — теперь понял?

— Понял, господин Батист! Вы всегда заботились обо мне!

— И сейчас забочусь, — сказал управитель отечески. — Мне нужны верные люди. Конечно, есть небольшой риск остаться на ночь... кто спорит, зато наш хозяин увидит и оценит твою преданность!

Повар часто закивал:

— Господин Вильд это увидит.

Глава 2

Управитель едва заметно усмехнулся, похлопал его по плечу и наконец-то величество удалился в сторону внутренних покоев. Похоже, рассчитал, что если хозяин и будет недоволен его отсутствием, то оценит благородумие и дальновидность: а такие работники нужны, нужны. Хоть и подлецы, хоть и продадут при первом же случае, но это же рынок, надо делать так, чтобы не продавали, а это значит — платить больше.

Повар тоже ушел, я наконец-то прошмыгнул еще дальше. Мелькнула мысль, что Вильд здорово бы обезопасил себя, если бы допустил в дом собак, но он, как и всякий, кто тяготеет к черной магии или хотя бы покровительствует ей, держит кошек. Эти наглые жирные твари слоняются по коридорам, сидят на балконах, воруют из кухни рыбу и роняют всюду гадко пахнущую шерсть.

Все они, конечно же, видят меня, но кошкам люди

безразличны, никто из них не станет защищать хозяина, так что всего одна походя потерлась о мою ногу, помурлыкала и пошла прочь. К счастью, никто не видел, что кошка трется о пустоту, а если бы увидел и всмотрелся, то заметил бы, что это не совсем пустота, а там вообще-то человек...

Такое вот свойство исчезничества, отводить глаза можно только тем, кто не всматривается пристально. Но даже если всматривается, но не ожидает увидеть человека на этом месте, то и не увидит. Правда, колдун увидит в любом случае, стоит посмотреть в мою сторону, да еще собаки видят отчетливо, даже если не смотрят на меня, запаховое зрение дает им картину всего помещения.

Так, дальше переплетение магических шнурков, пол расписан знаками, в стенах пульсирует нечто опасное, холод ледяными иглами бьет то в спину, то в лицо.

Нет, дальше двигаться — самоубийство. Я не знаю, насколько сильны колдуны Вильда, но могу предположить, что он собрал лучших. В смысле, сильнейших.

Да и так ли уж важно, какую смерть примет эта гнусь? Главное, чтобы исчез, а уж народ постарается на-придумывать подробности одна страшнее и ужаснее другой.

На стене непонятные письмена, значит — руны, все непонятное — руны, даже если это клинопись, кто-то очень злой высекал их на каменной плите: у доброго получились бы округлее...

Я пробежал мимо, затормозил и оглянулся. Странное узнавание, я же такие знаки видел и запоминал в книге мага Уэстфорда, когда служил у волшебницы Элинор!

В дальнем коридоре послышался топот, замелькал оранжевый свет факелов. Я зашевелил губами, звуки складываются в слова: странные, рваные, жесткие, по телу прошла волна жара, на миг ощущил полуобморочное состояние, и тут же камень начал разогреваться, буквы деформируются, поплыли, смазались...

— Вот он! — донесся ликийющий крик.

— Быстрее! Пока в окно не сиганул...

Пол вспучился, словно оттуда прорастает гигантский гриб. По коридору бегут пятеро, все в тяжелых доспехах, на бегу прикрылись щитами, в руках обнаженные мечи. Мрамор рассыпался осколками, в дыру выметнулась огромная ярко-красная голова дракона.

Двоे с разбегу ударились о нее, как о шлагбаум. Дракон распахнул пасть, человек исчез в ней наполовину. Я услышал только хрюк и треск сминаемых доспехов. Остальные сперва застыли в ужасе, затем кто-то завопил истошно и, бросая оружие, метнулись обратно.

Дракон выронил из пасти сплющенное тело. На пол грохнулась окровавленная груда металла, а вдогонку бегущим метнулось свирепое пламя. Крики стали громче, четверо убегающих вспыхнули, как снопы сухой соломы, я застывшими глазами смотрел, как бегут и машут руками, вместо того чтобы упасть и попытаться сбить огонь, а дракон подхватил недожеванную добычу. Послышался треск и хруст металла, словно неторопливо заработал молотый пресс по уничтожению старых автомобилей.

Я попятился, не сводя с дракона ошарашенного взгляда. Суметь прочесть заклятие не значит, что могу управлять этим чудищем. У него голова размером с холодильник, шея толстая, как нефтяная труба, а длину ее боюсь и представить...

Каких же размеров сам дракон, билось в мозгу ошалелое. Или это голова профессора Доуэля?

Пол под ногами исчез, я едва успел извернуться и ухватился за край. Под ногами бездна, я с огромным усилием втянул себя наверх, я не из тех, кто может подтянуться десять раз, с ужасом оглянулся на дыру.

Снизу донесся вопль. Я на третьем этаже, так что рухнул бы на первый. Прямо в караулку стражи, а то и еще ниже, скажем, в подвал. Но это упавшее перекрытие кого-то внизу напугало. Да и не только напугало, раздавило, надеюсь... и заодно сообщило, где нарушитель.

С сильно бьющимся сердцем я постоял под стеной, все еще в личине исчезнича, но обостренное чувство улавливает и тяжелый бег вооруженных до зубов стражей, и быструю поступь колдунов, и даже шумное дыхание этой мрази, что прячется за их спинами.

Значит, хотя крался со всей осторожностью, хотя обходил магические ловушки, однако...

Додумать не успел, до слуха донесся крик:

— Смотрите, это что?!

И сразу:

— Окружай!

— Не дайте уйти!

— Все-таки пришел, сумасшедший...

— Закройте все двери!

Еще не видели меня, но магические штучки точно указали место, где я затаился в нише. Из двух распахнутых дверей высыпало по отряду блистающих доспехами, мечами и топорами воинов, за их спинами видны кожаные латы арбалетчиков.

— Убейте! — прогремел чей-то властный окрик и тут же сорвался на визг: — Скорее, скорее!.. Убейте!

Молот выметнулся из моей ладони, как засидевшийся сокол. Затрещал воздух, призрачная стальная полоса протянулась над головами воинов до стены за их спинами. Страшный удар, дом содрогнулся, по стене пролегла неровная трещина, посыпались мелкие камешки.

Я поймал молот, швырнул снова. В комнате уже десятка два стражей, но второй удар сотряс дом до основания, посыпались камешки покрупнее, и все в растерянности смотрели вверх и поднимали локти, укрывая головы. После третьего броска из полуразрушенной стены вывалился огромный кусок и наглухо закупорил дверь.

Я бросился вниз по лестнице, на ходу швырнул молот и снова поймал, за спиной грохот, треск, отчаянные крики. Каменные глыбы перекрыли и этот проход, оставив погоню в ловушке, я сбежал по ступенькам, на ходу сбивая светильники. Густое масло растекалось широки-

ми лужами и вспыхивало с такой жадностью, словно это бензин.

Отчаянные крики раздавались со всех сторон. Я встал у выхода и продолжал кружить молотом стены. Один за одним набежали трое, я встречал их лезвием меча. Сейчас, когда все чувства обострены, я превосходил их по скорости чуть ли не втрой, так что рубился, а другой рукой ловил молот и бросал снова.

— Никакой жалости, — прорычал зверь внутри меня. — Ишь, хотел без лишних жертв... Все они, гады, виноваты!

Тяжелый грохот, могучая волна воздуха, перемешанного с мельчайшей пылью, ударили в лицо. Я поспешил выбежать через главный вход на покрытую утренним туманом площадь. За спиной верхние этажи рушатся, складываются, проваливаются, нижний холл заполнился падающими глыбами, а стены не выдержали тяжести верхних этажей, рухнули, и камни освобожденно выкатились на площадь.

На площади, несмотря на ранний час, уже немало народу, все прыснули в стороны, как тараканы, лишь один застыл, указывая на меня трясущимся пальцем:

— Ричард!.. Вот он!

Тут же раздались вопли:

— Он самый!

— Он достал Вильда!..

— Господи, да он дом в кучу хлама...

— Смотрите, смотрите, у него меч!

Меч еще блестал в моей руке, но молот смирно висит на поясе, никто и не заподозрит, что именно он — причина разрушения всего здания.

Я вскинул меч и кинул:

— Преступники наказаны! Справедливость восторжествовала!

На меня смотрели, распахнув рты, я сунул меч в ножны, свистнул во всю мочь, горожане смотрят ошеломлено,

через площадь в мою сторону начали проталкиваться трое стражников.

Я улыбнулся им, надеюсь, очень зловеще:

— Ребята, я проделал за вас грязную работу. Отыскал и наказал насильников. Вы рады?

Они остановились, таращась то на меня, то на развалины, где из-под камней пробиваются языки дымного огня. Разбирать обломки нечего и думать, в смысле, для спасения, в таких случаях не спасутся даже кошки, а то, что такое огромное здание разрушено, будто из песка, наполнило их ужасом.

Все трое переглядывались в нерешительности. Прогремел стук копыт, слышимый даже в многоголосом шуме. Толпа распахнулась, как пшеничное поле перед бегущим лосем. Огромный черный конь только что был на той стороне площади, и вот уже остановился передо мной, горячий, как раскаленная в пламени костра глыба. В глазах багровое пламя, уши торчком, а зубы оскалены, как у хищного зверя.

Толпа в испуге шарахнулась, я обнял и поцеловал Зайчика, он тыкался мягкими замшевыми губами и радостно сопел в ухо.

Я вспрыгнул в седло и крикнул громко:

— Насильники наказаны, я возвращаюсь в усадьбу Амелии Альенде. Если у кого есть вопросы, можете задать сейчас. Если вопросы появятся позже — добро пожаловать туда... Только учтите, там я сперва стреляю, а потом спрашиваю, что хотели спросить!

Зайчик красиво и страшно встал на дыбы, помолотил передними копытами по воздуху и, развернувшись на задних, пошел красивой гордой рысью в южную часть города.

Я не успел вовремя повернуть Зайчика в сторону ворот, он с удовольствием грязнул о землю копытами, три мощных прыжка — и взвился в воздух.

Высокий забор для него, что плетень для большого

пса, перемахнул, простучал копытами к дому. На крыльце возникли, будто из воздуха, два человека с мечами в руках, сразу же закрылись щитами. Следом сбежал сэр Торкилстон, крикнул торопливо:

— Все свои! Сэр Ричард, это мои старые сослуживцы: Кукушонок и Выдра.

Они опустили щиты, мечами отсалютовали со всем почтением к лорду. Лица серьезные, но у одного губы все еще черные, а на скуле следы старого кровоподтека. Второй выглядит тоже не дураком выпить и подраться, но в то же время производит впечатление и человека слова.

— Приветствую, — сказал я, — рад, что вы взялись помочь старому другу. Цену назовите сами. У нас тот случай, когда не торгуются. А теперь все в дом и за стол. Ужасно хочу есть, там расскажу новости.

Пока я выбивал пыль из одежды и сполоснул лицо, Амелия быстро приготовила обед. Кукушонок, уже освоившийся в особняке, сбежал на кухню и вернулся с кувшином вина.

Я рассказывал, торопливо глотая холодное мясо, Торкилстон выслушал с восторгом, Амелия с недоверием и страхом. Мне пришлось трижды повторить, как я разделался со всеми насильниками. Конечно, о своих способностях умалчивал, но по глазам Торкилстона видел, что навешать лапшу на уши старому ветерану не удастся, у него еще будут вопросы.

Зато Амелия верила всему безоговорочно, руки сложены молитвенно у груди, но глаза то и дело наполняются слезами.

— А Бриклайт? Он отомстит ужасно!

— Это еще посмотрим, — ответил я с некоторым беспокойством. — Мне кажется, я в прошлый визит к нему нагнал страху.

— Бриклайту? — переспросил Торкилстон с недоверием.

— А что, он считает себя богом?

— Гм, но он так долго шел, не встречая сопротивления...

— Тем более должен знать, что когда-то оборвется.

Он покачал головой:

— Это по логике. А в жизни мы видим, что у кого все удается, то будет удаваться и дальше.

— Верно, — согласился я. — Ладно, пока подождем. А что насчет мадам ля Вуазен?

Амелия покачала головой, Торкилстон сказал бодро:

— На нее можно не обращать внимания. Это дети от первой жены, а эта красотка с ними не ладила. Да и вообще увлеклась своими черными мессами, ей и Бриклайт нужен только, как крепкий шест выонку. Во всяком случае, ради этих четырех выродков мстить не станет.

Я вздохнул:

— Это хорошо. Не хотелось бы воевать с женщиной. Хоть я и верю в равенство, но все-таки...

На крыльце предостерегающе гавкнул Пес. Торкилстон мгновенно вскочил, меч в руке, когда только и успел, устремился к окну, а Кукушонок и Выдра тоже с клинками в руках встали по обе стороны двери.

Я положил ложку, воздух теплый, никакого холода, прекогния тоже спит, сложив лапки. Торкилстон сказал отрывисто:

— Какой-то парнишка! Пойду посмотрю.

— Ведите сюда, — посоветовал я. — Не стоит, чтобы ваш разговор подслушали.

— Если его отдаст ваша собачка, — ответил Торкилстон. — То-то парнишка перед нею застыл, как лягушка перед удавом.

— Скажите ей «пожалуйста», — посоветовал я очень серьезно.

Амелия подбежала к окну и с тревогой прислушивалась к разговору. Я слов не рассышал, разве что знакомое «пожалуйста» уловил, хотя Торкилстон, стесняясь, произнес его почти шепотом.

Через пару минут он ввел в комнату, держа за шиворот

рот, невысокого дрожащего парня. Не глядя на меня, объяснил:

— Собачка тоже хотела присутствовать...

— Но долг есть долг, — сказал я.

— Я об этом и сказал, — сообщил Торкилстон, — но она, по-моему, на меня за это обиделась.

— Ничего, — утешил я, — она знает тяготы нашей службы. Так кто это?

Кукушонок и Выдра остались у двери, а парень, бледный и с расширенными в ужасе глазами, упал на колени.

— Ваша милость! Я от мастера Пауэрса!

— От кого? — переспросил я.

Он торопливо выудил из кармана и подал мне на ладони массивный перстень. Я взял, повертел в лучах света. Именное кольцо с печатью, так называемая «печатка». Им мастер Пауэр скрепляет торговые договоры, понятно.

— Дальше, — потребовал я.

Он поклонился, стукнувшись лбом о землю.

— Сейчас старейшины цехов собрались на... собрание. Очень хотят, чтобы вы почтили своим присутствием.

Торкилстон насторожился, в глазах заплясали грозные искорки.

— Самому в западню?

— Не думаю, — сказал я, — что в западню.

— А что же?

Я кивнул на парнишку.

— Они сказали точно, хотят чтобы я... гм... почтил...

— С какой целью?

— Ну, например, подсказал, как жить дальше. Сами они поняли и даже сказали вслух, что «так жить нельзя», а вот как дальше... хотели бы свалить бремя решения на чьи-то плечи. Как раньше сваливали все грехи на козла и выгоняли его за город в пустыню, назвав козлом отпущения.

Он покачал головой:

— Оптимист вы, сэр Ричард. Если вздумаете идти, не забудьте проверить доспехи. Чтобы ни одной щелочки.

Я встал из-за стола. Парнишка вскочил, повинуясь моему взгляду. Он уже перестал дрожать, по его глазам я понял, что угадал насчет цели собрания глав гильдий.

— Пойдем, — сказал я, — пора с ними поговорить всерьез. А вы пока... все же бдите.

Глава 3

Народ, узнавая нас на улице, застывал, будто превращаясь в жен Лота, я чувствовал, как у них трещат от натуги мозги: за мою голову назначена награда в сто золотых, да только кто ее теперь выдаст... да и свою потеряешь быстрее, чем подойдешь к этому опасному, как дикий зверь, благородному.

Парнишка свернулся в гущу жилых кварталов, я спросил удивленно:

— Ты куда? Городская ратуша в другой стороне.

Он отвел взгляд в сторону, голос прозвучал трусливо и виновато:

— Старейшины собрались... в другом доме.

— Понятно, — ответил я.

Даже прошли проходными дворами, как подпольщики, хотя рядом широкая улица, перепрыгивали через помойки и горы мусора, пока мой провожатый не скользнул в какую-то грязную щель.

— Сюда.

Щель оказалась проходом, дальше дверь, после условного стука нас впустили, полная темнота, парнишка, вздрагивая от собственной смелости, взял меня за руку и провел в большую, богато обставленную комнату.

Все окна закрыты ставнями, опущены шторы. В комнате царит густой полумрак, но глаза в конце концов привыкнут, однако у меня они приспособились сразу, я отчетливо видел и Пауэра, и мастера Лоренса Агендера,

старейшину цеха ювелиров, и других глав гильдий ружейников, кожевников и бронников.

Ближе всего ко мне расположился в кресле грузный солидный мужчина, коренастый, с брюшком, одетый в дорогие шелка, на шее массивная золотая цепь.

Он нервно задвигался, а сидящий за ним крупный мужчина проговорил негромко басом:

- Приветствуем вас, сэр Ричард.
- И вас, — ответил я любезно, но коротко.

Никто не поднялся, чтобы зажечь свет, меня забавляло, как все таращатся в темноту, ориентируясь только на звуки. Мне придвинули стул, конечно, мимо, я взял его и, сев у стены, рассматривал их с большим интересом.

Заговоривший со мной — старейшина гильдии оружейников, крупный человек с суровым лицом, украшенным шрамами, кряжистый и жилистый, такого трудно представить ювелиром или даже ткачом, а вот оружейником — да, в самый раз.

Остальные тоже достаточно колоритные фигуры, но если у них и есть золотые бляхи их профессий, то все укрыто плащами. Даже капюшоны нахлобучили на лица, хотя и так все в полной темноте. Мастер Пауэр тоже среди них, ничем не выдает, что знаком со мной, хотя, не сомневаюсь, инициатива встречи исходила от него.

- Я слушаю вас, — сказал я с прежней любезностью.

— Ваша милость, — заговорил Лоренс, — мы наслышаны о вас со дня вашего появления в городе. Вы разогнали хулиганов, обижающих женщину, перебили дебоширов и грабителей в саду госпожи Амелии, а затем еще и... защищали ее дальше. Как могли. А преподобный отец Шкред говорил о вас только с восторгом.

- И что же?

Лоренс вздохнул.

— Вам не нравится, что творится в городе. Нам тоже. Но нам здесь жить... Однако, если попытаетесь изменить

город, мы вам поможем. Здесь собрались старейшины основных гильдий...

Я сказал с горьким сарказмом:

— Но ведь город богатеет? Не так ли? Жители довольны? Хоть и перестали ходить в церковь.

Он вздохнул:

— Да нам тоже как-то не очень важно, ходят ли в церковь. Я сам, прости Господи, как-то зашел на прошлой неделе, даже забежал, когда ливень вдруг с ясного неба... А перед этим был, когда проклятые собаки напали и негде было укрыться. Словом, нас волнует другое, ваша милость! Человек должен трудиться, создавать своими руками что-то нужное, а не стоять вышибалой на дверях публичного дома или трактира. А у нас лучшие кузнецы и ткачи уходят в эти... прислуги.

Мастер Пауэр вставил:

— Там учиться ничему не надо, что всем так нравится! Стой себе да гавкай на людей. Тараксон превращается в город бездельников, ваша милость. Вроде бы все при деле, зарабатывают, деньги в семьи приносят, а... не работают. Как люди, не работают.

Я молчал, обдумывая, на их лицах уже не тревога, а настоящее отчаяние. Гильдии, что гордились своим ремеслом, быстро приходят в упадок, терпят громадные убытки, в то время как Бриклайт, ничего не производя, извлекает громадные прибыли. Эти совсем недавно могущественные люди, отцы города, можно сказать, его экономическая мощь и становой хребет, ощутили себя униженными и выдавливаемыми на обочину, где скоро окажутся в одной канаве с нищими.

— Ладно, — ответил я, — ваши проблемы видны невооруженным глазом... Да это я так, глаза тоже можно вооружать, есть такое колдовство. И зачем вы все это мне?

Они переглянулись, и хотя сами не видят друг друга, но я чувствовал как их связывают незримые узы цехового единства. Лоренс заговорил снова первым:

— Ваша милость, нам нужна власть в этом городе. Власть, которая защитит нас, создавших этот город. Власть, которая снова вернет кузнецов в кузницы, ткачей — за их станки, кожевников и всех ремесленников — на их места. Мы должны производить товары и выгодно продавать их, а не... торговать задницами.

— Нормальное желание, — ответил я.

— Вы согласны?

— На что? — спросил я.

— Отец Шкред очень хорошо отзывался о вас, — сказал Лоренс, мне почудилось в его голосе раскаяние. — Вот уходит человек, и только тогда понимаешь, что хоть над ним и посмеивались, но мы все любили... и прислушивались. Мы хотим назначить вас бургомистром города! Здесь большинство из городского совета, так что решение вполне законно. А собраться мы можем где угодно. Мы назначим вам высокое жалованье, в вашем распоряжении будут остатки городской стражи... Вы можете их всех выгнать и набрать новых! Нам нужен бургомистр, который закроет все эти дома...

Один из старейшин сказал быстро:

— Перегиб!

Еще двое тут же подали голоса:

— Это слишком!

— Мы же не церковь...

Лоренс скривился, махнул рукой:

— Пару публичных домов оставим. Но перенесем в порт. Или к нему поближе. Это не так важно. Важнее город снова вернуть к работе и хотя бы немного отодвинуть от бесконечного пьянства.

Благодаря темноте, которая вроде бы скрывает их лица, они не скрывают эмоций: хмурятся, гримасничают, кривятся, я отчетливо видел их реакцию на любое слово, сам растянул губы в улыбке:

— Вы мне выдадите на руки решение городского совета?

Они переглянулись в темноте, Лоренс сказал нерешительно:

— Ваша милость, вы же благородный человек! Вы же привыкли верить на слово.

— Благородным, — подчеркнул я. — А среди торговых людей принято заключать договора. С пунктами о неустойке, дефолтами, непредвиденными обстоятельствами... их надо перечислить, с откатами и прочими достижениями экономической мысли.

Они посмотрели в мою сторону с уважением. Лоренс вздохнул, вытащил из-за пазухи свернутый в трубочку лист бумаги.

— На всякий случай, — сказал он, — мы все составили. Здесь предусмотрено все, уж поверьте...

— Не поверю, — ответил я скромно, — мы же деловые люди! А деловые всегда норовят друг друга облегчить, это в порядке вещей. Но я верю в другое... Все вы сейчас в отчаянном положении, будем говорить прямо. И хватаетесь за соломинку. Это я вот ваша соломинка. Если возьмусь наводить порядок в городе, а вы понимаете, что буду делать, меня уже изучили, не правда ли?.. Если возьмусь наводить порядок, то вы будете меня поддерживать всеми фибрами исходя из собственных интересов, что и есть двигатель любого прогресса и торговли в частности.

Я сунул бумагу за пазуху, поднялся.

— Не буду вас задерживать, господа. С вашего позволения, я сейчас же примусь за дело.

Торкилстон от восторга едва не встал на уши, да и Кукушонок с Выдрой смотрели на меня донельзя довольные: вовремя поступили на службу. Теперь они уже не просто у рыцаря чуть побогаче их самих, а у главного в городе.

Сэр Торкилстон мигом оседлал коня, Кукушонка и Выдру оставили бдить, а сами выехали верхами в город, поглядывая по сторонам уже хозяйственными глазами.

Дом для элитной милиции совмещен с тюрьмой, разделяет их только толстая стена. Очень практичные в городе люди: стражники, приведя арестованного, могут сразу же забежать и согреться зимой в своем, так сказать, офисе.

— Сэр Торкилстон, — сказал я громко, — постойте у входа. Если кто выбежит — рубите к чертовой бабушке!

— Сделаю, — пообещал он.

— Мы теперь власть, — напомнил я.

Он оскалился в недобойной, но все еще недоверчивой улыбке. Я взбежал по ступенькам, пинком отворил дверь и прошел через большую комнату с двумя столами и старыми колченогими стульями. Во второй комнате трое устроились на лавке, передавая один другому флягу с вином, а сам командир городской милиции Скал развалился в кресле за столом. Увидев меня, замер, как жирная мышь перед большим котом, глаза задергались в орбитах, красная рожа быстро белеет.

Я обогнул стол, чтобы до Скала дотянуться сразу, если понадобится, сказал резко:

— Ну, тварь дрожащая, ты меня знаешь.

Он пробормотал:

— Ну...

— Что? — прорычал я, подпустив в голос ярости. — Как ты сказал, тварь?

Он поднялся, бросая взгляд на своих людей, сказал нехотя:

— Знаю... ваша милость.

На лавке тихонько охнули, Скал метнул туда злой взгляд. Я сказал жестко:

— Скал, ты уволен. Хочешь уйти тихо или тебя вышвырнуть?

Он отшатнулся:

— Уволен? Бриклайт ничего не говорил...

— Бриклайт в городе не хозяин, — отрезал я. — Хозяин — городской совет. А власть в городе — это я. По поучению городского совета. Убирайся отсюда! Быстро.

За спиной послышалось движение. В глазах Скала мелькнуло злорадство. Я напрягся и, не поворачиваясь, увидел, как двое встали и, обнажив оружие, подходят ко мне со спины. Мечи у них короткие, я выждал миг, затем разом выдернул свой клинок и резко прочертил воздух стальным лезвием.

Две головы упали, срезанные умело и безжалостно. Эти пьяные олухи полагали, что подкрадутся неслышно и зарежут меня, как овицу, как бы не так, рукоятью меча я тут же ударил Скала в зубы. Послышался хруст, Скал упал в кресло, перевернулся вместе с ним и вскочил, успев выдернуть меч. Из разбитого рта стекает кровь, он закашлялся и выплюнул выбитые зубы.

В глазах ненависть.

— Хорошо, — сказал я приглашающе. — Ты ведь дворянин?.. А то вешать как-то неловко, как простого вора. Умрешь от лезвия меча...

Он опомнился, торопливо бросил меч в ножны. Кровь капает на грудь, он вытер ладонью и прошамкал:

— Я... ухожу.

— Иди, — разрешил я. — Но не просто иди, а иди, иди, иди. Ну, ты понял.

Кажется, он понял правильно. Проскользнул, сгорбившись, под стеной, роняя дворянское достоинство, исчез в дверном проходе тихий, как церковная мышь.

Хлопнула дверь, Торкилстон шагнул через порог.

— Там один выскакивал... Морда в крови. На всякий случай я его зарубил.

— Эх, — сказал я с досадой, — ну да ладно, в нашей трудной работе не без мелких накладок.

Он указал на застывшего в испуге на лавке стражника, тот страшится шевелиться, смотрит выпученными глазами, его трясет, как лист дерева на сильном ветру.

— Что с этим?

— Этот все уберет, — ответил я. — Ну, трупы, кровь, вычистит все и вылижет. Что за свинарник? Не понимаю, Европа мы или у нас свой, самобытный путь?

Глава 4

На выходе из милиции я ощутил, что ко мне сзади приближается человек. Задействовал второе и третье зрение, уже вижу, не поворачиваясь, что это мужчина среднего роста, от него несильно пахнет вином, луком и гречневой кашей, а также женскими духами, явно только что из борделя. Я ждал, готовый как уклониться от удара, так и нанести встречный.

Он остановился в двух шагах и сказал едва слышно:

— Не поворачивайтесь. Ради Бога не поворачивайтесь!.. Вы не должны видеть меня.

— Ну? — ответил я так же тихо.

— Бойтесь жены Бриклайта.

— Почему? — пробормотал я.

— Не поворачивайтесь, — попросил он снова. —

Бриклайт разворачивает нашу плоть, а она — наши души... Берегитесь ее.

— Спасибо, — сказал я едва слышно, — а почему такая забота обо мне?

— Многим, — проговорил он еще тише, — нравится жить как живем, но мы понимаем, что это недостойно... Это хорошо, что теперь вы — власть. Мы слабые, нам нужен пастух. Я пошел.

Я видел все в том же странном зрении, как он бочком соскользнул со ступеней, тихо-тихо пошел вдоль стены, изображая пьяного, вскоре пропал между домами.

Торкилстон поглядывал обеспокоенно, ничего не слышал, но догадался, что какой-то обмен словами произошел, нахмурился.

— Неприятности?

— В прошлом, — ответил я.

— Но вы озабочены, сэр Ричард. На челе у вас туча...

Я отмахнулся:

— Знаменитый трубадур Маяковский сказал: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп...»

Я подозвал Зайчика, уже в седле размышлял над словами слабого человечка, которому нужен пастух. Это

знакомо, когда вот так все понимают, но увязают в пьянстве или наркомании глубже и глубже. И не только в пьянстве, это так, для примера. Пьянство стало нарицательным, но так же может выбить человека из нормальной колеи любая чрезмерность: хоть жратвой, хоть бабами. И всегда эти несчастные надеются, что вот придет кто-то и спасет их: то ли подарит пилюли, при которых можно жрать в три горла и не зарастать жиром, то ли еще как-то все за них сделает и спасет...

К особняку Бриклайта я подъехал во главе наспех собранной городской стражи. Капитана Кренкеля застать не удалось: он с сотней всадников преследует за городом крупную шайку разбойников, ограбивших караван.

У ворот особняка охрана задергалась, я видел испуганные глаза этих толстомордых молодых мужчин, тряущиеся губы и лязгающие в страхе зубы.

— Что, — сказал я почти ласково, — это вам не чужих жен безнаказанно лапать? Страшно отвечать?

— Да мы что, — торопливо заговорил один, — мы ничего... что приказывают... а сами мы ничего... .

— Ну да, — протянул я, — исполнители не виноваты? Ладно, обойдусь без юридических тонкостей. Вернусь, всех перевешаю.

И пошел в дом, а за мной, гремя оружием и доспехами, тяжело прошел сэр Торкилстон, следом, уже тише, проскользнули с десяток городских стражей. Не перевешаю, мелькнула тоскливая мысль. Все простолюдины одинаковые, все равно кому-то и службу нести надо, не всем же быть рыцарями без страха и упрека?

Зато сами разбегутся, мелькнула другая мысль. Кто-то в самом деле из-за боязни быть обвиненным в превышении поспешит вернуться к работе кузнеца, плотника или шорника...

Вряд ли, сказал трезвый голос. В сладостный загул уйти легко, выйти — трудно. А здесь весь город надо выводить из загула.

В нижнем холле, на лестнице и в коридорах пусто, а

если где и высунется кто, то сразу же исчезает. Огромный дом похож на корабль, с которого уже убежали крысы, но корабль еще на плаву.

Я прошагал быстро через знакомые пышно обставленные комнаты, пинком распахнул дверь. Бриклайт за тем же столом, такой же грузный и массивный, но уже не железная глыба, а бесформенный мешок, даже рожа обвисла, щеки как у бульдога, под глазами мешки в три яруса, лицо серое, будто осыпанное землей.

Он поднял на меня затравленный взгляд. Я иду к его столу напрямик, и вот такое я чудовище: убил всех четырех его сыновей, но все еще не чувствую жалости.

— Все кончено, Бриклайт, — сказал я. — Я предупреждал, но ты не остановился.

Он продолжал смотреть на меня неотрывно, в глазах ни страха, ни злобы, одна пустота. Я вытащил нож, пробовал пальцем остроту лезвия.

— Бриклайт, — сказал я, — твои сыновья совершили насилие. Более того, не осознав и не возместив ущерб, готовились еще и повторить. Ты же виновен лишь в нечистоплотных сделках. За это я всего лишь конфисковую твое имущество, нажитое неправедно. То есть нажитое нечестным путем... Вернее, ты передаешь его той, что пострадала от тебя больше всего, Амелии Альенде.

Толстые кожистые веки дрогнули, глазные яблоки повернулись с таким усилием, что я услышал надсадный скрип.

— Почему?

— По праву сильного, — ответил я злобно. — Как и ты, когда отнимал у земледельцев их земли. По праву сильного! Но ты отнимал по своей воле, а я представляю закон! Сильный закон.

— Не отдам, — сказал он хрипло.

Я обогнул стол и приставил лезвие ножа к его шее.

— Вот и хорошо. Это даже очень хорошо, что отказался. Вообще-то тебя опасно оставлять живым у себя за спиной.

Он прохрипел, стараясь не двигаться:

— А что я получу?

— Жизнь, — сообщил я, — этого мало?

Он прохрипел снова:

— Жизнь... Разве это жизнь? Я и дня не проживу в нищете, выброшенный на улицу.

Я подумал, кивнул:

— Да, в вашем городе растут быстро, но политкорректность и гуманизм наступят еще не скоро. Тут же кто-нибудь припомнит обиды и сунет нож под ребро. Но есть другой вариант...

Он дышал хрипло, надсадно, лицо осталось синюшным. Я подумал насчет приближающегося инфаркта, то бишь кондравшки, отодвинул нож на пару сантиметров, но держал на виду.

— Какой... — спросил он сипло.

— В Шершессе, как мне рассказали, растет твоя внутика, — сообщил я. — Кажется, от Вильда? Хоть внебрачное дитя, но ваша кровь... Хорошенький ребенок? Должно быть, хороший, она же с вами еще не общалась... Так вот, я даю шанс уехать туда и там начать новую жизнь. Тебе пятьдесят, в этом возрасте еще можно брать новых жен и даже рожать новых детей. Но если такой охоты нет, то можно попробовать хотя бы того ребенка сделать счастливым.

Он сопел, дышал тяжело, на лбу собирались глубокие морщины.

— У меня нет денег, — сказал он. — Я все вложил в строительство... в подготовку к строительству порта.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Городу в самом деле нужен новый порт. И место выбрано отличное. Обещаю, порт появится! Но только хозяином будет эта женщина. Это ей возмещение за избиение и... вообще за все, что перенесла.

Он думал долго, я потерял терпение и приложил острие как бритвa лезвие к его артерии. Слегка нажал, кожа

лопнула с сухим треском. Кровь полилась тонкой струйкой, от артерии холодную сталь отделяет полмиллиметра.

— Постойте! — прошептал он. — Я... согласен.

— На что?

— Я подпишу все бумаги... Я уеду в Шершессу...

— Разумное решение, — похвалил я. — В тебе чувствуется стратег, что все рассчитывает правильно. Итак, приступим?

Я позволил ему встать, но, когда он шел к массивному шкафу с запертыми на замок дверцами, я держался сзади и чуть сбоку, а острие ножа приставил к его левому боку, чтобы при рывке вверх сразу рассекло сердце. Бриклайт все понимал, двигался осторожно, резких движений не делал.

Когда открыл шкаф, больше похожий размерами на гардероб для верхней одежды, там в самом деле бумаги и письменные принадлежности, но так же длинный узкий кинжал, небольшой арбалет со взвешенной тетивой и железной стрелой в ложбинке и ярко-красный шарик, что пульсирует, как живое сердце.

Лезвие моего ножа пропороло его одежду и слегка погрузилось в плоть.

— Замри, — велел я. — А теперь... очень-очень медленно... бери бумаги и чернильницу... одно резкое движение, и нож пропорет сердце раньше, чем что-то схватишь.

Он застыл, я чувствовал, как жизнь уходит из него, до этого только прикидывался сломленным, а сейчас со-крушен и раздавлен, руки дрожат. Я напрягся, готовый резко дернуть рукой с ножом вверх, и Бриклайт, тоже это ощутив, замедленными движениями взял бумаги, чернильницу с пером и повернулся ко мне.

Глаза с ненавистью обшаривали мое лицо.

— Ты... ты знал?

— Не знал, — ответил я любезно, — но люди моей профессии должны быть готовы ко всему.

— А какая у тебя профессия?

- Самая трудная, — сообщил я.
- Это какая же?
- Если отвечу, — сказал я, — то должен буду сразу же тебя убить. Согласен?
- Н-нет...
- Тогда не задавай лишних вопросов.

Он медленно шел к столу, даже слишком медленно, шкаф теперь далеко, а взять ничего не успел, я следил внимательно. Дрожащей рукой нашупал спинку кресла, сдвинул зачем-то к краю, я внимательно смотрел, как он садится, раскладывает бумаги.

Он поднял взгляд на меня, прошептал:

- Это долго... Садитесь пока.
- Спасибо, — ответил я любезно, но по его взгляду понятно, что я должен сесть вот на этот стул, потому я садиться не стал вообще, а продолжал держаться за его спиной.

— Хитрить не советую, — сказал я. — Я все еще зол. И хотя сейчас держу себя в руках, но легко могу сорваться.

Он прошептал:

— Я ничего такого...

— Вот и хорошо, — сказал я. — Меня трудно убрать, не так ли? А я достать могу любого. Так не играй со мной больше. Я не всегда играю... по чужим правилам. По правде говоря, я всегда играю только по своим.

Он взял перо из чернильницы, из груди вырвался тяжелый вздох, плечи поникли. Но прежде чем начать писать, он вновь кивнул на стул, приглашаясь сесть, писать придется долго. Ага, щас сяду. И стул не совсем там стоит, да и только дурак у противника сидет туда, куда ему предлагают сесть. У стула могут быть подпилены ножки, сиденье можно вымазать kleem, так что сядешь и не заметишь, что прилип, а со стулом на заднице сражаться непросто, особенно если высокая спинка не даст разогнуться.

Я взял стул из ряда у стены, принес к столу и сел сбо-

ку. Бриклайт смотрел ровно и вроде бы бесстрастно, но я видел, как в его взгляде метнулось злое разочарование.

А я, весь превратившись в слух, просматривал стены в том зрении, что отличает змею от человека, голова закружилась только на миг, сразу рассмотрел пару потайных ходов, а также скрытую в стене крохотную комнатку, вход прикрыт огромным гобеленом.

С треском распахнулась дверь, в кабинет влетел, спотыкаясь, заброшенный могучим пинком, мелкий серый человечек. Я узнал юриста, Торкилстон ухмыльнулся вдогонку и захлопнул за собой с той стороны.

— Вот кстати, — сказал я юристу. — Спасибо, что зашли. Садитесь, ваша подпись тоже понадобится.

Он торопливо сел, подвигал белой шеей, я заметил отпечаток пальцев Торкилстона, на меня смотрит в панике.

Я указал на пишущего Бриклайта, а сам на всякий случай как бы невзначай ногой придинул тяжелое кресло к тому месту, куда ведет тайный ход. Бриклайт, понятно, при мне туда не ускользнет, но не стоит, чтобы кто-то выпрыгнул оттуда. Ход замаскирован лучше некуда: стены поверх камня отделаны дорогим деревом, так что всякий видит только блестящую, покрытую лаком поверхность дерева. Таким ходом можно воспользоваться только один раз, потом проломленные тонкие дощечки нужно заменять новыми...

Бриклайт зыркнул в мою сторону, я показал зубы в предостерегающей усмешке. Чуть было не сказал, что вижу этот ход, как и его, насквозь, но промолчал: козырные карты держать лучше всего поближе к груди.

Он писал медленно, рука дрожит, я присматривался внимательно, предупредил:

— Все заранее предусмотренные трюки с условленными знаками... не сработают.

Он поднял голову. Юрист насторожился, спросил испуганно, но с заинтересованностью:

— Какими... знаками?

— Ну там запятая не в том месте, — объяснил я любезно, — или две подряд, вроде бы рука дрогнула... да много можно предусмотреть и договориться, чтобы власти знали, что документ составлен под давлением.

Он смотрел на меня вытаращенными глазами, челюсть отвисла, а во взгляде Бриклайта пропустило уважение, смешанное с прежней ненавистью.

Юрист задвигался, сказал нервно и в то же время с намеком:

— Если вы знаете настолько больше нас... почему не с нами?

Я молча выждал, пока Бриклайт ставил росчерк, громко крикнул:

— Сэр Торкилстон!.. Зайдите, пожалуйста...

Дверь распахнулась, Торкилстон с обнаженным мечом вырос в дверном проеме. За его спиной в коридоре тускло блестят доспехи рослых мужчин с оружием.

— Да, сэр Ричард!

— И захватите еще двух, — попросил я. — Как я и говорил, грамотных. Нужны свидетели сделки.

В кабинет с опаской вошли двое городских стражей. Они робели, еще когда заходили в дом-дворец, а здесь вовсе потеряли дар речи.

Я пригласил всех троих к столу, они внимательно прочли документ и поставили свои корявые подписи, что все состоялось в их присутствии и они свидетельствуют о свершившейся купле-продаже.

Последним подписался юрист, бледный и подавленный, он больше посматривал на обнаженные мечи стражей, чем на бумагу.

Я внимательно прочел заверенный акт передачи имущества, Торкилстон так и не вложил меч в ножны, зашел к Бриклайту со спины, грозно сопит над головой, посматривает грозно на юриста и зверски шевелит усами. Стражи застыли как изваяния, Бриклайт и юрист съежились обреченно.

— Все в порядке, — сказал я наконец. — Советую

долго не задерживаться. Не только в этом доме, но и в городе.

Торкилстон добавил хмуро:

— Это в ваших интересах. А то мы все стали такими подозрительными... Сами себя пугаемся.

Глава 5

Мы обедали в таверне дядюшки Крокуса, прислуживал сам хозяин, весь само почтение и предупредительность, слуги выныривали из кухни, чтобы пугливо поглязеть издали на новую власть. Блюда сменялись с такой частотой, словно принимали королей, но Торкилстон каким-то чудом успевал, да и я, набегавшись, чувствовал теперь постоянный голод.

Наконец пришла очередь пирога, Торкилстон откинулся на спинку кресла, в одной руке кубок с вином, рожа довольная, другую руку поднял, сжал и разжал кулак: крупный, обвитый синими венами, с шишками крупных суставов, из-за чего кулак похож на кастет, обтянутый прочной кожей.

— Как? — спросил он.

— Что? — переспросил я, не поняв.

— Вот кисть, — сказал он и положил руку на стол. — А вот вторая... Есть разница?

Я всмотрелся, сперва разницу увидел только в том, что одна правая, другая — левая, затем, присмотревшись, решил, что правая вроде бы благополучнее: меньше воевала, лучше жрала и больше отсыпалась.

— Вот эта, — сказал я, — моложе. А что?

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Вы сказали очень точное слово, сэр Ричард. Вы знаете о таких вещах?

— Нет, — сказал я искренне. — Даже не догадываюсь. А в чем дело?

Он снова сжал и разжал кулак правой руки.

— Но сказали вы очень точно, — повторил он. —

Другие находят другие слова. Не совсем верные... Словом, семь лет назад, когда я уже собрал было небольшое состояние и собирался осесть где-нибудь, купить домик, жениться на достойной женщине, лучше — вдове, случилась небольшая заварушка, где я потерял руку. Кисть отсекли начисто, не успел и глазом... Конечно, я гада зарубил и вообще всего на части, левой рукой, понятно, но правую уже не вернуть... Прижгли мне обрубок тут же головней, чтобы кровью не истек...

Он побледнел, вспоминая, скулы заострились, а в глазах простирая старая боль. Я кивнул на его руки:

— А как же?

— Повезло. Проезжал там какой-то маг. Говорят, с самого Юга по каким-то делам. Случайно увидел, как мне прижигают, то ли пожалел, то ли заинтересовался. Говорит, есть средство, но очень дорогое, это раз, а два — иногда помогает, а иногда такое с человеком делает... Тут я и сказал, что все отдаю, только бы руку вернуть! И — отдал. Все, что накопил. Без раздумий. Сразу же, еще до того, как он взялся лечить. Дурак был, конечно: Теберь бы так не сделал... Но то ли маг оказался честным, то ли мазь ничего ему не стоила, но намазал руку до локтя и велел терпеть. А потом еще трижды мазал...

— И что, — спросил я, затаив дыхание, — больно было?

Он побледнел еще больше, мотнул головой:

— Не то слово. Я весь горел... от макушки до пят. Даже кишки горели! Потом вообще терял сознание и бредил. Маг уехал, я уже думал, что такой же, как и все они, но... вскоре начала отрастать кость, потом наросло мясо... Через месяц у меня была новая кисть, новые пальцы! Все такое же, даже лучше. На старой был расплющен сустав, палец не гнулся, а в дождь ныл так, что я спать не мог, но тут вырос новенькой, чистенький, даже без шрама.

Он снова с явным удовольствием сжал и разжал кулак. Лицо посветлело, неожиданно усмехнулся:

— Но какой дурак я был! Теберь бы не рискнул... И без

руки жить можно, но тогда я считал, что лучше умереть, чем стать калекой. А он, помню, пока мазал мне, рассказывал, что искусство старой магии ослабело. И то, мол, счастье, что после гибели всех колдунов Старого Мира их чары еще как-то действуют! Но их раненые воины, которые там, на Юге, уже начинают бояться Спасения... так он называл свое лечение.

— Почему? — спросил я.

Он ударил кулаком в ладонь раскрытой руки:

— Это вот получилось удачно. Но в лечении, как он сразу предупредил, бывают ошибки... В древности могли воскрешать мертвых даже по одному обгоревшему пальцу!.. Потом магия слабела, из мертвых возвращали только тех, кто остался с целым телом... Потом уже тех, кто пролежал трупом не больше суток.

Я ахнул:

— Но это же... это и так невероятно!

— Я тоже так сказал, — усмехнулся Торкилстон. —

Он согласился, что да, теперь и на Юге так не делают. Последние сто лет мертвые остаются мертвыми. Ну, разве что труп еще не остыл, тогда удается возвратить к жизни. Или же если отсекут руку или ногу...

— Как тебе?

Торкилстон поправил:

— С той лишь разницей, что там вырастят за неделю. И без мучений. Этот маг, что меня лечил, то ли слаб оказался, то ли не все нужные мази были при нем. А еще сказал, что раньше отрубленные руки-ноги отрастали вообще за сутки. Но это если все хорошо. Волшебные вещи тоже, оказывается, стареют! А по старости иногда делают не совсем то... Одному вместо отрубленных ног отрастили руки, другой попал в пожар и сильно обгорел, ему восстановили хорошую здоровую кожу, но... волчью. Теперь он весь покрыт густой серой шерстью. Шерсть постепенно перебралась даже на лицо... Словом, на Юге, которые получили легкие раны, стараются лечиться сами. А раньше, говорят, с каждой царапиной на пальце

бегали к Спасателям!.. Так что я понимаю, почему тебя так тянет на Юг.

Я пробормотал:

— Да, руки-ноги у меня пока целые.

— Когда я был молод, тоже стремился попасть на Юг. Ради тех чудес, что там еще остались.

— А сейчас?

Он пожал плечами:

— Сейчас я не молод. Жажда чудесного поутиасла. Теперь я помню, что по дороге на Юг, скорее всего, издохнешь от чего-нить. И потому буду гнездо вить здесь.

Мы подняли кубки и молча выпили, каждый за свое, но не успел Торкилстон наполнить по новой, как в раскрытую дверь вбежал взмыленный парнишка. Огляделся, узнал нас и заторопился между столами, на ходу срывая с головы шапку и часто-часто кланяясь.

— Что еще снова... — проворчал Торкилстон.

Мальчишка остановился на почтительном расстоянии, снова поклонился. На меня смотрит с великим почтением и некоторым страхом, как на восставшего из мертвых, коротко поклонился и грозному Торкилстону.

— Простите, — сказал он ломким голосом подростка, — что мешаю обеду... но городской совет очень просит благородного сэра Ричарда соизволить изволить... ага, изволить прибыть... фу... для очень важного...

— Чего? — спросил я. — Опять?

Он отдохнул, выпалил:

— Теперь все старейшины в городской ратуше! Вы же сами велели собрать всех, чтобы сказать нечто важное... Пока не начались волнения.

Торкилстон сказал с некоторой завистью:

— Что ж, сэр Ричард... Идите брать бразды тирана. Это стоит обеда.

— Щас, — ответил я. — Быть тираном или диктатором — это всегда быть виноватым, как бы ни трудился.

А вот при демократии хоть все на свете разворуй — никто ни за что не отвечает.

Он озадаченно хмыкнул мне в спину, а я вышел на улицу, вздохнул полной грудью: пахнет морем и парусами.

А еще через четверть часа передо мной распахнули двери в тесную душную ратушу. Небольшой зал заполнен людьми, воздух спертый, значит, без меня уже назаседались, морды усталые и распаренные. Мастер Пауэр встал, приветствуя меня, встали и остальные, хотя многие с великой неохотой.

Я вытянул руки и знаками велел сесть, как наша школьная учительница усаживала нас, сказал еще с прохода:

— Я просил собраться, чтобы выработали договор с избираемым главой города. Чтобы продумали все-все, как ограничить мою власть... да-да, высшего должностного лица, но в то же время и не связывали ему руки. Это я у вас весь из себя такой замечательный, но на моем месте может оказаться проходимец... да и мне может вожжа попасть под хвост, а если у меня будет вся полнота власти — вам мало не покажется! Так что думайте, предлагайте, обсуждайте, а потом подпишем договор.

Я прошел к столу и сел рядом с мастером Пауэром. Ошарашенное молчание длилось долго, потом робко разгорелась дискуссия, пошли предложения, как их совет может ограничивать как мою власть, так и любого проходимца, который постарается захватить власти и влияния больше, чем может позволить себе отдать город, не рискуя потерять безопасность.

В конце концов почтенные граждане едва за бороды не таскали друг друга, соревнуясь в приверженности демократическим ценностям. Дебаты вспыхивали по любому поводу, страсти накалялись, я выслушивал терпеливо и все одобрял. После того как Бриклайт сумел из выбранного на должность стать тираном и диктатором с

неограниченными полномочиями, можно и перегнуть в другую сторону, иначе не выровнять. А тот, кто придет после меня, уже изберет золотую середину... Вернее, его наделят достаточными полномочиями, чтобы мог рулить, а не сидеть в кресле бургомистра декоративной куклой.

Далеко за полночь, уже под утро, когда голова начала гудеть, как церковный колокол на Рождество, я поднялся, пожелал благополучной и плодотворной работы, а сам, дескать, с ног валюсь, покинул ратушу, уверенный, что и до утра будут с жаром обсуждать статьи конституционного соглашения горожан с избираемым бургомистром, где будет четко расписано, что он может, чего нет, а где ему обязаны не подчиняться и даже препятствовать.

Зайчик встретил тихим ржанием, я обнял его за шею, поцеловал и шепнул в подрагивающее ухо:

— Завтра... Представляешь? Уже завтра взойдем на палубу и... Нет, ты не представляешь!

Он дернулся ухом и тихонько заржал, топнул копытом. Я вскочил в седло, вдруг подумал, что глаза у Зайчика что-то слишком хитрые. Возможно, он представляет гораздо лучше, что меня ждет на Юге. Возможно, он вообще знает, что и как там...

По дороге заехал в трактир, перекусил, а уже оттуда, кое-как утолив голод, направился через весь город в сторону усадьбы Амелии.

Несмотря на раннее утро, улицу впереди запрудила толпа. Стражи пытались разогнать, но прислушались и, сами потихоньку ошалев, отошли в сторону. Я прислушиваться не стал, сейчас город бурлит, объехал на полном скаку, пугая электорат, копыта бодро простучали по брусчатке. Медленно выдвинулся особняк Бриклайта, толпа у подъезда, я ощутил неладное, подъехал ближе.

На меня оглядывались со страхом, но и со странным

выражением облегчения. Я постарался придать голосу властность:

— Что случилось?

Кто-то ответил достаточно дерзко:

— Да вы, ваша милость, наверное, уж знаете! Бриклайт убит.

— Ого, — сказал я. — Что же он так... Обедом подавился?

На меня смотрели с прежним опасением, недоверием, немножко — страхом, но в то же время в воздухе витает ощущение, что город освободился от невидимой сети, накинутой именно этой рукой, что сейчас уже жертва.

На меня смотрели с ожиданием, я ведь теперь глава, все ожидают распоряжений, но я покачал головой.

— Вы что же, решили, что это я его?

В молчании старший из стражей ответил нерешительно:

— Ваша милость, это было бы только естественно...

— Нет, — отрезал я. — Я жесток, как и положено к противникам, но милостив к падшим... Бриклайт сдался! Зачем мне его смерть?

Толпа вся — один раскрытый рот. Стражник спросил осторожно:

— Это как... сдался?

Я вытащил из-за пазухи бумагу и помахал ею в воздухе.

— Вот дарственная, которую он подписал в присутствии своего юриста и двух свидетелей! Смотрите, по ней он дарит все свое имущество, которое намеревался оставить сыновьям, госпоже Амелии Альенде. Как компенсацию за то зло, которое ей причинил. А сам он намеревался уехать в Шершессу, где у него подрастает внучка, и посвятить остаток жизни ее воспитанию. Вот смотрите...

Я сунул бумагу стражнику, к нему тут же кинулись еще грамотные, начали, стукаясь головами читать текст, из толпы потребовали, чтобы читали вслух, начали

вслух, в народе разрастался гомон. На меня теперь смотрели по-другому. Убийство Бриклайта, судя по взглядам, с меня снято, зато появилось нечто, что мне очень не понравилось. На меня смотрели, как на нового Бриклайта: госпожа Амелия Альенде получила от него по дарственной все его богатство, но, понятно, что такой кусок проглотить не сможет, все равно останется в моих руках.

— Знаете, — сказал я, — не спешите меня в хозяева. Постарайтесь все же остаться свободными... хоть в какой-то мере. Эх, я что-то слишком высокопарен... Устал, наверное. В общем, вы тут разбираетесь, а мне пора собачку кормить и выгуливать...

Я повернул коня, выбирайся из окружившей толпы, и тут взгляд упал на женскую фигуру в раскрытых дверях дома. Госпожа ля Вуазен, жена Бриклайта, стоит там неподвижная, как статуя, потому я и не обратил на нее внимание, хватая взглядом только движущиеся предметы, способные нести опасность, словно лягушка какая. На бледном как мрамор лице глаза горят изумлением и лютой ненавистью. За ее спиной появился и тут же пропал огромный человек. Лица его не разглядел, но и так понятно, что это Джрафар.

Я криво усмехнулся, вот и выяснился настоящий убийца Бриклайта. Надо бы ее выдать толпе, но... у меня нет доказательств, кроме самого явного: она не знала еще, что все состояние Бриклайт успел передать в другие руки. Ну что ж, пусть живет дальше с мыслью, что потерпела жестокое поражение...

Городская стража, конечно, может заняться: ниточка есть, римское «кому выгодно» тоже налицо, так что даже здешние шерлокхолмы и комиссары мэрге сумели бы распутать нехитрый узелок и упрятать ее за решетку, но это их дело, я чувствую, что я свое закончил.

Издали услышал крик, посреди улицы несетя Кукушонок, распугивая народ, он же теперь тоже власть, прокричал издали:

— Сэр Ричард, а что насчет кораблей?
 — А что там?
 — Как только узнали о смерти Бриклайта, начали поднимать паруса!

— Пусть плывут, — сказал я, потом опомнился: — Погоди, а вдруг там какая-нибудь вредная контрабанда? Давай дуй туда. Задёржи всех для осмотра.

Он взглянул понимающее.

— Особенно придержать тех, которые собираются на Юг?.. Все понял, сделаю...

Он унесся, я проводил его взглядом и пустил Зайчика вдоль лавок, цепко высматривая среди торговцев старейшин. Надо всех собрать и заново избрать городской совет уже с учетом допущенных ошибок. Конечно, коренного перелома не будет, деньги решают все, все вернется на круги своя, придет новый Бриклайт, но хочется оставить совету какой-то противовес, какое-то орудие блокирования расползания его власти.

Зайчик посматривал с укором, я хлопнул себя по лбу.

— Ты прав, извини, извини!.. Бобик, ко мне!

Я свистнул, инстинктивно прислушался, Зайчик встрихнул гривой и пошел бодро вдоль улицы. Впереди послышались испуганные крики. Показался огромный черный пес, я не успел глазом моргнуть, как он уже рядом, почти запрыгнул на Зайчика, успел обцеловать меня, прежде чем я спихнул на землю.

Народ опасливо держался в сторонке, наблюдая, как огромное черное чудовище визжит, как поросенок, и подрыгивает на задних лапах, ухитряясь лизнуть меня в лицо.

— Все-все, — сказал я строго, — сейчас заедем к дядюшке Крокусу, хорошо и заслуженно пообедаем... Ты тоже пообедаешь с нами, а то дети разбаловали тебя, вон щеки висят, как не стыдно!

Он прыгал вокруг, как котенок, и уверял, что ну вот ничуть не стыдно, на нем нет лишнего жира, а все только мускулы и мускулы.

Глава 6

Пообедали, вернее, поужинали, добротно. Даже Зайчика не забыли: сожрал с десяток старых подков, а уж Пес в виде компенсации за те дни, когда я действовал без него, получил гуся почти целиком.

Сытые и довольные выбрались с постоянного двора. Конец сентября, ночи еще теплые, город обычно в такое время уже тихий и мирный, но только не Тараксон: с разных концов доносятся песни, музыка, голоса зазывал, вопли разносчиков вина. Притихли базары, зато распахнуты двери всех увеселительных заведений. Все будущие компьютерные клубы и прочие места отдыха пока что реализованы в виде борделей.

Я неплохо поработал, мелькнула горделивая мысль. Сверг тирана, восстановил... э-э... справедливость. И хотя демократия — это всего лишь возможность самим выбирать себе рабовладельцев, но это важная возможность!

Мы втроем двигались по ночной улице, все еще заполненной народом, кто торгует, кто развлекается, открыты все двери борделей,очных трактиров, игорных домов, шлюхи подешевле зазывают клиентов прямо в подворотни, скоро власти начнут вытеснять этот милый способ времяпрепровождения из центра поближе к порту...

Пес зарычал, вздыбил шерсть, присел. Зайчик прижал уши. Я еще не видел опасности, но ухватился за рукоять меча.

Впереди раздался топот, крики. Из-за поворота вынырнул на взмыленном коне, словно проскакал десятки миль, человек с непокрытой головой, седые волосы треплет встречный ветер, справа потемнели от крови и прилипли к голове.

Он придержал коня в трех шагах от меня, я узнал Выдру, доспех на нем посечен, кровь проступает из расколотого панциря на плече.

— На усадьбу... — прохрипел он, — напали...

— Кто? — вскрикнул я.

— Не знаю... Сэр Торкилстон и Кукушонок убиты... госпожа Амелия ранена...

— Возвращайся! — крикнул я.

Встречный удар ветра едва не выбросил меня из седла, я прижался к шее, пережидая ураган, что стих почти сразу же, Зайчик вбежал в распахнутые ворота усадьбы. Торкилстона не видно, я спрыгнул и бегом поднялся на крыльце, краем уха услышал странный стук, как будто некто рвется наружу из-под земли, но вслушиваться некогда, ворвался в дом.

Торкилстон в луже крови на полу, возле него сидит, вытирая кровь с его лица, плачущая Амелия. Увидев меня, вскинула голову, но волосы слиплись от крови и не сдвинулись.

— Умер? — крикнул я.

Торкилстон приоткрыл глаза. Изо рта медленно течет алая струйка, он с трудом сфокусировал на мне уга-сающий взгляд. Ладони зажимают огромную рану на животе, откуда, шипя, пытаются вылезти кишки.

— Я... должен был... дождаться тебя... Запомни, люди жены Бриклайта. Командовал Джраф...

Он захрипел, выполнив долг, изо рта потекла струйка крови шире, глаза стали закатываться. Я торопливо опустил ладони ему на лоб и грудь. Холод пронизал, как ледяными копьями. Меня затрясло, я стиснул челюсти, из губ вырвался стон, но из моих ладоней изливался жар, я чувствовал, как под ними затягиваются раны.

В глазах потемнело, я отнял ладони, сказал Амелии хрипло:

— Что у тебя с головой?.. Впрочем, не дергайся...

Холодок пробежал по руке и сразу растаял. Амелия посмотрела на меня расширенными глазами, вместе с небольшой раной я убрал и головную боль от удара, но тут же перевела взгляд на Торкилстона. Тот пошевелился, подвигал руками, помял живот, поднял ладони и пощупал пальцами лицо.

— Это... что?..

Донесся конский топот, крик, надсадное дыхание. Я поднялся, поймал за плечо Выдру. Холод кольнул пальцы, но тут же исчез, зато Выдра охнула, начал ощупывать себя с великим недоумением.

Я сказал быстро:

— Ты здесь освоился, помоги госпоже Амелии организовать ужин поплотнее. Побольше мяса, сыра. Все разогрейте так, чтобы как раскаленное железо...

Он послушно кивал, на лице страх, радость и непонимание. Я поднял Амелию, то же самое короткое ощущение холода, я чувствовал, как затянулись другие ее раны и ушли ушибы, она повернулась и пропала во внутренних помещениях.

Я сказал Торкилстону:

— Вставай, кабан. Разлежался.

Он, так же как и Выдра, суетливо и непонимающе ощупывал себя, стер с подбородка засохшую кровь.

— Такого я еще не видел, — пробормотал он. — Сэр Ричард... это в самом деле вы?

— Не похож?

— Да это я так, нервничаю. Все-таки теперь в ад придется...

— Не придется, — заверил я.

— Но вы же маг?

Я нахмурился:

— Знаешь, от тебя такого оскорбления не ожидал.

— Но я...

— Ладно, пойдем поедим и чего-нить выпьем. Все обошлось? А где Кукушонок?

Он не успел открыть рот, наверху раздался жуткий крик. Мы взбежали наверх, Амелия разбрасывала детские вещи, Ганс и Фриц с плачем хватали ее за руки, Скул с ревом уцепился за подол.

Фриц закричал с отчаянием:

— Да говорю же, нет ее здесь!.. Те люди увезли ее! Украдали!

Амелия остановилась, прижав к груди детское платье

ице. Глаза стали безумными. Торкилстон торопливо обнял ее, прижал к груди.

— Все наладится, — заявил он непрекаемо. — А что случилось?

Фриц и Ганс закричали в один голос:

— Адельку укради!..

— Ее схватили и унесли!

— Мы дрались, но они все равно забрали...

Амелия наконец разрыдалась, Торкилстон прижал ее к груди и гладил по голове.

— Укради, — повторил я. — Значит, она жива. Украли, а не убили. И еще... укради, сильно рискуя, я видел брызги крови на ступенях, крыльце, в коридоре и на всех стенах...

Торкилстон прорычал:

— Мы их рубили, как траву!.. Жаль, они всех своих унесли. Посчитать бы трупы... Дорого им досталась Аделька.

— Обойдется еще дороже, — ответил я. — Ладно.

Я вышел во двор, снова донесся странный стук. Я обвел взглядом двор, кусты изломаны копытами множества коней, а вон там стена дома забрызгана красным, да и земля темная от впитавшейся крови.

Пока я шел в ту сторону, стук стал слышнее. Наконец я определил, что стучат из винного подвала, отодвинул тяжелый засов.

Двери распахнулись, я едва успел отпрыгнуть от меча озверевшего Кукушонка. В посеченных доспехах, с огромным кровоподтеком на лице, он трясясь от ярости, но меч опустил и крикнул:

— Успели? Слава Богу!

— Как ты здесь очутился? — спросил я.

— Выдра послал меня за вином, — объяснил Кукушонок, он беспокойно шарил взглядом по двору, — я уже нацедил полный кувшин кельнского, поднимался на верх, как вдруг увидел во дворе чужих! Все с оружием,

орут, высакивают из дома. Я сразу за меч, мы схватились, эти молокососы совсем не умеют драться. Двоих я зарубил насмерть и троих ранил, как кто-то ударили булыжником издали, сволочи... Я рухнул обратно в подвал, только и слышал, как загремел засов. А потом только стук копыт...

Я сказал хмуро:

— Не вини себя, в подвал мог бы пойти и Выдра. Иди в дом, узнаешь новости. Ран серьезных нет?

Он сказал гордо:

— Есть работа для оружейника, а не лекаря.
— Иди в дом, — повторил я.

Выдра помогал Амелии на кухне, при моем появлении быстро перебросил пару ломтей на тарелку. Меня мучил голод, руки задрожали, когда ухватил горячее мясо, истекающее сладким соком, и поспешил впился зубами в податливую плоть.

Торкилстон ел неспешно, посматривал на меня с прежним уважением и опаской, что медленно переходили в восторг. Кукушонок сидел тихий, чувствуя себя виноватым, как будто всю схватку просидел в безопасности в обнимку с бочкой вина. Я оглянулся на бледную Амелию, она механически переворачивала на огромной сковороде ломти мяса, руки дрожат, сказал успокаивающее:

— Сэр Торкилстон, мы живы, а руки могут держать мечи. Не волнуйся, мы вернем девочку.

Амелия бросила на меня умоляющий взгляд. Торкилстон покосился на нее, покряхтел, но все-таки спросил:

— А что насчет черных месс?

Я отмахнулся:

— Да в задницу эти мессы! Пусть забавляются.

— Сэр Ричард, — сказал он и снова покосился на Амелию, — ходят слухи, что там приносят в жертву детей...

— Некрещеных, — уточнил я. — Аделька у нас крещеная, как я помню.

— Крещеная, — торопливо подтвердила Амелия.

— Ну вот, уже прошё...

Выдра хмыкнул от плиты:

— Да тем зверям какая разница? Надо успеть отбить до того, как соберутся. Кто знает, когда у них очередной сбор?

Я сказал:

— Не думаю, что ее принесут в жертву сегодня, уже светает... А до завтрашней ночи много воды утечет.

Амелия с мольбой смотрела на меня. Я проглотил кусок и, прежде чем мои зубы впились в следующий, сказал быстро:

— Никаких жертв! Никакой черной мессы.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — ответил я. Посмотрел на их лица, пояснил: — Это деловые люди. И ребенок им нужен для сделки, а не забавы.

— Какой сделки? — спросили оба в один голос.

Я прожевал, схватил еще один кусок и сожрал, прежде чем нашел силы ответить:

— Госпожа Вуазен надеялась, что все состояния мужа отойдет к ней. Для того его и убила... руками Джрафа. Но сейчас, когда все имущество Бриклайта принадлежит госпоже Амелии, ей ничего не остается, как попытаться отнять это состояние уже у госпожи Амелии.

Торкилстон смотрел на меня с ожиданием.

— И что нам делать?

— Ничего, — ответил я с хладнокровием, которого не испытывал. — Просто ждать.

Он помялся, спросил осторожно:

— И что будет?

— Пришлют весточку, — ответил я, отчаянно надеясь, что так и будет. Если уж тут пошли по рыночному пути, то будет торг, а не слепая месть, именуемая то благородной, то подлейшей, в зависимости от занятой стороны. — А мы тогда и решим, как поступить.

Амелия вскрикнула:

— Да будь оно проклято, все это состояние! Мне и то, что есть, самой не поднять!.. Куда еще и Бриклайтovo? Я и свое отдам, только бы мой ребенок вернулся целим и невредимым!

Торкилстон вздохнул сочувствуяще, я ответил с неволовкостью:

— Я даже верю, что девочку вернут в целости, если переписать все имущество на госпожу Бриклайт...

Она вскрикнула, прижимая руки к груди:

— Так сделайте это, господин! Где эта проклятая бумага, я тут же ее порву, пусть сама владеет всем...

Я отстранил ее руку, Торкилстон перехватил Амелию, она спрятала лицо на его груди и зарыдала горько и безутешно. Я сказал с неволовкостью:

— Я бы тоже отдал. Что значит имущество, когда на той стороне такое сокровище, как Аделька?.. Но нельзя давать подлецам выигрывать. Иначе мир рухнет. Победа одного подлеца окрыляет тысячи других.. Так они помалкивают и прикидываются приличными людьми, а если хоть один из них победит таким образом, тбо здесь такое начнется... Нет, зло должно быть наказано. В назидание!

— И для предотвращения, — повторил Торкилстон. — Да, это верно... хоть и жестоко.

— По отношению к госпоже Бриклайт?

Он покачал головой:

— Эту гадину я бы сам с наслаждением задушил. Но жестоко вообще... Понимаю, что нельзя вот прямо сейчас помчаться туда и порубить всех в капусту, но... все равно не понимаю, почему нельзя. Нет, головой понимаю, а душой — нет.

— Это хорошо, — сказал я, — что не понимаешь.

— Почему?

— Не все нужно понимать. Есть истины, которые нужно принимать. Да, слепо! Потому что мы — люди.

Он посмотрел на меня с великим уважением, а я скривился, услышав в своих словах какую-то великую фальшь. Или даже не фальшь, а хуже: затасканную истину.

ну, настолько затасканную, что так и жаждется либо разить, либо поступить наоборот.

Дождавшись ночи, я обошел дом, вяло казнясь, что позвал тогда Бобика, а он как чувствует, ходит следом и вздыхает так тяжело, что я не выдержал, встал на колени и поцеловал его в морду.

— Не печалься, мы отыщем Адельку.

Он вздохнул снова, в глазах глубокое сочувствие и виноватость, я погладил по громадной голове.

— Ты не виноват, это я тебя выдернул отсюда.

Послышались шаги, Торкилстон спустился по лестнице в легком доспехе, но с мечом в ножнах и двумя кинжалами на поясе.

— Собираетесь в город, сэр Ричард?

— Надо, — ответил я. — Оставляю Бобика с вами. Всякий раз, когда забираю отсюда, что-то случается.

— А вы?

— Просто пройдусь.

— Ночью?

— Во мне проснулось нечто поэтическое, — объяснил я.

— Лук не забудьте, — подсказал он.

— Зачем?

— Эльфов отгонять, — объяснил он, — всегда помогают стихи выстраивать. Лучше отстреливать сразу, чтоб свои вкусы не навязывали.

— У меня такие рифмы, — ответил я, — что тролли с воем разбегутся.

Глава 7

Амелия смотрит с лестницы, потому оба говорим беспечными голосами, улыбаемся, но потом я шел к выходу и чувствовал между лопаток ее умоляющий взгляд: спаси моего ребенка! Спаси мою девочку!..

Да и у Торкилстона в глазах нечто подобное. Похоже, пока я шатался по городу, он успел привязаться к детям.

Улицы пошли навстречу, как трещины в каменистой почве: низкие одинаковые домики, дым и чад от множества жаровен, сковородок, жаркий воздух целиком из запаха жареной рыбы, потом услышал песни, вопли и все то, что сопровождает в этом городе с первого дня.

Я напрягался изо всех сил, голова трещит, в какой-то момент ощутил боль в лобных долях и услышал там треск, словно лопнула яичная скорлупа. В носу стало горячо, успел поднять руки, на ладонь закапала кровь из обеих ноздрей.

Ночное зрение никогда не вызывает головокружения, потому что видишь все на том же месте. Просто видишь в темноте, только и всего, а вот запаховое — это кошмар... Человеческий мозг не приспособлен видеть картины прошлого, как вот я видел обычным зрением, как прошла красивая женщина и скрылась за углом, а в запаховом все еще идет в виде размытого на много сотен шагов в длину привидение. Точно так же вижу и все то, что за спиной. И эти вот реальности, накладываясь одна на другую и противореча друг другу, доводят до головокружения и вызывают судороги в животе.

Я вытащил платок и вытер нос, одновременно залечивая травмы, но продолжал обшаривать улицу и площадь всеми видами зрения и чувств. Кровь пошла сильнее, я уже готов был отказаться от поиска, здоровье дороже, как вдруг сознание вычленило некую размытую фигуру среди прочих таких же размытых, но гораздо более красочных.

Рослый человек стоит неподвижно, лицом ко мне. Похоже, наблюдает за мной давно. Я медленно повернулся и скользнул равнодушным взглядом, делая вид, что рассматриваю бродячих актеров, бредущих за разрисованной повозкой. Вот они подошли к нему, я старательно делал вид, что смотрю на актеров, но я должен увидеть его и простым зрением, должен...

...Однако не увидел. Только в запаховом некая размытая фигура, вижу как лицом ко мне, так и с боков и да-

же со спины. От этого и кружится голова, а мозг, пытаясь соотнести с привычной реальностью, грозит вообще свихнуться.

Я вытер кровь, ноги подрагивают, бросил монетку танцующему мальчишке и пошел по улице. Не оглядываясь, видел, что колдун сдвинулся и места и пошел следом, держась на том же расстоянии.

Я сделал вид, что вот прямо сейчас вспомнил что-то важное, ускорил шаг и почти побежал в направлении порта. За спиной наконец-то услышал шаги, хорошо, значит, магии недостает следить за всем, а то мог бы двигаться бесшумно...

За углом я остановился, выхватил нож и ждал. Джадфар выбежал, запыхавшись, глаза успели расшириться, когда увидел меня, но я уже нанес короткий удар ножом в живот и резко дернул руку вверх. Послышался треск распарываемой ткани. Колдун охнул, изо рта плеснула кровь, но тут же исчезла, он прохрипел:

- Ты... значит, и ты...
- Да, — подтвердил я, — тоже что-то могу...
- Ты дурак...
- Все мы в чем-то и где-то, — ответил я, — но вот ты — мертвец...
- Я... нет, а вот ты...

— Мертвец, мертвец, — подтвердил я. Я чувствовал как он старательно заживляет рану, с усилием вздернул руку еще выше, устремив острием вверх. — Попробуй заживи...

Он молчал, я чувствовал жар его тела, словно держу руку в разгорающейся печи. Сцепив зубы, я нашупал острием сердце и несколько раз вонзил острие, а потом выдернул нож, руку залило кровью до самого локтя.

В глазах колдуна промелькнуло выражение мрачного торжества, однако я с силой ударил ножом в глаз, погрузил по самую рукоять. Он страшно вскрикнул, ноги подогнулись, я не стал подхватывать труп, только погрузил

лезвие глубже, подержал, пока тело не перестало дергаться.

За спиной послышался вскрик. Двое прохожих остановились и с ужасом смотрели, как я погружаю руку с ножом в пустоту, а оттуда хлещет кровь.

— Ваша милость... что это?

— Зло, — ответил я коротко.

Джафар не двигался, я ухватился одной рукой за ухо с рубиновой серьгой, оттянул. Лезвие в другой руке мелькнуло, послышался треск распарываемой кожи, хрящей и сухожилий. Прохожие снова ахнули, на моей ладони появилось грубо срезанное ухо с дорогой серьгой.

Один сказал торопливо:

— Смотри-смотри!

Тело колдуна проявлялось медленно, словно из тумана. Абсолютно бесцветное, рыхлое, но постепенно приобретало форму, цвета и оттенки.

— Значит, издох, — сказал я. — Хорошо. Теперь последний аккорд...

Я свистнул Зайчика, вскочил в седло и через несколько минут мы остановились перед дворцом Бриклайтов.

В нижнем зале двое слуг скоблили пол. Дверь еще трепыхалась на одной петле, перекосившись, а их уже сдунуло, будто ураганом. Я прошел вверх по лестнице, в конце коридора из-за угла высунулась голова и моментально исчезла.

Не задерживаясь, я шел к кабинету Бриклайта. Ни одной магической ловушки, удар ногой в дверь... в кабинете пусто. Осмотревшись с порога, вернулся в коридор и двинулся дальше, по дороге заглядывая в комнаты.

Из дальней двери выметнулась женщина, сразу же бросилась прочь. Я удержался от крика «Стой, стрелять буду», дошел до той, откуда она выбежала, точно так же демонстративно ударил в дверь ногой.

Та распахнулась без протеста, я перешагнул порог и очутился в роскошной спальне. На той стороне комнаты

женщина спиной ко мне поправляет занавеску. Не вздрогнув, обернулась медленно, с подчеркнутым достоинством, ослепительно красивая и осознающая свою красоту и стать: тонкая талия и высокая грудь, глубокий вырез платья, что позволяет рассмотреть не только белоснежные холмики, но и края нежно-розовых кружочеков, безукоризненная линия бедер. И хотя платье, как и положено, до полу, но до чего же умело сшито: я отчетливо увидел ее без платья! Высший класс портняжного мастерства.

Она смотрела в упор, лицо породистое, я бы решил, что за ее плечами сорок поколений аристократов, если бы не рассказ отца Шкреда, что это сейчас мадам ля Вуазен, а совсем недавно была падшей женщиной из трущоб по имени Катрин Дэше и обслуживала в борделе, а то и прямо на корабле пьяных моряков.

— Приветствую, — произнесла она красивым контральто. — Вы поступили разумно, сэр Ричард.

— Надеюсь, — ответил я.

Она улыбнулась, я наконец-то увидел в ее глазах злое торжество.

— Я рада, — сказала она с одобрением, — что вы, сэр Ричард, все-таки решили последовать доводам рассудка. Разумные люди должны договариваться, а вы, как теперь вижу, разумный человек.

Я кивнул:

— Да, я тоже так считаю.

Она продолжала всматриваться с тем же напряженным вниманием, в глубине глаз мелькнуло что-то вроде опаски.

— И все-таки, благородный сэр, что-то я не слышу обвинений.

Я пожал плечами.

— Зачем?

— Зачем? — повторила она. — В самом деле, зачем? Но глупцы сотрясают воздух, обвиняя в коварстве, предательстве, нарушении клятв... хотя как я могу нарушить

то, что и не собиралась делать? Даже записанные договора можно нарушить, если потерять меньше, чем прибыли...

Я кивнул:

— Вы правы, я не из тех глупцов.

Она прищурила глаза:

— Рада. Тем выше моя победа.

— Еще бы, — согласился я. — Ты провела всех очень хитро. Даже Бриклайтов. Давно такое задумала?

Засмеявшись, она покачала головой:

— Нет, конечно. Вообще не думала. Их семья казалась абсолютно надежной и несокрушимой. Но умные люди всегда наготове и не упускают подвернувшийся шанс. Когда ты их начал убивать одного за другим, я ощутила, что могу сорвать главный выигрыш. И я сделала свой ход...

Лицо ее разрумянилось, она была хороша, очень хороша, а на меня смотрела, как на поймавшуюся в сети большую жирную рыбу.

— Здорово, — сказал я с горечью. — Ты все разыграла просто... безукоризненно. И провела всех. И сейчас на твоем лице такой восторг, что тебе даже мужчины не нужны, чтобы получить полное удовольствие... Это все от власти?

Она кивнула:

— Ты прав. Ты настолько хорошо все подмечашь, что я... гм... начинаю подумывать... а не составим ли мы идеальную пару? У меня теперь есть огромное богатство, у тебя — титул. Женщине нельзя быть одинокой в этом мире, а ты вполне, вполне...

— Для прикрытия?

Она растянула губы в усмешке:

— Милый, ты же понимаешь, что если сумела всех переиграть, то главная роль должна быть у меня!

Я подумал, спросил в удивлении:

— Но почему думаешь, что после свадьбы я тебя не удавлю? И тем самым не заполучу все твои богатства?

В ее глазах на миг метнулся испуг, затем засмеялась легко и весело:

— Нет, ты — рыцарь! Ты благороден. Ты не обидишь женщину. Вон как бросился защищать ту, что всего лишь кормила тебя обедами и, возможно, согревает постель своим телом. И меня пальцем не тронешь...

— Потому что это неблагородно?

— Да, — подтвердила она, — это неблагородно.

— Как хорошо, — сказал я с улыбкой, — иметь дело с благородными?

— Очень, — ответила она, вернув мне улыбку, — вы не бьете в спину.

Я вздохнул:

— Из-за этого рыцарство и погибнет.

Глава 8

Я с силой ударил ее в лицо. Кулаком. Голова ее мотнулась, я услышал треск. Из ноздрей кровь хлынула широкими потоками. Ее отбросило к стене, она прижала обе ладони к лицу, кровь забрызгала их до локтей.

— Ты... — прошептала она, — ты посмел...

Ноги ее подогнулись, но я не дал сползти по стене, Мои пальцы ухватили ее за роскошное платье на груди, прищепив и плоть, придержал и нанес второй свирепый удар.

Она рухнула на пол, я ударил ногой в живот. Она попыталась отползти, я шел следом и бил ногами, пока не распласталась бессильно.

— Ну как? — поинтересовался я. — Может быть, все же лучше сидеть дурой у окошка?

Она с трудом приподнялась, села, опираясь спиной о стену. Обезображенное лицо в крови, белое платье в красных пятнах, красные струйки бегут из расплющенного носа, капают с подбородка и стекают по рукам. В глазах страх и ненависть, но прошипела, как огромная змея:

— Ты... ты умрешь!.. И ребенок умрет!..

— Не умрет, — ответил я. — А вот ты — да.

— Нет, — сказала она люто, — ты кое-что забыл...

Она с трудом поднялась, ноги дрожат и разъезжаются в луже крови, но на лице исступление и такая дикая ярость, что я едва не дрогнул, но спросил как можно тверже:

— Что я забыл?

— Вот что!

Она шагнула к окну, ее рука взлетела, словно подброшенная взрывом. Горшок с геранью не свалился с подоконника, а слетел, будто сброшенный ударом конского копыта.

— Всего лишь горшок, — сказал я. — А цветы мне, бесчувственному, не жалко. Были бы розы, а то какая-то герань.

Она прошипела:

— Это был сигнал, дурак!

— Вот как? — переспросил я со злым интересом.

— Да!

— И что?

— Джадар наблюдал за окном, — выкрикнула она с торжеством. — Сейчас он уже на коне и уходит! И уже никому его не догнать и не перехватить. Ту малышку разрежут на части, понял?

Я смотрел молча, она наконец запнулась, а лютое торжество начало уступать место другому выражению.

— Ты все рассчитала, — сказал я мстительно.

— Да!

— Но не учла одно...

— Что?

— Что можешь иметь дело с еще большей сволочью, чем ты сама.

Я швырнул ей сверток, она инстинктивно поймала, но разворачивать не пришлось: толстое мясистое ухо с огромной серьгой выкатилось и шлепнулось на пол, как огромная непропеченная оладья. Побелев даже под мас-

кой из крови, она неотрывно смотрела на окровавленный кусок плоти, уже с засохшей кровью.

— Как ты сумел...

— Без труда, — ответил я.

— Врешь!

— Зачем?

— Не знаю, но врешь!

— Женская логика... А твой Джадар просто огромный тупой дурак.

— Он... в самом деле мертв?

Я пожал плечами:

— Если тебе приятнее думать, что я отрезал ему только ухо.... то я не доставлю тебе такого удовольствия.

Ее глаза смотрели на меня с ненавистью.

— Мерзавец! Ты убил лучшего мужчину на свете!

— Правда? — спросил я. — Ладно, не будем о такой мелочи. Говори, где спрятан ребенок Амелии?

Она выпрямилась, насколько ей удалось, в глазах ярость и страх сражаются с лихорадочными поисками выхода.

— Ты забыл, — сказала она торопливо, — что ребенок у нас у руках.

— Это я помню. А ты рассмотрела ухо твоего дружка? Или хочешь пощупать?

— Ты дурак... ничего не понял...

— Что я не понял? — спросил я.

Она покачала головой:

— Это не все. Там будут ждать недолго. Им заплатили всего за... несколько суток. А дальше, если не появимся, они должны убить пленницу.

Я не сводил с нее взгляда.

— И ты веришь, что убьют? Ребенка?

— Да! — выпалила она.

— Не веришь, — определил я. — Вон даже ты старалась называть ее пленницей, а не ребенком! Даже душегубы, что за грош убивают прохожего, а в пьяной дра-

ке зарежут лучшего друга, не решаются тронуть ребенка, который им не причинил зла. Но я по доброте своей могу сказать, что они сделают.

Она смотрела с вызовом, но страх в глазах разрастался.

— Скажи...

— Они будут ждать долго. Гораздо дольше, чем обещали. Потом будут долго решать, что же делать с ребенком. И в конце концов решат продать ее цыганам или бродячим артистам. Да еще выберут таких, которые выглядят добре.

Она сказала быстро:

— Это только твои предположения. Но могут и убить.

— Могут, — согласился я, — хотя это маловероятно. Но нам не понадобятся окольные пути. Ты сейчас все расскажешь сама, где ее держат, кто и сколько там людей.

Она расхохоталась мне в лицо:

— Дурак! Разве ты не выведал, что я вовсе не из благородных? Я жила на помойке, питалась дрянью, спала с пьяными моряками, только бы не умереть с голоду! Меня били почти каждый день...

Я жестоко улыбнулся:

— Тебя еще не били.

Она посмотрела на меня расширенными глазами, я едва успел отшатнуться, когда ее рука с длинными ногтями метнулась к моему лицу. Но тут же я ударил, снова ударил, а когда она очутилась на полу, поносил ее, как говорится, на носках, слушая хруст ребер.

Наконец она распласталась, как обессилевшая рыба, я услышал хриплый шепот:

— Меня били и не так... Все равно не узнаешь...

Я взял веревку и крепко связал ей руки и ноги.

— Все узнаю, — пообещал я. — Твой кумир Сатана и нас многому научил. Но мы оказались учениками способнее вас.

Амелия прижимала к груди малышку с такой силой, что едва не задушила, залила слезами, та наконец запищала и начала отбиваться.

Сэр Торкилстон, Выдра и Кукушонок, донельзя гордые, рассказывали, как они расставили городских стражников цепью, дабы никто из сволочей не ушел, а сами ворвались в убежище...

— Крови в подвале, не поверите, было до середины лодыжки, когда уходили, а наша Аделька даже испугаться не успела!

Амелия метнулась к столу и вытащила свернутый в трубочку лист бумаги.

— Вот, — сказала она, — возьмите, сэр Ричард!

— Что это?

— Это на владение всем этим участком и всеми владениями семейства Бриклайтов. Зачем это мне, когда я не могла справиться с одним садом?.. Я всегда мечтала о маленьком тихом домике на краю города. И обязательно подальше от моря.

В глазах ее были страх и надежда. Я медленно кивнул. Это и понятно, не справится, но не мог не отдать ей владения Бриклайтов как хоть какую-то компенсацию за ее боль и унижение. Да и врага лучше всего унизить именно так, отдав его богатства недавней жертве. Однако да, лучше всего купить ей хороший домик с маленьким садом, цветником и клумбами, положить достойное содержание, чтобы дети не бедствовали.

— Я не могу это взять, — ответил я.

Она взмолилась:

— Ваша милость, сэр Ричард! Вы были очень добры ко мне и моим детям. Вас даже ранили по моей вине... А теперь по вашей милости мне такое несметное состояние? Нет, я не могу... Эта бумага заверена нотариусом, что все мои владения принадлежат отныне вам. Мне гораздо спокойнее, когда это будет все вашим... мне достаточно и того, что я под вашей защитой.

Я упрямо качал головой, но трезвая мысль долбила в череп, эта напуганная женщина ну никак не удержит все это, раз уж не могла удержать и обиходить даже свой участок земли. А уж все земли, что нахапал Бриклайт и его сыновья, все дома, лавки, порт... После моего ухода хищники помельче, но числом поболе, набросятся и постараются растащить и то, что у нее было раньшее.

— Хорошо, — ответил я тяжело. — Принимаю.

Ее измученное ожиданием и подурневшее заплаканное лицо разом осветилось, словно сквозь тучу проглянуло яркое солнце.

— Благодарю вас, сэр Ричард!

В дверном проеме показался обеспокоенный Торкилстон, чем-то похож на курицу, готовую прикрыть крыльями цыпленка.

Я медленно поднял руку, Амелия поспешино сунула мне в ладонь бумажную трубку. Пальцы ощутили твердую щероховатость сургучных печатей.

Торкилстон проговорил тревожно:

— Наверное, это самое правильное. Слишком велика ноша.

Я сказал ему:

— Отыщи Марселя, старейшину цеха плотников. У него уже готовые чертежи и планы насчет расширения порта. Скажешь, что все в силе, только хозяин поменялся. Городу в самом деле нужен новый порт. Какой из меня бургомистр, если я могу, но не сделаю?

— Отыщу, — ответил он после короткой заминки.

— Второе, — сказал я, — подбери хороший дом с небольшим садом на другом конце города... в таком месте, чтобы моря не видно. Постарайся купить, только купи за деньги, а то уже вижу...

Он просиял, в голосе прозвучало веселье:

— Сделаю, сэр Ричард!.. Глаза бы мои не видели моря!

Я сделал вид, что не заметил, как он проговорился, что уже связал свою судьбу с Амелией, поднялся.

Народ толпится возле ратуши, словно именно там заезжие циркачи дают представление. Городская стража оттесняет самых прытких, что за новостями лезут прямо в здание, двое самых рослых завидели меня поверх голов, бросились навстречу.

Зайчик несет меня шагом, уши торчком, грива развеивается даже без ветра, кожа блестит, черная и блестящая, как покрытая эпоксидной смолой. Бобик благовоспитанно идет рядом, смиренный такой песик размером с пони, голова чуть ли не с башню танка, пасть распахнул, ему, видите ли, жарко, на солнце горят острые кинжалы зубов, а глотка будто раскаленная печь...

Мы проехали в людском коридоре, Зайчик и Пес остановились у входа, меня поспешил встретил у самого входа сияющий Марсель, торопливо кланялся, я похлопал по плечу и прошел за ним в главный зал.

Сорок старейшин походят на разгневанных присяжных, которым нужно решить, к какой казни приговорить, но я не дал поймать себя в сети планов постройки грандиозного порта и расширения города, заговорил первым:

— Приветствую, почтенные! К великой скорби и в глубоком смущении должен сказать, что на рассвете я буду уже на палубе корабля. Это я к тому, что бургомистром никак не могу оставаться. Вы уж проведите достойные выборы и, как мы уже говорили, выработайте механизмы связывания рук слишком энергичному мерзавцу во главе городского совета. Меня, к сожалению, труба зовет...

Они переглянулись, а Пауэр, как самый почтенный и пользующийся авторитетом, выступил вперед, поклонился:

— Сэр Ричард, у нас все-таки остается надежда, что вы останетесь другом нашего города. Вы для него сделали так много! Мы вчерашнюю ночь и сегодня весь день вырабатывали планы, каким городу быть, чуть не перепрдрались... но в одном сошлись все: собственными сила-

ми мы бы не справились, увы. Если бы не вы, сэр Ричард... К сожалению, семейство Бриклайтов дало городу не совсем то благополучие, которое мы одобляем. И церковь тут ни при чем, просто наши взгляды совпали...

Он запнулся, словно сам удивился, при чем здесь церковь, а Марсель торопливо пришел на помощь:

— Словом, городу нужен лорд и покровитель! Сэр Ричард...

Я помотал головой:

— Я уже сказал, завтра упльываю.

— Мы знаем, — сказал Марсель невесело. — Но все-таки городской совет час назад принял решение о присвоении вам звания бургграфа. Это единственное звание, что может давать город с одобрения всех цехов и организаций. Мы никогда и никому... и даже не думали, что сами поступимся такой властью, но вы, сэр Ричард...

Он говорил еще что-то, остальные слушали в почтительном молчании, я лихорадочно вспоминал, что же такое бургграф, его вроде бы назначает император или король из знати для управления городами. У бургграфа полная административная, военная и судебная власть, потом города обрели самостоятельность и получили право сами выбирать себе бургграфа... однако что-то не помню, чтобы им пользовались. Все предпочитают избирать не бургграфов, а бургомистров. Чтоб из простого люда и чтоб на короткие сроки.

Я пожал плечами:

— Вы хорошо обдумали?

Марсель хитро улыбнулся:

— Мы торговые люди, сэр Ричард. Обдумали, взвесили и пришли к выводу, что эта сделка даст нам неизмеримо больше, чем отнимет. По сути, вы уже и так почти хозяин города, ибо в ваших руках вся земля вокруг бухты! И новый порт вы решили строить очень своевременно. Как человек действительно благородный, властью не станете пользоваться во вред городу, а город обретет могучего защитника. Мы повесим ваш щит над городскими

вратами! Всякий въезжающий будет знать, под чьей защитой город и принадлежащие ему земли. И поймет, что ваш меч настигнет любого, кто попытается захватить власть.

Мастер Пауэр добавил:

— Неважно, как захватить: силой или выборами.

Марсель кивнул:

— Уместное уточнение, мастер Пауэр. Сэр Ричард защитит в обоих случаях. Как уже защитил.

С шумом и гамом старейшины повалили из ратуши на площадь. Плотники уже подновили возвышение, а для торжественного случая покрыли красным полотном.

Меня чуть ли не под руки возвели повыше, глашатаи прокричали о новом постановлении городского совета, народ ликующе орал и бросал в воздух шапки.

Среди наблюдающих за церемонией яглядел группу моряков с капитаном Яргардом. Все почти трезвые, то ли пропившие все-все, то ли морской закон велит утром выходить в море только с ясной головой.

Яргард перехватил мой взгляд и поклонился, разведя руками в жесте сильнейшего удивления. Мол, собирался везти за море убегающего от каких-то преступлений бродягу, а увезет самого бургграфа. То ли еще будет, сказал я ему взглядом. Путь через океан... неблизкий.

Рядом с капитаном Иварт, боцман, послюнил указательный палец и вскинул вверх. Сердце мое дрогнуло: так готовые к отплытию моряки определяют направление ветра. Он посмотрел на меня внимательно, в глазах я увидел вопрос.

Вдруг шум толпы перекрыл грозный топот множества подкованных коней. Со стороны городских врат в нашу сторону несется, замедляя бег, сотня хорошо вооруженных всадников. Во главе капитан Кренкель, усталый и покрытый толстым слоем пыли.

Им дали дорогу, Кренкель подъехал к самому помосту. Марсель поманил его пальцем, Кренкель покинул седло и взбежал по ступенькам к нам. Я все время чувств-

вовал на себе его настороженный взгляд, вряд ли понравится оказаться под рукой сильного лорда. Лицо суро-вое, раздраженное, но я больше насторожился, когда губы капитана раздвинулись в иронической усмешке, а глаза блеснули, будто увидел меня с расстегнутой ши-ринкой.

Я поинтересовался негромко:

- И что вас так развеселило, капитан?
- Да так, — ответил он чересчур равнодушным то-ном, — вспомнил что-то... веселое.
- Что? — спросил я с растущим подозрением.
- Да вдруг подумал, а удобно ли было с каменным кинжалом в заднице? Кстати, глубоко его святой Мартин загнал?

Лицо его оставалось серьезным, только в глазах поблескивала издевка. Я буркнул:

— Капитан, вы... того, больше за порядком следите, чем за задницами. Особенно, вышестоящих и облече-нных народным доверием лиц. Я за время вашей беготни за шайками вне стен города упразднил отдельную охрану городского совета, то бишь милицию. Все виды охраны лягут на ваши плечи. Не до хи-хи будет.

Он посерезнел. На этот раз посмотрел, как воин на лорда, за которым уже идет в бой.

— Слушаюсь, сэр бургграф!.. Пока слишком далеко не разбежались, я отберу лучших и возьму в городскую охрану.

— Действуй, — сказал я и добавил ехидно: — Не спи.

Он отсалютовал, спрыгнул с помоста прямо в седло своего коня. Его окружили всадники, он сразу же начал давать распоряжения, трое начали поспешно выбираться из толпы.

Я повернулся к Марселю, улыбнулся Пауэру, пожал руку Югарсону.

— У вас много дел, а мне... мне пора подготовиться к отъезду. И попрощаться с госпожой Амелией. Еще уви-димся!

Он не успел ответить, я поспешил, подражая Кренкелю, спрыгнуть с помоста в седло. Зайчик тихонько ржанул, уже пару минут как оттеснил народ, едва услышал тихий свист, я похлопал его по шее, и мы начали выбираться из толпы.

На этот раз, осмелев, к нему тянулись, хлопали по крупу, гладили бока. Даже страшного Пса кто-то решил коснуться, а потом громко бахвалился своей невиданной отвагой.

Глава 9

Зайчик остался во дворе, Пес решил поиграть с детьми, а я бегом поднялся в свою комнату. Сердце стучит в радостном возбуждении: все кончилось, собирай вещи, растяпа, постараися больше ни во что не вмешиваться, всем не напомогаешься...

Золота со мной не так уж и много, но в океане «копалка» бесполезна... наверное, зато в седле защиты крупные алмазы, рубины да и сотня золотых монет на всякий случай, должно хватить.

Доспехи надену, молот на пояс, лук за плечи, меч и кинжал тоже не оставлю, как и этот пояс... В черепе снова шелохнулась мысль, которая уже приходила раньше, но не до того было, а вот сейчас, когда гора с плеч... я держал пояс, потом сел и начал рассматривать и ощупывать уже с учетом опыта, полученного при случайном открытии свойств «браслетов», идиот, даже сейчас краснею, как вспомню такую дурость, вроде бы и не я тогда был...

Пояс состоит из металлических пластин, никаких подкладок из кожи, только плотно сцепленные звенья, размером и формой похожие на зажигалки. Звенья и широкая пряжка, похожая на маленький щит, — ничего больше. Пряжка служит, как можно догадаться, дополнительной защитой пузу.

Я крутил так и эдак, слишком уж прост этот пояс, а

судя по его весу и той угадываемой тщательности, с которой сделан, ну просто не может быть таким простым. Микроскопом не забивают гвозди, а высокие технологии не привлекают, чтобы сделать простую миску. Разве что эта вещь должна выглядеть простой миской. Или простым поясом.

На месте любого человека этого мира, даже мага, я повертел бы этот пояс и отложил в сторону. Или надевал бы как добротный пояс. Но я в своем «срединном королевстве» не раз попадался в магазинах, кафе или у киоска, когда вертел в руках и не мог открыть коробочку с мороженым, конфетами, печеньем или пепси-колой, а какая-нибудь пятилетняя мальвка с ехидной усмешечкой показывает мне, взрослому дяде, что вот тут нужно всего лишь нажать пальчиком. И, присмотревшись, вижу в самом деле крохотную надпись «Push button», совсем затерявшуюся среди подробных сведений о калориях, жирности, витаминах и предупреждений, что и от этого толстуют, а также подробных адресах фирмы, завода и акционерах.

Каждая фирма изощряется, упаковывая так, что мозги свихнешь, пока сообразишь, как на этот раз открывается бутылка с кефиром. А здесь нутром чую, пояс не может быть просто поясом. Либо все эти толстые звенья внутри что-то хранят, как внутри патронов — порох и пули, либо что-то еще хитрое...

Я щупал, щупал, щупал, пробовал разные комбинации, приговаривал тихонько команды и приказы, даже повеления, надавливал и нажимал, уже собрался отложить до лучших времен, как вдруг десяток звеньев, нет, меньше, слились, словно растопленный воск, образовав трубку не длиннее ладони. На моих глазах по всей длине трубки осыпался верх, будто от ржавчины, теперь не трубка, а желоб, а в нем тускло поблескивает металлом похожая на исхудавшую авиабомбу стрела во всю длину желоба. Нет, на ракету похожа еще больше, вот даже стабилизаторы...

Остальные звенья так и остались звеньями пояса, даже почудилось, что пояс не укоротился. Я таращил глаза ошарашенно, в черепе тайфун и ощущение дежа-вю, уже подобное видел, но никак не могу вспомнить. Похоже, один из предков Валленштейна, вручив мне в дар абсолютную память, имел в виду, что буду помнить все, что случится, но не имел в виду, что вспомню то, что когда-то видел...

В мозгу сверкнуло как молния: подобную стрелку видел в руках Ланселота, еще когда простолюдином прибился к отряду, что вез моши Тертуллиана! Только у Ланселота чуть крупнее, да и лежала тогда в ложе настоящего арбалета...

Арбалет? Но где же дуга, без нее нет арбалета... С великой осторожностью повертел штуку в пальцах, ни разу не направив остирем в свою сторону, даже опытные охотники иногда почему-то нажимают курок, когда заглядывают в дуло собственного ружья, но я человек осторожный, времени же не жаль, был бы результат...

За дверью загремели шаги, я узнал тяжелую поступь сэра Торкилстона, но с ним идет еще кто-то, незнакомый. Я поспешил опустил свой конструктор на ложе и бросил сверху плащ.

Дверь распахнулась, на пороге Торкилстон, из-за его плеча выглядывает человек, лицо которого показалось знакомым. Он заулыбался, а Торкилстон сказал неохотно:

— Вот, прибыл... говорит, срочно!

Сенешаль обошел его, как скалу, отвесил легкий поклон.

— Сэр Ричард... э-э... сэр бургграф, корабль поднимает паруса. Начинается мистраль, он домчит по прямой до самого Юга. Отплываем на рассвете.

Торкилстон спросил:

— Задержать, пока соберетесь? В вашей власти весь порт...

— Возвращайся на корабль, — сказал я торопливо

Сенешалю, — скажи Яргарду, не замедлю... Впрочем, думаю, на корабле буду раньше тебя.

Моряк отсалютовал и исчез в коридоре. Торкилстон вздохнул:

— Неужели... все?

— Не думаю, — ответил я. — Гора с горой... Сэр Торкилстон, не в службу, а в дружбу: отыщите мою собачку!

Он невесело улыбнулся:

— Может, пусть останется?

Сам засмеялся, исчез за дверью. Я схватил плащ, набросил на плечи, трубку торопливо разобрал и присоединил к остальным звеньям, а полученный пояс застегнул, чуть подтянув живот.

Когда спустился на первый этаж, дети все еще боролись с Псом, стараясь завалить на спину и покусать за пузо, а он поддается только до последнего момента, а там вывертывается, и все четверо с разочарованными воплями набрасываются снова. Торкилстон и Амелия пытались их утихомирить, но Бобик отозвался только на мой неслышный свист, подбежал и бухнулся толстым задом на пол. В карих глазах неистово горит нетерпеливое ожидание.

— Угадал, — ответил я на молчаливый вопрос. — Собирай вещи! Да побыстрее, а то не успеем.

Пес ошалело заметался по комнате, потом сел передо мной, высунув язык, в глазах обида: ну и шуточки у тебя! Я обнялся с Торкилстоном, поцеловал Амелию и всех детей, велел передать пожелания Выдре и Кукушонку, заставил взять деньги: все-таки друзей нанимал за плату, и хотя они и так бы помогли, но теперь, после победы, лорд-победитель просто обязан поделиться добычей.

Торкилстон ошалело смотрел на горсть драгоценных камней:

— Это же целое состояние...

— Пригодится, — коротко сказал я. — Все, мне пора.

Они проводили меня до крыльца, там нетерпеливо ждал Зайчик, веселый и потряхивающий гривой.

Уже в седле я виновато развел руками:

— Простите, какое-то сумбурное прощание... Но надо спешить! Не поминайте лихом!

Луна еще висит в светлеющем небе, как алмаз горит Венера, именуемая здесь Люцифером, но уже тянет на встречу утренняя прохлада, настоящая на свежести моря и сдобренная ароматами водорослей.

Пес бежит впереди, как иноходец, старается выглядеть солидно, а то если вскачь, то покажет, как распирает щенячья радость. Мне кажется, он стремится попасть на Юг больше, чем я. Зайчик идет красиво и гордо, огненным глазом косится на церквушку, где я так часто видел отца Шкреда, а дальше от церкви дорога поведет нас по прямой в порт...

Я нарочито сделал такой крюк, хотя мог бы в порт по прямой, но теперь это мой город, я успел сделать для него так мало, но что-то успел, и хочу напоследок запомнить его, вряд ли когда-либо увижу...

Печаль коснулась сердца, я стыдливо оглянулся по сторонам и тихонько перекрестился, как какая-то богохульная старушонка. Никогда в жизни не крестился вот так, без посторонних глаз, я же атеист, а сейчас суетливо подвигал щепоткой у груди только из чувства вины перед отцом Шкредом и желания сделать хоть что-то, что ему бы понравилось.

Пес замедлил бег, морда кверху, ноздри жадно хватают воздух. Зайчик тревожно ржанул, волна холода нахлынула и окатила меня с головой. Пальцы сами оказались на рукояти молота, сердце сжалось в ужасе, словно лечу в бездну.

Я сейчас в полном доспехе Арианта, за плечами лук, со мной мои молот и меч, однако чувство беспомощности ударило с силой поезда.

В десятке шагов впереди возник светящийся столб, на миг показалось, что это свет, потом — некий кристалл, но края подобно полотнищу колышутся под неизримым ветром.

Я замер, хватаясь то за меч, то за молот. Сквозь странную ткань выметнулось темное тело, я не успел даже увидеть, медведь или гигантский тролль, как Пес стремительно бросился навстречу.

От встречного удара вздрогнула земля, будто столкнулись два исполинских астероида. Оба сцепились и покатились по земле, а следом из призрачной ткани выбросило гигантскую змею, туловище не меньше нефтепроводной трубы, а голова размером с сундук.

Я торопливо выдернул меч. Ткань затрещала, гигантская трещина разорвала ее надвое, вышел с топором в руке и щитом в другой огромный человек с черной ассирийской бородой.

— Твоя дорога закончилась, Ричард, — сказал он.

Я спрыгнул с коня, как ни странно, темный ужас испарился. Зайчик тут же ринулся на гигантскую змею, Пес рычал и дрался с темным чудовищем, а я поднял меч. Адальберт набежал, ударил, я не успел парировать, плечо взорвалось от дикой боли, хрустнула перебитая ключица.

— Сволочь, — прохрипел я и, перехватив меч другой рукой, начал наносить удары.

Адальберт зло расхохотался. Лезвие моего меча высекает искры о его щит, а мне удары топора отражать нечем, щит остался на коне. Я старался двигаться с наибольшей скоростью, начал парировать все его удары, но мои попытки напасть Адальберт отражал легко, злая ухмылка не покидала его лица.

— Пришел твой... час, — процидил он сквозь зубы.

— Или твой, — ответил я.

— Это еще не все, — сказал он с ненавистью. — Еще не все...

Он отпрыгнул, быстро вскинул руку к небу. Слов я не понял, но исполинский столб, что уже не свет и не ткань, затрещал, будто звездные ладони крошат айсберг, колыхнулся и разлетелся на мельчайшие осколки. Сквозь них выплыло, держась над землей, как на воздушной по-

душке, нечто огромное, словно авианосец, ощетинившееся зубами, когтями и клыками.

Холод пронзил меня насквозь, как стрелы пробивают лист дерева. Я с трудом отбивал удары Адальберта, боль пронизывает от головы до пят, а создание Тьмы выплыло целиком и, остановившись между заброшенной церковью и нами, медленно развернулось в мою сторону всеми клыками.

— Трясешься? — процедил Адальберт с ненавистью. — Я всю жизнь посвятил, чтобы вырастить Призрачную Щель. Не думал только, что применю против такой мелочи...

Я молчал, дыхания — только удерживать в слабеющих руках меч, отступал шаг за шагом. Адальберт наслаждался, лицо кривилось в злобной торжествующей гримасе.

— Вот и пришел твой конец, раб, — проговорил он.

Я видел, что он готовится нанести завершающий удар, регенерация не спасет, но мои пальцы вот-вот расцепятся на рукояти меча, а тут еще Тьма сдвинулась с места и пошла на меня. При ее размерах захватит не только Пса, Зайчика, но и половину города...

Сверкнуло, внезапный нещадный свет охватил весь мир. Я завис в сверкающем облаке, где нет неба, земли, ничего вообще, кроме этого чистого первозданного света. Я торопливо проморгался, стою там же, а из прежде темного входа в церковь бьет, как из прожектора, ослепительно радостный свет.

С треском, как при сильном лесном пожаре, корчатся и сгорают лохмотья овеществленной Тьмы, Пес с победным рыком треплет шкуру своего противника, арбогаст злобно вбивает в землю шкуру исполинской змеи, а передо мной пошатывается бледный Адальберт с расширенными в страхе глазами.

— Власть поменялась? — прохрипел я обугленным ртом и обрушил на него удар меча.

Адальберт инстинктивно закрылся щитом. Лезвие

легко прошло через потерявшие чары железо, рассекло плечо и грудь. Он вскрикнул и, выронив топор, ухватился обеими руками за жуткую рану.

Свет втянулся в церковь, как живое существо, дверной проем вспыхнул напоследок золотым огнем, и снова там темно, мирно и загадочно.

— Спасибо, — шепнул я, — спасибо, отец Шкред...

Адальберт упал, пытался подняться, но руки подломились, рухнул вниз лицом. Я подошел с поднятым мечом, он с усилием перевернулся на спину.

— Бей, сволочь...

Я поднял меч:

— Это ты сволочь. А я — паладин! Во мне столько благородства, что самому противно.

Он закашлялся кровью, красные струйки залили подбородок, однако ненависть в глазах полыхает с той же силой.

— Благородно? А что с леди Элинор сделал, сволочь?

Я задержал меч на взмахе:

— Я? Осуществил ее мечту, выдал замуж за герцога Валленштейна. А вот ты убил достойного человека.

Из его рта текла струйка крови, он то и дело выплевывал, кашлял, но выдавил со злобой:

— То был вор!.. А Кристалл нужно было вернуть хозяйке!

Мой меч уже пошел вниз с нарастающей скоростью, но в последний миг лезвие глубоко вонзилось в землю рядом с шеей Адальберта.

— Хозяйке? Врешь!.. На последнем вздохе не врут... А тебя либо обманули, либо сам... потому что, как я слышал, леди Элинор продляла тебе жизнь. Так?

Он ответил хрипло:

— Так... Но теперь все равно.

— Почему? — поинтересовался я. — Леди Элинор жива. Кстати, она уже не враг мне. Как и я ей. Так что ты... живешь вчерашним днем. И даже если, будучи женой герцога, и прекратит заниматься черным колдовств-

вом, продлить жизнь, думаю, сможет. Даже церковь не скажет слова против. Ну, как мне кажется.

Кривая улыбка изогнула его чувственные губы.

— Ты дурак или прикидываешься?.. Сделай милость, убей сразу. Вон уже кружат...

В небе два призрачных стервятника, красиво раскинув зубчатые крылья, описывают круги все ниже, укрупняются в размерах, наливаются ощутимой хищной плотью.

— Ты не мог победить, — сказал я, — потому что не мог просчитать, что сделаю в следующий раз. Верно? Вот и сейчас ни за что не догадаешься.

Я опустился на одно колено, лезвие клинка приложил к его обнаженному горлу, а ладонь другой руки опустил на грудь. Холод вошел в мое тело и тут же рассосался, растаял, это не моего Зайчика лечить или Бобика, я выждал чуть, поднялся.

— Успеешь, — сообщил я, он все еще лежал на спине и прислушивался к своим ощущениям. — Думаю, добежать успеешь.

Он закашлялся, разбрзгивая изо рта уже не кровь, а слюни.

— Лучше убей, — прохрипел он, — тебе повезло...

Я оглянулся на церковь.

— Это не везение.

— Рази...

Я снова прикоснулся кончиком меча к его горлу и с мстительным наслаждением увидел как сразу же из распоротой плоти потекла темно-багровая струйка.

— Хочу, — признался я, — но, увы, надо смирять в себе такое.

— Почему?

— Не знаю, — ответил я. — Какой-то великий смысл, но пока не уловил. За углом зарезал бы, как овцу... но на пороге церкви... как-то не совсем красиво. Отец Шкред смотрит... Да, конечно, он все равно смотрит. И потому...

Он с трудом приподнялся, стер засохшую корочку крови с разбитых губ.

— По...чему?

— И еще... — сказал я медленно, — не поверишь, но ты единственный в этом городе, кто жаждал убить меня не ради денег. Тобой двигала верность леди Элинор, а остальные же... как богомолы, пауки и прочие безмозглые насекомые, что из жадности... Потому и я их... без жалости.

Пес подошел, вылизывая на ходу шерсть, Зайчик подбежал на свист. Я запрыгнул в седло, он красиво встал на задние, помолотил в воздухе могучими копытами, и мы понеслись в порт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	77
Глава 12	87
Глава 13	98
Глава 14	106
Глава 15	112

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	120
Глава 2	128
Глава 3	136
Глава 4	142
Глава 5	153
Глава 6	160
Глава 7	169
Глава 8	176
Глава 9	183
Глава 10	190
Глава 11	195
Глава 12	202
Глава 13	210
Глава 14	218

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	224
Глава 2	229
Глава 3	237
Глава 4	243
Глава 5	251
Глава 6	260
Глава 7	270
Глава 8	277
Глава 9	285
Глава 10	294
Глава 11	303
Глава 12	309
Глава 13	318
Глава 14	327

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1	336
Глава 2	345
Глава 3	354
Глава 4	361
Глава 5	369
Глава 6	378
Глава 7	385
Глава 8	391
Глава 9	401

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — БУРГГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Г. Клочкова*

Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использован рисунок *П. Трофимова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksмо-канц.ru e-mail: kanц@eksмо-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 18.08.2006.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 40 000 экз. Заказ № 4144.

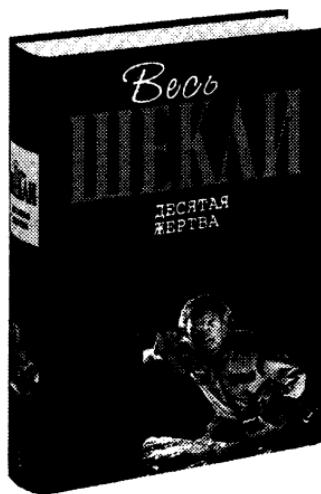
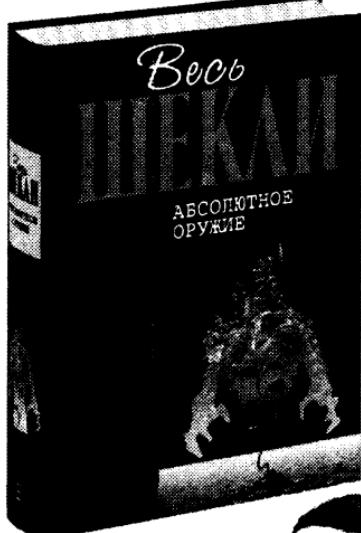
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

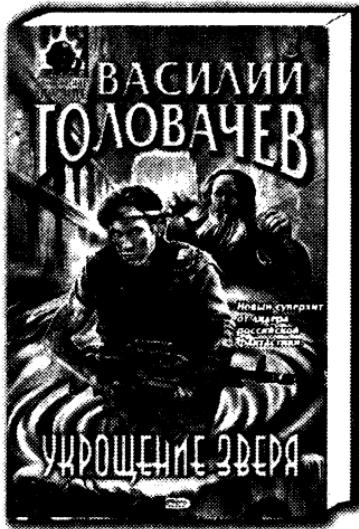

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новый роман
«Укрощение зверя». Завершающая
третья часть цикла «Евангелие от зверя».

Василий Головачев входит в пятерку
самых известных и продаваемых авторов
отечественной фантастики.

Суммарные тиражи его книг
превышают 18 миллионов
экземпляров!

www.golovachev.ru

www.eksma.ru

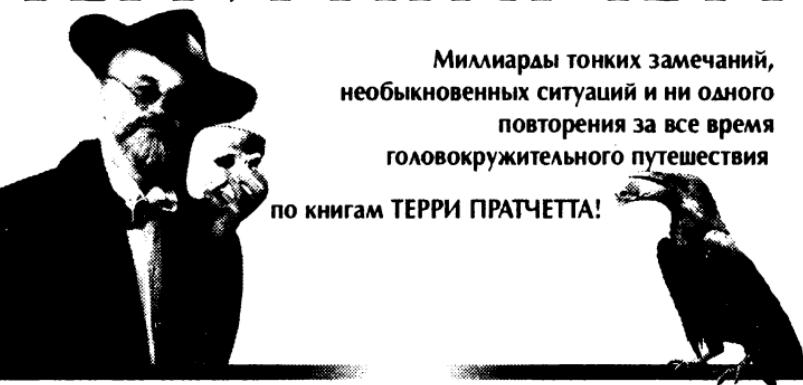
Новая книга Василия Головачева
заканчивает один из
самых известных трилогий
«Укрощение зверя»

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР ТОНКОГО ЮМОРА И ГЛУБОКОЙ ИРОНИИ

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Миллиарды тонких замечаний,
необыкновенных ситуаций и ни одного
повторения за все время
головокружительного путешествия

по книгам ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА!

«Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся
и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир
понимаемым в его задачу не входило»

Из романа «Мор»

«Кольчуга не слишком защищает от стрелы, особенно если та
нацелена вам между глаз».

Из романа «Дамы и Господа»

« – А кто такой философ?

– Тот, у кого хватило ума подыскать себе непыльную работенку,
не связанную с подъемом тяжестей».

Из романа «Мелкие боги»

КАЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ТОЛЬКО ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ЦЕНИТЕЛЕЙ ЖАНРА

<http://pratchett.info>

www.eksmo.ru

ISBN 5-699-18130-X

9 785699 181308 >

Финч@рд

Длинные Руки —
бумраф

